

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

ЗАПОВЕДНИК
СМЕРТИ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

ЗАПОВЕДНИК
СМЕРТИ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1996

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

ЗАПОВЕДНИК
СМЕРТИ

ПОВЕСТИ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

ББК 84.Р7

Г61

Серия
«Классическая библиотека
приключений и научной фантастики»

Художник В.В. Петелин

© В.В. Головачев, 1996

Художественное оформление

© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

© Торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

ISBN 5-218-00169-4

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

ЗАПОВЕДНИК СМЕРТИ

ПОВЕСТЬ

Пролог

ФАКТЫ МИНУВШЕГО ДНЯ

ПАРАКАС, ШОЧИПИЛЬЯ

В понедельник тринадцатого августа в десять часов утра в Шочипилье, по улице Уанкавелика, огибающей Президентский дворец с тыла, двигался длинный белый автомобиль — «линкольн» выпуска восемьдесят седьмого года.

За рулем машины сидел плотный крупнолицый человек в строгом сером костюме сотрудника комиссариата внутренних дел. Он то и дело поглядывал в зеркальце заднего вида и, казалось, решал какую-то задачу.

Наконец он принял решение, остановил машину и хотел выйти, но сомнения вдруг охватили его с новой силой, заставив около двух минут взвешивать цель приезда.

Полицейские в белых касках, охранявшие второй вход на территорию дворца, переглянулись. Один из них положил руку на приклад карабина и медленно направился к машине. Дальнейшее произошло в течение минуты.

Из-за поворота Уанкавелики к площади Оружия вынеслись две автомашины: черный «мерседес» и серый «шевроле», в несколько секунд преодолели расстояние до «линкольна». Раздалась pistolетные выстрелы и автоматные очереди. Водитель «линкольна» открыл стрельбу раньше, ухитрился убить водителя «мерседеса» и пробить переднее колесо

«шевроле». Обе машины столкнулись, и хотя сидевшие в них люди были профессионалами и продолжали стрелять, все же заминка позволила владельцу «линкольна» объехать место аварии и устремиться прочь. Его машина была буквально изрешечена пулями, но сам он казался заговоренным. В то же мгновение навстречу из-за поворота ограды дворца вывернулись еще два автомобиля, такие же, что и первые, сцепившиеся бортами. Автоматные очереди залаяли с новой силой.

«Линкольн» резко вильнул вправо и врезался в чугунную узорчатую ограду резиденции Отца страны. Удар. Фейерверк осколков лобового стекла. Водитель невероятным кульбитом перелетел через острые наконечники вертикальных прутьев ограды, но остался цел и невредим. Приземлившись на ноги, как заправский гимнаст, господин в сером бросился бежать по газонам дворца с такой быстротой, какую не показывают даже спринтеры на соревнованиях, но автоматный огонь был слишком плотен — сидящие во всех четырех машинах стреляли из автоматов «узи», грохот стоял, как во время настоящего сражения, — и водитель «линкольна» успел пробежать всего шагов двадцать (каждый — в три-четыре метра!). Пули нашли его, вонзились в спину, а он продолжал бежать, только медленнее, метров через десять остановился, покачиваясь, повернулся, поднял руку вверх, пули продолжали рвать его тело, — и упал...

Только после этого охранники дворца опомнились. Сержант в будке включил сирену, а его напарник выстрелил вверх, заорав:

— Бросайте оружие!

Компания преследователей расселась по машинам с ошеломляющей быстротой, не обращая внимания на полицейских, взревели моторы, два «шевроле» и «мерседес» исчезли, осталась поврежденная машина с лопнувшим скатом, без номерных знаков.

Стрелявший полицейский, открыв рот, смотрел на нее во все глаза, не веря, что остался жив. Сержант выключил сирену, выскочил из будки.

— Снова террористы прикончили жертву. Нашли место. Ты видел, как он бежал?

Полицейский прокашлялся, вспомнил о карабине и закинул его за спину.

— Дураки проклятые! Зря тревогу дал, капитан по головке не погладит. Пошли посмотрим, кого они там пришили.

Сержант открыл проход в ограде, и они рысцой направились к убитому.

Человек в сером костюме, ставшем на груди бурым от крови, лежал на спине и... был еще жив! Его глаза остановились на попятившихся полицейских, губы искривились в усилии выговорить слово.

— Передайте... они... — сказал он тихо, но четко. — Передайте... они эксперименти...

Пуля ударила его прямо в висок и откинула голову влево. Он замолк.

Полицейские, не услышав выстрела — стреляли из винтовки с оптическим прицелом и стрелок был далеко, — схватились за карабины, попятились еще дальше, озираясь по сторонам. К ним подбежал командир поднятого по тревоге взвода охраны.

— Что случилось, Хуан?

— Не видишь? — грубо ответил сержант, первым опустив карабин, мрачно повернулся к товарищу. — Это конец, мой дорогой Тики, ну и подстраховочка у них, чувствуешь, а? Уж не профи ли это работа?

— Кто это? — Командир взвода кивнул на убитого, в то время как его люди цепью шли к ограде. — Ну и наделали дырок! Дуршлаг, а не... — Полицейский нагнулся и присвистнул. — Ну и ну! Да это же... это же Пино!

Перед ними лежал комиссар полиции Шочипильи Альберто Тауро дель Пино.

ПАРАКАС, ШОЧИПИЛЬЯ

Четырнадцатого августа посадка на вечерний рейс «Боинга-747» компании «Эйр Паракас», обслуживающей международную авиалинию Шочипилья — Лима, проходила в атмосфере деловой суматохи: пассажиры искали места, рассаживались, начинали знакомиться, кто-то уже требовал стюардессу, пилоты осматривали салоны громадного трехсотпятидесятиместного лайнера, двенадцать стюардесс в коротких юбочках «писко» с блистательными профессиональными улыбками помогали пассажирам устраиваться на местах.

В салоне первого класса в носу самолета было тише, чем в других салонах, публика здесь подобралась солидная: торговые агенты, адвокаты, юристы, представители фирм и компаний, банковские служащие; все они давно прошли школу авиапассажира и чувствовали себя свободно и раскованно. И лишь один пассажир, худой, чернобородый, одетый в белый европейский костюм, был напряжен и возбужден, хотя и скрывал это от всех. Он сидел во втором ряду у прохода и, делая вид, что смотрит в иллюминатор, наблюдал за входом в салон.

Стюардесса ввела новых пассажиров, по виду — янки или, как их называли в Паракасе, гринго. Оба загорелые, дюжие, в полотняных костюмах «туна» местного производства, увешанные фотоаппаратурой. Черноволосый американец жевал резинку, его напарник, похожий на него неподвижным, сонным лицом, но посветлей, сдвинул на лоб широкополый соломенный «стетсон» со шнурками. Оба шутили с бортпроводницей, однако глаза их оставались холодными и внимательными.

Американец в шляпе скользнул по салону равнодушным взглядом, мгновение смотрел на уткнувшегося в журнал чернобородого и молча прошел на свое место в пятом ряду, возле прохода. Его спут-

ник поблагодарил стюардессу и, что-то сказав со смехом товарищу, заснял на пленку ноги уходящей девушки. Сел он, однако, на другой стороне прохода, напротив запасного люка.

Посадка заканчивалась, стюардессы начали обход палубы, пилоты принялись задрать люки, и в этот момент чернобородый вдруг отбросил журнал и рванулся по проходу вон из салона. Тем не менее его внезапный бросок не оказался неожиданным для «фотолюбителей».

Оба вскочили почти одновременно, мгновенно вытащив из сумок и баулов пистолеты бесшумного боя. Чернобородый сделал акробатический прыжок, распластался в воздухе над головами молодых людей; никто не заметил удара, но пистолеты вылетели из рук. Взвизгнули дамы.

Чернобородый упал, как кошка, на ноги, тут же развернулся и наградил преследователей ударами, от которых оба грохнулись на пассажиров по обе стороны прохода. Но из-за двери в салон вышли еще двое крепких парней с пистолетами, и чернобородый сделал то, чего от него никто не ожидал, кроме тех, кто за ним охотился. Он прыгнул к борту самолета там, где стояли столики для настольных игр, и двумя ударами рук... проломил стенку борта! В салоне наступила изумленная тишина; вытянув шеи, пассажиры смотрели на невероятную картину. Лишь вооруженные пистолетами молодчики не были ошеломлены и, вероятно, учитывали возможности своего подопечного. Они открыли огонь в тот момент, когда чернобородый ударом ноги пробил в борту брешь, достаточную для того, чтобы в нее пролезть. Но и после того, как в беглеца впились пули из двух пистолетов, он упал не сразу, успев пролезть в дыру. Упал он уже наружу.

Четверо молодых людей: американцы-«фотолюбители» и прибывшие позже — исчезли из салона

прежде, чем в дело вмешались вооруженные летчики и агенты безопасности. Беспрепятственно выпрыгнув из самолета, они расселись по машинам, ожидающим их неподалеку, и растворились в ночи.

Убитый в белом костюме остался лежать в полусотне метров от шасси самолета. Как он туда дополз с дюжиной пуль в спине, никто сказать не мог. Из отъезжающей последней автомашины хлопнул негромкий выстрел, контрольный, как говорят военные. Пуля попала чернобородому в голову: убийцы были аккуратны и дело свое знали.

ПАРАКАС, ПИКАЛЬ

— Душно здесь, — сказал Хонтехос, расстегивая верхнюю пуговицу рубашки.

Его собеседник внимательно посмотрел на профессора: в кабинете было прохладно, на улице стояла прекрасная погода — плюс двенадцать градусов — еще не весна, но уже и не зима, и в открытое окно в кабинет проникал живительный аромат свежего воздуха. Говорили, что известный ученый-параканист Карлос Хонтехос, один из исследователей долины Аймара в Паракасе, заблудился в сельве и проплутал три недели, но капитан полиции Пикаля Доминго Эрнандес слухам не верил по должности. «Интересно, — подумал он, — с чем заявился в полицию профессор? Не для того же, чтобы сказать банальность?»

— Вы правы, — кивнул Хонтехос, — не для того.

Эрнандес изобразил удивление; впрочем, он и в самом деле был удивлен, хотя в телепатию не верил, опять же — по должности.

— И правильно делаете, — снова кивнул Хонтехос. В глазах его сквозь туман тоски мигнули веселые огоньки. — Телепатии не существует. Пока. Хотя эта возможность заложена в человеке. Но я не

об этом. До вас дошли слухи, что я много дней бродил в сельве. Вы не поверили и правильно сделали, я не заблудился: меня похитили. С какой целью — долго объяснять, у меня нет времени, за мной охотятся, потому что я ушел от них и теперь являюсь свидетелем. Я понятно выражаюсь?

Эрнандес не сказал ни да, ни нет. Он был флегматиком по натуре, унаследовав не только характер матери, принадлежавшей племени кечуа, но и способность отца-испанца к логическим построениям. Капитаном полиции Пикаля он стал благодаря именно своим математическим способностям, ровному отношению к товарищам и философскому складу ума. Индейцев — коренное население Паракаса — он не только терпел и не притеснял, пользуясь властью, но и уважал, чем завоевал популярность даже среди воинственных горных племен кечуа и аймара, потомков инков, лично соблюдая три заповеди инков: ама-суа, амальюлья, амакелья — не будь вором, не будь лжецом, не будь трусом.

— Я хотел сделать заявление. — Хонтехос замолчал, явно пребывая в затруднении, пожевал губами. — Только прошу не считать меня сумасшедшим и больным, я вполне трезв и здоров. — Профессор усмехнулся. — Даже более чем здоров. Хотите проверить? Мне семьдесят три года, и выгляжу я на восемьдесят, но так ли?

Эрнандес критически оглядел ученого: старик был сух, тонок, лицо пергаментное, в морщинах, единственное богатство — пышная седая шевелюра. Да, возраст читается легко.

Хонтехос улыбнулся, взял со стола капитана массивную бронзовую пепельницу и почти без усилий разломил ее руками на две части. Подал обломки полицейскому.

— Это чтобы придать вес тому, что я хочу сообщить.

Эрнандес, хмыкнув, повертел в руках обломки пепельницы, попробовал пальцем свежий излом и поставил обломки на стол.

— Однако вы фокусник, профессор. Как вы это делаете?

Хонтехос не успел ответить.

Со звоном разлетелось стекло единственного окна кабинета, брызнула кровь, профессора силой удара бросило на второй стол с пишущей машинкой. В затылке его сияла дыра величиной с кулак. Эрнандес упал за свой стол, рванул с пояса пистолет и вдруг увидел, что Хонтехос... встает! Ученый со смертельной раной в затылке медленно оторвался от стола, повернул голову к капитану и отчетливо произнес два слова:

— Сильяр... чаранга...

Вторая разрывная пуля — выстрела капитан снова не услышал, стреляли с улицы из винтовки с оптическим прицелом — попала Хонтехосу в щеку и отбросила к стене.

Эрнандес выстрелил в потолок, и в кабинет вбежали помощник и двое дежурных, остановились на пороге, глядя на представившуюся глазам картину: их шеф выглядывал в окно с пистолетом в руке, а возле забрызганной кровью стены лежал убитый двумя выстрелами в голову профессор истории и археологии Карлос Хонтехос да Сильва.

ШВЕЙЦАРИЯ, БЕРН

Где-то далеко-далеко, на краю света, зазвенели вдруг хрустальные колокольчики. Их звон коснулся слуха, но не умер сразу, а продолжал звучать все тише и тише, пока не стал бесплотной тенью звука...

Кристофер приоткрыл глаза, боясь утонуть в голубизне. Он лежал в траве на вершине холма. Пах-

ло медом и цветами, над лицом, скрывая горизонт, покачивались под ветром стебли пушицы и кинрея, было тепло и солнечно, и не хотелось выползть из пещеры сладкой дремы, в которой витали древние воспоминания о чьих-то добрых и ласковых руках...

Снова зазвучали колокольчики. Шевельнулась Диана, ее голова лежала на сгибе его локтя.

— По-моему, это вызов, Крис.

— Меня нет, — сказал Кристофер сонным голосом. — Я в отпуске.

Звон повторился, еще раз и еще.

— Какой настырный, — с досадой сказала Диана. — Ответь ему, Крис, он не отстанет. Это наверняка Мак Хелбрайт.

— Надо было послушать совета Корна и уехать, — вздохнул Торвилл. Осторожно высвободил руку и, не вставая, пополз вниз с холма. Диана засмеялась вслед...

— Жаль, что твой «дацун» не ручной, как мустанг.

Кристофер дополз до своей голубой машины и дотянулся до радиотелефона.

— Здесь Торвилл.

— Дежурный МС-2 Хелбрайт. Вы заняты, Кристофер?

Вопрос был риторический. Кристофер покосился на Диану, выглядывающую из травы с травинкой во рту. Очарование летнего, пьянящего свежестью дня уступило место ожиданию неизвестной тревоги.

— Придется отложить отдых, — извиняющимся тоном продолжал дежурный. — Вас разыскивает Неран.

— Не говорил, что ему от меня надо? Дежурство группы закончилось, все разъехались, кто куда... И я тоже.

Дежурный засмеялся.

— По-моему, вас просто хотят наградить. Неран будет ждать в четыре ноль-ноль по Цюриху в Лозанне, в Центре.

— Буду, — после короткого раздумья сказал Кристофер, предпочитая обходиться минимумом жестов и слов, где это было возможно.

— Я все слышала, — заявила Диана. — Вот почему я не хочу выходить за тебя замуж. Спасатели не принадлежат самим себе, а я хочу, чтобы ты был мой на все сто процентов.

— Хочу, не хочу... — пробормотал Кристофер, покосившись на эмблему горноспасательной службы на рукаве своей форменной рубашки. — Логика женщины редко выходит за рамки двух слов: «Я хочу».

Он плашмя упал в траву, полежал немного, глядя на Диану, задумчиво покусывающую травинку, и привлек ее к себе.

— К черту шефа, Нерана, Альпы и вообще все горы на Земле! Сегодня же вечером махнем на юг, в Италию, к морю. Выбирай место. А вообще странно, что меня вызывают в Центр. Может быть, просто нужна консультация?

— Может быть, — протянула Диана насмешливо. — Сколько таких «может быть» на моей памяти. Снова, наверное, кто-то потерялся в горах, вот и вызывают.

Кристофер покачал головой.

— В этом случае меня вызывали бы на КСП¹, а не в Центр. А вдруг дежурный прав и меня ждет награда? Разве не достоин?

— Достоин, достоин. Давай не будем говорить о работе, до четырех еще целая пропасть времени. Используем его с пользой.

Кристофер осторожно перевернулся и поцеловал Диану в шею.

Ветер затих...

---

¹ К С П — контрольно-спасательные пункты; располагаются у базовых альпинистских и горноспасательных лагерей.

В три часа Торвилла встретил в холле ЕВРОСПАС — Европейского Центра горноспасательной службы — руководитель альпотряда Фредерик Неран и, пожав руку, сделал жест следовать за ним.

Нерану пошел сорок шестой год. Родился он в Гааге, с двенадцати лет жил в Австрии и в девятнадцать переехал в Швейцарию. Исходил Альпы вдоль и поперек, вместе с шерпом Ноухи покорил все альпийские четырехтысячники по сложнейшим маршрутам и в тридцать лет стал обладателем «Золотого триконя» за покорение Северной Стены Пти-Дрю в одиночку.

Потом в тридцать два он сорвался с карниза Гранд-Жорас и полгода пролежал в Берне в клинике Спалинского с переломом локтевого сустава. Три года тренировал руку и снова ушел в горы, проводником альпийских групп. В сорок лет ему предложили работу в МС-2 — швейцарском отряде спасательной службы альпинистов ЕВРОСПАС. Он согласился. Торвилл, которому пошел двадцать шестой год и который прослыл альпинистом без нервов, попал в МС-2 случайно и сначала не собирался работать там долго, но под влиянием Фредерика Нерана остался в отряде навсегда.

В кабинете президента ЕВРОСПАС Ольбора Троэльс-Лунна находились двое мужчин в костюмах «информэл дрэсс» по американской моде, не скрывающих природного телосложения. Держались они свободно, раскованно, и Кристофер определил в них руководителей высокого ранга.

— Знакомьтесь, господа, — сказал президент ЕВРОСПАС по-английски. — Фредерик Неран, руководитель МС-2 «Лемур», и начальник первой группы Кристофер Торвилл.

Старший из гостей, высокий, с гладковыбритым лицом и седыми баками, наклонил голову.

— Гарольд Годфри Мейнард Косински.

Его напарник в свою очередь слегка поклонился.

— Стэнли Джордж Миллер. — Голос у него был приятный, с хрипотцой.

Руководители горноспасательной службы раскланялись в ответ.

Троэльс-Лунн вышел из-за рабочего стола, жестом пригласил всех к овальному столику и креслам в углу кабинета возле мини-бассейна, обложенного голубым кафелем.

Расселись, поглядывая друг на друга. Секретарь прикатил низкий столик с напитками с содовой, ловко разлил в бокалы оранжевый шипучий киа-ора и исчез.

— Мистер Косински — начальник международной комплексной археологической и этнографической экспедиции в Паракас, — сказал Троэльс-Лунн. — А Миллер — квартирьер экспедиции. Название «Паракас» вам ни о чем не говорит?

Спасатели переглянулись.

— Кажется, это государство в Южной Америке, на границе с Перу.

Президент ЕВРОСПАС кивнул.

— Совершенно верно, небольшая страна на границе Перу и Боливии, шесть миллионов населения, столица — Шочипилья, семьсот тысяч жителей, государственные языки — испанский и кечуа. Вы знаете испанский?

— Да, — сказал Неран. Торвилл молча кивнул.

— Вот и прекрасно. Дело, по которому наш Центр посетили высокие гости, ordinarily: вас хотят пригласить в качестве альпинистов передового отряда, экспедиция будет работать в основном в горах. Но прошу хорошо взвесить все «про эт контра», прежде чем решать. Итак, господа, прошу вас.

Руководители экспедиции одинаково оценивающе посмотрели на президента ЕВРОСПАС.

— Мы хотели бы, чтобы наша беседа осталась экзидиректори...¹

— В кабинете нет записывающих и подслушивающих устройств, — сказал Троэльс-Лунн, — прослушивание практически исключено, хотя я не вижу необходимости.

Разговор продолжался на английском, хозяева владели им свободно, хотя больше привыкли к немецкому и французскому.

— Хорошо, — сказал Косински. — Джентльмены, цель нашего визита ясна: нам нужны опытные скалолазы. Поскольку выбор пал на вас, никто не сомневается в вашей компетентности, и все же предупредить необходимо: Паракас — не обычная страна, это страна — памятник культуры и искусства древних индейских цивилизаций и, к сожалению, представляет интерес не только для ученых, но и для... — Косински поискал слово, — для контрабандистов и любителей наживы всех мастей. Что накладывает определенные ограничения и создает трудности для работающих там иностранцев. Могут произойти... — Косински снова замялся, — разного рода инциденты, и в каждом случае надо совершенно точно знать, как реагировать, что делать. Вы меня понимаете?

Неран и Торвилл понимали.

— Если вы согласны, — продолжал начальник экспедиции, — то подробный инструктаж получите от моего коллеги, который уже давно занимается подготовкой. — Кивок в сторону Миллера. — Я же вкратце сообщу о причинах, побудивших готовить международную экспедицию.

Три года назад в высокогорном районе Паракаса недалеко от города Пикаль была открыта долина Пируа, практически отрезанная от остального мира скальными стенами, своеобразный «затерянный мир»

---

¹ *Закрытый (англ.).*

по Конан-Дойлю. В научных кругах это открытие породило сенсацию — не тем, что открылось новое «белое пятно» в географии, а тем, что долина оказалась «кладом» реликтовой флоры и остатков древней доиндейской цивилизации, не уступающей, судя по всему, доольмекской и любой другой культуре. Кроме того, в долине живет странное племя, совершенно изолированное от нашего мира на протяжении последних веков.

Правительство Паракаса, дабы предотвратить грабеж долины браконьерами и частными «исследователями», издало указ об образовании в долине заповедника со всеми вытекающими отсюда последствиями, а год спустя при содействии ООН и ЮНЕСКО в Пикале решено было открыть международный исследовательский центр — Пирин, как мы называем для краткости, то есть Пируа-институт. Единственной трудностью, причем практически непреодолимой, оказалась высота расположения долины — более четырех тысяч метров над уровнем моря, а также ее изолированность. Вертолеты на таких высотах хоть и летают, но грузы доставить в заповедник, — Косински отпил глоток напитка, — не могут, да и сесть им негде — долина сплошь поросла сельвой, сквозь крышу которой пробиться невозможно. Отсюда и решение доставить экспедицию в долину через южную скальную стену, она немного ниже остальных и расположена невдалеке от Пикаля.

Неран скептически поджал губы.

— Стоит ли приглашать для такого простого дела альпинистов из Европы? Неужели в Паракасе нет своих скалолазов?

— Разумеется, есть, — спокойно сказал Косински. — Но, во-первых, дело это не такое простое, как всем представляется; во-вторых, у местных альпинистов нет опыта «безнадежного» спуска. Есть и в-третьих.

Косински отпил еще один глоток киа-ора, промокнул губы.

— В группу скалолазов экспедиции будет входить ваш давний знакомый Джонатан Улисс. Это он назвал ваши имена.

Неран и Торвилл переглянулись. Президент ЕВРОСПАС нахмурился.

— Улисс? Но ведь он, насколько мне помнится, не горноспасатель, а... профессиональный искатель приключений.

— Это меняет дело, — сказал Неран. — Улисс — альпинист экстра-класса, один из немногих, кто овладел свободным соло¹. Я согласен, господа. Думаю, Кристофер тоже согласен. Где сейчас Улисс? Я не видел его четыре года.

— Он закончил Рочестерский университет, — сказал Миллер, — но работает в Италии тренером одной из частных привилегированных школ.

— По альпинизму?

— Нет, это называется спецподготовкой: стрельба из всех видов оружия, борьба, приемы хатха-йоги, аутотренинг и так далее.

Троэльс-Лунн покачал лохматой, без единого седого волоса головой.

— Я же говорил, он авантюрист. Впрочем, вам видней.

— Авантюрист — совсем не такая уж плохая характеристика, — улыбнулся Косински. — Этот парень мне понравился. Он был гонщиком, пожарным, полицейским, цирковым артистом, акробатом, каскадером. В Китае изучал санчин-до, в Японии — каратэ, бокс — в Таиланде. Участвовал в кругосветном путешествии на воздушном шаре, переплывал

---

¹ С в о б о д н о е с о л о — метод так называемого «чистого подъема» на скалы без всяких приспособлений, основанный на силе рук, координации и ловкости.

Ла-Манш в одиночку, охотился на акул, прыгал с парашютом с Килиманджаро и так далее.

— Но главное, — вставил кивающий на каждое слово начальника экспедиции Неран, — что он альпинист от Бога. Что касается его душевных качеств... я до сих пор жалею, что он ушел из отряда.

— Что ж, — вздохнул Троэльс-Лунн, — вам с ним работать, не мне. Благословляю вас, Фредерик. Когда намечается экспедиция?

— Подготовка уже идет. — Косински поставил бокал и встал, за ним остальные. — Непосредственный поход в долину Пируа планируется через две-три недели, но вам надо быть в Пикале уже завтра. За работу в Паракасе вы получите гонорар — десять тысяч долларов, плюс премия за риск. Подходят вам такие условия?

— Вполне, — сказал Неран. — Завтра мы будем в Пикале. Если не будет трудностей с визами.

— Билеты на самолет заказаны, — сказал Миллер. — Вы летите с нами сегодня в девять вечера. Снаряжение брать не надо, там все есть. Визы получите в Шочипилье. Вопросы еще есть?

Торвилл засмеялся, за ним Неран и Троэльс-Лунн.

— Ну и хватка, — сказал президент ЕВРОСПАС. — Жаль, что я вышел из формы... тридцать лет назад, а то пошел бы с вами.

Гости откланялись.

«Интересно, — подумал Кристофер, — что я скажу Диане?»

ПАРАКАС, ШОЧИПИЛЬЯ

Джонатан Улисс прибыл в Шочипилью двадцать второго сентября.

В столице Паракаса он не был ни разу, но ориентировался в ней неплохо благодаря изученной карте

города, полученным сведениям и кинофильму, который просмотрел дважды. Поэтому найти улицу Унион с отелем «Маури» не составило большого труда.

Осмотрев номер и бросив вещи, не распаковывая, Улисс начал обход достопримечательностей Шочипильи. Для начала он обошел центральную часть города от площади Оружия до площади Сан-Мартина с конной статуей Сан-Мартина, полюбовался на «Старую Шочипилью» с ее старинными домами в мавританском стиле: квадратные башни с замысловатым орнаментом украшали полукруглые фасады зданий, дворики были выложены булыжником или вымощены крупной галькой, сохранились и деревянные колоннады, и крытые переходы, построенные еще в шестнадцатом веке.

Издали Улисс осмотрел фасады Президентского и Муниципалитетского дворцов, кафедрального собора, импозантного здания «Торгового дома Оэчсле», посидел в сквере возле фонтана, струи которого били из пастей невиданных зверей. Никто не шел сзади, не изображал гуляку, случайно остановившегося неподалеку.

Тогда Улисс обошел Президентский дворец по улице Такна и медленно прошелся по улице Уанкавелика мимо северного входа, где неподвижно выселись двое полицейских в белых касках с карабинами за плечами. Ничто уже не напоминало, что здесь почти месяц назад произошло загадочное убийство комиссара полиции Шочипильи Альберто Тауро дель Пино. Однако Улисса интересовало другое: расстояние, которое успел покрыть комиссар до того, как упал. Счет тогда шел на секунды, и растерявшиеся свидетели-охранники дворца могли дать не совсем точную оценку событий, но и они отметили, что комиссар жил слишком долго: когда преследователи открыли огонь, он был в полусотне метров от ограды, а упал, пробежав метров тридцать.

От Президентского дворца он направился в иммиграционную службу. Чиновник понравился Улиссу. Внешне — симпатичный парень, который должен нравиться женщинам. Глаза — цепкие, зоркие, внимательные — выдавали в нем человека с богатым жизненным опытом, сильного и знающего себе цену. Он понравился Улиссу сразу, хотя работать мог на любую контору, кроме своей официальной, от контрразведки Паракаса до ЦРУ США.

Он задал несколько ничего не значащих вопросов. Улисс честно ответил на все, и они расстались, довольные друг другом.

Поужинав в кафе дымящейся похлебкой, картошкой по-уанкайски, с рисом и черной фасолью, шашлычками «антикучо», Улисс направился в отель, где должен был дожидаться квартирьера экспедиции Миллера в течение двух суток.

Отель «Маури» ночью походил на глыбу, взрывом вырванную из каменоломни. Освещенный паркинг отеля был невелик и полностью забит автомашинами всех марок и моделей.

Улисс взял ключ у сверхвежливого портье, одетого по европейской моде, сунул ему монету в четверть инти и по лестнице поднялся на самый верх отеля — на пятый этаж. Дежурный на этаже встретил его профессиональной улыбкой, предложил кофе и проводил внимательным взглядом.

Комнаты номера давили тишиной.

Улисс распахнул окно и включил музыку — здесь стоял роскошный японский кассетник «Сейко». Раздавшаяся мелодия удивила: Григ, увертюра «Осенью». Улисс ожидал чего-нибудь в стиле уанка-майо. Что ж, вкус у гостиничного персонала вполне...

Джонатан привычно обошел гостиную, спальню, проверяя память — все ли стояло и лежало так, как он оставил? Кажется, ничего не тронута: саквояж, костюмы, белье.

Мебель в стиле чиппендейл — рококо с обилием тонкой резьбы. Неплохо, хотя отдает снобизмом. Улиссу приходилось жить в таких роскошных апартаментах — когда позволял бюджет. Он разделся, полчаса тренировал блокировку при ударе сзади, принял душ и постоял у зеркала, рассматривая себя с тщательностью кокетки. Бифкейк¹, как говорят англичане. Лет двадцать пять — если судить по телу, тридцать — если по лицу, и лет пятьдесят — по глазам. Н-да, господин Улисс, сложный вы человек, как заметил сэр Косински, человек с прочными идеалами, проживший несколько жизней — если судить об опыте не по количеству прожитых лет, а по числу событий, растянутых на годы. «Бессмертный» Улисс, не знающий слова «страх», чудом избежавший смертельных объятий лавин и каменных склепов глубоких пропастей и ущелий... Пятнадцать лет риска, не поддающегося никакому учету, из них три года — борьба с судьбой в горах, где человек подобен слезе на ресницах Аллаха — по тибетской пословице... Думал, ну наконец-то остановился, сделал окончательный выбор. В горах, пожалуй, как нигде, чувствуешь вкус борьбы со стихией. Но нет того ощущения победы, которое испытываешь, победив сильного противника-человека. И он снова ушел. Потом были два года жизни по инерции — после гибели женщины, на которой он хотел жениться... Небольшая остановка перед новым перегоним риска. Нет, состояние консонанса — не для него...

Переодевшись в вечерний халат «а ля инка», Улисс проверил, хорошо ли заперта дверь, и через наушники еще раз прослушал кассету с материалами о корпорации «Птичий глаз», взявшей на себя

---

¹ Сплошные мышцы (*англ.*); о мужчине атлетического телосложения.

финансирование международной экспедиции в неисследованный уголок Паракаса.

Родословная корпорации уходила довольно глубоко в прошлое, в девятнадцатый век, одно это говорило о ее конкурентоспособности. Возникла она в шестидесятых годах прошлого столетия в Англии как компания по перевозке замороженных продуктов. В начале двадцатого ее руководители были втянуты в аферу с расширением рынка сбыта, и после разоблачения махинаций, суда, смены руководства и реорганизаций она стала именоваться компанией по консервации и перевозке фруктов. А уже в семидесятых годах, перешагнув границы Великобритании, превратилась в гигантскую транснациональную корпорацию «Птичий глаз», в компанию авиа- и автосервиса. Фургоны, холодильники на колесах, суда, самолеты и вертолеты с эмблемой КАС и стилизованным птичьим глазом можно было встретить и в Европе, и в Азии, и в Австралии — на всех материках Земли.

Уничтожив кассету с информацией, Улисс улегся на диван и стал листать отчет Пирина за прошлый год, состоящий, по сути, из двух десятков отчетов — по числу его научно-исследовательских отделений. Судя по ним, можно было понять, что некоторые попытки проникнуть в долину Пируа все же увенчались успехом. Ученые сумели немного изучить флору долины: бук, тис, мирт, платан серебристый, акация, кипарис, эвкалипт, панданус, жаботикаба и лепидодендрон — реликт, исчезнувший на Земле миллионы лет назад; и ее фауну: ленивцы, муравьеды, броненосцы, из хищников — ягуар, священный зверь индейцев, около двух десятков змей, удавы-анаконды и множество более мелких зверьков, а также насекомые, от гигантских бабочек до термитов. В принципе, нормальное население сельвы, без особых отклонений от нормы, разве что отсутствуют москиты —

бич сельвы, и это прекрасно! Зато в растительном мире долины отклонений от нормы больше. И наконец, племя индейцев, населяющих долину.

Улисс нашел фотографию аборигена. Пигмей, рост четыре с половиной фута, гладкое лицо, довольно правильное, скулы почти не видны, губы пуговкой, зато нос занимает пол-лица — настоящий «орлиный», отличительная черта всех индейских племен Америки. И умные, настороженные глаза. М-да, дружить с такими опасно.

Улисс отбросил отчет, закинул руки за голову, подумал: если правительство Паракаса не остановит доступ в долину дельцов и бизнесменов, эти симпатичные индейцы, застывшие в развитии где-то на уровне бронзового века, окажутся под угрозой исчезновения. Опыт геноцида у американцев накоплен колоссальный, примеров хищнического отношения со стороны сильных мира сего к слабым — сотни! Правда, в последнее время слабые стали понимать, что они не одиноки, что у них есть друзья, готовые прийти на помощь в борьбе за свободу и независимость.

Часы пробили одиннадцать вечера.

Улисс достал из нагрудного кармана фотографию: Анна поправляет волосы на затылке с рассеянной улыбкой. Это было шесть лет назад. Осталась только единственная фотография... и память...

Некоторое время Джонатан боролся с собой, потом смял фотографию, щелкнул зажигалкой и поднес комочек бумаги к огню.

Он уже собирался выключить свет и ложиться спать, как вдруг в соседней комнате раздался шум.

Улисс прислушался. Говорили двое, громко и зло, что-то упало, закричала женщина. Интересный компот. Что они там не поделили?

Снова удар, звон стекла, теперь женщина кричала не переставая. Улисс различил на испанском «помогите» и «больно». Черт бы их подрал! Разве мож-

но так обращаться с женщинами? Он надел шлепанцы, вышел в халате в коридор. Дежурного на месте нет, никого в коридоре. И шума не слышно. Джонатан поколебался, но для очистки совести решил постучать в дверь соседнего номера, не приснились же ему крики.

Дверь открылась, словно его ждали. Перед альпинистом стояла женщина ослепительной красоты с профессиональной улыбкой на умело подкрашенных губах.

— Вам кого?

— Извините, — пробормотал Джонатан. — Мне показалось, что у вас кто-то кричал.

— Телевизор, — ответила женщина, разглядывая его с видимым интересом. — Входите.

— Извините, уже поздно...

Женщина улыбнулась.

— А на вид вы не трус. Входите же, я не кусаюсь.

Улисс пожал плечами и вошел. И лишь пройдя в гостиную, понял, что сделал это напрасно.

В гостиной горели бра, на стене висел работающий телевизор, а у журнального столика с бутылкой «Писко-сауэр» и тремя бокалами стоял, поигрывая брелочком, мужчина крепкого сложения с равнодушным, словно сонным лицом, в рубашке с короткими рукавами и джинсах.

Улисс оглянулся, и ситуация вообще перестала ему нравиться: сзади приближался еще один здоровяк и вертел в пальцах кастет. Глаза у него были холодными и цепкими, прицеливающимися. Он явно не годился для роли брата красотки, как и первый головорез для роли ее друга.

— Добрый вечер, — сказал Улисс, делая вид, что не понимает цели маневров тройцы. Впрочем, он и в самом деле не понимал.

Женщина коротко рассмеялась, взяла со столика бокал, отпила глоток и села в кресло, закинув ногу

за ногу; они у нее были красивые, полные, туго обтянутые чулками-сетками.

— Самовлюбленный павлин в халате. Сидел бы в номере, и все было бы тип-топ, а теперь придется раскошелиться.

— Это шутка? — сухо спросил Улисс, досадуя, что влип в историю. Надо же, забыл про телевизор!

— Пошевеливайся, приятель, — негромко сказал громила сзади. — Не заставляй девушку ждать. Триста долларов — и мы разойдемся, довольные друг другом.

Улисс оглянулся, оценивая противников. На обычных вымогателей эти парни походили так же, как воротилы бизнеса на безработных. Интересно, этот номер с криками и бранью подстроен заранее или все получилось случайно? Парням захотелось развлечься?

— Сожалею, мисс. — Джонатан вздохнул. — Но у меня нет никакого желания дарить вам три сотни долларов. Надеюсь, шутка закончилась и я могу идти к себе. Извините за вторжение. Попросите этих джентльменов пропустить меня.

В руках у соннолицего вдруг вместо брелока оказался пистолет — «люгер» с глушителем. Улисс понял, что у него почти нет выбора, к тому же показалось, что в его комнате кто-то есть. Он без приседа, не меняя позы, прыгнул в центр комнаты к спортсмену, который, переоценив преимущество положения, опустил пистолет и смотрел на женщину, потягивающую вино. Реакция у гангстера был неплохая, но он успел лишь вскинуть оружие. В следующее мгновение ребро ладони Улисса опустилось на бицепс противника, а удар ногой в голову отбросил к шкафу.

Второй вымогатель мгновенно стал в стойку, нацепив на левую руку кастет. Улисс сделал обманчивое движение и успокоил его уколom пальца в нерв-

ный узел на шее. Оглянулся на женщину, сидевшую в прежней позе и с любопытством наблюдавшую за ним поверх бокала, и выбежал в коридор.

В его номере царил бедлам: белье из шкафа выброшено, кровать распотрошена, стулья опрокинуты, саквояж стыдливо показывает внутренности, вещи разбросаны по полу, по столу. Рылись, судя по масштабу разгрома, несколько человек, что-то искали. Что?

Улисс закрыл дверь, коридорный на этаже все еще отсутствовал, вызвал лифт и опустился на второй этаж, где дежурил полицейский.

Вялый коричневолицый сержант с усами щеточкой выслушал его лаконичное повествование о падении и попытке ограбления, сделал непроницаемое лицо и похлопал Джонатана по плечу:

— Кто-то решил пошутить, сеньор, а у вас уже и штаны мокрые. Пойдем посмотрим на твоих «террористов».

Они поднялись в номер Улисса.

Шкаф стоял на месте, белье аккуратно лежало на кровати, сложенное стопкой, саквояж стоял в углу. Ни одной вещи на полу или столе. Быстро работают, профессионально. Теперь ясно, что происшествие с «вымогателями» в соседней комнате — отвлекающий маневр. Кто же это все это устроил и для чего?

Сержант сдвинул фуражку на затылок.

— М-да! Ты, часом, не лунатик, парень? Наркотиками не балуешься?

Улисс сделал вид, что совершенно сбит с толку. Пугаясь, он стал длинно рассказывать, как в соседней комнате на него напали двое, пытаясь ограбить.

— Чушь! — перебил полицейский, чей добродушный вид был весьма обманчив; дело свое он знал туго. — Ты что, и в халате ходишь с бумажником? Пошли посмотрим теперь на твоих обидчиков.

Они остановились у двери соседнего номера, сержант постучал и сказал негромко:

— Откройте, полиция.

Дверь щелкнула, приоткрылась, в щель выглянул полный господин в пижаме, с животом и лысиной на полчерепа.

Сержант козырнул.

— Этот человек утверждает, что в вашем номере на него напали двое неизвестных. Вы подтверждаете?

Толстяк очень натурально вытаращил глаза.

— Что?! У меня? Я уже давно сплю. Он что, сумасшедший? — говорил он по-испански с акцентом.

Сержант повернулся к Улиссу.

— Он?

Джонатан отрицательно покачал головой.

— Те были моложе... и с ними была женщина.

— Женщина?! — возмутился толстяк. — Я никогда не приглашаю к себе колгел¹, я порядочный человек и семьянин и не позволяю...

Полицейский прервал речь «семьянина» взмахом руки.

— Тихо! — Снова повернулся к Улиссу: — Вы настаиваете на своей версии с нападением?

— Нет, — сказал Улисс. — Видимо, мне и в самом деле просто приснился отвратительный сон.

— Ну и отлично. Не пей на ночь неразбавленное виски. — Сержант хохотнул, похлопал Улисса по спине и ушел, насвистывая сквозь зубы мотивчик из «Минни глас». Толстяк, бурча, смерил Улисса взглядом и закрыл дверь.

Джонатан вернулся к себе, осмотрел комнаты, ванную, туалет, тщательно запер и только после этого позволил себе расслабиться окончательно. Все же трудно выдавить из себя идиота, напуганного ноч-

---

¹ Красотка в номер.

ным кошмаром. Едва ли полицейский находится в сговоре с вымогателями, просто он достаточно опытен и знает, как успокаивать постояльцев, не впуская полицию в грязные дела. Каждый хочет жить, а до пенсии этому здоровяку еще далеко.

Значит, проверка, примитивный маггинг. Интересно, сколько их было на самом деле? Четверо? Нет, вероятно, пятеро, а то и больше, иначе они не успели бы за те десять минут, пока Улисс бегал за помощью, убрать следы чужого присутствия в номере. Но унести тех двоих далеко они не могли, спрятали где-то в одном из соседних номеров. Если поискать, найти их можно, не скоро они еще опомнятся от ударов.

Джонатан усмехнулся и тут же помрачнел, понимая, что проявил себя далеко не с лучшей стороны. Трюк с «женским криком о помощи» известен давно, и клевать на него простительно только желторотому юнцу.

Улисс встал на руки, сделал ширш-асану. Три минуты — внутреннее созерцание, еще пять — полный отдых телу, расслабить мышцы, связки, минута — остановка сердца, потом «массаж» печени, селезенки, почек, желудка... все! Он вскочил и побежал в ванную. Вода — основа жизни, ежедневный душ — половина здоровья.

Насухо вытерев тело, Джонатан переоделся в спортивный костюм и вышел на балкон. Мысли все еще вертелись вокруг визита непрошенных гостей, удовлетворения собой он не чувствовал, наоборот, все больше крепла уверенность в том, что надо было позволить «вымогателям» сделать свое дело, а не сопротивляться. Правда, с другой стороны, играть «дурака» опасно, гангстерам не всегда нравятся глупцы, дрожащие за свою шкуру, особенно мужчины в расцвете лет. Трусость сильного всегда противоестественна... и противна.

Полчаса Улисс любовался безлунным небом и слабой иллюминацией Шочипильи. Время перевалило за полночь, и никому из жителей города не было никакого дела до Джонатана Улисса, альпиниста, бродяги по характеру, тридцати с лишним лет от роду, которого только что вполне могли убить...

Улисс разгладил лицо руками и приказал себе прекратить самоанализ. Толку от этого было мало, никто не мог сказать ему, правильно ли он поступил, и даже собственная интуиция молчала. Мысль о вознаграждении и ожидание боя несколько согревали душу. Джонатан был игроком, любившим игру не из-за конечного результата, а ради самого процесса игры. Главным для него было действие, борьба, жесткое состязание ума, ловкости, хитрости и силы, балансирование на тонкой струне над пропастью небытия. Конечно, нельзя сказать, что результат был ему неважен, но все же он любил игру в чистом виде, а игрой могло быть все, что угодно, в том числе и война с террористами, шантажистами и гангстерами.

Как и любой деловой человек своей среды, Улисс был способен идти на компромиссы, в том числе и со своей совестью, но все же от многих искателей приключений его отличала одна черта: он никогда никого не предавал, не отказывался от обязательств и слыл человеком слова...

Перед сном Джонатан еще раз проверил, не пропало ли что-нибудь из снаряжения и не оставил ли вечерний визитер «микрошпионов», подслушивающие устройства, и только после этого лег спать.

ШВЕЙЦАРИЯ, БЕРН — ПАРАКАС, ПИКАЛЬ

Торвилл загляделся на ловкие пальчики диспетчера архива, порхающие по клавиатуре терминала, и пропустил вопрос мимо ушей.

— Что вы сказали? — с виноватой улыбкой переспросил он. — Простите, я отвлекся.

— Медицинскую карту тоже? — повторила вопрос девушка.

— Да, медкарту тоже.

Диспетчер кивнула, и снова ее пальцы, живущие, казалось, отдельно от рук, побежали по панели терминала

Архив ЕВРОСПАС был полностью автоматизирован и снабжен пневмопочтой, поэтому на поиск и получение нужного документа уходило от силы пять-шесть минут.

Во внутренностях приемной станции пневмопочты что-то зашипело, заурчало, откинулся квадратный лючок, девушка протянула руку и вытащила из отверстия коробку с эмблемой ЕВРОСПАС и выбитым на крышке номером. Открыла крышку и высыпала на столик стопку документов: личное дело Джонатана Улисса, медкарту, копии наградных листов, карточку учета кадров, фотографии.

— Он что, умер? — любопытствовала диспетчер.

— Боже упаси! — Торвилл заложил документы в пластиковый конверт. — Пропал без вести, как говорят. Не знаю, зачем его документы понадобились шефу.

Торвилл потоптался возле стола, ощущая исходящую от девушки волну любопытства и почему-то страдания.

— Простите, но меня просили напомнить... очень важно... Все, что мы сейчас сделали, идет под пометкой «служебная тайна».

Лицо девушки осталось деловым, сосредоточенным, но сочувствие излучать она перестала.

— Если бы я этого не понимала, я бы здесь не работала.

Кристофер пробормотал извинение и ушел из архива, досадуя неизвестно на кого и неизвестно за что. Конечно, настроение от того, что отпуск сорвался, а Диана улетела отдыхать, не могло быть хорошим, но задание было интересным, и надо переключиться на него полностью, чтобы исключить даже возможность неудачи.

Неран был один. Он ходил из угла в угол кабинета, заложив руки за спину.

— Я готов, — сказал Торвилл, выкладывая на стол конверт из архива. — Здесь вся документация по Улиссу.

Неран кивнул, вытащил из конверта фотографию альпиниста четырехлетней давности и рассматривал некоторое время.

Улисс был высок, поджар, с рельефными мышцами атлета. Овальное лицо с твердым ртом спокойно и малоподвижно, в серых внимательных глазах прячется вызов.

Низкорослый, худощавый, похожий на мальчишку Торвилл всегда благоговел перед крупными, сильными мужчинами. Это тайное молчаливое восхищение родилось в детстве: Кристофер рос без отца, заступиться за него было некому — ни в школе, ни во дворе, — и он мечтал вырасти высоким и сильным, чтобы воздать обидчикам должное. Будучи хилым и болезненным, нрав он имел яростный и неукротимый, не пасовал перед авторитетами и вечно организовывал для самоутверждения всякие отчаянные мероприятия. Он и в горы пошел из-за самоутверждения, чтобы доказать другим, а больше себе, что он кое-чего стоит, и «заболел» горами на всю жизнь.

— Вижу, у тебя нет настроения. — Неран прищурился. — Диана, наверное, обиделась, что не удалось провести отпуск? Вдвоем?

— Не успел спросить. — Кристофер пожал плечами.

— Тогда в машину, до посадки в самолет всего полтора часа. Кстати, — остановил Торвилл начальник отряда. — У тебя не возникало вопроса — почему мы согласились на несвойственную нам работу?

— Это было первое, о чем я подумал, — признался Торвилл с виноватой улыбкой. — Но потом понял, что эта работа — тоже спасательская, разве что в ином плане. Меня иногда подмывало сменить амплуа...

— Но престиж горноспасателя оказывался выше других профессий, так?

Кристофер подумал.

— Доля правды в этом есть, я не чужд профессионального тщеславия и честолюбия. Но главное — я знаю, что нужен.

Сквозь маску сурового, чуждого сентиментальности человека на лице Нерана проступило выражение нежности, но длилось это столь краткий миг, что Кристофер не поверил глазам своим.

Их начали «пасти» в здании аэропорта, но ни Торвилл, ни Фредерик Неран, ни Косински с Миллером, встретившие спасателей у стойки с номером их рейса, ничего не заметили. «Пастухов» было несколько, и связь между собой они поддерживали через микрораации, незаметные глазу, замаскированные под перстни, кольца, серьги и другие мелочи мужского и женского обихода.

В Лиме группа наблюдателей сменилась и передала прибывших «из рук в руки» сменному отряду «пастухов» в Шочипилье, который вел руководителей экспедиции до Пикаля. Все разговоры между членами экспедиции были таким образом зафиксированы и переданы резиденту ЦРУ в Пикале, заинтересованному во всех деталях, касающихся открытия долины Пируа.

Единственный отель в Пикале назывался «Ривьера» и отличался от парижского прародителя так же, как сарай с углем отличается от пирамиды Хеопса. Впрочем, номера в нем были неплохие, не слишком дорогие, но со всеми полагающимися удобствами, с телефоном, телевизором и даже с кондиционером.

Бросив вещи, не распаковывая, на широкий диван, Торвилл переоделся в легкую одежду, подождал, пока переоденется Неран, и они отправились знакомиться с Пикалем, Пирином, климатом и бытом одного из типичных уголков Паракаса, страны невиданного горного хаоса и древних руин.

Пикаль ничем не отличался от сотен других таких же городков с населением в несколько тысяч человек, расположенных на склонах гор на Парамо — так на местном наречии называлось плоскогорье высотой от трех с половиной до четырех тысяч метров. Так же, как и всю страну, его населяла мозаика рас: белые, индейцы, метисы, негры, мулаты, китайцы, гринго — американцы, хотя преобладали, конечно, индейцы — кечуа и аймара, а из белых — испанцы и португальцы.

Хотя на улицах Пикаля было немало трех- и пятиэтажных домов, а на главной улице — Кольмене — стоял даже десятиэтажный «небоскреб», все же глаз то и дело натывался на синеющие горные вершины, окружавшие город со всех сторон, довлеющие над ним, молчаливые и суровые, как и весь этот край. Однако несмотря на солидную высоту над уровнем моря, дышалось здесь довольно легко, что оказалось для Торвилла приятной неожиданностью: он привык к постоянной нехватке кислорода на высотах свыше двух километров.

Лето в Паракасе, как и в других странах южного полушария, наступало в декабре, и сентябрь был началом весны, поэтому днем температура держалась на уровне восемнадцати — двадцати градусов, а но-

чью снижалась до шестнадцати — четырнадцати. В общем, климат здесь был мягкий, отчего настроение Торвилла наконец начало подниматься.

Он с удовольствием рассматривал архитектуру Пикаля, очень похожую на архитектуру столицы Паракаса — Шочипильи. При постройке зданий использовались в основном эквадорский дуб и седрелло — испанский кедр, а также каоба. Фасады более современных зданий отделывались белым известняком — сильяром, который легко поддавался обработке и резьбе. Резные деревянные двери, ажурные металлические решетки на окнах, традиционно закрытые снизу балконом, могли удовлетворить эстетические вкусы любителей старины любой нации, неудивительно, что на улицах Пикаля было много туристов.

Кристофер обратил внимание на дюжих молодцов с мускулистой выпуклой грудью, и Неран пояснил, что у всех индейцев высокогорья хорошо развита грудная клетка, кислорода на высотах около трех с половиной километров все же в два раза меньше, чем на равнине.

Потолкались на городской ферии — базаре, где женщины в пончо и чульо, шерстяных шапочках-ушанках, продавали с лотков и тележек фрукты и овощи, изделия кустарей, обувь, одежду и сладости. Торвилл попробовал «халву доньи Пепы», сваренную из муки, меда, корицы и тростникового сахара, оказалось вкусно, купил еще. У шестов с одеялами из шерсти ламы и альпаки мелькнуло знакомое лицо, Кристофер даже остановился — это был Улисс, но человек тут же затерялся в толпе, и ответить на вопрос, был ли это на самом деле Джонатан Улисс, никто не мог.

Торговля с тележек и колясок велорикш шла и на улицах Пикаля. Продавали всякую всячину: свечи размерами от мизинца до полутора метров в длину,

статуэтки Христа, поделки из серебра, тростника то-торы, медвежьих когтей, тапочки из меха ламы, индейские мокасины и «археологические древности», найденные в горах.

Назвать город зеленым было нельзя, тем не менее деревья и кустарники на его улицах и площадях, где почти не ходил транспорт, встречались часто: низкие оливковые деревья, реликтовые кенуали, альгарробо, виноград и низкорослый кустарник тола, напоминающий можжевельник. Попадались и манговые, и даже бананы, оплетенные ползучим вьюном.

Альпинисты обошли Пикаль за два часа, побывали у Кальбидо, здания городского совета, посетили развалины какого-то древнего замка, возле которого высились серебристые резервуары нефтеперегонного завода «Кочан», и, усталые, побрели в отель, делаясь впечатлениями. В Пирин, который был построен на северной окраине города, в стороне от людской суеты деловых и торговых кварталов, решили явиться на следующий день. Времени у них было много, первая экспедиция в горы была назначена на октябрь, ближе к лету, к хорошей погоде.

ПАРАКАС, ПИКАЛЬ

С тех пор, как в Пикале был построен исследовательский археологический центр Пирин или, как его называли приученные к лаконичности жители города, П-сентре, у начальника полиции Доминго Рауля Эрнандеса не было спокойного дня. Он сразу был вовлечен в странные события, порой жуткие, порой курьезные, но всегда исполненные тайного и темного смысла.

Началось все с убийства Карлоса Хонтехоса, известного во всем Паракасе ученого-паракиниста,

ставшего заместителем директора Пирина. А затем пружина событий начала закручиваться все туже и туже, не оставляя времени на тщательный анализ обстановки и размышления о долге полиции «сохранять мир и спокойствие».

В день приезда группы горноспасателей из Швейцарии, которым доверен был штурм стены Тумху, скрывающей за собой долину Пируа, из склада Пирина были похищены пять комплектов снаряжения для альпинистов. В тот же день произошла авария в аэропорту Пикаля, если можно назвать аэропортом взлетную полосу длиной в две мили и одноэтажное бунгало с двускатной крышей, построенное из адобе — глиняных кирпичей: трехместный вертолет «Бертелли», как оказалось, не принадлежавший ни одному из гражданских ведомств, ни экспедиции, врезался в ангар с авиатехникой Пирина и взорвался. Взрыв разворотил алюминиевую крышу ангара, останки вертолета упали на тягач, начался пожар, но, к счастью, взорваться и гореть в ангаре было нечему. Пожар затушили, а из кабины извлекли троих: двое — летчики, третий — индеец-пигмей из долины Пируа. Как он попал в кабину «Бертелли», никто сказать не мог, потому что оба пилота скончались в госпитале Пикаля спустя три часа после аварии. Индеец остался жив, но молчал, не понимая вопросов, заданных ему специалистами по южноамериканским языкам, вызванными из Пирина.

Эрнандес лично участвовал в расследовании причин аварии наряду с экспертом Интерпола, прописавшимся в Пикале после открытия долины Пируа, но результатов не добился: вертолет не регистрировался в хозяйстве Пирина и не был приписан ни к одному из аэродромов страны, в том числе и к военным, а пилоты не числились в списках обслуживающего аэродром Пикаля и экспедиции персонала. Точка.

Капитан, как и после убийства Хонтехоса, связался со службой безопасности в Шочипилье, проанализировал возможные места нарушения границы разбившимся вертолетом, предполагая, что тот летел откуда-то из-за границы с Боливией, но сотрудник безопасности посоветовал Эрнандесу заниматься своими делами и не мешать. И капитан сделал вывод, что его служебное рвение имеет пределы. Тогда он взялся за изучение долины Пируа, справедливо полагая, что это может пригодиться ему в ближайшее время: как только передовая группа экспедиции найдет проход в долину, начнется новый этап ее прямого изучения, связанный с определением границ использования ее археологических памятников и установлением государственного контроля за соблюдением правил экоэтики. Однако оказалось, что информация о долине Пируа уместается на трех страницах машинописи. Летчики, открывшие долину, и единственная группа исследователей, сумевшая на вертолете пробиться в Пируа и прожить там четыре дня, слово в слово повторяли одно и то же: долина вытянута в меридиональном направлении, разделена, как соты, перегородками из скал на десятки почти недоступных участков, заросших мощным покровом сельвы, и представляет собой идеальный «затерянный мир» по Конан-Дойлю, разве что без реликтовых представителей фауны вроде летающих ящеров и динозавров. Но останки древнеиндейских сооружений археологи обнаружили, и очень богатые, судя по описаниям, хотя для их изучения нужны были десятилетия и усилия многих сотен специалистов из разных стран.

Тогда капитан стал без особой цели составлять досье на прибывающих в Пикаль иностранцев и паракасцев, не предполагая, к чему это его приведет в ближайшем будущем. Для этого дела он выделил молодого и смышленного инспектора Алехандро

Фьерро и дал ему в помощь сержанта Вюмера, немца по национальности, пожилого, но неглупого и умеющего держать язык за зубами. В тот же день Эрнандесу позвонили из Сегуридад, и уже знакомый работник безопасности сказал в трубку не очень вежливо:

— Капитан, оставьте самодеятельность. Ваше дело — поддержка порядка во вверенном вам регионе, международный исследовательский центр — не ваша епархия, как и прибывающие иностранцы. Как и уголовные дела, с ними связанные. Если появится необходимость, мы вас привлечем. Уяснили?

Капитан уяснил и дал зарок ни во что не вмешиваться, даже если Пирин взлетит на воздух, хотя совсем не работать он не мог.

За прошлую неделю в Пикаль, кроме альпинистов Нерана и Торвилла, а также начальника экспедиции Косински с помощником Миллером, прибыли врач Дэвид Аллен, американец; представитель комиссии экононадзора ООН Рыбин, русский; эксперты-археологи Сигурд Ингстад, норвежец, и две женщины — Джой Эксмур и Мириам Фитлинн. Джой работала врачом, Мириам — ботаником. Обе женщины, судя по описаниям Алехандро, были из разряда «старых дев», и почему их в предпенсионном возрасте понесло в Паракас, в горы, Эрнандес понять не мог.

Проанализировав поступившие материалы, капитан запер их в сейфе, пообедал в кафе «Баньян» и снова приехал в аэропорт. Его необъяснимо тянуло туда, словно тайна разбившегося вертолета была крепко связана с его собственной судьбой.

Инспектор Кеведо-и-Вильегас, официально занимавшийся разбившимся вертолетом, встретил его на поле возле автофургона с эмблемой компании «Птичий глаз»: два голубых переплетающихся кольца и в центре глаз орла.

— Как дела, Уго? Что удалось выяснить?

Инспектор, тучный, лоснящийся от пота, потрогал свои длинные усы.

— Шеф, по аварии ничего нового выяснить не удалось. Не задень они старую антенну возле ремонтного ангара, ничего бы не случилось и никто ничего бы не узнал. Но тут есть занятная деталь. — Капрал снова подергал ус, понизил голос. — Возле ангара крутится подозрительный тип и, кажется, тоже интересуется разбившимся вертолетом.

— И кто же он, узнал?

— Нет, сеньор капитан. Молодой и ловкий, выше вас, в серых брюках и рубашке, сумка через плечо.

— Хорошо, разберемся. Пошли еще раз посмотрим на это место.

Ангар с ремонтирующейся техникой обслуживания аэропорта, где произошла авария, уже функционировал: алюминиевую крышу в месте взрыва залатали, поврежденную технику починили, пятна гари смыли и покрасили.

Эрнандес с любопытством прошелся по ангару, в котором было не так жарко, как снаружи, разглядывая моечные машины, автотрапы, тягач, трактор и заправщик. Ангар изнутри казался больше, в нем было сумрачно, гулял сквозняк, принося запахи бензина, солярки, масел, нагретого металла. Возле одного из скипов стоял вертолет «Бертели» без стекол со снятым винтом и помятым носом. В кабине возился техник в комбинезоне с «глазом» на плече, еще трое выправляли обшивку, грохоча пневмокувалдами. За вертолетом шумел вентилятор, автопогрузчик укладывал в стену контейнеры.

Капитан понежился в струе воздуха от вентилятора, побродил вокруг вертолета, стараясь не мешать работающим, попытался представить, как произошла авария.

Поскольку вертолет взорвался, значит, бак с горючим был полон, поэтому причиной аварии отсутствие топлива быть не могло. Остается грешить на пилотов: либо они были неопытны, либо не учли какие-то факторы, пролетая мимо антенны.

Эрнандес обошел тягач и не заметил, что за ним пристально наблюдает один из техников ангара.

Итак, пилоты... Неопытность отпадает, в условиях аэропорта, расположенного в горах, гробануться можно в два счета, значит, работать здесь должны асы. А какие факторы могли не учесть пилоты? Внешние отпадают, погода была тихая, безветренная, видимость отличная. Внутренние, скажем, пилот был пьян... чепуха, его не выпустили бы на трассу. Хотя не исключено. Неполладки в управлении? Комиссия таковых не нашла. Был странный маневр, словно пилота кто-то подтолкнул под локоть, в результате чего вертолет рыскнул в сторону и вниз и врезался в старую антенну.

Эрнандес задумчиво погладил горячую стенку одного из боков ремонтной мастерской.

Маневр... словно пилота толкнули... кто мог его толкнуть? Напарник? Он не самоубийца... тогда остается индеец-абориген, обнаруженный в кабине. Куда его дели потом?..

Кто-то дотронулся до плеча капитана.

— Салют, камарадо.

Эрнандес оглянулся и узнал того самого сотрудника «Департаменте Сегуридад» — паракасского департамента государственной безопасности, с которым беседовал по делу Хонтехоса месяц назад с глазу на глаз.

— Отойдем, капитан, — сказал сегуридо, молодой, загорелый, спокойный.

Они вышли из ангара под защиту фургона «Континенталь».

— Что вы здесь делаете, сеньор Эрнандес? Мы же с вами обо всем договорились и по телефону беседовали о том же: не суйтесь в это дело, оно вне вашей компетенции. Лавров оно не принесет, а для продвижения по службе достаточно четкой организации работы полиции при ловле торговцев наркотиками. Ваша самодеятельность доставляет нам только лишние хлопоты. Уберите этого болвана с аэродрома и давайте больше не возвращаться к этой теме. Идет?

Эрнандес сдвинул фуражку на затылок, сплюнул на бетон и засек время, за которое плевок испарился наполовину.

— Двадцать семь градусов, — сказал капитан полиции и поднял безмятежный взгляд на собеседника, который не уступал ему в умении держать себя в руках. — Я понял вас. Эдак я и вовсе останусь без работы, а? Если понадобится, звоните, всегда к вашим услугам.

Эрнандес вскинул два пальца к фуражке и, окликнув капрала, зашагал к зданию аэропорта. Однако не дойдя тридцати шагов, повернулся к видневшейся из-за бунгало наблюдательной вышке. Полицейский рысил сзади, обливаясь потом и мечтая о глотке воды.

Капитан поднялся на вышку, где за стеклом торчали трубы дальномера, и панорама Пикаля в окружении сельвы и гор развернулась перед ним во всем великолепии. Минут двадцать он разглядывал поле аэродрома, горную цепь на юге, стену Тумху на севере, за которой пряталась долина Пируа, а еще дальше — граница, и сказал вслух:

— Ясно, что вертолет летел с севера. Солнце светило им в глаза, вот летчики и налетели на антенну.

Эрнандес бросил последний взгляд на горы и увидел высоко над ними черную точку — это парил король Анд — кондор.

ШОЧИПИЛЬЯ — ПИКАЛЬ

Наутро голоногая горничная в голубой юбке с крохотным белым фартучком принесла ему конверт.

— Это вам, сеньор.

Улисс удивленно пожал плечами.

— Мне? Вы не путаете, сеньорита?

— Нет, велено передать альпинисту Улиссу из двадцать первого номера. Вы Улисс?

— Вчера еще был Улиссом, благодарю вас.

Оставшись один, Джонатан, тщательно осмотрел и прощупал конверт, но никакого подвоха не обнаружил. Внутри, судя по всему, клочок бумаги, и все. Интересно, кто мог знать, что в Шочипилье он остановится в отеле «Маури», да еще в двадцать первом номере? Улисс вскрыл ножом конверт, поймал выпавший листок голубой банковской бумаги с водяными знаками, на котором было начертано всего одно слово по-английски: «Берегись!»

Хмыкнув, Улисс посмотрел бумагу на просвет, на всякий случай подержал над пламенем зажигалки — ничего, пусто, и спрятал послание в карман саквояжа. Оделся в свой обычный костюм: джинсы, белоголубая майка с эмблемой фирмы «Кено», перекинул через плечо ремень фотоаппарата «Миналта» и отправился по обычному маршруту: «старый город» — площадь Оружия — Муниципалитетский дворец — улица Уанкавелика.

Улицы «старого города», мощенные булыжником и адобе, были забиты толпой туристов, на площади Оружия с фонтаном и светильниками прошлого столетия народу было поменьше, а на улицах, огибающих Президентский и Муниципалитетский дворцы с тыла, бродили только кошки и редкие случайные прохожие: жилых домов здесь не было. Улисс сделал несколько снимков Президентского дворца, не

обращая внимания на охранников, наблюдавших за его манипуляциями, и направился прямо к ним.

— Простите, капитан, — обратился он к сержанту-полицейскому по-испански. — Я репортер, представляю «Диарио де ла тардэ». Разрешите сделать пару снимков этого великолепного реликта с газона внутри?

Сержант сделал непередаваемый жест, могущий означать все что угодно, от разрешения до отказа. Он был молод, но опыт имел немалый и на обращение «капитан» не реагировал совсем.

Улисс подошел к ограде и снял то место, где был убит комиссар полиции Альберто Тауро дель Пино.

— Говорят, у вас тут месяц назад произошла какая-то история с комиссаром, — сказал он и посмотрел на второго охранника, смуглого верзилу с лицом красавчика херувима.

— Так бы сразу и сказал. — Сержант снисходительно сплюнул под ноги. — Проваливай, писака. Все, что можно выжать из этого дела, газетчики уже выжали, ты опоздал.

— Да? — Улисс разыграл жадное любопытство, что в общем-то и не надо было особенно разыгрывать, и сожаление. — Наши читатели любят сенсации, особенно в разделе уголовной хроники. Я аккредитован в столице, но, к сожалению, был в отъезде. Капитан, всего два слова для нашей газеты: что здесь произошло? Кто убил комиссара и за что? И правда ли, что он умер только через час, хотя в него попало сто пуль? Назвал ли он имя убийцы?

Полицейские, настроенные добродушно, переглянулись, сержант покачал головой.

— Все газетчики одинаковы, способны из мухи сделать слона, и откуда это в вас берется? Слышал, Гарсиа? — Сержант посмотрел на своего напарника. — Сто пуль! В то время, как в комиссара попало всего тридцать две. И умер он почти сразу, через

пару минут, а не через час. Откуда ты набрался такой чепухи, приятель? Спрячь игрушку, не то засвечу пленку, здесь нельзя фотографировать.

— Так ведь писали... — Улисс нехотя засунул фотоаппарат в футляр. — Всего-то две минуты? Из этого сенсации не выжмешь. Извините, полковник, видимо, придется искать другой материал. Спокойного дежурства.

Улисс перешел улицу, оглядываясь с видом великого разочарования, сфотографировал еще раз ограду и будку охранника и незаметно выключил миниатюрный кассетник в кармане рубашки. М-да, сеньор сержант, только таким лопухам, как вы, и охранять Президента. Комиссар Пино жил *две минуты* после того как в него попало тридцать пуль, из них двенадцать разрывные и две — в голову! Как такое возможно?..

Джонатан свернул на улицу Кьедрас-Неграс, и в это время в десяти шагах от него затормозил оранжево-голубой пикап с эмблемой «Птичьего глаза». Из него выскочили, щурясь на солнце, трое крепких парней в одинаковой униформе: серые джинсы и серо-белые куртки с короткими рукавами, с кармашками на груди и на боках, белые кепи. Делают вид, что вышли размяться. Интересный поворот.

Улисс нагнулся, завязывая шнурок на кроссовках. Сзади в тридцати шагах еще трое, одетые в местные вестидо: коричневые пончо, большие соломенные шляпы, сандалии из грубой кожи, но все трое выделяются из толпы прохожих особой поступью, упругой и в то же время словно крадущейся. Какого рожна им надо? Еще одна проверка на прочность? Не слишком ли много проверок для скромной особы бывшего альпиниста, а сейчас тренера в школе физической подготовки? Соблазненного большим денежным призом за восхождение на

стену Тумху в Пикале, завербованного для этой цели руководством экспедиции в долину Пируа?

Джонатан остановился возле стеклянной витрины посудной лавки и сделал вид, что разглядывает ажурное керамическое блюдо. Но молодцы из «Птичьего глаза» искали именно его. Один из них остановился за спиной и похлопал Улисса по плечу:

— Очнись, сеньор фотокорреспондент, хочу тебе кое-что напомнить.

Джонатан оглянулся через плечо. Ба, знакомые все лица — один из вымогателей в гостиничном номере! Тот, что подходил сзади. Привычка такая? Или он всегда выступает вторым номером?

— Гони монету, — продолжал молодой верзила, держа правую руку так, как держат профессионалы каратэ. — Только такса несколько увеличилась со вчерашнего вечера.

Он не знал, что Улисс был специально тренирован для нападения из самых невыгодных с виду положений.

Удара не заметил ни сам вымогатель, ни его друзья, ни прохожие, собственно, это был и не удар — Улисс безошибочным выпадом пальца нашел тян-ту — нервный узел яремной выемки на груди парня. Тот мягко осел на тротуар.

— Помогите, ему плохо, — позвал Джонатан оторопевших дружков потерявшего сознание «грабителя». Пока те соображали, в чем дело, Улисс быстро пересек улицу и нырнул в переулок, заметив, что тройца компаньерос в шляпах, подстраховывающая основных задир, в нерешительности мнетя поодаль.

Вернувшись в гостиницу, он упаковал вещи, вызвал такси и через час был в аэропорту, откуда начинался его путь к месту основных событий — в Пикаль. В Шочипилье ему больше нечего было делать.

Время полета он проспал, убедившись, что никто им не интересуется ни в открытую, ни исподтиш-

ка. При посадке полюбовался горным пейзажем и разливом сельвы к северу от Пикаля. Как и везде на высокогорьях, сельва Паракаса делилась на три яруса: верхний, высотой в сто — сто двадцать футов, состоял из гигантских сейб, эвкалиптов, кипарисов, гинкго и акаций; средний ярус был представлен бобовыми, омбу, панданусами, пальмами и аралиями, называемыми паракасцами муку-муку, а нижний состоял из различных пексовых кустарников, папоротников, бромелий, орхидей и аронника. Конечно, с высоты Улисс не мог оценить ее снаружи и изнутри.

Аэродром Пикаля — каменная площадка длиной в милю и шириной в пятьсот футов, с тремя бетонными языками разворота и выхода на взлетную полосу — охранялся нарядами полиции и имел пропускную зону. Особенно тщательно проверяли груз отлетающих пассажиров, а вещи вновь прибывающих осматривались формально, в чем Улисс убедился лично.

Охранялся аэродром серьезно, и не зря: уже дважды за историю его открытия случались инциденты со стрельбой — во время попыток контрабандного вывоза золотых и археокерамических украшений, бесценных реликвий исчезнувших праиндейских цивилизаций Паракаса, оставивших в окрестностях Пикаля заметный след.

Всех прибывающих специалистов экспедиции обслуживали транспортники компании «Птичий глаз», заключившей с правительством страны контракт на комплексное обслуживание всех археологических групп и этнографических экспедиций, и Улисс был доставлен в отель «Ривьера» вполне комфортабельно вместе с веселым французом-археологом Гийомом Карсаком, с которым познакомился по дороге. Инициатором знакомства был Карсак, неплохо говоривший по-испански.

Они поселились в соседних номерах и после необходимых формальностей поехали знакомиться с Пиринем, располагавшимся за городом в окружении живописных скал и роскошной зелени.

Пирин представлял собой круглое двухэтажное здание диаметром в сто двадцать футов из алюминия и сипорекса — легкого пористого бетона. Сверху он был похож на спортивный диск с ручкой: в «ручке» прятался хозяйственный комплекс — электроподстанция, водоочистка, душевая (вода бралась рядом, в реке под языколомным для европейца названием Пикальотльопока, и все приезжие называли ее короче — Пикалька), столовая, бар, склад и материально-техническая база. Диск был собственно гостиницей с небольшими конференц-залом — он же кинозал, фотолабораторией и кабинетом директора. Гостиница еще не работала, хотя многие из приехавших ученых уже в ней жили, как, например, директор Пирина доктор археологии Хулио Энрике Эчеверриа. Но ее открытие было не за горами — ждали приезда начальника экспедиции в Пируа.

На крыше здания был оборудован солярий и вертолетная площадка. В общем, сделал вывод Улисс, строился Пирин с размахом, и надо признаться, строительные фирмы «Птичьего глаза», настоявшие на своем проекте и сорвавшие на этом в ЮНЕСКО немалый куш, свое дело знали.

Вновь прибывших встретил хмурый молодой парень в бело-сером форменном костюме с нашивками старшего администратора и эмблемой «глаза». Звали его Леннард. Американец. Представившись и не давая времени осмотреться, он повел гостей из «карантин-приемника» — холла — по коридору на второй этаж, где располагался кабинет директора. Процедура знакомства не заняла много времени, директор был занят разговором с какой-то молодой женщиной

поразительной красоты, судя по смуглому тонкому лицу — испанкой или креолкой. После этого Леннард повел их в жилую зону, не обращая внимания на заявление француза, что он «готов на любые условия, если здесь есть такие женщины!».

— Поселю вас в английском секторе, — сказал администратор. — Каюты уже приготовлены, можете переезжать из отеля хоть сегодня. Надеюсь, нет смысла доказывать, что это удобней, чем каждый день добираться сюда из города.

— Если комнаты уже готовы, то я вселяюсь немедленно, — обрадовался темпераментный Карсак. — Не имеет значения, в каком секторе мы будем жить. Кстати, эта мадам... у директора... тоже сотрудник института?

— Тоже, — сухо отрезал Леннард.

— А как ее зовут? И где она живет?

— Вы задаете слишком много вопросов, а у меня мало времени. Ваши номера на первом этаже, сеньоры, вот ключи. Остальные вопросы — к вашим непосредственным руководителям или к господину Миллеру, это наш квартирьер. Всего доброго.

Леннард кивнул и удалился, прямой и чопорный, как настоящий администратор.

Карсак фыркнул, разразился тирадой о несносном характере янки, но Улисс его не поддержал. Они нашли свои комнаты-каюты: каждому досталась отдельная, что, безусловно, являлось роскошью в условиях походно-экспедиционного исследовательского центра, — и с любопытством ознакомились с их внутренним убранством.

Видимо, подбором мебели и обстановки в каютах занимались люди, знающие толк в уюте. Каюта Улисса состояла из двух крохотных комнат: туалетной и спальни-гостиной. Кровать убирается в стенку, в углу телефон, мини-телевизор «Сони», бар, два кресла и столик в стиле мебели эпохи короле-

вы Анны — под ореховое дерево, гнутые ножки, изящные обводы.

На одной стенке комнаты картина в дешевой раме — библейский сюжет, подражание наивной манере художников пятнадцатого века. Улисс подошел ближе, хмыкнул. Д.Г.Россетти¹. Копия, конечно, но копия на взгляд дилетанта очень удачная.

На второй стене цветная фотография — не то каньон Колорадо, не то долина Замков: потрясающей красоты горный провал, величественные горные вершины и причудливые скалы, хаос оранжевых, коричневых, алых, черных теней, а на одной из скал — фигурка альпиниста. Значит, комнату готовили именно для него. И готовили, судя по всему, англичане. Или для англичанина, каковым и является Джонатан Улисс, родившийся в Корнуолле более тридцати лет назад.

Улисс походил по комнате — три шага от двери до двери. Интересно, предусмотрено ли в здании кондиционирование в летнее время? Кондиционера не видно. Или у них кондиционирование централизованное? Похоже на то, вон и решетка в потолке — для поддува. Джонатан подставил руку: из отверстия, забранного мелкоячеистой сеткой, шел слабый ток холодного воздуха.

В углу вдруг свистнул телефон. Вероятнее всего, кто-то из администрации Пирина, проверяет связь. Но это был Гийом:

— Осмотрелся? Зайди, полюбуйся на мои апартаменты.

Улисс толкнул дверь каюты француза.

Ультрасовременная обстановка: мебель в стиле «мобайл», на потолке вентилятор, на стенах фото-

---

¹ Д. Г. Р о с с е т т и — представитель школы прерафаэлитов, течения в английской живописи середины девятнадцатого века, ставившего целью восстановление принципов искусства раннего Возрождения.

графии почти обнаженных красавиц, «пин ап»¹, как говорят англичане. Эта комната явно готовилась для любителя обнаженной натуры.

— Как тебе это нравится? — сказал Карсак, улыбаясь во весь рот; он успел принять душ и вытирал влажные волосы бумажным полотенцем. — Я не ожидал, что у них здесь прямо-таки комфорт! — Жест на фото красоток. — Узнали, подлецы, мое хобби. Что собираешься делать? Я, наверное, махну за вещами в отель. Надо было сразу сюда ехать, только время потеряли. А ты?

Улисс отрицательно качнул головой.

— Я, пожалуй, ночь пересплю в отеле, поищу своих старых знакомых, они должны были прибыть раньше, а утром перееду.

— Как знаешь. А я пойду поищу ту красотку, что сидела у директора. Интересно, она тоже археолог или из команды обслуживания?

Улисс покачал головой, поцокал языком и вышел, провожаемый смехом Гийома.

Посидев в своей каюте несколько минут, он вдруг с удивлением обнаружил, что тоже думает о женщине, прикидывая, кто она и откуда. Усмехнувшись, Джонатан встал и внимательно осмотрел свою каюту.

Туалетная, сверкающая пластиком под розовый мрамор, была чиста, зато в телефоне обнаружился «микро» — подслушивающий аппарат размером со спичечную головку. Радиус действия «микро» не превышал двадцати ярдов, поэтому приемник должен быть установлен где-то поблизости, в какой-то из кают или недалеко от здания. Кто же это такой любопытный? Неужели во всех комнатах установлены такие «жучки»? Или только в каюте альпиниста Улисса?

---

¹ «П и н а п» (англ.) — фото красотки из журнала, приколотое к стене.

Джонатан осмотрел себя в зеркале и остался доволен: полуспортивный костюм — голубая рубашка с погончиками, синие шерстяные брюки, кроссовки — выгодно подчеркивал его фигуру. Неплохо. Пусть всем будет ясно, что идет спортсмен, в меру модный и недалекий, на лице которого написано презрение ко всем дохлякам и интеллигентным хлюпикам.

Вернувшись в отель — подвез фургон «Континенталь», перевозящий продукты для Пирина, — Улисс поужинал в ресторане и отправился по значным местам Пикаля, питаемым в основном приезжими туристами, с интересом разглядывая вывески магазинчиков и лавок, называемых в Паракасе «кикуче». Их было много — в основном продуктовые и овощные лавки, заваленные фруктами, орехами, копченой рыбой, сушеным мясом, и антикварные, торгующие всякой всячиной от статуэток, «сделанных руками инков», до изделий из багасо — бумаги из трухи сахарного тростника или из тростника тоторы. Встречались пикантерии — закусочные, салуны, кинотеатров было два — «Ягуар» и «Кондор», в обоих шли американские фильмы.

Ради любопытства Улисс пару раз заглянул в бары, но обстановка в них была свойственная всем барам: толпа у стойки, пивные автоматы, дым коромыслом, в воздухе витают устойчивые запахи пива и рыбы.

Управление полиции располагалось на улице Кикуйо, где основными торговыми заведениями были газетные киоски и табачные лавки. Запахи в этом районе города плавали необычные: нагретого асфальта, йода и не то корицы, не то кожуры банана. Изредка на улицу, по которой ездили на велосипедах и очень редко на автомобилях, просачивались звуки музыки, смех, возгласы, приглушенный говор и странные щелчки, то одиночные, то сериями, похожие на далекие выстрелы. Заинтриго-

ванный Улисс «запеленговал» источник звуков и вышел к тиру.

Дверь тира, разрисованная системами оружия, открылась, выпуская группу хохочущих молодых людей в форме летчиков, с нашивками эмблемы «Птичий глаз». По-видимому, корпорация прибрала к рукам все хозяйство Пикаля, некуда было глянуть, чтобы не наткнуться на ее всевидящий «глаз». Улисс поколебался немного и вошел.

У стойки с винтовками, пистолетами и автоматами «Арвен-37» разговаривали двое: хозяин тира, лысый брюнет с бочкообразным туловищем, и пожилой негр в белом костюме. Третий посетитель, худой длинный хмурый парень, упорно всаживал пулю за пулей в противоположную стену помещения, изредка попадая в мишень.

Оба собеседника мельком посмотрели на Улисса, потом перестали разговаривать и молча уставились на него.

— Добрый вечер, — вежливо пробормотал Джонатан и, чтобы не показаться смешным, подошел к стойке с оружием.

Молодой человек продолжал стрелять из американской винтовки «М-14», ничего не видя и не слыша.

Улисс осмотрел богатый арсенал, из кучи пистолетов выбрал длиннорылый «магнум» с глушителем. Хозяин выдал ему две обоймы и показал мишени: фигурки экзотических зверей, горбоносые профили индейцев, автомашины, вертолеты.

Джонатан сделал пристрелочный выстрел, прикидывая отдачу, ход курка, твердость руки. Потом в три секунды расстрелял обойму, поразив семь мишеней. Лишь в одну мишень он не попал — не то рысь, не то леопард.

Нескладный стрелок рядом смотрел на Улисса открыв рот.

Джонатан, покачав рукой, определяя усилия для переноса пистолета, сделал еще одну мгновенную серию выстрелов, не промахнувшись на этот раз ни в одну мишень.

— Фаст дроу¹, — с уважением проговорил хозяин тира басом. — А вы, сеньор, стрелок экстра-класса, такие к нам еще не забредали. Меня зовут Гарсиа, Гарсиа Перрейра. Вы приезжий? Куда — ясно, в П-сентре, а откуда?

— Италия, — сказал Улисс. — Но я англичанин, альпинист.

— О, монтанеро! Уважаю! Буду рад видеть вас у себя чаще, сеньор, вы хорошая реклама моему заведению.

Выйдя из тира, Улисс поздравил себя с удачей: завтра в Пирине все будут знать, что прибывший из Италии альпинист — хороший стрелок, а это не только реклама, но и предупреждение.

В ресторан отеля «Ривьера» Улисс добрался поздно вечером, так и не обнаружив слежки. Видимо, его решили на время оставить в покое, удовлетворившись прямолинейной проверкой «на прочность». Он был тем, за кого себя выдавал.

Ресторан был как ресторан, разве что размерами поскромнее обычных ресторанов Европы. Зал шестиугольной формы, на стенах панно: морские пейзажи с парусниками. В одном из углов на возвышении — музыкальный автомат и пианино, на котором розовощекий юнец в экстравагантном серебристом костюме исполнял что-то в стиле кантри.

Улисс насчитал тринадцать столиков, все были заняты. В центре зала танцевала под музыку всего одна пара. В воздухе витали приятные цветочные ароматы, с потолка тянуло прохладой.

---

¹ Буквально: «быстрое вытаскивание», переводится как «чемпион по стрельбе» (англ.).

Джонатан прошел к стойке, поздоровался с барменом, ознакомился с перечнем напитков и заказал «Кит-марк тоник», коктейль из ананасового сока, нескольких капель ликера и долек лайма. Бармен мгновенно выполнил заказ и придвинул вазу с какими-то плодами, напоминавшими виноград, но крупнее.

— Попробуйте местных деликатесов, сеньор, это ягоды жаботикабы. Вы, очевидно, впервые у нас?

Улисс кивнул, не удивляясь прозорливости бармена, отведал синеватый, с глянцем плод, имеющий приятный винный привкус, как у мускатных сортов винограда.

— Ну как?

— Благодарю, превосходно.

Улисс еще раз оглядел зал и вдруг увидел француза Карсака в незнакомой компании, центром внимания которой была давешняя красавица креолка из кабинета директора Пирина. Гийом, судя по всему, был в своем репертуаре, занимая место «души общества» и веселого рассказчика. Женщин в зале было не много, и на собеседницу француза посматривали из-за соседних столиков. Джонатан задержал на ней взгляд и чем больше рассматривал, тем больше убеждался, что девица, во-первых, бесспорно мила, во-вторых, чем-то похожа на известную американскую актрису Джоан Боулд, а в-третьих, не так проста, как хочет казаться. Что ж, ради любопытства можно и познакомиться.

Обогнув танцующих, Улисс подошел к сидящим за столиком, поздоровался и вместе с восклицанием Гийома «Вот и наш альпинист» получил острый и оценивающий, совсем не женский, взгляд креолки. Ого! Это взгляд мужчины, а не красивой девушки! Недаром она даже издали кажется независимой и производит впечатление сильной натуры.

— Знакомьтесь, — сказал Гийом. — Это Джонатан Улисс, альпинист и вообще хороший парень. Анхелика Форталеза¹.

— Понял.

Улисс осторожно пожал протянутую маленькую руку. На безымянном пальце девушки сверкнул дивной красоты золотой перстень с выпуклым изображением горбоносого индейского лица из матово-черного камня. Порфир, определил Улисс.

— Зовите меня просто Хели, — предложила девушка низким грудным контральто на отличном английском. Глаза у нее были большие, серые, лачистые, и не верилось, что она способна смотреть, как прицеливающийся стрелок.

— А меня можно просто Джо, — ответил Улисс ей в тон, стоически отражая прямой вызов ее взгляда.

Он сел, без удивления отметив, что его бородастый сосед, судя по внешности скандинав, тоже не сводит с Анхелики взволнованных сверкающих глаз. «Красавец, — с иронией подумал Улисс, — хоть бы крошки выбрал из бороды. Неужели он тоже на что-то может претендовать? Да в его взгляде можно спокойно прочитать все, о чем он мечтает. Господи, я понимаю, что ты не можешь создавать всех умными и добрыми, но и дураков следовало бы делать поменьше, ибо это по крайней мере жестоко!..»

Гийом назвал всех компаньонов, среди которых оказался даже один русский (скандинав был норвежцем, звали его Сигурд Ингстад, русского — Алекс Рыбин), налил Улиссу бокал «Черного рыцаря». Тот пригубил вино и, продолжая незаметную для других дуэль взглядов с Анхеликой (черт возьми, она совсем не робка, эта куколка, и умеет держать себя в незнакомой компании!), пропустил вопрос француза мимо ушей.

Крепость (исп.).

— Готов! — сказал Гийом в наступившей тишине и засмеялся. — Хели, вы разите наповал! Джо, старина, очнись.

Джонатан улыбнулся, отпил глоток «Рыцаря» и поставил бокал.

— Не отрицаю, сражен. Но мне кажется, из вас тоже никто не ожидал встретить в Пикале...

В глазах девушки сверкнул иронический блеск.

— Ну-ну?

— Венеру, — вывернулся Улисс.

Компания развеселилась.

— Мы тут беседуем о загадках долины, — сказал русский, полный дружеского сочувствия. — Анхелика — старожил Пируа-института и вообще Пикаля и знает много интересного.

Улисс поймал на себе неприязненный взгляд норвежца. Вероятно, Ингстад уже заподозрил в нем соперника, потому что в его взгляде ясно читались угроза и вызов. Спасибо за откровенность, сеньор Ингстад.

— Очень жаль, что не пришел раньше, — сказал Джонатан искренне. — Меня тоже волнуют загадки долины, в том числе главная — когда я получу гонорар. А если без шуток, то интересно, когда и откуда пришли в долину предки современных аборигенов. Насколько я информирован, культура Пируа отличается, хотя и незначительно, от всех древнепаракасских культур Викас, Уари, Окендо, Чавин, а также тольтекской и инкской.

Рыбин засмеялся, а Гийом воскликнул с восхищением:

— Аппетит явно исследовательский, а не альпинистский! Просто диву даешься, откуда ты все это знаешь? Боюсь, друзья, Джо не ограничится покорением стен Тумху, его интерес уплыл в археологию и параканистику.

— Да, это загадка, — задумчиво проговорила Анхелика. — Культура индейцев Пируа напоминает

культуру клиф-двеллерс — жителей скальных городов, имеет много общего с культурой Чавин, во всяком случае, найдены археологические памятники культуры с петроглифами в чавиноидном стиле, но в ней есть сходство и с азиатской традицией, особенно с древней японской культурой ДзEMON. Но главное, что ее отличает от других — тяга к золотым украшениям. В искусстве золотойковки, скани индейцы Пирау, кажется, не имеют себе равных в Южной и Центральной Америках. Вернее, не имели. И немудрено: древние перуанцы открыли здесь богатейшие месторождения самородного золота и разрабатывали его в течение нескольких веков.

— Интересно! — искренне сказал Улисс.

— Еще бы. — Анхелика едва заметно усмехнулась. — Так вы альпинист? Любопытно.

— В настоящее время он мальчик, потерявший голову, — вставил Гийом и похлопал Улисса по спине. — Пройдет, Джо, голова тебе еще пригодится. Может быть, потанцуем? — Француз чувствовал, что инициатива ускользает от него, и сдаваться не хотел.

Анхелика покачала головой.

— Благодарю, сеньоры, мне пора. Очень рада была познакомиться. Надеюсь, Джонатану Улиссу удастся проложить дорогу в Пирау, к золоту.

Она встала, помахала рукой на прощание, отмела попытку Гийома проводить ее и пошла по залу к выходу. Вся компания молча смотрела, как она идет.

Форталеза была не просто красивой женщиной, она была вызывающе красивой, хотя и не переступала границ нон-ю¹ ни в одежде, ни в поведении, и редко кто из мужчин в зале не оглядывался вслед.

Не очень высокая, тонкая в талии. Волосы некрашенные, свои, светлым водопадом скрывают плечи.

---

¹ Мещански претенциозный, не принятый в высшем обществе (англ.).

Одета в пушистое, обтягивающее и подчеркивающее достоинства фигуры платье. Улисс давно не видел у женщин такой походки: широкий, уверенный, твердый шаг, что при малом росте говорит о независимости и высоком уровне притязаний. И снова пришло ощущение, что он где-то видел эту женщину: смутное ощущение кино или театра... или чего-то связанного с кинофестивалем в Каннах... кого она ему напоминает? В ней действительно есть что-то от американской актрисы Джоан Боулд или это причуды памяти?

Уже на пороге Анхелика оглянулась, нашла Улисса глазами и ушла.

— Ну ты даешь! — с обидой сказал Гийом. — Пришел, увидел, победил! Не по-товарищески, Джо. Я первый сделал это археологическое открытие!

— Он же не виноват, что ты ростом не вышел, — заметил с мягкой улыбкой Рыбин. — Верно, Сигурд?

Норвежец что-то пробурчал в свой бокал.

— Как тебе удалось уговорить ее пойти в ресторан? — спросил Улисс. — Не ожидал встретить вас в городе.

— Гийом отбил ее у директора, — засмеялся русский. — Со свойственным ему нахальством он предложил ей все, что имеет, лишь бы она пошла в ресторан, она согласилась, хотя вряд ли у Гийома есть, что отдавать, кроме руки и сердца. Почему она согласилась, для меня тайна. Как и для Гийома, наверное. Она врач медсектора Пирина. Кстати, заметили у нее перстень? Найден в Некрополисе — городе мертвых в долине Пируа, так, кажется, его называют, Сигурд? Таких перстней археологи, первыми проникшие в долину и разбившиеся потом, отыскивали около десятка, и все абсолютно одинаковые.

— Перстень красивый и выглядит как новый. Интересно, сколько лет он пролежал в развалинах?

— А Бог его ведает, — вздохнул приунывший Гийом. — Покопался бы в развалинах пару дней — сказал бы. Жаль, что долина закрыта для вертолетов, давно бы там были.

— А как же те парни-археологи туда прошли?

— На вертолете, с трудом нашли голую скалу, сели, но далеко от скалы пройти не удалось, покопались рядом в развалинах, похватали, что обнаружили, и назад. А когда возвращались — что-то случилось прямо на гребне Тумху: вертолет грохнулся. Трое вдребезги, четвертый до сих пор в больнице. Говорили, что с этим делом не все чисто, но конкретно никто ничего толком не знает. Ну что, останемся на ночь здесь, в отеле?

— А тебе охота тащиться пешком в Пирин?

Они допили, что оставалось в бокалах, и покинули полупустой ресторан.

ПИКАЛЬ, УЛИЦА КОЙЛОРИТХИ

Диггори Дайамонд, помощник президента американского филиала фирмы «Птичий глаз», был одновременно резидентом ЦРУ в Пикале, переехав туда из Шочипильи после открытия долины Пируа. Это открытие послужило причиной многих бед, свалившихся на голову резидента, и главной из них было то, что в долине Пируа уже три года работала тайная биологическая лаборатория международной наркомафии «Демиург», материал для которой не надо было искать на стороне — в долине обитало племя индейцев пируа, боковой ветви некогда могучей индейской цивилизации чиму. Теперь, после открытия и связанного с ним археологического ажиотажа, резко возросла опасность рассекречивания лаборато-

рии, что усугубилось еще и преступным самоуправством ее заведующего Эриха Копмана, немца по национальности, опьяненного кажущейся неуязвимостью и вседозволенностью: в августе команда «ангелов» лаборатории без санкции сверху захватила комиссара полиции Шочипильи Альберто Тауродель Пино, археолога Хонтехоса и священника Фелипе Овехуно, и Копман проделал над ними опыты. В конце концов все трое через неделю, оправившись от лекарств, совершили побег из лаборатории, преодолели горную стену Тумху — без снаряжения и альпинистских навыков! — и, если бы не меры, предпринятые Дайамондом, дело закончилось бы весьма печально, хотя утечка информации все же имела место.

Конечно, и без этих эксцессов резиденту было ясно, что дни работы лаборатории в Пирау сочтены, однако все его усилия были направлены на то, чтобы затормозить процесс изучения долины, и в течение последних полутора лет это вполне удавалось: пока строили исследовательский центр, пока создавали фонд помощи экспедиции, уточняли ее состав, изучали подходы к долине сверху и снизу. Дайамонд мог быть доволен, он многое сделал для пользы дела, задержав начало работы Пирина на целых полтора года, но шефы в Лэнгли, а также «отцы» Дела, продолжали настаивать: сделайте все возможное, чтобы задержать экспедицию еще на год, — совершенно не учитывая создавшейся ситуации.

Долина оказалась истинным раем для археологов-параканистов и этнографов, она была буквально напичкана остатками сооружений древней цивилизации пируа. Здесь были и маунды — конические курганы с погребениями, и скальные города в пещерах, вырубленных искусственно, и культовые сооружения вроде храмов и кива — святилищ круглой формы, и остатки пуэбло — «сотовых» городов на

расчищенных некогда от сельвы плоских холмах, и Некрополис — город мертвых, общий на всю долину, и пирамиды, и водопровод, и даже своеобразная «китайская стена» длиной в пятнадцать миль, почти перегородившая долину на две неравные части.

Кроме того, в долине жило племя индейцев-пигмеев, разводившее лам и альпак — родственных ламам животных, славившихся красивой шерстью. Индейцы пируа селились в основном в тех местах, где были расположены некогда культурные и религиозные центры пракультуры пируа, словно современные пируа остались хранителями секретов и тайн исчезнувшей цивилизации. Их примитивные поселения прятались в сельве рядом с реликтовыми лепидодендровыми рощами, ставшими одним из предметов поклонения и табу. Но для «джентльменов» из «конторы» долина стала еще и источником колоссального дохода: прекрасно сохранившиеся реликвии доиндейской культуры, контрабандно вывезенные из Пируа, продавались «любителям древнего искусства» за бешеные суммы, и допустить, чтобы этот источник иссяк, они не могли, пойдя на сотрудничество с мафией.

Дайамонд знал эти обстоятельства, ему кое-что тоже перепадало с общего стола, вернее, с двух «столов», но работать ему становилось все трудней и трудней, а возможности оставались прежними, возможности большие, подкрепленные спецтехникой и прекрасной агентурой, но не безграничные, как признался сам себе резидент, отбросив обычную американскую амбициозность. Судя по донесениям агентов, роль хозяина обстоятельств уплывала из рук Дайамонда неизвестно в чьи руки, и никто пока не мог ему сказать, как долго будет длиться этот процесс и когда закончится. Правда, опыт работы в Перу, Колумбии и Боливии у Диггори Дай-

Даймонд был большой и позволял надеяться, что он вовремя учует запах жареного...

Позавтракав в одиночестве и просмотрев утренние газеты, доставленные из столицы, Даймонд, рослый, тяжелолыцый, с шапкой выгоревших волос, падавших на широкий лоб, поднялся в рабочий кабинет. А через четверть часа к нему заявился тот, кого он с нетерпением ждал уже вторую неделю: голландец Леон ван Хов, член европейского филиала «конторы». Ван Хов был невысок, с виду грузен и неуклюж, с припухшими веками и почти безгубым ртом. Ему шел сорок восьмой год, однако по физическим кондициям он не уступал хорошо тренированному «зеленому берету». Правда, об этом знал только его непосредственный руководитель.

— Хелло, Дигги, — приветствовал он Даймонда.

— Наконец-то, — буркнул тот, вставая и протягивая руку. — Я жду тебя десять дней, мог хотя бы позвонить.

— Из Европы дозвониться в эту глушь сложнее, чем наоборот, да и не было особой нужды. А у вас тут не так жарко, как я себе представлял.

— Весна — не лето. Садись. Виски?

— Ни в коем случае, что-нибудь безалкогольное и похолодней. Какого дьявола надо было прятать лабораторию так далеко? Что, в Центральной Америке уже нет места?

Даймонд налил в бокал испли — напиток местного производства — и бросил в него два кубика льда.

— Это долгая история. К тому же не мы первые вышли на Копмана.

Ван Хов отпил глоток, зажмурился, потряс головой.

— Ничего подобного прежде не пил! Сок?

— Нет, напиток, индейцы называют его испли и делают из хлеба.

— Из хлеба? У русских есть напиток квас, тоже делается из хлеба, но вкус у него другой, я пил. Расскажи все же, как вас сюда угораздило.

— Если коротко, то дело было так. Друг нынешнего босса Дела биохимик Дортман в поисках «эликсира бессмертия» — был у него такой бзик — путешествовал по Южной Америке и забрел в Пикаль. Как он нашел путь в долину — одному Богу известно, но факт остается фактом: он пробрался в долину Пируа и обнаружил там реликтовую древовидную траву в три метра высотой, сок которой оказывал на местных индейцев-пигмеев усыпляюще-одурманивающее действие. Биохимик привез сок в Европу и показал боссу, то есть Копману, который тогда боссом, естественно, еще не был. А тот в это время искал препарат, снимающий шоковое состояние у пациентов после операции с «молчащими генами». Копман ради любопытства сделал биохимический анализ сока и, хотя тот претерпел изменения после транспортировки, нашел формулу алкалоида, практически удовлетворяющего всем заданным параметрам. Так Копман оказался здесь... где его нашли «отцы» местной мафии, переросшей впоследствии в международную организацию...

— Филиалом которой подвизается теперь «Птичий глаз», — подхватил Ван Хов. — Но ведь сок можно добывать в долине и везти, куда угодно.

— К сожалению, его свойства исчезают спустя сутки после вытяжки. Ну, а когда на лабораторию вышли мы, психофармаколог и биохимик Копман стал сверхсекретной персоной, а я — его ангелом-хранителем. Удовлетворен?

— Вполне. Но к делу. Против нас начала работать СИУ.

Даймонд изменился в лице.

— «Чистилище»? Не Интерпол, точно?

— Интерпол не занимается политикой, он только навел СИУ на нас по контрабанде.

— Кто-то засветил Паракас? И почему именно Паракас? Утечка индейских раритетов может происходить и в Перу, и в Колумбии...

— Только в Паракасе остались следы цивилизации Уари и Чиму, и только в Паракасе открыта долина Пируа.

— Значит, погорел кто-то в Штатах.— Даймонд помрачнел. — Да, СИУ — серьезная фирма. — Он вдруг не удержался и, не меняя мрачного выражения лица, хохотнул. — Надо же, какая ирония судьбы: против ЦРУ начинает работать СИУ! Хотя я привык называть ее «Чистилищем». Придется привлечь весь компьютерный арсенал «конторы», а может быть, и Агентства¹, чтобы сбить их со следа.

Резидент ЦРУ хмурился не зря. За аббревиатурой СИУ крылось название международной организации по борьбе с организованной преступностью, пресечению деятельности наркомафии и тайных лабораторий, экспериментирующих на людях, — «Клин ап»², хотя профессионалы контрразведки США и стран интерблока привыкли больше к названию «Чистилище». Это была частная организация, имеющая глубоко законспирированную структуру и орган управления. За ней уже числился ряд достаточно крупных разоблачений, и не учитывать ее потенциал и возможности было бы по крайней мере недальновидно.

— Кто конкретно занимается в «Чистилище» Паракасом?

— Достоверно известен только один человек — Стэнли Миллер, начальник отделения «Эол», работающего на Южную Америку. В Паракас прибыл как квартиррьер экспедиции в долину.

---

¹ Имеется в виду Агентство национальной безопасности США.

² К л и н а п (*англ.*) — очищение территории от нежелательных элементов.

— Я знаю.

— Мы подозреваем еще несколько человек, главные претенденты из них Косински, начальник экспедиции, и приглашенные альпинисты: Неран, Торвилл и Улисс. Последнего мы проверяли на профпригодность, и хотя дерется и стреляет он хорошо, как и положено инструктору спецшколы, все же сомнения относительно его реноме не рассеялись. Он является членом «Британского Клуба Кирка», или «Клуба опасного спорта», основанного Дэвом Кирком еще в семьдесят девятом году. Эти горе-спортсмены специализируются на разного рода опасных трюках типа коррид на роликовых досках, спуска с гор на инвалидных колясках, прыжков с мостов и небоскребов, а однажды прыгнули в Ниагарский водопад на автобусе, переоборудованном в амфибию.

— Психи! Чем же отличился наш друг?

— Улисс опустил в кратер Кракатау во время извержения и участвовал в спуске с Альп на глыбе льда. Было это более двенадцати лет назад. Потом он совершил немало подобных «подвигов», пока не остепенился.

— Рисковый малый. Или совсем дурак, или...

— Вернее всего второе «или»: это его стихия. Ну, все, я пошел. Будем работать вместе, один ты не справишься.

— Всегда предпочитал работать в одиночку, но, видимо, придется менять стиль. Приходить ко мне домой и в контору больше не надо, будем держать связь по радио, встречаться же только в исключительных случаях. Против нас работают не дилетанты.

— О'кей. Передай по линии, что я прибыл. До связи, адмирал. Удачи нам всем!

Ван Хов пожал протянутую руку и вышел, демонстрируя походку старого моряка, готовый на все: на улыбку в лицо и выстрел в спину.

ПИКАЛЬ, ПИРУА-ИНСТИТУТ (ПИРИН)

Три дня подряд Джонатан Улисс вместе с Нераном, Торвиллом и двумя проводниками-индейцами из местных жителей изучал подходы к стене Тумху, вовлекая в поиск удобной и безопасной тропы многих специалистов Пирина, в том числе и сотрудников «Птичьего глаза». Им удалось пройти вдоль всей двадцатитрехмильной стены и определить места наиболее удобных и безопасных с виду подъемов, расположенных вблизи дорог или индейских троп. Оставалось только подготовить снаряжение и наметить сроки штурма, хотя сам Улисс мог бы пройти все маршруты в одиночку за два-три дня. Однако торопиться ему было некуда, у него совсем другие задачи.

Все это время он продолжал думать о сеньорите Форталеза, удивляясь, почему его потянуло к этой редкой, если честно признаться, красивой девушке.

Вернувшись в Пирин после обеда и дружески распрощавшись с Торвиллом, с которым он быстро нашел общий язык, Улисс принял душ и решил поближе познакомиться с экспертами-археологами Сигурдом Ингстадом и Алексом Рыбиным. Однако для знакомства необходим был повод, и Джонатан с полчаса просидел в своей каюте, придумывая этот повод. Ничего не придумав, он вспомнил о микрошпионе, вмонтированном в телефон, и решил отыскать хозяйина, заинтересованного в темах его телефонных переговоров. Но в какой же каюте он обитает? Слева каюта русского, в следующей живут женщины, справа каюта норвежца, еще дальше какого-то голландца. Напротив — Гийома... стоп! Микрофоны наверняка внедрены у всех членов экспедиционного отряда, и по логике аппаратура приема и записи разговоров должна находиться в одном месте, а именно — этажом ниже или выше. Причем каюта с аппаратурой

должна располагаться точно по центру круга прослушиваемых кают. Итак, что у нас внизу? Кажется, подвал.

Улисс достал отпечатанный типографским способом рекламный буклет Пирина, нашел описание здания. Этажом ниже и в самом деле располагался полуподвал, в котором разместился бытовой сектор, а выше оказался административный горизонт с двадцатью четырьмя кабинетами и археологическими лабораториями.

Определив предполагаемый центр, где должна была находиться радиоаппаратура приема, Улисс поднялся на этаж выше и прошелся по коридору, овеваемому прохладным воздухом с запахом миндаля. Над своей каютой он обнаружил каюту с табличкой: «Старший администратор». Вспомнился молодой человек по имени Леннард. Вот даже как? Игра в открытую? Старшему администратору, как никому из обслуживающего персонала, легко определить прибывающих специалистов в любое удобное место... чтобы всегда быть в курсе их открытий. М-да...

Джонатан задумчиво прошелся по коридору, почти пустынному в этот час, миновал каюту Леннарда, подумав, что не стоит торчать здесь долго: кому-нибудь покажется подозрительным, что альпинист Улисс бродит в рабочее время по горизонту хозяйственных служб. На перекрестке коридоров он оглянулся и не поверил глазам: дверь каюты старшего администратора открылась и выпустила... Анхелику! Сеньору Форталеца! Не оглядываясь, она быстро пошла прочь, одетая в серый комбинезон санитарной службы, скрылась на площадке эскалатора.

Улисс постоял с минуту, глядя ей вслед, и побрел по коридорам, насвистывая марш гарибальдийцев, пока не уперся в тупик с дверью на балкон. Поддержал ручку — заперта. Спокойно, сказал он сам себе.

Может быть, старший администратор Леннард вызвал врача Анхелику Форталеза, чтобы посоветоваться с ней о мерах по улучшению санитарного состояния столовых Пирина. Может, она каждый день докладывает ему о здоровье персонала... или делает ему массаж...

Улисс улыбнулся. Поднявшись на самый верхний этаж здания, обнаружил там выход на крышу и, не задумываясь, шагнул на лестницу. И на первой же лежанке солярия увидел Анхелику. Лишь тренировка на сдержанность помогла ему удержаться от возгласа удивления: всего три минуты назад Джонатан видел врача в комбинезоне выходящей из каюты Леннарда. Когда же она успела надеть шорты, верхнюю часть купальника-бикини и лечь на крыше загорать?

Альпинист бесшумно подкрался к девушке и сел на краешек лежанки. Она открыла глаза, посмотрела внимательно и снова закрыла.

— Это вы, монтанеро? Или сон?

Улисс засмеялся.

— Это моя тень.

Он нагнулся и легонько коснулся ее губ своими.

— Для тени вы слишком материальны, — сказала она без возмущения.

И тогда Улисс поцеловал ее по-настоящему; ударила в голову хмельная волна влечения и понесла в жаркую бездну закрытых глаз и медленный полет сквозь тяжелое биение сердца... Потом Анхелика уперлась в грудь Джонатана рукой и сбросила ноги с теплой лежанки, глядя на него потемневшими, глубокими глазами, перевела дыхание.

— Не кажется ли вам, сеньор, что вы слишком спешите?

— Я так живу, — беззаботно ответил Улисс. — Сегодня вечером вы снова поедете в город?

— Не знаю, я не всегда бываю свободна.

— Вот кто свободен. — Улисс показал на черную точку в небе, где под солнцем парил кондор. — Летит, куда хочет, занят только личными делами, и плевать ему на тех, кто внизу.

— Вы тоже так хотите?

— Летать? О да.

— Нет, плюнуть на тех, кто внизу.

Улисс с интересом посмотрел на девушку, она рассмеялась и встала.

— Ну как, вы нашли удобные для штурма Тумху места?

— Я могу взойти на стену в любой точке... и без снаряжения. Но экспедиции этот метод не подходит.

— Сеньор, вы обыкновенный бахвал!

Улисс пожал плечами.

— Ничуть, я просто последователь Тернера, основателя «Клуба свободного соло». Слышали?

— Нет, а кто это?

— Альпинист, хороший парень. Покорил в одиночку чуть ли не все безнадежники, и не только в Европе, но и в Гималаях, Андах, на Памире, и опять же — без снаряжения.

— Что такое безнадежники?

— Участки отвесных и наклонных стен, подъем по которым считается практически невозможным. А место я нашел отличное, завтра пройдем пробный маршрут, через пару дней основной, а потом сделаем подъемник, нечто вроде подвесной дороги. Я думал, работа будет посложней. Кстати, интересная деталь: ночи здесь гораздо прохладнее, чем в обычных тропиках. Я был в сельве Амазонки, в джунглях Миссисипи, в римбе Мадагаскара, в Африке — никакого сравнения! Хотите прогуляться пешком? Погода превосходная.

Анхелика задумчиво посмотрела вниз.

— Здесь водятся ягуары. Да и змей достаточно.

— Вы боитесь?

— Нет, просто хорошо знаю эти места. Из-за строительства местная живность, конечно, потеряла изрядный урон, однако сейчас все постепенно приходит в норму. Экспедиция пока работает в комфортных условиях; в долине, если мы туда в конце концов попадем, будет несравненно сложнее.

— Сомневаетесь, что мы пробьем туда дорогу?

— Дело не в дороге.

Улисс подождал продолжения, но его не последовало.

— Тогда объясните, почему женщина с такими внешними данными сидит где-то у черта на куличках, вместо того чтобы участвовать в конкурсе «Мисс Америка».

Девушка рассмеялась, хотя Джонатану почудились в этом смехе искусственные нотки.

— Это долгая история, когда-нибудь я вам ее расскажу... если докажете, что достойны рассказа. Но вы не сказали, где же все-таки место, откуда вы собираетесь штурмовать Тумху.

— Всего в двенадцати милях отсюда, возле развалин странных башен: вверху они шире, чем внизу, и сделаны из хорошо пригнанных отесанных глыб. В каждой по одному окну, похожему на поддувало.

— Это «Чульпы» Сильюстани. — Анхелика казалась удивленной. — Многие считают их своеобразными могильниками, но истинный смысл постройки башен пока скрыт от взора.

— Там еще недалеко вход в пещеру...

— Уткупишго, практически неисследована, но в долину по ней не пройти, пробовали. Индейцы, местные жители, говорят, что пещера уходит глубоко в «чрево земли». Кстати, именно там нашли...

— Что?

— Так, пустяки.

Останки вертолета, мысленно добавил Улисс, с теми беднягами, которые совершили настоящий по-

двиг, проникнув в долину по воздуху. Интересно, они еще на месте или убраны? Имеется в виду — останки. Посмотреть бы вблизи... Он медленно обнял Анхелику за плечи и притянул к себе. Цвет глаз девушки странным образом менялся, то светлел, то темнел, словно внутри загорался и гас огонь.

— Монтанеро, «штурм унд дранг» вам не к лицу, — прошептала она.

Они поцеловались. И еще раз... и еще...

В седьмом часу вечера Анхелика выскользнула из его объятий — на крыше так никто и не появился — и поправила волосы.

— Хватит, — строго сказала она вспухшими губами. — Вы изрядный наглец, сеньор альпинист, со всем вскружили голову бедной девушке. Это может сильно сказаться на здоровье...

— На чем?

— На вашем, сеньор Улисс, на вашем. У меня есть весьма ревнивые поклонники...

— Мистер Леннард, например.

Быстрый взгляд в упор и тут же смущенная улыбка, скрывшая мелькнувшую в глазах растерянность... или настороженность.

— Вы наблюдательны, монтанеро, хотя не помню, чтобы я... впрочем, это не важно. У вас могут быть неприятности, учтите.

— Я не боюсь. — Улисс напряг руку и ударом пальца пробил жестяной желоб для стока воды.

Анхелика улыбнулась, покачала головой, нахмурилась и подала руку.

— Сегодня мы уже не встретимся, я еду в Пикаль... по делу. Но хочу дать совет: будьте осторожнее в выборе друзей.

— Спасибо за совет, обычно я осторожен. Может быть, я смогу быть полезен в Пикале?

— В качестве любовника? — В голосе Анхелики прозвучал сарказм, который она не пыталась

скрыть. — Я очень не люблю надоедливых... — Она подыскивала слово.

— Самцов, — подсказал Улисс. — Постараюсь быть разумнее.

Девушка хмыкнула, взъерошила волосы на голове альпиниста и пошла к лестнице. Оглянулась.

— До завтра, монтанеро.

— Меня зовут Джонатан.

— По имени я называю только друзей. Не обижайтесь. Буэнас ночес.

Улисс не сдвинулся с места, пока девушка не скрылась в будке люка. Тогда он сел на ближайшую лежанку и сказал вслух:

— Черт меня побери!

В душе он добавил кое-что похлеще и был прав, потому что понял: его ловко заставили играть по чужим правилам, а он сообразил это лишь теперь. Анхелика не сказала ничего, а монтанеро Улисс уже выдал имя: Леннард. Впрочем, вышло это по наитию, неосознанно, и кто знает, так ли уж не вовремя. Девочка, несомненно, умна и умеет вести себя в любой ситуации. А поцелуи... ничто человеческое нам не чуждо, сеньор Улисс, к тому же это весьма приятно, чего скрывать. Если бы еще не это дурацкое ощущение былой близости... знакомые интонации, лукавые нотки... Откуда это? Он же ее никогда не встречал...

Спустившись к себе, Улисс достал карту окрестностей Пикаля и принялся внимательно ее изучать.

ШОЧИПИЛЬЯ

Миллер заметил слежку в двенадцатом часу дня, когда выходил из Института археологических исследований Паракаса. Вернее, он заметил ее раньше, еще утром, но не придавал значения серому «плимуту», сопровождавшему его машину до Музея инкви-

зиции. Интуиция сработала, когда он увидел «плимут» в третий раз, у выезда на автостраду.

Миллер сделал вид, что забыл нечто важное, вернулся на стоянку и припарковал машину, искоса посмотрел в конец паркинга — «плимут» не двигался с места, в его кабине сидели четверо, но разглядеть лица было невозможно.

Стэнли закрыл машину и озабоченно поспешил к главному входу в Институт. Поднявшись на третий этаж, зашел в кабинет заместителя директора по организационным вопросам, с которым расстался полчаса назад.

— Хорошо, что ты не ушел, Евджен, у тебя есть парень, умеющий фотографировать и держать язык за зубами?

Эугенио Моравес пригладил пышные, черные как смоль усы.

— Столь редкостные качества в наше время дефицит. Что случилось? Почему ты вернулся?

— Кажется, мне прицепили «хвост», серый «плимут» на стоянке у левого крыла здания. Надо найти способ подойти ближе и сфотографировать пассажиров, но незаметно.

Моравес не удивился ни жаргону, ни предположению, потому что был одним из немногих местных жителей, ставших агентами «Чистилища», внедренными в Паракасе в одну из самых «горячих точек» — Институт археологии.

— Ты уверен? Ведь если это так — ты «засвечен» и операция провалилась.

— Не волнуйся, я в своем уме, а о провале операции говорить рано. Действуй, у меня мало времени.

— Тогда жди в библиотеке, ее окна выходят на стоянку.

Миллер поднялся на этаж выше, нашел столик у окна, разложил газеты и сделал вид, что читает, наблюдая за машинами внизу.

Через несколько минут на стоянке появилась высокая блондинка в брюках с громадной белой матерчатой сумкой. Она нерешительно оглядела машины и подошла к «плимуту», наклонилась к боковой дверце. Та открылась. Блондинка что-то спросила, водитель в темных очках отрицательно покачал головой, дверца захлопнулась. Девушка отошла и тут же села в кремовый «фиат», уехала.

«Молодец!» — подумал Миллер, сообразив, что девушка отвлекала пассажиров «плимута», пока фотограф откуда-то снимал машину.

Больше ничего не происходило. Подождав четверть часа, Миллер вернулся в кабинет Моравеса. В кабинете кроме хозяина никого не было, но на столе лежал роскошный «Фурш ля комб-люкс» с пленкой мгновенной обработки.

— Готово, — сказал замдиректора, вскрывая фотоаппарат с чуть ли не полуметровой трубой длиннофокусного объектива. — Десять снимков. Хватит?

Миллер, восхищенный виртуозной работой, взял готовые фотографии, быстро просмотрел.

В кабине «плимута» сидели трое в одинаковых костюмах с галстуками. Один курил, другой держал в руках прибор, напоминающий бинокль. Лицо водителя в очках показалось Миллеру знакомым, но в этом надо было разбираться в спокойной обстановке.

— Спасибо! — пожал он руку Моравесу. — Профессиональная работа. Девушка с сумкой — твоя выдумка?

Паракасец молча пожал плечами.

— Ну, спасибо, старина. До встречи.

— Смотри, не лезь на рожон, как говорят русские. Звони, если понадобится моя помощь.

Миллер вышел из здания института, сел в «ляничю», взятую напрокат, и направился в центр города. Оставив машину у Муниципалитетского дворца

и пройдя его насквозь, он вышел с другой стороны на улицу Уанкавелика, убедился, что его никто не преследует, и ровно в три часа вошел в здание штаб-квартиры службы безопасности, где его ждал сотрудник по связи Сегуридад с Интерполом. Сотрудник был молод, смугл от природы и хладнокровен и носил звучное индейской имя Кольор¹. Его кабинет поражал посетителей внутренним интерьером в стиле «модерн». Неискушенный посетитель, каковым и был Миллер, не сразу нашел бы стол хозяина среди «космических колонн», скульптур «мобайл», всякого рода витрин, полированных плоскостей и ниш.

— Проходите, — вышел из-за одной из блестящих, металлических на вид плоскостей хозяин кабинета, с улыбкой кивнул на скульптуры. — Дань футуризму моего начальника. Но я привык. Садитесь. В этом кабинете я почти не работаю, и служит он для приема важных гостей. О вашем приезде я извещен.

— К сожалению, я заметил слежку, — сказал Миллер. — Меня начали «пасти» по крайней мере вчера, но сегодня удалось определиться точно. Мне повезло сфотографировать наблюдателей. Никого из этих ребят я раньше не встречал.

Начальник отделения «Эол» подал фотографии Кольору. Тот несколько минут рассматривал снимки, потом отложил и посмотрел на Миллера.

— Одного из них я знаю, связан с местными карникеро². Остальных попробуем идентифицировать по картотеке в центральной Геренции³. Слежка — это и плохо, и хорошо. — Сотрудник безопасности говорил, кивая в такт словам, как бы вбивая их в

---

¹ К о л ь о р — в переводе с кечуа звезда.

² Мясник, в смысле — убийца (*исп.*).

³ Г е р е н ц и я — полицейское управление.

стол. — Хорошо тем, что неизвестный руководитель известной нам «конторы» наконец проявил себя, недооценивая, видимо, ваш опыт и профессионализм. Плохо тем, что «контора» и Дело вышли-таки на вас, а ведь вы начальник отделения, и знают об этом единицы. Значит, у вас в центре есть...

Миллер расстроено покачал головой.

— Я пришел к такому же выводу. Но зато этот факт дает возможность вычислить их связника.

— Каким образом?

— О том, что я связан с «Чистилищем», знали трое, ими займутся коллеги в Стокгольме, а вот весть об этом мог принести сюда, в Паракас, только европеец. Давайте проанализируем всех приехавших три-четыре дня назад в Шочипилью иностранцев и выясним, кто из них конкретно интересуется Пикалем и экспедицией в долину Пируа.

— Это можно сделать за один день, данные о прибывших иностранцах хранятся в памяти компьютера в Греции, а доступ к нему можно получить у комиссара, не объясняя цели. Я сделаю. Давайте договоримся о связи. И, пожалуйста, будьте осторожнее, правил у нашей игры не существует, особенно у профи «конторы».

— Постараюсь, — скупой улыбнулся Миллер и достал из-под мышки пистолет.

Хозяин оценивающе прищурил глаз.

— Универсал, модель «лама-рапид», калибр 6-35, двенадцать выстрелов, в том числе стреляет ампулами с ядом и слезоточивыми капсулами. Неплохо. И все же это не гарантия безопасности. Прикрытие у вас есть?

— Не гарантия, знаю, но я редко расслабляюсь. — Миллер пропустил вопрос о прикрытии мимо ушей. — Что у вас?

— Не так много, как хотелось бы: данные по контингенту «Птичьего глаза» в Пикале, информация по

расследованию аварии на аэродроме. Отдача пока мизерная, но мы не можем работать в открытую, вспугнем всю стаю. Во всем этом деле с аварией есть один довольно интересный факт — наличие индейца в кабине потерпевшего катастрофу вертолета, явно принадлежащего одной из тайных баз. Вероятно, он был захвачен, имеется в виду индеец, с какой-то определенной целью, но сумел освободиться и вступить в схватку с пилотами.

— Меня больше интересует, кто был пилотом вертолета и куда ведет этот след. На территорию Паракаса? В Боливию?

Кольор достал из бара, замаскированного под книжную полку, шейкер с колотым льдом, бутылку виски и сифон с содовой.

— Вам в какой пропорции?

— Один к трем. — Миллер понаблюдал за действиями хозяина и не выдержал: — А выучка у вас не местная, штатовская.

Кольор соорудил коктейли, спокойно посмотрел на гостя.

— Я учился в Штатах пять лет, привычки остались. Но это не значит, что я подражаю гринго, просто цивилизация стучится и в наши двери. Коллега, вы не сказали о прикрытии. Если оно есть, мы будем действовать иначе, если нет...

— Считайте, что нет, — сказал Миллер уклончиво. — В Пирине я буду один, еще двое — на связи в Пикале и двое здесь, в столице.

Молодой человек пожал плечами, допил коктейль и поставил бокал на книжную полку.

— Что ж, у каждого свои методы. Мне приказано оказать вам всестороннюю помощь, и я ее окажу. У нас есть дополнительная информация по делу. После вашего сигнала мы подтянули к границе наблюдателей, но толку получили мало: днем горы молчат, а ночью перекрыть стену Тумху нечем, нуж-

ны не просто человеческие глаза. Нужна техника. А ее у нас пока нет. Министерство обороны пообещало, но едва ли нужная техника появится скоро.

— Нужны радары, приборы ночного видения, инфракрасная оптика, лазерные дальномеры, многодиапазонные радиостанции с устройствами предохранительно-охранной сигнализации.

— Да, мы разобрались и сами. Тем не менее и без техники удалось получить косвенные доказательства того, что лаборатория «Демиург», как вы ее назвали, находится именно в долине Пируа. Ей просто негде быть, кроме долины, потому что в окрестностях Пикаля, которые проверены нами досконально, нет ни одного намека на присутствие тайной биологической лаборатории. Те трагические случаи, имевшие место в Пикале и Шочипилье, произошли после того, как была открыта долина и началось строительство археологического исследовательского института — Пиринана. Но это известно и вам. А вот то, что неизвестно.

Кольбор достал пачку цветных и черно-белых фотографий. Все они изображали склон горы, сельву, подковой опоясывающую большой незаросший участок и на нем металлические обломки какой-то машины.

— Это остатки вертолета, на котором трое смельчаков археологов и пилот побывали в Пируа, нам его показали крестьяне.

По характеру обломков ясно, что вертолет сбит ракетой из переносного ракетного комплекса типа американского «Стингера» или французского «Мистраля». К сожалению, до нас возле вертолета побывали те, кому надо было убрать следы, и обломки ракеты мы не нашли. Остается сам факт: кто-то очень сильно не хочет, чтобы мы проникли в долину, и всеми силами стремится оттянуть начало работы экспедиции.

Миллер посмотрел фото и вернул хозяину.

— И на том спасибо. У вас есть сведения о помощнике президента фирмы «Птичий глаз» Диггори Даймонде?

Кольор улыбнулся.

— Нам не зря платят деньги. Он резидент ЦРУ в Паракасе. Но подступов к нему нет, работает исключительно чисто.

— А что вы знаете о работе лаборатории «Пачакамак» в Тиллибо?

— Но ведь это, насколько я знаю, сельскохозяйственная лаборатория, — с удивлением сказал сотрудник Сегуридад. — Работает по контракту совместно с немецкой фирмой «Бонге».

— Значит, ничего. — Миллер достал конверт. — Здесь кое-какие материалы о работе этой «сельскохозяйственной» лаборатории на территории вашей страны. Судя по всему, «Пачакамак» работает под контролем Центра биологических исследований армии США в Форт-Детрике. Возможен вариант ее связи с лабораторией «Демииург» в Пикале.

— В Пируа, — машинально поправил Кольор; он был поражен услышанным, но владел собой хорошо.

Они договорились о способах связи, и Миллер покинул резиденцию службы безопасности. Тем же способом он вернулся к машине, бегло отметив присутствие за колонной Сан-Мартина серого автомобиля наблюдателей. В голове вдруг снова вспыхнул вопрос: кто? Кто из пяти членов Исполкома СИУ — «глаз» ЦРУ?

Информ-координатор Драган Милич? Тридцать девять лет, холост, всегда ровен и дружелюбен, но без подбострастия. Безусловно умен, умеет ждать и доводить дело до конца. За спиной опыт работы в Интерполе.

Вильям Купер, негр, пятьдесят восемь лет, обстоятелен, молчалив, строго придерживается распорядка дня, отец пятерых детей, двое из которых погибли

в Неваде во время одного из подземных ядерных испытаний.

Мегнад Джагадис Санпур, индеец, восемьдесят три года, маловосприимчив к одобрению и порицанию, терпелив, сдержан, опытен, глава большого семейства; жена погибла во время взрыва на химическом заводе.

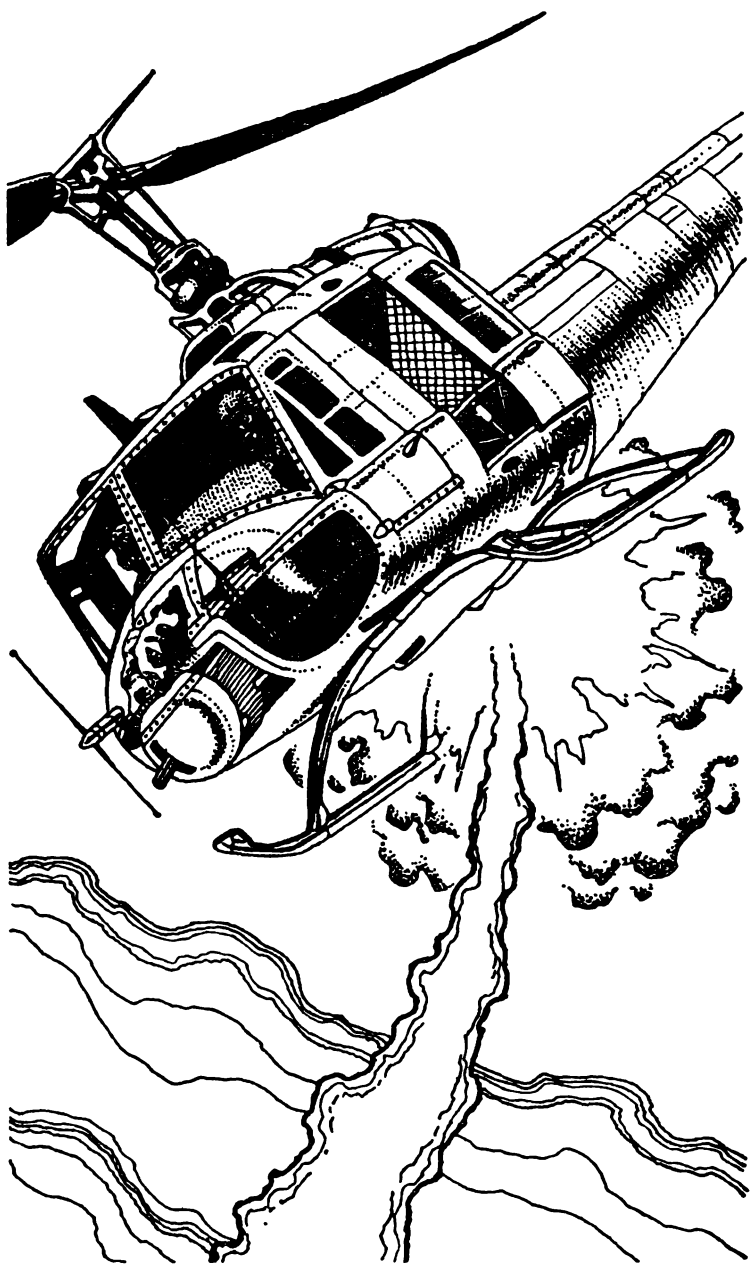
Ксавье Октавио да Вильегас, испанец, сорок пять лет, красив, жизнерадостен, иногда поспешен в решениях, энергичен, деловит, смел, удачлив.

Хенрик Соренсен, швед, самый молодой из членов Исполкома — двадцать восемь лет. По фигуре — богатырь из скандинавских саг, по характеру тоже — снисходителен, незлопамятен, медленно переключается с одного дела на другое, зато способен в поисках истины пробить кулаком горный хребет...

Миллер вздохнул. Ни одной зацепки ни к одному из членов Исполкома «Чистилища» он не имел. Все они работали в организации не первый год и знали свое дело отлично. Тем не менее осведомитель ЦРУ должен быть их уровня: в СИУ только они, председатель Исполкома Кемпер и директор — организатор работы отделов Лигейра, знали, что Стэнли Миллер — начальник отделения «Эол», работающего на Южную Америку.

ПИКАЛЬ

Утром Улисса вместе с Торвиллом и Нераном пригласили в медпункт Пирина для профилактической проверки самочувствия. Для альпинистов этот неучтенный медицинский контроль оказался неожиданным, но, как им объяснили, вызван он был «необходимостью уточнения пределов работоспособности в условиях высокогорья».

— Ну, коли надо, значит, надо, — сказал Неран. — Хотя тот, кто отдавал распоряжения, либо чиновник-формалист, либо дурак. Мы всю жизнь проводим в условиях высокогорья и чувствуем себя прекрасно.

Перебрасываясь шутками, все трое перешагнули порог медпункта с табличкой «Пункт врачебного обследования» и очутились в небольшом помещении вроде тамбура с двумя, кроме входной, дверями и застекленным окошечком со щелью под ним. Над левой дверью висело табло, у правой стояли весы.

— Джонатан Улисс, — раздался женский голос из скрытого динамика, одновременно на табло зазвучала надпись «Войдите».

Улисс помахал товарищам и шагнул в дверь из толстого голубого пластика.

За дверью его ждал уютный кабинет с ультрасовременной — пенополиуретановой — мебелью. В углу стол, стойка картотеки, рядом какая-то установка с пультом, сверкающая хромоникелевыми поверхностями.

За столом сидел молодой человек в очках с редкой щеточкой усов и с лысиной на макушке. Кроме халата и брюк, на нем ничего не было. В руках он держал прямоугольник медицинской карты из плотной зеленой бумаги.

— Раздевайтесь.

— Совсем? — осведомился Улисс.

— По пояс, — лаконично ответил врач.

Джонатан снял куртку и рубашку.

Молодой человек скользнул взглядом по его мускулистому торсу, молча заполнил журнал на столе, кивнул на металлическую площадку с резиновым ковриком позади хромированной установки.

— Становитесь.

Улисс взобрался на площадку.

— Что это?

— Флюорограф.

Врач придвинул к груди и спине альпиниста черные экраны, надел на руки браслеты, включил аппаратуру.

— Дышите глубже... на что жалуетесь?

— На отсутствие развлечений.

Врач не отреагировал на шутку.

— Вдохните и не дышите... Что за шрам на спине?

— Шрам? — Джонатан попытался посмотреть за спину, но ему это не удалось. — Неудачный прыжок в воду. Разве он еще виден?

— Когда?

— Года три назад.

— А шрам выглядит свежим. — Врач переключил что-то на пульте установки, пощелкал рычажками и кнопками. — В вашей медкарте нет данных о травме. Беспокоит?

— Ни Боже мой.

Шрам Улисс заработал в Милане, попав в уличную потасовку, устроенную чернорубашечниками.

— Долго лечились?

— На мне все заживает, как на кошке. Отлежал три дня, на четвертый пошел на свидание с девушкой.

Молчание, щелчки переключателей. В левой стороне груди родилась боль, словно в легкое воткнули иглу. Улисс вскрикнул.

— Черт побери, что вы там делаете?

— Терпите, — буркнул врач. — Это профилактическая прививка. Болели в детстве отеком легких?

— Вроде нет.

— Странно, правое легкое увеличено. Вы точно помните?

Джонатан начал сердиться.

— Точно. Долго еще будете исследовать? Я здоров.

Врач молча освободил Джонатана, что-то черкнул в журнале.

— Одевайтесь. Следующего.

Улисс вышел, недоумевая: этот медосмотр отличался от всех осмотров применением аппаратуры, соединяющей в себе флюорограф и что-то еще, и походил на допрос на полиграфе¹.

— Ну что? — встретил его вопросом Неран.

— Здоров как буйвол, — сказал Улисс. — Заходите, я подожду вас у снабженцев, проверю снаряжение.

— Я уже проверил, — улыбнулся Торвилл. — Все снаряжение погружено в вертолет, остается только сесть и лететь. Местные власти дали добро на прокладку пробного маршрута и выделили проводника.

— Оперативно! — пробормотал Улисс таким тоном, что Неран засмеялся:

— Крисс знает свое дело, иначе не работал бы в отряде. Сбоев у него не бывает.

Торвилл порозовел под взглядом Джонатана, однако остался серьезным. Улисс похлопал его по плечу и вышел из кабинета медицинского пункта.

Вертолет с опознавательными знаками гражданской авиации Паракаса стоял на посадочной площадке в двухстах ярдах от здания Пирина. Летчиков было двое, молодые, смуглые парни, похожие друг на друга, как братья. Первого звали Уго, второй назвался Доминго.

— А где бакуэно? — полюбопытствовал Улисс.

— Это я, сеньор. — Из кабины высунулся редковолосый толстяк и помахал рукой; на местного жителя он походил мало. На коротком рукаве его защитного цвета рубашки красовалась эмблема «Птичьего глаза».

— И давно вы из Европы? — спросил Улисс. — Вы ведь немец?

Проводник моргнул, глазки его блеснули холодом и настороженностью.

---

¹ П о л и г р а ф — детектор лжи.

— Но и вы, сеньор, кажется, не паракасец? Англичанин?

Джонатан засмеялся.

— Один — один. — Он назвал себя. — Просто мне стало интересно, проводник — и не местный.

— Карл Типлер, — представился толстяк, раздвигая в улыбке тонкие губы. — Я здесь уже больше двух лет, изучил местность не хуже индейцев, в том числе и горы знаю. Боюсь вас разочаровать, сеньор, но мне кажется, выбранные вами места подъема не самые удачные. И вообще Тумху — горы с сюрпризами.

— Что вы имеете в виду?

Толстяк пожал плечами.

— Случаются и неожиданные обвалы, и лавинные сбросы, и сели. Тумху — старые горы, эродированные, как полурастаявший кусок сахара, нужно тщательно изучить каждый участок, прежде чем идти на приступ.

— Мы будем осторожны, — беспечно махнул рукой Улисс. — Мне случалось подниматься на стены посложнее этой. К тому же здесь платят не по времени, а за конечный результат.

Летчики, молчавшие во время разговора, переглянулись, не решаясь вмешаться.

— А ваше мнение, соколы? — подмигнул им Улисс.

— Мышиная возня, — презрительно пробормотал тот, кого звали Уго. — Дали бы нам волю, экспедиция давно работала бы в долине.

— Одним уже дали волю, — буркнул проводник, скрываясь в кабине.

— К сожалению, бакуэно прав, — вздохнул Улисс. — Вертолет — штука хорошая, но только в том случае, если есть, где ему приземлиться. А в долине скалы и сельва. Вот когда мы расчистим в долине площадку, тогда придет и ваше время.

Торвилл и Неран появились через несколько минут, их провожал незнакомый мужчина, грузный и

неуклюжий, то и дело спотыкающийся. Лицо у него было словно опухшее, тяжелое и неприятное.

— Леон ван Хов, — представил его Неран, — инспектор экононадзора ЮНЭП¹. Хочет лететь с нами.

— Я не помешаю, — пророкотал басом ван Хов, пожимая руку Улиссу с неожиданной силой. — Мне вменено в обязанности контролировать работу экспедиции, чтобы не повторились случаи нарушения экоэтики, как в других районах, представляющих археологический интерес. Иногда исследователи, изучая одно, разрушают другое, бесценные реликвии древних времен, а этого допустить нельзя.

Случаев таких Улисс не знал, да и многословность инспектора ООН ему не понравилась, но он никогда не судил о людях по первому впечатлению.

Вертолет оторвался от земли и полез к солнцу. Вскоре он преодолел двенадцать миль до предгорий Тумху, где кончалась сельва и начинались причудливые клыкастые скалы и складки горной стены, изъеденные сотнями ниш и выбоин. Единственная ровная площадка, на которой можно было посадить вертолет, располагалась у трех искусственных башен — «Чульп Сильюстани», как их звала Анхелика Форталеза, над которыми начинался вход в пещеру Утхупишго.

Летчики и проводник сразу начали выгружать альпинистское снаряжение, а Улисс, незаметно наблюдая за ван Ховом, достал бинокль и прошелся взглядом по полосе каменной стены над черным зевом пещеры. Высота Тумху в этом месте не превышала километра, зато здесь хватало наклонных плоскостей и карнизов над отвесными участками, затрудняющими подъем. Тем не менее ничего непреодолимого, тем более для профессионалов.

---

¹ Ю Н Э П — международная программа ООН по окружающей среде.

— Пойдешь первым? — раздался над плечом голос Торвилла.

Улисс опустил бинокль, прищурился, разглядывая подчеркнуто спокойное лицо альпиниста, и вдруг понял.

— Пожалуй, я сегодня побуду на страховке, — сказал он. — Погляжу, как работают спортсмены-спасатели из «Лемура-два».

От удовольствия и оттого, что Улисс разгадал его желание, Кристофер порозовел.

— Спасибо. Пойдем, как и намечали, зигзагом? От пещеры?

— Пожалуй, это наиболее безопасный и простой маршрут. Белые пятна здесь — это, вероятно, известняк, обходите. Кронштейны для скользящего каната лучше всего крепить на козырьках габбро. — Улисс заметил, что Неран прислушивается к его словам со скептической усмешкой, и закончил: — Вы и сами знаете все не хуже.

Поставили палатку, проверили выгруженное снаряжение: клинья, крюки, ремни, карабины, катушки с бечевой, альпенштоки и трикони, а главное — комбинезоны, в которые были вшиты новейшие замки и узлы для сращивания бечевы. Неран и Торвилл привычно облачились в костюмы и, общаясь друг с другом взглядами и жестами, стали подниматься ко входу в пещеру.

— По-моему, они слишком самонадеянны, вы не находите? — проворчал в спину Улиссу незаметно подошедший ван Хов.

Джонатан мельком посмотрел на него и стал подтаскивать к наклонной поверхности скалы бухты бечевы и металлические костыли. Проводник суетливо помогал ему, то и дело испуганно вздрагивая или шепча какие-то молитвы, когда ему казалось, что кто-то из альпинистов сорвался и падает.

— Кстати, вы заметили? — Инспектор ООН почему-то нервничал, как и проводник, хотя это было видно только внимательному глазу. — Здесь нет ни одной кровососущей твари: ни москита, ни мошки. Знаете почему? Где-то недалеко растет омбу.

Улисс знал эту особенность гигантской древовидной травы, как знал и то, что лагерь вблизи омбу разбивать было нельзя — ночью дерево-трава испускало такое зловоние, что долго терпеть его было невозможно. Однако ван Хов не учитывал еще одного обстоятельства: они находились на высоте почти четырех километров над уровнем моря, а москиты плохо осваивали высокогорье.

Торвилл вбил первый костыль и по расщелине взобрался сразу метров на десять вверх. Неран подтянул репшнур, щелкнул карабином пояса и, не оглядываясь, полез за ним. Работали альпинисты быстро, сноровисто и привычно, выключив из внимания все, что не касалось собственно подъема, хотя Улисс подметил некоторую торопливость в действиях Кристофера: молодой человек, может быть по большей части неосознанно, хотел показать свое бесстрашие, готовность к риску, ловкость и точность расчета.

— Они так до самого верха и полезут? — спросил ван Хов.

— Почти, — лаконично ответил Улисс и стал разминаться. Голландец с удивлением посмотрел на его упражнения.

— Вы тоже полезете?

— Только до пещеры. Мой день завтра, сегодня мы проложили прикидочную трассу.

— Как вы думаете, сколько им понадобится времени на весь маршрут?

— На весь — часов шесть-семь, но сегодня они пройдут чуть больше половины пути, во-он до тех козырьков. Дальше пойду я.

— Один?

Улисс вместо ответа прикрепил на спину бухту бечевы и вдруг полез по вертикальной бугристой стене, как паук, подтягиваясь на кончиках пальцев без видимых усилий. Проводник, возбужденные летчики и инспектор ООН открыв рот смотрели на него, как на ангела, возносящегося на небо. За две минуты достигнув небольшой площади у черного зева пещеры, Джонатан прикрепил конец бечевы к репшнуру, свисающему у стены, и перекинул через блоки, закрепленные на костыле. Затем он тем же манером вернулся обратно.

Проводник захлопнул рот и пробормотал:

— Вы так и работаете, без страховки? А если не за что будет зацепиться?

Улисс не ответил, глядя из-под козырька руки на две ползущие вверх фигуры.

— Я слышал об этом методе подъема, — пробурчал ван Хов, потоптался рядом. — Но никогда не видел в исполнении. По-моему, вы просто самоубийца. Впрочем, это ваше дело. Не будете возражать, если я попрошу летчиков доставить меня обратно? Здесь мне пока делать нечего, а ждать три-четыре часа...

Улисс пожал плечами.

— Не возражаю.

Ван Хов улетел.

Альпинисты продолжали подъем, изредка советуясь с Улиссом, какое направление избрать. За два часа они преодолели около четырехсот метров и установили два промежуточных узла крепления будущего блочно-канатного подъемника. Было заметно, что они устали, хотя и не снижали темпа, и, когда подошли к нависающему козырьку гладкой скальной плиты, откуда начиналась самая трудная часть маршрута, Улисс крикнул, чтобы они возвращались. Неран, как старший в связке, повозражал для по-

рядка, потом закрепил в стене финиш-блок и показал, что будет спускаться скольжением.

Спуск занял всего двадцать минут, да и то потому, что альпинисты проверяли крепления костылей и блоков; они могли бы оказаться на земле в три приема за пять минут.

— Есть хочу, — заявил Торвилл, замазывая бактерицидной пастой палец: содрал кожу на средней фаланге.

Проводник, смотревший на него как на личного врага, сбегал к вертолету и принес бутерброд в целлофане и жестянку кока-колы.

Пока альпинисты переодевались и утоляли голод, всегда сопутствующий большой мышечной энергопотере, Улисс и летчики собрали лишнее снаряжение и алюминиевые детали будущего подъемника в палатку.

— Неплохо бы оставить здесь кого-нибудь в качестве сторожа, — сказал Неран, выбрасывая банку. — Я очень не люблю проверять перед подъемом свое же снаряжение, а проверять во избежание сюрпризов придется.

— Резонно. От нас ждут сигнала, и, как только мы пройдем стену и спустимся с другой стороны, можно будет дать команду на перебазирование экспедиции к подъемнику. До вечера я побуду здесь... с проводником. — Улисс посмотрел на толстяка Типлера. — А часам к семи вы пришлете замену, пусть Косински побеспокоится.

— Зачем тебе оставаться? — удивился Торвилл. — Вернемся вместе, а герр Типлер побудет один.

— Нет, в Пирине мне пока делать нечего, а здесь тишина, природа, развалины... романтика! Хочу погулять и подышать стариной.

Кристофер дернул плечом, но возражать больше не стал.

Вскоре вертолет улетел, в предгорье вернулась прозрачная, насыщенная тысячью ароматов тишина.

Проводник побродил возле башен и сел в тени одной из них, обложившись банками с кока-колой.

Улисс прикинул, стоит ли сначала проверить пещеру, манившую таинственным соседством с построенными тысячу лет назад башнями-«Чульпами», и решил, что не стоит. Пещеру можно было осмотреть и позже, и не только осмотреть, но и попытаться найти ход, ведущий в долину, однако поход в пещеру требовал подготовки. Тогда Джонатан снял куртку — было не очень жарко, но этот жест означал, что он не собирается уходить далеко и надолго, — крикнул Типлеру, что он побродит у скал, и направился вдоль стены на запад, в ту сторону, где потерпел аварию вертолет археологов.

— Смотрите, не нарвитесь на ягуара, — крикнул вдогонку проводник. — Говорят, их в здешних местах много.

Сначала он шел по голой щебнистой поверхности, обходя скалы, каменные россыпи и отдельные хилые деревца, нашедшие крохи влагодаяющей почвы, потом открытое пространство кончилось, сельва придвинулась вплотную, над головой сомкнулись кроны деревьев верхнего яруса: баньянов, тиса, сейб, кипарисов, платанов. Пахло душистой и влажной смесью запахов сельвы, заметно возросла температура — ветру негде было разгуляться и унести часть тепла с собой.

Почва была на удивление мягкая, несмотря на близость горной гряды, без травы, лишь кое-где на могучих корнях панданусов встречались эпифиты и семейства грибов, добавляющих к густой смеси ароматов гнилостные запахи, да изредка попадались обломки скал и валуны, свалившиеся с гор в незапамятные времена. Улисс шел быстро, зорко всматриваясь в полумрак гигантских серых, зеленых и коричневых стволов, клубков лиан и редких глыб кустарника, потом побежал.

Через пять минут он продрался сквозь заросли молодого бука и выбрался на край леса, круто поднимающийся к скалам. Остановился, прислушиваясь.

Сквозь шорохи сельвы изредка доносились другие звуки: хлопанье крыльев, треск ветвей, крики птиц, приглушенный звон и тихое рычание. Как будто никого не слышно, присутствие человека всегда обнаруживается по встревоженной возне птиц и мелких животных.

Улисс перебежал открытое пространство до ближайшей скалы и сразу же наткнулся на блестящую полосу, похожую на металлического удава. Винт от вертолета, вернее, его половина. А вот еще какой-то обломок, похож на панель управления, и еще — кусок двери. А где же сам корпус? Не мог же он рассыпаться на мелкие части? Упал, смялся от удара, но не испарился же?.

Однако вертолета нигде не было. Дважды Улисс находил прозрачные осколки блистера, лобового стекла кабины, и мелкие обломки каких-то приборов, но сам корпус с двигателем и винтами исчез. И это обстоятельство наводило на размышления: вертолет не мог провалиться в болото, топей здесь не было, не мог он и взлететь после падения с высоты в полтора километра, значит, его вывезли. Кто — неизвестно, ясно, что не полиция Пикаля, у капитана Эрнандеса нет таких возможностей, но и не индейцы, им обломки летающей железной машины ни к чему, на них не заработаешь. Но тот, кто это сделал, — великий искусник, маг, ибо пронести почти полутонную махину через сельву без волшебства невозможно. И этот кто-то очень не хотел, чтобы обломками вертолета заинтересовались компетентные органы.

Улисс повертел в руках мятый стальной лист площадью около двух квадратных футов, вероятно, часть

сиденья летчика, и вдруг увидел маленький острый осколок, впившийся в лист; Джонатан принял поначалу этот осколок за заклепку. Он внимательно осмотрел его, понюхал и хмыкнул. Осколок, пробивший лист на излете и застрявший в нем — на большее его не хватило, — был осколком зенитной ракеты, которая выстреливалась из переносного ЗРК, с плеча. Интересно, откуда здесь, в Паракасе, переносные ЗРК американского производства? И какой охотник им балуется?..

Улисс упал за ствол саговника прежде, чем сообщил, что за шум раздался за спиной. По стволу словно хлестнули бичом, так что он вздрогнул и уронил несколько сухих листьев. Там, где только что была голова альпиниста, в коре дерева зияла маленькая дырочка — след вошедшей пули. Так, это уже игра посерьезней! Калибр одиннадцать и девять, кольт с насадкой бесшумного боя. Что мы можем ему противопоставить?

Джонатан перекатился за камень, достал из кармашка брюк узкий и длинный стилет для метания, прислушался. Ни шагов, ни шороха, тишина. А ведь ждать событий опасно, надо действовать, причем действовать нестандартно, так, как никто не ожидает, при отсутствии серьезного оружия против профессионалов помогает только этот прием.

Где-то гроыхнуло, в ту же секунду Джонатан прыгнул за ствол соседнего дерева, затем следующего, перебежал ложбину, прячась за стволом пандануса, ходульными корнями напоминающего гигантскую многоножку. Затем бесшумным бегом сделал полукруг и выбрался к тому месту, откуда по прикидке в него стрелял неизвестный «охотник».

Он не ошибся. С момента выстрела прошло всего две минуты, и стрелявший еще не решился проверить результат своей охоты. В зелено-серо-коричневом маскхалате он был почти невидим на фоне

листвы и стволов, и Джонатан бы его не заметил, если бы не знал, кого искал. Стрелок — крепкий парень с бритым затылком, был вооружен кольцом с трубкой глушителя и кроме этого бельгийским автоматом без приклада.

Подождав еще немного, он тенью скользнул вперед, к стволу саговника, за которым должен был лежать его «крестник». Джонатан догнал его и в прыжке рубанул ребром ладони по мускулистой шее. Перевернул на спину. Блондин, но загорел до медного блеска, лицо смутно знакомо. Отдохни, парень. Интересно, давно он здесь и видел ли свою «жертву» в лицо? Если видел — дело швах!..

Улисс наклонился над потерявшим сознание убийцей и едва успел отвернуться от удара двумя пальцами в лицо. Неизвестный был профессионально обучен для такого рода дел и знал все жестокие приемы рукопашного боя.

Джонатан среагировал на второй выпад — колено в пах — и ответил ударом в живот, но парень все же успел вскочить, и схватка продолжалась до тех пор, пока противник вдруг не выхватил из бокового кармана комбинезона еще один пистолет — миниатюрную «беретту». Улисс понял, что ситуация переросла рамки схватки опытных борцов и подошла к пределу «или — или», тем не менее он все же сначала попытался обезвредить противника — убивать не хотелось, хотя все было честно — на него напали из засады и стреляли в спину.

Удар в руку с перехватом ответа — прием бадкан, прыжок — чтобы не попало по ногам, полусальто с поворотом (какие холодные и равнодушные глаза у этого мальчишки!), прием мкхан-юонг и в ответ потрясающий удар по копчику — прямой браг-чжа-ха-бо (в переводе — «прекращает воспалительный понос»). Черт возьми, как больно, когда бьют со знанием дела и не на тренировке!

Пистолет вылетел из руки парня, а сам он отпрыгнул назад и не рассчитал — налетел спиной на груды камней. Один из них качнулся, замер на мгновение и рухнул вниз с трехметровой высоты. Отчетливый хруст костей, вскрик и тишина...

Улисс перевел дыхание, расслабился. Ноги дрожали, в нижней части позвоночника родилось ощущение, что в нем торчит топор. Если не перелом, то ушиб приличный, здорово, гад, дерется... дрался. Джонатан сплюнул. Извини, я не хотел, сам виноват...

Кругом царило спокойствие, никто не появлялся из-за деревьев, не звал пропавшего, не окликал победителя, птицы продолжали свои разговоры, и лес не перестал шептаться с верхним ветром. Улисс быстро осмотрел карманы убитого и нашел удостоверение водителя на имя Абу Али Райхана, два пакетика наркотической жвачки, плоскую японскую рацию величиной с два спичечных коробка и фотографию: он, Крис Торвилл и Фред Неран возле Пирина. Быстро работают, надо признаться, и почти безошибочно!

Улисс забрал рацию, разрядил автомат, бросил в яму, пистолет вложил в руку бывшего водителя, фото оставил в кармане. Затем затащил труп поглубже в скалы и засыпал камнями. Внимательно осмотрев место боя — не оставил ли следов? — он быстро направился к недалеким скоплениям скал. Но с полдороги вернулся — сработало подсознание — разобрал камни и отогнул воротник маскировочного комбинезона убитого на груди, раздавленной каменной глыбой. Под комбинезоном оказалась голубая форменная рубашка без воротника, с полосой у шеи, такие рубашки носили все работники фирмы «Птичий глаз»...

Типлер ждал его возле палатки, изнывая от безделья, и то и дело вытирал шею и грудь смоченным в воде платком.

— Ну как, вкусили экзотики? Ягуара не встретили?

Улисс небрежно махнул рукой.

— Едва ли он отважится напасть, даже если захочет жрать. Вообще-то места здесь красивые, а главное, не заблудишься — Тумху и эти башни видны издалека.

Толстяк внимательно посмотрел на альпиниста.

— У вас царапина на щеке. Залезли в колючки?

— Нет, пытался пройти между скалами и вызвал небольшой обвал. Не хотите со мной подняться к пещере?

— Что я там не видел? Скоро придет вертолет. Да и не умею я лазить по горам, как обезьяна.

— А мне любопытно, все-таки индейцы не могли поставить свои «Чульпы» рядом с ней без причины.

Улисс взял моток веревки и полез на скалы, будто совсем не устал после прожитого дня и часовой прогулки по сельве.

ПИКАЛЬ

Косински дал команду на перемещение экспедиции к горам Тумху, к месту, где готовился вступить в строй подъемник на стену, и Миллер вынужден был исполнять функции главного квартирьера, заниматься организацией базы и размещением прибывающих членов экспедиции. Но в ночь на двадцать девятое сентября произошло событие, на несколько дней задержавшее передовой отряд: выстрелом из духового ружья был убит сторож подъемника, а сам подъемник сброшен с километровой высоты вместе с костылями и узлами крепления. На месте преступления было найдено перо кондора и каменный нож, что дало повод говорить о нападении индейцев. Поскольку местные индейцы кечуа и аймара давно

пользовались благами цивилизации в виде ружей, винтовок и пистолетов, то подозрение пало на недавно открытое в долине Пируа племя индейцев-пигмеев, якобы не желавших, чтобы в их мир проникли чужестранцы.

Воспользовавшись тем, что полиция занялась расследованием и заблокировала подступы к лагерю, Миллер решил проверить идею, родившуюся у него после изучения обстоятельств гибели паракасского ученого Карлоса Хонтехоса. После первого выстрела Хонтехос, по словам капитана полиции Пикаля Эрнандеса, будто бы произнес два слова: «сильяр» и «чаранга». Сильяром называли белый известняк, легко поддающийся обработке, из которого мастера Паракаса делали белоснежные фасады домов с резьбой и скульптурными изображениями, а чаранга была струнным музыкальным инструментом. После долгих размышлений Миллер подумал, что надо побывать в каменоломнях, где добывают сильяр, тем более что они располагались недалеко от Пикаля в горах Халька, соседствующих с Тумху, и поискать там чарангу. Мысль была, что называется, на грани бреда, но Миллер доверял интуиции и не сомневался, что искать надо в каменоломнях.

С разрешения директора Пирина он взял вертолет и, собравшись за несколько минут, вдруг понял, что один ничего не сделает: нужен проводник. Поразмышляв, Стэнли решил положиться на случай и выбрал того самого проводника, с которым ходили альпинисты, Карла Типлера. Никто не мог знать цели его самостоятельного поиска, а подозревать во всех работниках «Птичьего глаза» агента Дела или лаборатории «Демиург» было бессмысленно.

Взлетели в полдень, провожаемые неотрывным взглядом дежурного по «аэропорту», как громко именovali в институте посадочную площадку возле Пирина. Минут пять Миллер рассматривал поло

леса под вертолетом, скрывающим реку, и машинально отмечал отдельные группы разрушенных временем скал, пронизывающие пятнисто-зеленый покров сельвы. Скалы ослепительно сверкали вкраплениями кварца, словно усыпанные драгоценными камнями. Некоторые из них напоминали развалины замков, индейских уступчатых пирамид, другие походили издали на челюсти динозавров.

Металлическая стрекоза пролетала над рощей лепидодендронов, и Миллер задержал взгляд на этих удивительных растениях, реликтах палеозоя, произраставших только на территории Парамо — высокогорий Паракаса, выделяющихся необычной красотой даже из роскошной растительности в районе Пикаля.

Лепидодендроны принадлежат к виду древовидных. Кора их, серо-зеленая, светлая, ромбовидно иссечена и напоминает рубчатую подошву армейского ботинка. Кроны ветвятся, заканчиваясь пушистыми метелками. Цветут лепидодендроны необычно — цветы у них появляются прямо на верхних толстых ветвях, на коре, а основание дерева похоже на металлическую колонну с мощными контрфорсами и досковидными корнями.

— Интересные деревья, — прокричал сквозь гул мотора Типлер, заметивший взгляд заместителя директора экспедиции. — И пахнут, как парфюмерный цех, стоять вблизи в период цветения невозможно.

Местность под вертолетом постепенно повышалась, в сплошной шкуре сельвы появились пролысины, песчаные и каменистые плечи, сельва вскоре поредела, распалась на островки и словно ушла под землю. Горы Халька, дикие, неприступные, исчерченные сине-серыми тенями, надвинулись вплотную. Проводник стал показывать пилоту дальнейший маршрут, хотя, по мнению Миллера, не очень хорошо ориентировался и сам.

Сели возле живописной группы скал, на краю громадного котлована, созданного человеческими руками. И стоило Миллеру вылезти из кабины, как он сразу увидел то, что искал, вернее, надеялся найти: одна из скал у каменоломни издали очертаниями идеально напоминала старинный музыкальный инструмент — чарангу.

Отказавшись от помощи Типлера, Стэнли неторопливо побрел по краю обрыва и скалам, делая вид, что ищет удобный спуск в котлован, отсвечивающий кристалликами слюды и кварца в изломах сальера. Сначала он попробовал подняться на скалу, похожую на безголового верблюда, потом искал обход и наткнулся на удобную расселину, ведущую вверх, прямо к скале — «чаранге». Оглянувшись — не следит ли кто? — Миллер пролез в расселину и начал подъем, вглядываясь в трещины стен узкого естественного коридора. И уже через несколько ярдов увидел на стене справа нацарапанную чем-то острым стрелу. Человек, занятый только подъемом, ее бы не заметил.

Начальник «Эола» удвоил внимание. Через полсотни ярдов расселина обмелела и превратилась в тропу на краю обрыва, опоясывающую корпус «чаранги». Вторая стрела была выцарапана прямо на тропе в виде штрихпунктира, и заметить ее мог только острый глаз того, для кого она предназначена. А на самом верху скалы, ровном как стол, лежал камень весом в три-четыре сотни килограммов. Он явно был принесен сюда специально, потому что отличался от скалы по цвету и осколком ее быть не мог.

Миллер прошелся по макушке «чаранги», но больше ничего не обнаружил, даже мелких камешков и песка. Тогда он попытался приподнять глыбу или хотя бы повернуть на другой бок, однако без рычага его сил на это не хватало. Надо было звать кого-то на помощь. И в этот момент сзади раздался шорох.

Как он удержался от выстрела, Миллер не знал, сработало какое-то «реле» безопасности, затормозившее палец на курке в последнее мгновение. Из-за края площадки со стороны тропы, по которой он шел, торчала голова индейца, причем судя по размеру — ребенка. Несколько секунд Миллер и непрощеный гость смотрели друг на друга, потом Стэнли опустил пистолет и поманил индейца пальцем, не сводя с него взгляда.

Индеец улыбнулся — так можно было расшифровать его гримасу — и легко поднялся на край скалы. Миллер понял, что перед ним не ребенок, а пигмей. Руки индейца были пусты, он вытянул их ладонями вперед и что-то произнес на птичьем языке, показывая на камень.

— Хочешь помочь? — пробормотал начальник «Эола». — Что ж, попробуй. А в спину никто не выстрелит, пока ты мне помогаешь? Как в лагере Тумху?

Индеец снова что-то прошептал, указал на пистолет Миллера и сделал отрицательный жест.

— Ну, хорошо. — Стэнли решился. — Берись за тот угол, — он показал, как встать и куда толкать, — и по команде толкай вперед.

Со второй попытки им удалось сдвинуть глыбу с места, и в углублении под камнем блеснул небольшой цилиндр с завинчивающейся крышкой, в таких упаковках в Паракасе продавали таблетки от головной боли. Миллер спрятал цилиндр в карман, спохватился, что выпустил добровольного помощника из виду, но рядом уже никого не было, индеец сгинул, как мираж.

Спустившись на землю с «чаранги», Стэнли отвинтил колпачок металлического пузырька. Внутри оказалась миниатюрная кассета звукозаписи от диктофона и клочок бумаги с надписью по-испански: «Тому, кто найдет. В долину можно пройти через одну из «Чульп» Сильюстани».

К вертолету Миллер добрался через полчаса, размышляя над загадкой неожиданного появления индейца-пигмея. Напрашивалось два вывода: индейцы, обитатели долины Пируа, появились здесь неспроста, они знали, что спрятано на скале у каменоломни, кем спрятано и зачем. И второе: в таком случае археолог Хонтехос, убитый в Пикале, был с ними связан. Как? Это уже другой вопрос, но Миллер надеялся, что разгадка кроется в маленькой кассете для диктофона.

— Что вы здесь искали? — спросил проводник, не знавший, зачем он понадобился главному квартирному экспедиции. — Если место для нового лагеря, так спросили бы у меня заранее: тут на двадцать миль в округе нет ни глотка воды.

— Зато есть сильяр, — сказал Миллер, пожалев, что взял Типлера с собой. Летчик наверняка знал, где находятся известняковые каменоломни, и он мог обойтись без проводника.

В Пирине, в своей каюте, Стэнли еще раз проверил содержимое цилиндрика, подумал и спрятал кассету в обойму для патронов, заменив ею один патрон. Обойму загнал в свой «ама-рапид», а пистолет упрятал в кобуру под мышкой. После этого он отправился на поиски диктофона. Судя по кассете, она подходила только для американской модели «Райтер» фирмы «Итон», работавшей на Пентагон.

ПИКАЛЬ, ПИРИН

Улиссу пришлось показать свое умение перед многочисленной публикой, в которую входили ученые, местные жители, работники «Птичьего глаза» и представители полиции Пикаля. Размяв пальцы, проверив гибкость и подвижность суставов, Джонатан за час преодолел километровую стену Тумху и

закрепил на ее гребне механизм блока, с помощью которого Торвилл и Неран начали восстанавливать подъемник.

Отдохнув, Улисс взял бинокль и принялся разглядывать развернувшуюся перед ним в направлении на север панораму долины Пируа с редкими низменностями, многочисленными перегорodkaми и нагромождениями скал, а также группами столообразных скал, на удивление ровных, словно обработанных человеческими руками, протыкавших мощный покров трехъярусной сельвы. Река скрывалась под ним полностью, хотя Улисс знал, что она пересекает долину с востока на запад. С виду долина и в самом деле представляла собой уголок дикой природы, не имевший ни одной удобной посадочной площадки. Вертолету сесть здесь было негде. Разве что на вершине одной из столбовых скал.

Джонатан сделал несколько общих снимков долины широкоугольным «Компакт-автоматом» и сфотографировал одну их самых красивых групп скальных останцев, которую мысленно назвал «замком»: скалы издали действительно напоминали развалины колоссальной крепости или замка, хотя по высоте превосходили настоящие замки раз в тридцать. Затем, дождавшись Торвилла, Улисс попросил подстраховать его и спустился на веревке вниз, в долину, затратив на спуск около сорока минут: маршрут был не так прост, как показался сверху.

— Как долго тебя ждать? — спросил Торвилл, когда он только начинал спуск.

— Часа два, — ответил Улисс. — Хочу поискать место, где сидели археологи, они не могли улететь отсюда далеко. Только не оставляй страховочную бечеву на незнакомых мне людей.

— Я подожду сам...

Теперь Джонатан стоял внизу под нависшим козырьком скалы и всматривался в сумрак первого яру-

са сельвы, не решаясь почему-то сделать шаг вперед. Ему все время казалось, еще во время спуска, что за ним наблюдают внимательные глаза, но как ни вглядывался в скалы и заросли гигантских сейб, никого так и не увидел. Хотя ощущение осталось.

Улисс бесшумно прыгнул с обломка скалы в заросли папоротника и спрятался за стволом аботикабы, поросшим крупными лилово-синими плодами.

Тихо, сумрачно, душно, со всех сторон доносятся лишь обычные лесные шорохи. Подождав немного, альпинист сорвал несколько ягод и углубился в заросли, чутко прислушиваясь к жизни сельвы.

Вскоре он выбрался к реке, только однажды вспугнув какую-то нелетающую птицу: зверинец долины при первом знакомстве казался небогатым. Раздеваться он не стал, окунулся в реку прямо в одежде, с наслаждением напился. Натруженные пальцы заныли. Побрел по колено в воде, окунаясь иногда по грудь. Небольшой удав в позе вопросительного знака проводил его застывшим взглядом, издали донеслось негромкое, но весьма характерное рычание — ягуар! Выходит, зверинец здешних мест солиднее, чем показался минутой раньше. Царь сельвы не будет подавать голос зря.

Улисс застыл, прислушиваясь, но зверь не повторял своей угрозы дважды. Он был далеко.

Через двести метров река привела его к лепидодендроновой роще, запах которой разносился по всей округе и пересиливал все остальные ароматы сельвы и болота.

Подлеска в роще не было совсем, вероятно, лепидодендроны подавляли рост кустарников и трав, и толстые светло-зеленые стволы стояли как свечи, буквально светясь своей бархатистой, ромбовидно иссеченной корой, смыкаясь метельчатыми кронами на пятидесятифутовой высоте. Верхние толстые ветви, начинавшиеся в тридцати футах от земли, оброс-

ли оранжевыми цветами. У оснований деревья утолщались, выбрасывая мощные «лапы» и досковидные корни, а запах в роще стоял, как в цехе парфюмерной фабрики, вернее, завода по производству благовоний и бальзамов.

Улисс, оглушенный наркотическим действием испарений древовидных плаунов — лепидодендроны не были деревьями в полном смысле этого слова, — прошелся по роще и вдруг заметил штабель срубленных гигантов. Пятидесятифутовые стволы были очищены от ветвей и сложены в аккуратные штабеля по восемь — десять штук. От штабелей шла заметная в рыхловатой почве гусеничная колея, исчезающая в зарослях колючего тамариска на границе рощи.

Джонатан хмыкнул, оглядел штабеля, сделал несколько снимков и двинулся по колее, чувствуя, как напряглись мышцы живота — первая реакция организма на включение в режим боя.

Колея вела к реке, переползала через нее и на другом берегу выходила на дорогу! Светло-серые плоские плиты цепочкой уходили в чащобу. Шириной дорога была как для легкового автомобиля, плиты кое-где выщерблены, вспучены, разбиты или отсутствовали совсем, но сомнений в том, что это настоящая древняя дорога, не было. И строили ее очень давно, если судить по могучим корням секвой, сейб и панданусов, во многих местах взломавших плиты дороги, а возраст лесных великанов исчислялся не одной сотней лет.

Джонатан сошел с плит и побежал рядом с дорогой, утопая по щиколотку в рыхлой подстилке сельвы. Спустя четверть часа он неожиданно выскочил к поселению индейцев, аборигенов долины.

Дорога из плит утыкалась в полуразрушенную стену из осевших от времени каменных блоков с уцелевшими воротами в виде арки. За стеной под кронами деревьев высились конусовидные вигмамы

жилищ индейцев из тростника тоторы, накрытые шкурами альпак. И ни одной живой души, ни малейшего движения, мертвое молчание покинутого селения встретило альпиниста.

Он долго вслушивался в молчание деревни, потом перебежал к арке в стене. С настороженным любопытством осмотрел фриз ворот с красивым орнаментом из переплетенных ромбов. В каждом ромбе помещались выпуклые изображения людей-кошек, а на колоннах ворот виднелись полустертые изображения хищных птиц.

Улисс обследовал деревню, но никого и ничего не нашел. По неизвестной причине хозяева ушли отсюда и не вернулись. Судя по количеству вигвамов — десять, племя было невелико, душ тридцать — сорок. Улисс, теряясь в догадках, поразмышлял, куда они могли исчезнуть, но мысленный анализ при отсутствии данных был бесполезен, как пятна на Солнце.

В последнем вигваме альпинист спугнул викуню, чей визг подействовал на него хуже очереди в упор. С трудом удержавшись от выстрела, он в душе обругал ближайшую родственницу свиньи и покинул селение: дорога из плит пересекала деревню индейцев и ныряла в заросли тамариска. Гусеничный след четко отпечатался на центральной площади селения и снова терялся на каменной дороге. Джонатан почувствовал, что разгадка гусеничной колеи недалеко.

Через несколько десятков шагов дорога привела к новой стене, разрушенной почти до основания, с такими же арочными воротами, что и первая. А за ней высилась ступенчатая пирамида — на первый взгляд; приглядевшись, Улисс понял, что это древний индейский храм, увитый ползучими плетями ядовитого сумаха, плющом и травой.

Рядом с храмом стоял вполне современный навес из алюминия и брезента, а под навесом прятался

небольшой гусеничный вездеход со сменным рабочим инструментом: он мог работать канавокопатель, подъемным краном, бурильной установкой и пожарной лестницей — комплекты оборудования лежали тут же, завернутые в промасленную бумагу. По всему было видно, что хозяева трактора обосновались в долине давно и прочно, но к готовящейся экспедиции они, конечно, никакого отношения не имели. М-да, уважаемые «исследователи», дорого вам обойдется беспечность персонала, отвечающего за скрытность работы. Или вы просто не успели замести следы своей деятельности? А пытаясь оттянуть пришествие официальной экспедиции, убили сторожа подъемника? Это же прокол, уважаемые, непростительный профессионалам. Или вы цепляетесь за все, не брезгуя методами террора?

Джонатан бегло осмотрел содержимое навеса, обнаружил штабель пятигаллоновых канистр — спирт, вероятно топливо для вездехода, и все внимание обратил на храм, чье присутствие давило на психику, вызывая тревогу и неуверенность.

Вход в древнее святилище индейцев поражал обилием каменной резьбы, цветными петроглифами, изображавшими священных зверей и птиц — ягуаров и кондоров. Из глубины храма тянуло холодом, неприятно ледящим прилипшую к телу одежду.

Подождав, пока глаза привыкнут к мраку, Улисс двинулся дальше, жалея, что нет фонаря и спичек. Широкий проход разделился на три узких. Разведчик выбрал правый и через несколько шагов оказался в каменной келье, освещенной сверху лучиком света, падающим сквозь круглое отверстие в потолке.

Свет был скуден, но все же Джонатан разглядел груды пластмассовых ящиков и картонных коробок. Почти все они были запакованы и приготовлены к транспортировке, но, как убедился Улисс, вскрыв две коробки, в них находились похищенные рели-

квии исчезнувшей древней культуры индейцев пируа. В ящиках предметы побольше: статуэтки, ритуальные маски, домашняя утварь из золота, жезлы, оружие; в коробках — богатые украшения из золота и драгоценных камней, кубки, целиком вырубленные из хрусталя и инкрустированные золотом, талисманы, небольшие скульптуры птиц и зверей.

Улисс спрятал понравившуюся тончайшей работы фигурку ягуара величиной с палец в карман, прошелся по келье, вспугивая дребезжащее эхо, и обнаружил в углу на каменном блоке бумажный пакет. В нем были серьги, похожие друг на друга как две капли воды. Джонатан представил цену всем этим находкам и присвистнул: если контрабандистам удастся вывезти сокровища из страны, они заработают миллионы, если не десятки миллионов долларов. Каждому из найденных предметов не было цены!

Альпинист обыскал по очереди все три внутренних помещения храма, но кроме пустых ящиков и бочки с водой ничего больше не нашел. Замаскированная тайная база «специалистов» по ограблению древних памятников культуры была пуста.

Тогда Улисс обошел храм кругом в надежде отыскать другой выход или тропу к храму, и у восточной стены пирамидального здания наткнулся на небольшой сарай или ангар с каркасом из алюминиевых трубок, обтянутых полиэтиленовой пленкой. Внутри ангара стоял разобранный мотодельтаплан: сиденье с рукоятью управления, за спиной — двигатель с винтом, лопасти складываются и серебристые крылья из майларовой пленки на трубчатом каркасе. Далеко на таком аппарате не улетишь, но если стартовать с горы — через границу уйти можно спокойно.

Джонатан хлопнул в ладоши и суеверно сплюнул через левое плечо: удача пришла неожиданно. Но пора было убираться отсюда, он и так задержался на час, путешествуя по джунглям. Надо предупредить

Торвилла, который мог не выдержать и пойти на поиски.

Через полчаса Улисс без помех добрался знакомой дорогой до гряды скал и, дав сигнал, вскарабкался на крутой бок первого карниза. И вдруг что-то заставило его посмотреть вверх.

Метрах в двухстах выше по отвесной поверхности скалы ловко карабкался человек, одетый в маскировочный серо-зеленый комбинезон. Он двигался по стене без всяких приспособлений, свободно, как и Джонатан, разве что более рискован манером. И это был не Торвилл, как поначалу решил Улисс.

Человек добрался до натянутой весом альпиниста веревки, полоснул по ней ножом и спокойно двинулся дальше, скрылся среди бугров и ниш. Улисс едва успел прилипнуть к скале, удерживая вес тела на кончиках пальцев. Веревка упала сверху свободными кольцами. Если бы Джонатан не владел свободным соло, он лежал бы сейчас внизу, разбившись в лепешку. Но его странный недоброжелатель не учел подготовки альпиниста. Господи, как свободно он шел по вертикали! Кто это был? Во всем мире не наберется и пяти человек, способных повторить подобный трюк!..

Когда Улисс поднялся на стену к перевалу, он был мокрым как мышь.

— Я уже хотел идти вниз, — хмуро признался Торвилл, помогая ему на последних метрах подъема. — Что случилось? Оборвалась вертикаль?

— Здесь неудобный спуск, — буркнул Джонатан, не отвечая на вопрос, и лег, раскинув руки и ноги. — Надо перенести канатку по гребню метров на триста к западу. Глотнуть чего-нибудь есть? В горле пересохло.

Торвилл достал флягу.

— Испли, местное производство.

Джонатан, запрокинув голову, сделал несколько глотков, кивнул, возвращая флягу:

— Ничего, своеобразный. Кстати, ты заметил, сколько над долиной кондоров? Кружат и кружат, словно долина медом намазана. А ты что такой хмурый? Недоволен, что заставил долго ждать? Извини.

Торвилл покачал головой.

— Непонятные вещи у нас творятся. Снизу передали, что в Пирине умер наш квартирьер, Миллер.

Улисс медленно приподнялся и сел.

— Что? Как умер?

— Никто толком не знает, его нашли в своей каюте мертвым. На теле ни одной царапины и лицо спокойное, а он... не дышит. Ну что, будем спускаться?

Улисс долго не отвечал, а когда заметил пристальный взгляд Кристофера, очнулся и встал.

— Да, брат, судьба иногда преподносит сюрпризы, когда их не ждешь. Давай первым, я подстрахую.

ПИКАЛЬ

В кабинете начальника полиции собрались практически все инспекторы, способные хоть на какую-то отдачу. Эрнандес оглядел свое войско и понял, что надеяться на повышение с таким контингентом нельзя. Из пяти инспекторов лишь толстяк Кеведо-Вильегас соображал без выпивки, остальные же думали не о службе, а о том, как бы не подставить себя под пулю, нож или удар чирахе, и днем и ночью вливали в себя писко-сауэр.

— Докладывай ты, Альфонсо, — сказал капитан, наливая в стакан испли.

— А что докладывать? — поднялся долговязый Альфонсо Фиореттура. — Убитый — местный житель, которого соблазнил заработок, работал шашлычником, врагов не имел. Любил выпить. Женат. Следов

никаких, кроме стрелы, которая попала ему в шею. Мне кажется, что стреляли откуда-то сверху, стрела вошла в шею под острым углом, впритирку с ухом.

— Это все?

— Все, сеньор капитан, — вздохнул Фиоретура. — Дохлое дело. Но это дело рук белых, а не индейцев. Ни аймара, ни кечуа никогда не применяли духовых ружей.

— Может быть, это те индейцы, которые живут в долине? — робко предположил чернокожий Нгури, самый молодой из полицейских.

— Ты их видел?

— Нет, но все говорят...

— Не надо повторять то, что говорят все. Плохо работаете, медленно, без вдохновения. В результате это дело у нас забирают. Из столицы прибыл майор Барахунда¹, будет вести расследование.

Инспекторы переглянулись. Фиоретура фыркнул. Эрнандес холодно посмотрел на каждого.

— Вот обсмеять кого-нибудь вы умеете. Лучше бы занимались своим делом или выучили бы амачакуй², на вас смотреть тошно! Одно можно плевком перешибить, другой способен выпить бочку писко и проспять трое суток, третий при каждом шаге по колено в землю проваливается... — Эрнандес махнул рукой. — Впрочем, это глас вопиющего в пустыне. Робиросо, глаз не спускать с лагеря экспедиции, докладывать о любых подозрительных лицах немедленно.

— Слушаюсь, капитан! — кивнул Кеведо-и-Вильегас и под взглядом Эрнандеса с трудом встал, пытаясь убрать живот.

— Нгури будет у тебя стажером. Альфонсо, пойдешь в долину, ты самый худой и не боишься жары

---

¹ Заваруха (*исп.*).

² А м а ч а к у й — национальная борьба индейцев; с кечуа — «защищайся»; состоит из двадцати приемов и не уступает каратэ.

и духоты. Каждый день будешь докладывать по рации обо всем, что увидишь и услышишь.

— Но как же я в форме...

— Пойдешь туда как подсобный рабочий, начальник экспедиции объявил о привлечении местных к участию в раскопках. Рацию получишь на складе, я распоряджусь.

— Еще и заработаешь пару песо на пиво, — хихикнул Нгури и виновато поежился, застигнутый осуждающим взглядом капитана.

«Как дети», — подумал Эрнандес, совершенно не понимают, с кем и за что им предстоит драться. А что драться придется — видно невооруженным глазом, и не только потому, что в Пикаль прибыл майор Барахунда.

На столе тихо проблеял селектор. Капитан дотянулся до нужной клавиши и снял трубку.

— Сеньор капитан, докладывает Агуас. В П-центре умер заместитель начальника экспедиции сеньор Миллер.

— Убит?! — привстал со стула Эрнандес.

— Нет, врач сказал, что умер сам от внезапной остановки сердца. Это бывает, мне говорила сестра жены...

Эрнандес переключил клавишу селектора.

— Марко, машину эксперта и врача быстро к выходу. Я поеду сам. — Он встал, застегнул рубашку. — Нгури, поедешь со мной, кажется, снова у этих ученых несчастье, прямо злой рок какой-то. Знать бы, кто так умело олицетворяет собой этот рок...

Машина подкатила к парадному входу в здание Пирина. Эрнандеса уже ждали. Через несколько минут его провели на второй этаж, в каюту умершего, где томился от скуки и присутствия трупа меланхолик с двадцатилетним стажем работы в полиции —

Агуас. Увидев начальника, он вскочил, вытянув руки по швам.

— Сеньор капитан, докладывает капрал...

Эрнандес поднял руку, прерывая полицейского.

— Сюда кто-нибудь входил?

— Я закрыл коридор и запретил впускать всех, кроме майора из центральной Геренции.

— Кто был кроме него?

Агуас наморщил лоб.

— Врач, мухер буэна моса¹, директор П-сентре, сеньор майор Барахунда... э-э... это я уже говорил... и... ля хомбре²... лысый такой, толстый, одетый в трайе депортиво³...

— Журналист?

— Нет, экс... экс... эксперт по эколиге...

— По экологии?

— Си, сеньор капитан, по экологии.

Эрнандес кивнул, пробормотал под нос:

— Ему-то что здесь надо? — И подошел к лежащему с открытыми глазами Миллеру. — М-да, не повезло парню. Умереть просто от остановки сердца — это посложнее, чем получить вывих пясти.

Эрнандес оглядел труп и дал знак эксперту и врачу приступать к работе.

— Закончите — сообщите, я буду... где майор Барахунда?

— Улетел обратно в Тумху, в лагерь, сказал, мне здесь делать нечего, пусть занимается местная полиция.

— Ничего не передавал?

Агуас виновато поерзал.

— Нет, сеньор капитан, ни слова.

— Кто обнаружил труп первым?

---

¹ Статная женщина (*исп.*).

² Мужчина (*исп.*).

³ Спортивный костюм (*исп.*).

— Не знаю, сеньор кап... — Агуас запнулся. — Извините, не догадался спросить. Но мне сказала врач П-сентре, очень красивая молодая мухер буэна моса.

— Где она?

— Ждет вас у господина директора П-сентре.

Эрнандес махнул рукой Нгури следовать за ним и направился к директору Пирина.

Хулио Энрике Эчеверриа был не один: в кабинете сидела Анхелика Форталеза, врач экспедиции, и Леон ван Хов, инспектор ООН. Ван Хов уже успел переодеться в летний джинсовый костюм — шорты и безрукавку.

— Буэнос диас¹, сеньоры. — Капитан бросил два пальца к козырьку фуражки. — Прошу прощения за вторжение. Прискорбный случай, и, к сожалению, не единственный. Ваш исследовательский центр переживает черную полосу. Могу я задать вам несколько вопросов?

— Да-да, конечно, — мелко закивал седой гривой Эчеверриа.

— Валяйте, — буркнул голландец, посмотрев на врача.

— Первый вопрос к вам, сеньорита. — Капитан вежливо поклонился женщине, о красоте которой был уже наслышан; действительно, мухер буэна моса. — Кто вам сообщил о смерти сеньора Миллера?

— Никто, я нашла его мертвым в одиннадцать часов утра и сразу позвала вашего человека.

— А откуда вы знаете, что это наш человек? — вежливо удивился Эрнандес.

Девушка улыбнулась.

— Кто же этого не знает?

— М-да! Понятно. Объясните, как вы попали в каюту сеньора Миллера?

---

¹ Добрый день (*исп.*).

— Он главный квартирьер экспедиции, а я врач, отвечаю за медицинское обслуживание, и хотела узнать, когда в долину будет передислоцирован медпункт.

— Спасибо, сеньорита. А вы, господин Хов? Каким образом оказались вы там?

— Ван Хов, — поправил голландец. — У меня тоже было дело к Миллеру, но я опоздал. Когда я пришел, там уже был этот ваш... работник.

Эрнандес коснулся околыша фуражки пальцем.

— Благодарю за терпение, сеньоры, премного обязан. Теперь я вас покину.

— А меня? — заволновался директор. — У меня вы почему ничего не спросили?

Капитан с сомнением посмотрел на ученого.

— Но вы же ничего не видели?

— Как это не видел? — Эчеверриа снял и снова надел очки. — Я, например, еще утром, около девяти, совершенно случайно видел, как в каюту к сеньору Миллеру заходил незнакомый мне молодой человек.

— О! — Эрнандес достал блокнот. — Это интересно! Можете описать незнакомца?

— Я видел его мельком... По-моему, он среднего роста. Широкоплечий, смуглый, но европеец, светловолосый, одет в обычный костюм...

— Почему вы решили, что он европеец?

— Ну, как же? — Эчеверриа поднял удивленный взгляд. — Я же антрополог... вижу сразу. Он или славянин, или западноевропеец, француз.

— Может быть, это был русский? Рыбин?

— Ну что вы, Алекс Рыбин прекрасный ученый... и человек, я знаю его отлично. А этого видел впервые.

— Ну хорошо, спасибо за информацию. Узнаете входившего, если встретите?

— Наверное, узнаю. И сразу сообщу.

— Благодарю, сеньоры. Труп мы заберем, я вызову машину.

Эрнандес еще раз козырнул, пожелал всем здоровья и вышел, едва не разбив дверью лоб подслушивающему разговор Нгури.

— Что ты на это скажешь? — спросил он мулата уже в машине.

— По-моему, я тоже видел того парня, — выпалил Нгури. — В городе, у доньи Пепы, он покупал сантолино¹.

Эрнандес иронически приподнял бровь.

— Парней с такими приметам, малыш, в Пикале можно обнаружить сотни три, если не больше.

— Клянусь, сеньор капитан, я его видел! Увижу еще раз — задержу, не будь я кениец!

Капитан промолчал, ожидая, пока в машину влезут эксперт и врач.

— Ну что, Хорхе?

— А дьявол его знает! — буркнул врач, недовольный чем-то. — Никаких ушибов, порезов и ссадин, никаких следов яда, мертв, и все. Не мог же он умереть от укуса комара?

— При чем тут комар?

— Да на шее у него есть небольшая припухлая точка, как от укуса комара. Я сделал соскоб, но вряд ли что-нибудь найду и в лаборатории.

— И все же пожалуйста, кто знает, что произошло. Может, и в самом деле сердечный криз. Но два труп за сутки — это слишком много.

— В том-то и дело, что на инфаркт это не похоже, ни одного симптома. Он не гипертоник, совершенно здоровый человек. Лег и... уснул. И все!

Помолчали, пока «бьюик» преодолевал подъем перед въездом в Пикаль.

---

¹ С а н т о л и н о — талисман, оберегающий от «дурного глаза». Обычно его вшивают под кожу.

— А у тебя что? — спросил наконец Эрнандес у неразговорчивого эксперта.

Тот молча протянул небольшой кусок белого камня.

— Был в кармане мертвеца. Больше ничего, никаких следов борьбы и обыска.

— Сильяр?

— Совершенно верно, сильяр.

— Все сходится, Миллер зачем-то летал в каменоломни... Ты хорошо искал?

Эксперт не обиделся, погладил усы и пожал плечами.

— Так ведь искать практически нечего. Это смерть в естественных условиях, никаких следов ограбления или паники.

Капитан вздохнул и признался в душе, что докладывать в столицу пока нечего, кроме констатации факта смерти. А так как полковник Чавес уже выразил свое недоверие, прислав без согласования майора Барахунду, то пусть майор и разбирается с трупами, а мы посмотрим, чем это кончится. Похоже, кто-то спешит сорвать экспедицию в Пируа, используя все доступные методы, не гнушаясь убийством даже таких людей, как Стэнли Миллер...

ПИКАЛЬ

Даймонд закончил отчет о затратах «Птичьего глаза» и собирался позвонить в Пирин, чтобы еще раз напомнить Анхелике Форталеза об обещании поужинать вечером в «Ривьере», и в этот момент позвонил ван Хов.

— Справочная? В котором часу отправляется самолет в Шочипилью? В двенадцать?

— Вы ошиблись номером, — сказал резидент, мельком посмотрев на часы, до назначенного ван Ховом часа осталось тридцать три минуты.

Через полчаса Дайамонд был в агентстве аэрофлота.

Ван Хов зашел через минуту, его проводили через черный ход, со стороны парка Манава.

— Не мог передать новости по радиии?

— Сообщение слишком важное, чтобы доверять радиии, к тому же нужен совет. И, может быть, помощь.

Дайамонд достал бутылку с «Черной кровью», налил себе и гостю на палец, проглотил, закусил ломтиком ананаса.

— Садись. У тебя десять минут, укладывайся.

— Постараюсь, мне тоже светиться здесь ни к чему. Сначала новость неприятная. Сюда едет спецкуррьер «Чистилища» с материалами по контрабанде раритетов. Это в лучшем случае высылка из страны, в худшем по законам Паракаса — тюремное заключение на семь — десять лет.

— Кто куррьер?

— Известно только имя — Филипп Моррисон. Но он может приехать под любым другим.

— Тогда пора уходить, как ни крути. А жаль, в долине еще немало необследованных развалин, скрывающих золото. Знать бы, кто этот куррьер и в чьем обличье прибудет...

— Еще не все потеряно, в Пикаль вылетел еще один работник «Чистилища», Милич, он нам поможет.

— Каким образом?

— Он не только агент «Чистилища», но и работник команды «Гамма», подчиненной только директору конторы. Он знает многих агентов СИУ и, встретив знакомое лицо...

— Ясно. Милич. Опиши его.

— Он сам тебя найдет.

— Черт! Еще бы два-три дня, и мы бы ушли тихо и с грузом.

— Опасно. Миллер мертв, но его «Эол» должен быть здесь. СИУ не посылает одиночек туда, где могут быть «плохие климатические условия».

— Нашли у него хоть что-нибудь?

— Ничего. К сожалению. Он профессионал и все держал в голове.

— Какого черта он летал в каменоломни? Что искал? Почему именно там? И нашел ли? Досадно, что он умер, у живого можно было бы добиться признания. Как это случилось?

— Мы и не хотели убивать, решили обыскать без шума, ввели снотворное, экспериментальный препарат, распадающийся в крови через три минуты после укола, а у него черная реакция на транквилизаторы. Сердце остановилось — и все.

— Это прокол, уважаемый эксперт, который может аукнуться в ближайшее время. Я не думал, что вы способны работать так грубо. Надеюсь, ваши люди не наследили?

Голландец опустил голову, нехотя процедил:

— Похоже, этот старый дурак, директор Пирина, видел исполнителя.

Даймонд побагровел, молча глядя на агента.

Ван Хов взглянул на него, криво усмехнулся.

— Исполнитель был в парике и переодет, так что едва ли Эчеверриа узнает его, даже если встретит. Но я уберу парня оттуда, будет в резерве. Не нервничай, Дигги, все будет о'кей. Мне в ближайшее время понадобится твоя техника наблюдения за подходами к долине. Где установлены телекамеры и как мне к ним подключиться?

Даймонд налил себе виски, разбавил лимонным соком.

— К моим телекамерам тебе не добраться. — Выпил, вытер губы. — Мы приспособили в качестве их носителей кондоров. Идея Копмана.

— Кого приспособил?

— Кондоров или, как их называют индейцы, криско. «Королей Анд». Камеры вшиваются птицам под кожу и передают панораму на монитор с компьютером, который синтезирует общий вид долины и всех подходов к ней. Оператору остается внимательно следить за экраном. Один выход системы имеется в лаборатории, в долине, второй — у меня.

— Ясно. Но мне нужна оперативная отработка наблюдения, не буду же я сидеть у тебя в резиденции и командовать своими парнями оттуда. Кстати, наблюдение за Торвиллом и Нераном не дало результатов, по всем данным они являются агентами СИУ.

— А Косински и этот стрелок-альпинист Улисс?

— С Косински мы еще работаем, а Улисс... он весьма умело уходит от наблюдения, хотя это получается вполне естественно. Во-вторых, во время пробной проходки стены Тумху, когда в лагере остались Улисс и толстяк Типлер (Дайамонд едва заметно улыбнулся), исчез твой телохранитель, который собирал и прятал обломки вертолета.

— Райхан?! Что значит исчез?

— Не вышел на связь, мы там все прочесали — никого, хотя видны следы потасовки и перестрелки. Теперь я уверен, что никто, кроме Улисса, не мог бы потягаться с Райханом в открытой рукопашной. К тому же этот альпинист лазает по скалам как бог! Ты бы видел!

— Видел, — буркнул резидент. — Он опасен. Опаснее любого безопасника из Сегуридад, причем хотя бы тем, что с его помощью экспедиция вот-вот начнет переселяться в долину. Его надо убрать.

— Это не так-то просто сделать. Возле Пирина все время крутится полиция. Эрнандес что-то унюхал и начал копать. В общем, пахнет жареным, потому я и зашел.

Дайамонд закурил «джэмпот».

— Я мало чем могу тебе помочь. К несчастью, один из входов в долину, самый ближний, теперь блокирован экспедицией, эти кретины альпинисты выбрали место подъема прямо возле входа.

— Так это все-таки пещера? Как ее... Уткупишго?

Резидент отрицательно мотнул головой, выпуская струю дыма.

— Нет, вход — в одной из башен, или «Чульп» Сильюстани, как называют их индейцы.

— Значит, это из-за него вы убрали индейца-сторожа?

— Он заметил курьера Копмана, пришлось инсценировать нападение индейцев из долины.

— А где второй выход?

— Недалеко от каменоломни, куда летел Миллер, сквозная пещера, никому не известная. Тебе знать ее координаты не обязательно, твоя забота — ликвидировать сеть «Чистилища». Эвакуация лаборатории — моя забота. Ищи Райхана, он не мог исчезнуть бесследно. Это один из лучших моих клаваро¹. Где я тебе возьму еще одного?

— Но мне все равно без твоей помощи не обойтись, ты же понимаешь.

Даймонд выпустил клуб дыма и погасил сигарету.

— Попробуем ввести в игру Ушастого... если согласится Копман. Мне бы еще пару дней продержаться, а там хоть потоп...

— Кто этот Ушастый?

— Помнишь, в Каролине год назад прошел процесс над садистом-убийцей Гориллой Джеком?

— Слышал краем уха.

— Ему грозил электрический стул, но молодцы Копмана выкрали Гориллу из тюрьмы, доставили сюда и провели над ним опыт. Так вот до опыта это был узколобый косноязычный дегенерат с мания-

---

К л а в а р (исп.) — пришить.

кальной жадой убийства, к тому же безнадежно больной эпилепсией, а теперь он практически здоров, интеллект его вырос на порядок, а физические кондиции позволяют делать то, на что не способен ни один человек в мире. Он даже лазает по горам не хуже твоего красавца подопечного Улисса. Но главное в другом: он, кроме всего прочего, телепат.

— Что?! — Ван Хов чуть не подавился долькой ананаса.

— Что слышал. Он способен читать мысли. Вообще все, кто прошли через эксперимент, были способны к телепатии. Поэтому и Пино, и Хонтехос, и священник Овехуно смогли выбраться за пределы лаборатории и попытаться бежать. Если бы они объединились, никто уже помешать бы им не смог. Но, к счастью, они решили бежать в одиночку.

Голландец, потрясенный, смотрел на резидента.

— Значит, все эти слухи о лаборатории... не вымысел?

— Это не слухи. Мечта о сверхчеловеке осуществима, мы теперь знаем точно. Правда, не всех надо приобщать к расе суперхомо, честные и наивные дураки, получив сверхинтеллект и сверхвозможности, почему-то предпочитают проявлять свои способности не там, где это необходимо их наставникам. Ушастый — иное дело. Решено, я попробую договориться с Копманом, чтобы его прикрепили к твоей команде.

— Как я его найду?

— На людях ему показываться вредно, слишком заметен. Он найдет тебя сам. Связь будем держать только по рации и встретимся ли еще раз, не знаю. Может быть, в долине?

— Лучше в Штатах.

Даймонд улыбнулся.

— Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Желаю удачи, Райфл. — Диггори Дайа-

монд хлопнул ван Хова по плечу и вышел, уверенный в себе, спокойный и надменно-величавый, как и полагается быть бизнесмену. Он знал все имена и клички, под которыми работал Леон ван Хов, в том числе и его настоящее имя — Райфл Комбер.

— С нами Бог! — пробормотал ван Хов, глядя ему вслед.

Увидеть труп Миллера Улиссу так и не удалось, полиция забрала его раньше, чем альпинист вернулся из промежуточного лагеря под стеной Тумху. Он посидел в баре института в одиночестве, выпил бокал «Серебряного кондора», почтив память заместителя начальника экспедиции, и отправился искать Торвилла.

Спасатель оказался в спортзале, играл в лакросс¹. Подошел разгоряченный и улыбающийся. По сути, был он еще очень молод, да и развит неплохо: худощав, мышцы не рельефные, но жилист и гибок.

— Подключайся, мы им сейчас накидаем...

— Некогда. — Джонатан отвел Кристофера в сторону. — Да и не умею я играть в эту игру. Крис, ты хорошо знал Миллера?

Торвилл пожал плечами, оглядываясь на игроков.

— Совсем не знал. Встречал только один раз, когда он приезжал с Косински в Лозанну. Да еще летели вместе. А что?

— Понимаешь, он взял у меня одну вещицу, сказал, покажет специалисту... а она дорога мне как память. Не знаешь, полиция не объявляла, что нашли у него в карманах?

— Позвони в полицию, тебе скажут. Но если он не носил ее с собой, то она у него в каюте. Попро-

---

¹ Л а к р о с с — индейская игра в мяч, синтез баскетбола и футбола.

си ключ у администратора и поищи. Ты только об этом собирался спросить? Тогда я побежал.

— Подожди. Ты не видел Анхелику?

— По-моему, она гуляла с этим французом, Гийомом. Извини, меня ждут.

Улисс понаблюдал немного за игрой, потом поднялся на крышу здания.

Ночь была великолепна: звездное небо, мрак, удивительная прохлада, запахи и звуки сельвы — все было исполнено тайного смысла и очарования. Хотелось стоять на краю бездны, и любоваться небом, и думать только о хорошем, и ждать необыкновенных встреч с женщиной, представлявшей собой тайну, не меньшую остальных тайн долины. Правда, ждать Улисс не любил, его натура жаждала действия, и приходилось сдерживать себя, просчитывать каждый шаг, заранее прикидывать поведение в том или ином случае, будучи ограниченным узкими рамками положения альпиниста, любителя острых ощущений.

Анхелики на крыше не оказалось. Джонатан сел на крайний лежак и около часа провел в оцепенении; на душе было пасмурно и не хотелось верить, что на этой земле люди готовы уничтожить друг друга ради любого пустяка: золота, власти, низменных удовольствий... Он нашупал в кармане маленькую тяжелую фигурку ягуара, нагревшуюся от тепла его тела, и это прикосновение словно разбудило в нем решимость.

Улисс спустился на второй этаж жилого сектора, осмотрелся — никого — и подошел к двери каюты под номером сорок один, находившейся почти в тупике коридора. Здесь жил Миллер. Толкнул дверь, она не поддавалась. Быстро вставил в замочную скважину универсальную отмычку, повернул дважды, замок тихо шелкнул. Джонатан быстро вошел и закрыл за собой дверь. Потом зашторил единственное окно и включил настольную лампу.

В каюте царил застарелый беспорядок, стол с выдвинутыми ящиками был забросан окурками, хотя Миллер не курил. Полицейские?

На полу валялось неубранное белье, мотки проводов, ботинки, журналы: американские «Эсквайр» и «Бойс мэгэзин», английский порнографический «Пикчерс», бутылки из-под виски «Чивас-Ригал». Ничего себе кавардак! Неужели это оставили слугители закона?

Джонатан быстро просмотрел одежду в шкафу, чемоданы и понял, что в комнате был обыск, и учинен он уже после того, как полицейские увезли покойника. Найти в этом хаосе то, из-за чего убили квартирьера, не представлялось возможным, к тому же оставаться в его каюте было рискованно. Улисс заглянул в ящики стола — все пусто, кроме верхнего, в котором лежали рассыпанные патроны и обойма для пистолета «лама-рапид». Джонатан машинально взял обойму, выщелкнул еще два патрона, хотел бросить обойму в стол и неожиданно заметил, что последний патрон в обойме вовсе не патрон, а черная капсула-кассета для миниатюрного диктофона, завернутая в клочок тонкой папиросной бумаги. М-да, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Хотя, если задуматься, везет тому, кто любит и ценит риск, везет игроку.

Улисс интуитивно понял, что пора уходить. Он осторожно приоткрыл дверь, высунул голову из комнаты — никого, и бесшумно выскользнул в коридор. Но уйти не успел: на лестнице послышался шум, топот ног, поднимались трое или четверо мужчин.

На решение оставались секунды. Джонатан, не раздумывая, толкнул дверь соседней каюты — заперта, рядом с ней тоже, напротив — заперта. Господи, неужели никого на всем этаже?

«Как я объясню свое появление здесь, где пахнет криминалкой?..»

Последняя дверь перед лестничной клеткой оказалась незапертой, и лишь открыв ее, Улисс понял, что попал в каюту Анхелики.

К комнате было темно, кто-то завозился на кровати.

— Кто здесь? Это ты, Рю? — Голос был женским, но принадлежал вовсе не Анхелике Форталеза, врачу экспедиции.

— Не включайте свет, — сказал Улисс, запирая дверь. — Не бойтесь, я не грабитель.

Женщина тихонько засмеялась.

— Я не боюсь, но ведь не каждый день со мной знакомятся столь оригинальным способом, в темноте. — Говорила женщина по-английски со специфическим акцентом. — Вы урод? Или еще хуже — глубокий старик?

Улисс замер, прислушиваясь к гулкому шуму в коридоре.

— Ни то, ни другое, просто люблю розыгрыши и надеялся застать здесь хозяйку. Не будете же вы отрицать, что это комната Анхелики?

— Конечно, не буду. Но Хели уступила ее мне, потому что сама переехала сегодня в лагерь в горах. Так что, если вы разочарованы, мистер альпинист, можете уходить.

— Что? — Джонатан не поверил ушам. — Вы меня знаете?

— Хели предупредила, что вы можете зайти, и сказала, что ждет вас в лагере. Так вы Улисс?

— А вы, судя по акценту, японка.

Женщина снова засмеялась, словно прозвенел мелодичный колокольчик.

— Вы очень проникательны, сэнсэй. Так и будете стоять на пороге?

Шум шагов в коридоре стих.

Улисс нашарил выключатель на стене, вспыхнула лампа на потолке под абажуром в виде китайского дракона.

На кровати, щурясь, сидела молодая японка, миниатюрная, очень красивая, одетая в традиционное кимоно для сна. Тонкий аромат каких-то незнакомых духов зашекотал ноздри непрошеного гостя.

— А вы не боитесь, что я могу перейти рамки дозволенного при первом знакомстве? — с любопытством спросил Джонатан.

— Нет, сэнсэй, я с детства владею наппон-ре.

— Это разновидность каратэ? — Улисс притворился наивным, прекрасно зная, что такое ниппон-ре, в свое время он прожил в Японии, в префектуре Фукума, почти год.

Женщина зашлась в тихом смехе; японки всегда славились беззвучным смехом, плачем и сдержанностью.

— Это переводится как «умение освободиться от надоедливого мужчины». К тому же сейчас должен прийти мой друг, профессор Токийского университета Рю Сугаито, а он владеет каратэ в совершенстве.

— Спасибо за предупреждение, в таком случае мне пора откланяться. Как вас зовут?

— Харикара Хоси, профессор биохимии.

— О! И сколько же вам лет? Хотя простите за бестактный вопрос.

— Почему? Я не скрываю возраста, мне двадцать семь.

— И уже профессор?

— Что поделаешь. — Харикара пожала плечиками, в голосе ее проскользнули грустные нотки. — Я многим пожертвовала, чтобы стать ученым, в Японии женщине сделать это очень трудно.

«Как и везде», — подумал Улисс. Хотел спросить, чем будет заниматься в археологическом центре био-

химик, но передумал. Попрощавшись, вышел из уютной каюты Анхелики, оставив слегка разочарованную японку ждать своего друга. Поднявшись к себе, тщательно занавесил окно, запер дверь, включил музыку и достал из кармана кассету для японского диктофона «Синити». Размотал клочок папиросной бумаги и обнаружил на нем какую-то надпись таким мелким почерком по-испански, что с трудом прочитал: «Тому, кто найдет. В долину можно попасть через одну из «Чульп» Сильюстани».

«Чульп» Сильюстани», — повторил Улисс про себя и вспомнил странные башни из отлично пригнанных друг к другу каменных глыб. Вот оно как... Вот, значит, каким образом проникли в долину американцы. Но если этот вход теперь закрыт для них, то как же они будут эвакуировать базу в долине? По воздуху? С помощью мотодельтапланов?

Джонатан порылся в вещах и достал магнитофон «Сейко», имеющий гнездо для прослушивания диктофонных записей: японцы — практичный народ и давно унифицировали свою аппаратуру звукозаписи для привлечения покупателей удобством и многофункциональностью. Закрепив наушники, альпинист включил воспроизведение, и глуховатый голос Хуана Карлоса Хонтехоса начал рассказ о лаборатории «Демииург»...

Утро следующего дня казалось обыкновенным.

Улисс умылся, сделал зарядку, позавтракал и в числе двадцати других членов экспедиции погрузился в вертолет, доставивший его в девять часов к подножию Тумху.

Лагерь все еще охранялся полицией, а по его территории слонялся угрюмый майор Барахунда, переодетый в партикулярное платье. На его лице ясно читалось: «А пропади оно все пропадом!»

К удивлению альпиниста, Анхелики в лагере не оказалось. Как объяснил ее коллега, не то врач, не то санитар, она добилась разрешения войти в состав передового отряда и еще на рассвете вместе с альпинистом Нераном и шестью молодцами Косински ушла наверх.

— Теперь они уже, наверное, в долине, — закончил черноволосый врач с неприятным бегающим взглядом.

Джонатан пожал плечами и пошел искать начальника экспедиции.

Косински в белом костюме и широкополой шляпе распорядился у больших холмов снаряжения, которое надо было в первую очередь перетранспортировать в долину. Ему помогали норвежец Ингстад и француз Гийом Карсак, весело ответивший на приветствие.

— Господин Косински, — отозвал в сторону начальника экспедиции Улисс. — Здесь я вам не помощник, сейчас прибудет Торвилл и проконтролирует подъем основного груза, а мне бы хотелось поработать в долине. С перевала я заметил несколько скал, на которых видны развалины...

— Не возражаю, — кивнул Косински, поняв недосказанное. — Там уже находится ваш коллега Неран, обговорите и прикиньте с ним маршруты, потом обсудим, чему отдать предпочтение.

— Джо, — позвал Улисса Гийом. — Говорят, ты уже побывал в раю? Я имею в виду долину.

Джонатан подошел к французу.

— Скорее в аду. Жарко и душно, как в настоящей сельве, разве что не хватает сырости, а так — дикая амазонская сельва. Честно говоря, больше люблю работать в климате альтиплано, но если хорошо платят, могу и в аду.

— Я тоже. — Гийом засмеялся. По натуре он относился к холерикам: был нетерпелив, иногда ре-

зок, склонен к риску, обладал быстрой речью и выразительной мимикой. Недаром говорится, что холерик симпатичен только при наличии высокого интеллекта, а Гийом Карсак был именно таким человеком.

— А ну, расскажи, с кем ты был вчера, — сказал Улисс, равнодушно окидывая взглядом заросли кустарника толпы, за которыми скрылся эксперт ООН ван Хов. — И как тебе удалось ее уговорить?

— Кого? — удивился Гийом. — Я весь вечер провел в Пикале в кафе «Жемчужина Отуско». Познакомился с девочками из шочипильского кабаре «Зефир». — Он прищелкнул языком. — Испанки — суперкласс! Жаль, что тебя с нами не было, оценил бы сразу.

— А мне сообщили, что гуляешь с Анхеликой.

Француз сделал скорбное лицо.

— Этот тет-де-пон не моего масштаба. К тому же я не в ее вкусе. Она вчера искала тебя.

— Окстись, — улыбнулся Джонатан. — Я-то ей зачем?

— Не прибедняйся, мон шер, все знают, что ты ей понравился. Она даже твоего друга Торвилла расспрашивала о тебе: кто, да откуда, да что заканчивал, где работал, женат или нет...

— Ты серьезно?

— Зачем мне врать? — обиделся Гийом. — Слышал собственными ушами... случайно... вон и мсье Ингстад может подтвердить, он тоже слышал. Эгей, Сигурд, подойди.

— Некогда, — отмахнулся норвежец, взвалил на плечо тюк палатки и удалился к подъемнику.

— Рожа — что передок у «мерседеса», — кивнул на него Гийом, — и манеры солдафонские, но пусть катится, мне с ним не спать. Слушай, ты идешь в долину? Возьми меня с собой, замолви словечко шефу, а?

— Не спеши, еще успеешь вкусить экзотики, пусть сначала оборудуют лагерь в долине, подготовят площадку для вертолета. Вечером встретимся.

Улисс медленно прошелся возле «Чульп» Сильюстани, сложенных из глыб весом не менее трех—пяти тонн каждая. Одна из башен венчала вход в пещеру, выходящую в долину. Которая же из них? У всех трех нижние окна — «поддувала» — одинаково забиты более мелкими камнями, попробуй определи... Альпинист заметил возле крайней башни вездесущего ван Хова и вынужден был повернуть назад.

Через двадцать минут он поднялся на стену Тумху, а еще через полчаса Неран, командующий спуском грузов с той стороны, встретил его в долине.

— Привет, Джо. Долго же ты спишь. Сеньора Форталеза ждала тебя, ждала, потом махнула рукой, и пришлось мне, старику, страховать ее на подъеме. Тебе было бы сподручней, а?

— Да уж, — согласился Улисс, чувствуя, как рубашка начинает липнуть к телу. — А где она сама?

— Тут недалеко, рассовывает по палаткам аптечки первой помощи. Мы нашли неплохое место для лагеря всего в трехстах ярдах отсюда. Но вода чистая и холодная, я пробовал, должно быть, где-то бьют ключи. А место весьма неплохое, расчистим немного, и можно будет принимать вертолеты.

Из зарослей альгарробо и реликтовых кенуалей, в стене которых была прорублена просека, вынырнул молодой индеец с перевязанными лентой волосами.

— Иди за Миагой, он проводит. — Неран кивнул на индейца, безмолвно взвалившего на плечи очередную порцию груза. — Я дежурю здесь, на приеме.

Улисс подхватил длинный и тяжелый сверток с лопатами и зашагал следом за проворным проводником. Через пять минут ходьбы по зеленому сумраку сельвы вышли на небольшую каменную плешь, обрывающуюся в продолговатое миниатюрное озеро,

почти накрытое сверху кронами роскошных саговников и мангров. Под сенью оливкового дерева стояли три палатки, четвертую ставили трое мужчин, еще двое разбирались в гуде снаряжения. Анхелика, одетая в тропический полотняный комбинезон песочного цвета, непроницаемый для укусов насекомых и шипов растений, возилась с фотоаппаратом.

— Наконец-то, — ничуть не удивилась она, увидев Джонатана. — Сеньор любит понежиться в постели? Буэнос диас, монтанеро. Не хотите составить компанию для небольшой прогулки по долине Пируа? Ни я, ни вы не относимся к клану ученых мужей и можем пока заняться разведкой в свое удовольствие. Не возражаете?

Улисс не возражал.

— А куда мы направимся?

— Посмотрите на север. Видите скалу над деревьями? Со стены перевала я высмотрела в бинокль кое-что любопытное, думаю, не заблудимся.

— Когда вас ждать, сеньорита? — спросил один из мужчин, в котором Джонатан узнал полицейского по имени Альфонсо.

— К вечеру, — беззаботно ответила Анхелика. Фотоаппарат она повесила на шею, протянула Улиссу спортивную сумку. — Возьмите, здесь кое-что может нам пригодиться.

— Но здесь живут какие-то индейцы... опасно. Это их территория. Убили же они сторожа...

— Ничего, как-нибудь договоримся. Не отставайте, монтанеро, курс на север.

Улисс перекинул ремень сумки через плечо, и ему вдруг стало неуютно, словно тень упала сверху, тяжелая и холодная, спину лизнул чей-то неприятный взгляд. Он поднял голову и увидел парящего кондора. Показалось, птица с угрозой смотрит прямо на него...

— Ты вооружен? — перешла на «ты» Анхелика, когда они удалились от развертывающейся базы настолько, что перестали быть слышны голоса квартирьеров.

Улисс ответил не сразу:

— Как обычно. Я вообще не выхожу из дома без оружия, привычка. А что?

— Говорят, в долине водятся ягуары.

Шаг девушки был легкий и быстрый, и Джонатан невольно вспомнил Гийома: «Видел, как она ходит? Лань и тигрица одновременно!» Теперь было видно, что француз почти не преувеличивал. Мимолетно подумалось, что природа редко реализует максимальные потенции совершенства в человеке, а если и реализует, то почему-то всегда в женщине...

Они углубились в сумрак сельвы, живущей своей особенной, торжественно-естественной жизнью, полной скрытого движения и потенциальной угрозы. Мощные корни древесных гигантов затрудняли движение, жара и духота усилились, люди вскоре взмокли от пота, но Анхелика неумоимо и гибко скользила между стволами деревьев куда-то в сторону западных скал, изредка останавливаясь и прислушиваясь к звукам, долетавшим из глубины леса. Сейчас она совсем не походила на юную богиню, пресыщенную роскошью и мужским вниманием, какой показалась Улиссу в день знакомства.

Через несколько минут под ногами глухо цокнула ровная как стол плита. С ней стыковались еще две, разорванные трещинами, но еще способные служить той цели, для которой были уложены: это была дорога, как две капли воды похожая на ту, что открыл Улисс в свою первую вылазку.

Анхелика присела на корточки, придерживая фотоаппарат и бинокль, постукала ладонью по серому монолиту.

— Кажется, за открытиями здесь далеко ходить не надо. Как сказал бы Гийомчик: чтоб у меня глаз вытек, если это не дорога!

Джонатан кивнул. Он вдруг заметил, что вопреки браваде в голосе и спокойным жестам девушка украдкой вглядывается в обступающие их заросли, словно чего-то боится. Пришло ощущение скрытого наблюдения, хотя ни глаз, ни слух не отмечали ничего подозрительного.

— Попробуем проверить, куда она ведет? — предложила Анхелика. — Мне кажется, я догадываюсь, что мы увидим.

Плиты древней индейской дороги изредка утопали во мху или под грудами мелких камней, но были почти не тронуты временем, вырезанные с удивительным мастерством из цельных каменных глыб. Путешественники не прошли по ней и пятисот ярдов, как вышли на край поляны, утопающей в зарослях тунгового кустарника. Посреди поляны возвышался правильной формы холм, увитый плющом, заросший мхом и травой. Из вершины холма выростала одинокая тонкая скала, белая, столбообразная, высокая, напоминающая минарет. Улисс не сразу понял, что перед ним древнеиндейский пирамидальный храм.

Анхелика оглянулась, восхищенная и обрадованная.

— Я не ошиблась, именно эту скалу я и видела в бинокль. Ты понимаешь, что это такое?

— Скорее всего, храм или святилище.

— Нет, монтанеро, это доказательство правоты покойного Хонтехоса, считавшего, что предшественницей индейской культуры Паракаса была культура Чавин. Этот храм построен в чавиноидном стиле предками индейцев чавин вокруг одиночной скалы, считавшейся жилищем бога. И этот факт говорит о том, что когда-то долина была связана с большим миром.

— Но ведь в долине живут индейцы-пигмеи, этот храм могли построить их предки...

— Так оно и было, потому что их предками и являются индейцы чавин. Когда связь долины с внешним миром по какой-то причине была отрезана, оставшаяся часть племени постепенно деградировала и вырождалась. Я вообще удивляюсь, как племя выжило в условиях генетического имбридинга столько веков! Теперь понимаешь все значение долины? Этот «затерянный мир» — сокровищница не только для археологов-параканистов, но и для этнологов, историков, экологов, ботаников, биологов и других специалистов. Значение его трудно переоценить.

Дорога из каменных плит привела прямо к полуобвалившемуся зеву входа, полускрытому космами плюща и травы. Теперь ясно было видно, что это действительно храм, стены которого — уступ за уступом — собраны из каменных блоков в одну-две тонны каждый. Над входом виднелся сохранившийся портал с выпуклым изображением какой-то хищной птицы.

Анхелика оглянулась, но не на спутника, а на лес. В глазах ее читалось беспокойство.

— Мне все время кажется, что за нами следят...

Джонатан незаметно потрогал рукоять пистолета и пошутил:

— Или ягуар, или индейцы. Это их дом, а мы гости незваные, пришельцы. Возьмут да и снимут скальпы.

Девушка покачала головой, прислушиваясь.

— Мне мой скальп еще нужен. Поглядывая по сторонам, я взяла тебя в качестве арьергарда, вот и защищай тылы. Может, они нас не тронут?

Кого она имела в виду под словом «они», Анхелика не сказала.

Путешественники углубились в темноту святилища. Жара сменилась прохладой каменного склепа. Анхелика достала из сумки фонарь, в луче света

стены коридора отбрасывали красные искры — храм был сложен из гранитных глыб. Под ногами лежали груды земли, каменных обломков, осколков посуды и статуй. Что-то белело в щели возле стены. Улисс нагнулся и поднял окурок сигареты.

— Кажется, мы здесь не первые, — сказал он, рассматривая окурок. — «Лаки страйк». Такие сигареты курят в основном гринго, американцы.

В глазах Анхелики отразился свет, казалось, они метнули молнии.

— Может быть, тут были археологи, которые потом разбились?

— Они были американцы?

— А что им мешало купить такие сигареты в столице? Да и в Пикале их можно найти.

Улисс пожал плечами.

— Да я не возражаю.

Коридор кончился, они вышли в центральное помещение храма. Стены, расписанные выпуклыми изображениями хищных зверей и птиц, полуобвалившиеся, в пятнах плесени, с глубокими нишами. В нишах, окруженных орнаментами, — статуэтки странных существ, людей-кошек и людей-птиц. Узор орнамента, как заметил Джонатан, состоял из повторяющихся веток дерева, которые заканчивались... изображением человеческого глаза!

И здесь «глаз», невольно усмехнулся про себя альпинист. Только не «птичий», а человеческий. Похоже, индейские художники были первыми авангардистами в истории цивилизации.

Луч фонаря выхватил из тьмы в центре зала ворох предметов. Во все стороны прынули огненные блики — золото!

Здесь были собраны десятки изделий из золота и драгоценных камней: статуэтки, маски, громадные серьги в виде людей-кошек и ягуаров, ножи-бритвы, калабасы, черепа в золотой фольге, посуда, жезлы и

другие предметы, назначения которых Улисс не знал. Он подошел ближе, наклонился и вытащил из груды палицу из позеленевшего металла: тонкая рукоять, на конце утолщение с шипами и блестящими камешками.

— Макана, — сказала Анхелика тихо, у нее перехватило голос. — Оружие индейцев, известное еще с эпохи Окендо.

Улисс бросил палицу обратно.

— Интересно, кто собрал здесь эту коллекцию? Едва ли все это так лежало сотни лет. Ты не находишь? Кстати, для врача ты слишком хорошо разбираешься в археологии.

— Ты не прав. — Анхелика вдруг выключила фонарь. — Я не смогла вовремя выбрать профессию, а увлеклась археологией, вернее параканистикой, когда уже закончила медицинский. Я очень люблю свою страну, ее обычаи, традиции, ее историю и народ. А увлечение археологией ничуть не мешает мне быть врачом.

— Поразительно! — проговорил Улисс. — В этой куче — миллионы! Кто же смог проникнуть в долину? Грабители могил?

Анхелика ответила через минуту:

— Пошли отсюда, холодно. Сообщим полиции... Кстати, как ты относишься к Леону ван Хову?

— Эксперту ЮНЕП? — Улисс удивился вопросу. — А никак, я его почти не знаю. Мне он казался несколько угрюмым и... назойливым, что ли. Но встречались мы всего дважды.

— Назойливым? — Анхелика первой вышла на свет, внимательно оглядела заросли в полусотне шагов. — Выходи, арьергард, все спокойно. Твои предложения: идем назад или пойдем дальше?

— Конечно дальше, я не люблю работать вьючным животным, когда другие оборудуют лагерь, а больше ничего не умею.

Девушка рассмеялась, хотя глаза ее остались холодными и настороженными. Она хорошо играла свою роль. Знать бы какую...

— Не очень-то верится, монтанеро, мои друзья были свидетелями того, как ты показывал класс в тире.

— Умение стрелять еще не доказательство универсальных способностей. Просто я в последнее время работал в одной из частных спортивных школ тренером.

— А где тебя откопал Миллер? Или сам Косински?

— Идея была Фреда Нерана, он помнил меня по работе в альпотряде «Лемур», а нашел Миллер.

— Хороший был человек, жаль его. А тебе? — Анхелика повернулась и в упор взглянула на Улисса.

— И мне! — искренне ответил тот, подумав: «Не понимать ли этот вопрос как намек? Мол, не вы ли убийца, монтанеро?.. Славная у нас пара, любовь между делом, а безобидные вопросы на засыпку оборачиваются остриями кинжалоподобных угроз и полны скрытого смысла. Кто вы, сеньорита? Действительно врач или принадлежите еще какой-нибудь солидной организации типа контрразведки «Птичьего глаза»?..»

Анхелика, не оглядываясь, обошла храм и сделала несколько снимков. Джонатан пожал плечами, поплелся рядом, не без успеха демонстрируя предполагаемому наблюдателю нежелание шляться по жаркой духоте сельвы. Пусть думают, что это здоровый увалень-тюха, лентяй и лопух, которого можно испугать «натуральным» рычанием ягуара...

Следующий марш-бросок через сельву в направлении к центру долины оказался короче первого. Уже через двести шагов путешественники вышли на край обрыва, замаскированный кустарником и длинными

колючками. Анхелика нашла свободный от колючек клочок земли и подозвала Улисса.

Внизу под обрывом он увидел развалины города, почти скрытые зарослями фикуса, кустарника и трав. И все же в зелено-серой массе можно было разглядеть узкие улицы, складывающиеся в замысловатый узор, напоминающий лабиринт, дворы, дома без крыш, толстые стены, сложенные из глиняных кирпичей. Это была даже не долина — ущелье, и город за ним продолжался уже в скалах, переходя в пещерный. Едва ли его можно было разглядеть сверху, из кабины вертолета.

— Напоминает фолли¹, — проговорил Улисс. — Можно пройти в десятке шагов и ничего не заметить. Сверху, наверное, тоже не видно города. Все заросло.

— Попробуем найти спуск. — Девушка достала бинокль, осмотрела обрыв, и вскоре они спустились с десятиметровой высоты на дно ущелья, медленно двинулись по улице, утопая в траве по пояс.

Джонатан почувствовал на себе знакомый липкий, какой-то «стеклянный» взгляд, поднял голову и увидел кружившего над городом крупного кондора.

— Такое впечатление, — сказал он, — что ни один пейзаж долины не обходится без этих птиц.

— Ну, естественно, вся история индейских цивилизаций связана с культом кондора, что отражено и в фресках Чавин. Хорошо, что ягуары встречаются гораздо реже.

— Не нравится мне это.

— Что именно? Что ягуары встречаются редко?

— Нет, что кондоры так любопытны.

В ту же секунду где-то недалеко раздалось приглушенное рычание. Анхелика вздрогнула, инстинктивно хватая Улисса за руку.

---

¹ Букв. «причуда» (англ.) — искусственные руины для придания современным городам черт старины.

— Легко на помине, — хмыкнул он, доставая свой «штейер». — Это ты виновата, сглазила. Может, не будем искушать судьбу, вернемся?

— Он не посмеет напасть днем на двоих сразу.

Стараясь не шуметь, они пошли дальше. Улица города-ущелья вскоре привела их к центральной «площади» поселения, посреди которой стояло небольшое строение круглой формы со входом, напоминающим цветочный бутон. Строение было увито плющом, оплыло, но свод его не рухнул, как у других зданий города.

— Кива, — сказала Анхелика. — Святилище индейцев, все южноамериканские индей... — Она не договорила.

Из глубины строения снова раздалось рычание.

— Ягуар! Вот он где прячется! Не ходи туда.

Улисс отвел руку девушки: в рычании зверя ему почудилась не угроза, а жалоба.

— Дай фонарь. Оружие есть?

— «Вальтер».

— Раньше мне казалось, что пистолеты не входят в медицинское оборудование, а? Отойди в сторону и жди.

Улисс включил фонарь и, не обращая внимания на хриплое ворчание невидимого зверя, приблизился к святилищу. Луч света выхватил из тьмы какие-то ящики явно современного вида с надписью «фрукты» и эмблемой «Птичьего глаза» и... клетку с ягуаром! Клетка была маленькая, зверь в ней умещался только лежа, — великолепный пятнистый самец, с переливающейся шкурой, — но даже издали было заметно, что он ослабел от голода и неудобной позы. Глаза его блеснули ненавистью, но рык получился не грозный, а бессильный.

Джонатан вернулся к спутнице.

— Он в клетке. Видимо, приготовили, чтобы увезти «на материк». М-да, веселенькое дело! На каждом шагу следы белых, а мы никак не могли добраться

сюда. Они-то как пробираются в долину? Я имею в виду контрабандистов. Надо сматываться отсюда, вернуться хозяева — нам несдобровать.

— Пошли, — согласилась Анхелика, потом остановилась. — Может, выпустим его? Жалко...

Улисс хотел отказаться, но встретил ее умоляющий и испытующий взгляд и махнул рукой.

— Выпустим. Лишь бы он не кинулся на нас.

Но ягуар не кинулся: то ли в благодарность за освобождение, то ли решил «не связываться», то ли ослабел так, что думал только о бегстве. Он лишь рывкнул с обидой и предостережением в голосе и трусцой направился в глубь ущелья, скрылся за развалинами.

Улисс пробормотал ему вслед:

— Не попадайся больше, кошка, второй раз тебя не освободят.

— И спасибо не сказал, — с облегчением засмеялась Анхелика.

На траву упала легкая тень. Кондор, совсем низко. Что-то блеснуло у него на груди. Не долго думая, Джонатан поднял пистолет и точным выстрелом сбил птицу на вираже. Грудой перьев она рухнула в теснину улицы-ущелья. Не обращая внимания на изумленный вскрик девушки, альпинист подбежал к месту падения кондора, перевернул его на спину и присвистнул. Из перьев на груди птицы выглядывал зрачок миниатюрной телекамеры. Улисс знал такие штучки весом в сорок граммов, фирмы «Хаттори сейко», на ЧИП-кристаллах, выполненные с использованием технологии направленной диффузии.

Подошла Анхелика.

— Ты зачем? — Она заметила объектив. — Что это?

— Лишний глаз, — ответил Джонатан. — Странно у вас в Паракасе идет эволюция пернатых. В Европе у птиц только по два глаза.

И снова глаза девушки не смогли скрыть не то досады, не то угрозы. Интересно, о чем она поду-

мала? Дурак ты, монтанеро, и уши у тебя холодные? Или прикидывает варианты шахматной партии Улисс — «вальтер»?..

— Ты действительно не понимаешь, что означают наши открытия?

Альпинист пожал плечами.

— Этими открытиями пусть занимаются компетентные органы, мое дело — скалолазание. Я вообще не люблю связываться с полицией.

— Я не о том, монтанеро. Если мы сообщим обо всем в полицию — моментально станем мишенями, подумай об этом. Контрабандисты не любят, когда кто-то проникает в их тайны. Пошли отсюда, мне что-то не по себе...

Через час они выбрались к лагерю со скверным ощущением целящегося в спину невидимки. Оба думали об одном и том же: кто его спутник? В лагере их ждало сообщение о смерти одного из рабочих передового отряда по имени Альфонсо. Того самого, в котором Улисс узнал полицейского.

ПИКАЛЬ

Неприятности начались в полдень.

Сначала Эрнандесу сообщили о пропаже из морга трупа Миллера, а спустя полчаса позвонил Баррахунда и тоном, не предвещающим ничего хорошего, буркнул:

— Бери своих экспертов и дуй в лагерь у Тумху. Одна нога там — другая здесь.

— А что случилось?

— Умер Фиореттура.

— Альфонсо?! Каким образом? Что значит умер? Баррахунда, не отвечая, бросил трубку.

Эрнандес взял с собой врача, эксперта и Нгури и со всей скоростью, на которую был способен «форд» шес-

той модели, помчался к Пирину, где дежурил вертолет. Через двадцать минут он был в лагере, население которого находилось в легком шоке после третьего трагического случая, и нашел Барахунду, угнетенного жарой и отсутствием каких бы то ни было улик, возле одной из палаток, где покоилось тело Альфонсо. С майором беседовали двое: красивая испанка, врач экспедиции, и здоровенный парень, альпинист, с помощью которого Фиоретуру перенесли из долины на плато. Эрнандес заглянул в палатку, постоял немного и вышел, жестом пригласив медэксперта зайти.

— Как это случилось?

— Свидетелей нет, — нехотя ответил Барахунда. — Он решил искупаться, остальные в это время переносили вещи и... думали, что он отлучился по нужде. Потом начали звать, а он... в озере. Никаких следов борьбы на теле. Упал и утонул.

— Где он купался? Там глубоко?

— Бочаг глубиной в пять футов, дно ровное... В общем, капитан, дело темное. Он у тебя не страдал сердечной недостаточностью?

— Он умер не от сердечного приступа, — возразила глубоким контральто врач, — а от удушья. И едва ли я ошибаюсь. Я вам нужна, сеньоры?

— Нет, — после минутного колебания сказал Барахунда. — А вы задержитесь, молодой человек, — добавил он, видя, что сопровождавший врача альпинист собирается идти за ней. — Повторите капитану вашу историю.

Улисс рассказал об открытии «пещерного» города и индейского храма в долине. Замолк, выжидательно глядя на майора. Что-то в выражении его лица не понравилось Эрнандесу. Налет превосходства?.. Нет, скорее тень иронии. Интересный парень и, как видно, не дурак.

— Контрабандисты? — поднял на капитана свои выпуклые черные глаза Барахунда.

— Похоже, — согласился Эрнандес. — Но канал сбыта имеют не в Пикале, я бы засек. В Боливии? По ту сторону долины — граница.

Барахунда покачал головой, но не ответил. Кивнул Улиссу:

— Хорошо, монтанеро, идите, но прошу своими открытиями не делиться ни кем, и передайте это же врачухе. Вы там, в долине, никому не говорили о находках?

— Не успели, началась эта история с утопленником. Майор кивнул, и альпинист ушел.

— Ну, и что вы об этом думаете, дон Доминго? — спросил Барахунда. — Не слишком ли много смертей за последнее время? С Миллером ничего нового не выяснили?

— Вы же запретили мне заниматься этим делом, — сказал Эрнандес, подумал и добавил: — Его... украли. Прямо из патологоанатомического отделения. Мои олухи клянутся, что никого не видели, ничего не слышали, но он... исчез.

— Лихо! — только и сказал майор Барахунда, вытаращив глаза. — Кому он мог понадобиться?

— Тому, кто его убил, — предположил Эрнандес не моргнув глазом.

— Зачем?

— Чтобы скрыть следы убийства.

Майор опомнился.

— Тьфу на вас, капитан! Кто вам сказал, что Миллера убили? Доказательств нет. Никогда не обосновывайте вывод на непроверенных слухах, это помогает сохранить хорошее мнение начальства при полном отсутствии результата. Займитесь поисками трупа. Если появится информация, сообщите.

— Слушаюсь, — вытянулся Эрнандес. — А что делать с Альфонсо?

— Что и обычно. Везите к себе, на вскрытие... потом доложите.

— Жарко сегодня, — сказал капитану медэксперт, вылезая из палатки, достал сигареты, глядя на удаляющегося Барахунду. — Не по-весеннему. Она права. — Он закурил. — Права.

Эрнандес понял, что эксперт имел в виду врача экспедиции.

— Судя по всему, парень просто захлебнулся. На теле ни синяков, ни ссадин, только два-три следа укусов насекомых. На всякий случай я взял кусочки тканей на исследование, но, — эксперт затыкнулся, — дело дохлое. Может быть, что-то покажет вскрытие?

К полицейским подошел нервный Косински.

— Господин капитан, ваш работник запретил переход в долину, но это же смешно — задерживать экспедицию из-за...

— Труп — это всегда смешно, — поддержал его Эрнандес.

Косински сбился.

— Ну нет, конечно, я хотел... простите. Однако никто не застрахован от несчастного случая, и если бы все экспедиции откладывались из-за смерти одного из участников, мы не знали бы сейчас Америки. Как долго нам еще бездействовать? И так потеряли черт-те сколько времени!

— До полного выяснения обстоятельств дела. Расследованием займусь я сам, думаю, завтра вы сможете продолжить переброску экспедиции в долину.

Косински попробовал протестовать, но ничего не добившись, удалился, кипя от негодования.

Подбежал Нгури.

— Сеньор капитан, я его узнал!

— Кого?

— Того сеньора, который по описанию сеньора Эчеверья заходил к сеньору Миллеру.

Эрнандес хотел выругаться, но лишь вздохнул.

— Где он?

— Разговаривает за одной из «Чульп» с тем голландцем, что был вместе с Эчеверья, когда мы с вами с ними говорили.

— Не Эчеверья, а Эчеверриа. Веди.

Нгури с азартом устремился вперед, как молодая гончая, учуявшая след зверя, но не оценившая по неопытности его размеров и силы. Выйдя за границу базового лагеря, оцепленного «гвардейцами» Эрнандеса, возле третьей «Чульпы» Сильюстани, стоявшей дальше других от скал, в кустах толы, они издали увидели Леона ван Хова в компании с каким-то странным субъектом. Хотя от увлекшейся разговором пары было добрых пятьсот футов, это не помешало Эрнандесу разглядеть незнакомца. Внешность его была отталкивающей: лет сорок — сорок пять, сутул, с широкими покатыми плечами и длинными руками, ноги не видны, скрыты кустарником, а лицо жуткое, свирепое, с глубокими морщинами, широкоскулое; глаза упрятаны глубоко под надвинутый низкий лоб; уши сплющены и свисают, как у летучей мыши. Встретишь такого один на один — инфаркт обеспечен. Ну и чудище! Рожает же земля таких. Явно не испанец, не абориген...

Незнакомец словно услышал мысли капитана, поднял нависающую над ван Ховом голову, поглядел в сторону приближающихся полицейских и... исчез, будто растворился в воздухе.

— Он? — коротко бросил Эрнандес.

Нгури, имевший такое же острое зрение, звучно сглотнул.

— Н-нет... это же... дьявол! А тот обыкновенный форзудо¹, одет в... черный, обтягивающий... трайе депортиво. Куда же он делся?

Ван Хов оглянулся на них, помахал рукой и двинулся навстречу.

---

¹ Крепыш (*исп.*).

— Какими судьбами, комиссар? Любуетесь на эти изумительные постройки?

— Кто это с вами разговаривал? — равнодушно буркнул Эрнандес. — Интересный тип, я раньше его здесь не видел.

— А, этот... — Ван Хов оглянулся. — Да, прямо скажем, не красавец. Предлагает услуги в качестве верхолаза.

— Как верхолаза? Может быть, скалолаза?

— Не вижу разницы.

Эрнандес улыбнулся.

— Что ж, экологу простительно не знать разницы, хотя она есть, и весьма существенная. Но почему он обратился к вам?

— Видимо, счел за начальство. У вас еще есть вопросы? — В голосе ван Хова послышались нотки раздражения.

— Пока нет.

— Тогда прошу извинить, меня ждут дела.

Голландец повернулся и, как колобок, покатился к лагерю.

— Вот что, малыш, — сказал Эрнандес, глядя ему вслед. — Осмотри-ка здесь все потщательней. Если встретишь его ушастого собеседника, попытайся установить, где живет и кто он.

— А того, которого я узнал?

— И его тоже. Не нравится мне этот эксперт из ООН, больно уж прыток.

Капитан вернулся в Управление, и скучающий Хулио сообщил ему весть о прибытии из Женевы эмиссара Интерпола.

— Не понял! — удивился Эрнандес. — Он что же, прибыл прямо в Пикаль, минуя столицу?

Дежурный по Управлению кивнул.

— Он велел... извините, просил встретиться с ним в семь вечера, здесь, в Геренции...

Капитан подумал.

— Это становится интересно. Черт с ним, подожду. Как его зовут, назвался?

— Драган Милич.

ОКРЕСТНОСТИ ПИКАЛЯ — ДОЛИНА ПИРУА

Рассвет альпинист встретил в долине Пируа в полной боевой форме, готовый к любому поединку, как физическому, так и интеллектуальному. Отсутствие таковых ночью он пережил с удовлетворением, хотя ждал развития сценария с засадами, западнями и схватками.

В полночь он проник в лагерь возле перевала Тумху и по очереди обшарил угрюмые башни «Чульп», благо возле них не оказалось полицейских постов и они не были освещены. Вход в подземелье оказался в самой крайней башне, стоявшей несколько особняком, причем замаскирован он был искусственной плитой, изображавшей каменную глыбу. Улисс никогда не разгадал бы по виду в этой «глыбе» подделку и лишь по звуку определил за ней пустоту.

Спустившись в дыру по ступенькам, он включил инфракрасный фонарик, надел очки ночного видения и спокойно преодолел почти прямой, довольно чистый подземный туннель длиной в полмили, нигде не встретив никакой хитроумной индейской, а также и любой другой ловушки. Выход из туннеля высотой в пять футов — то ли его строили пигмеи, то ли экономные белые пришельцы — оказался прямо под извилистыми досковидными корнями саговника, найти его, не зная точных координат, было бы весьма затруднительно.

Улисс дождался рассвета и уже без инфраоптики обнаружил хорошо утоптанную тропу, уходящую в глубь сельвы. Но хотя ее никто не охранял, Джонатана не покидало ощущение, что хозяева подземно-

го перехода и тропы знают, что он ими воспользовался, и заманивают вглубь намеренно. Можно было, конечно, возвращаться, он проверил точность сообщения по записке и нашел способ быстрого проникновения в долину, но что-то подсказывало Улиссу, что назад идти тем же путем уже нельзя. Тогда он выбрал другой путь — вперед.

Тропа, отклоняясь влево, через милю с небольшим вывела его к длинной стене сланцевых обнажений, и Джонатан сразу увидел лагерь, чужой лагерь, покинутый, на пятачке между стеной скал и зеленым забором сельвы, у группы пещер, четко просматривающихся на желто-серой поверхности обнажения. Лагерь состоял из двух пятнистых, под цвет скал и почвы, палаток и навеса, под которым прятался штабель аккуратных зеленых ящиков. Вокруг ни души.

Улисс тенью спустился к громадной яме у подножия каменной губы, обошел полуразвалившуюся каменную постройку из адобе, напоминавшую сарай, и у двух расколотых каменных плит наткнулся на шахту с уходящими вниз лестницами. Пользовались ими, судя по отпечаткам на глине, давно. Джонатан заглянул в шахту, но спускаться не стал, поднялся выше, к пещерам. Но это оказался совсем не город, как он подумал вначале. Внутри горы все пещеры соединялись в одну галерею с рядом круглых отверстий в полу. Под ногами захрустели какие-то кости и черепки, повеяло необычным запахом — запахом камфары и тлена.

Улисс надвинул очки и осветил в одно из отверстий. Луч инфрасвета выхватил из мрака каверну, похожую на пузатую бутылку из-под вина — вид изнутри. На дне каверны располагались неподвижные фигуры, мумии с поджатыми к подбородку коленями и скрещенными на груди руками, почти все они были повалены, многие разломаны на части.

Джонатан посветил в соседнюю каверну и спрятал фонарь. Он попал в Некрополис, город мертвых. Уже разграбленный, опустошенный, растоптанный жадными и алчными вакерос — грабителями могил. Судя по величине и качеству обработки пещер, здесь хоронили элиту древних индейцев пируа.

Вылезая из Некрополиса через крайнюю пещеру, Джонатан споткнулся о подвернувшийся обломок статуи, и это его спасло: пуля прошла над ухом, срикошетила от стены и взбила пыль на полу у каверны. Улисс отпрянул назад, под защиту стен пещеры, и замер, вглядываясь в зелено-коричневые дебри по ту сторону скально-глинистого обнажения. Он угодил в ловушку, и мгновение назад его спас только случай.

Несколько минут истекли в неподвижности и молчании. В сельве не дрогнула ни одна ветка, не шевельнулся ни один листик, полная угрозы жаркая тишина не выдала стрелявшего ни одним звуком. Но стоило Улиссу переместиться к другому отверстию пещеры, как два фонтанчика пыли с каменным крошечком обозначили границу жизни и смерти на каменной губе выхода. Выстрелов слышно не было, стреляли из американской винтовки «М-16» с глушителем, и стрелок не шутил.

Улисс осмотрел свое прибежище и с грустью констатировал, что выйти из него целым и невредимым будет очень непросто: все восемь отверстий пещеры выходили на склон обнажения и просматривались издалека с любой точки напротив. Стрелку надо было только дождаться, когда жертва выглянет из дырки, и всадить в нее пулю. Но он мог поступить иначе: дождаться помощи или с помощью той же винтовки зашвырнуть в пещеру пару десятков ампул со слезоточивым газом, после чего можно было брать гостя голыми руками.

«Все-таки за мной следили, — подумал Джонатан. — Если не впрямую, то дистанционно, с помо-

щью телекамер, сродни тем, что вшиты кондорам. То-то я все время пытался вспомнить — что упустил из виду. Теперь хочешь — не хочешь, а придется рисковать».

Он осмотрел длинную пещеру более внимательно, только сейчас заметив, что среднее отверстие пещеры полузавалено грудой камней с обрушившегося свода и выходит прямо к развалинам «сарая». Если уж где и прорываться с боем, то только здесь. Стрелок не ждет его отсюда, а одного-двух мгновений будет достаточно, чтобы допрыгнуть до постройки, крылом уходящей в сельву. Но ради вящей бдительности надо придумать отвлекающий маневр.

Улисс отступил в глубь галереи с отверстиями каверн, подобрал камень, сосчитал до трех, бросил его в крайнюю брешь и одновременно с ударом камня о пол нырнул ласточкой в узкую прорезь закупоренного выхода.

Бросок стоил ему исполосованного об острые грани обломков костюма, двух-трех ушибов и царапины на шее — там, где прошла пуля снайпера: стрелок все же успел перенести огонь с ложной цели на альпиниста и едва не достал его с третьего выстрела. Однако Улисс был уже далеко. Ответную стрельбу поднимать он не стал.

Теперь он знал главное: как проникли в долину белые контрабандисты и как они выносили золото индейцев пируа. Правда, предстояла еще одна поисковая экспедиция, не санкционированная ни руководством Пирина, ни главой нынешнего археологического отряда Косински. Но хотя поиск значительно облегчался теми сведениями, которые смог оставить после своей смерти Хонтехос, следовало подготовиться к этой экспедиции более тщательно, взвесив все pro et contra¹.

---

¹ За и против (лат.).

Улисс отыскал место перевала с подъемником, наскоро объяснился с его охраной и за полчаса преодолел стену Тумху. В десятом часу утра он прибыл в Пирин и столкнулся с Торвиллом. Тот был чем-то взволнован.

— На ловца и зверь! — Кристофер пожал Улиссу руку, смущенно отводя глаза. — Не знаю зачем, но тебя искала полиция.

— Полиция? — удивился Джонатан. — Меня?

— Я еще спал, когда они зашли ко мне. В общем, твою комнату обыскали и... знаешь, с ними вертелся этот противный тип из ЮНЕП...

— Ван Хов?

— Да, он, и все время шептался с офицером.

— Эрнандесом? Такой высокий, усатый, смуглый, поджарый.

— Нет, усатый, но низкорослый, плотный, хмурый. Фамилия у него интересная...

— Барахунда.

— Точно! — Торвилл искоса посмотрел на царапину на шее Улисса. — Ты осторожней, пожалуйста, по-моему, они сидят в твоей каюте, ждут.

— Спасибо, — поблагодарил Улисс, дружески сжимая локоть альпиниста. — Я ни в чем не виноват, так что бояться мне нечего. Но за предупреждение спасибо. Ты утром сегодня не встречал Анхелику?

— Не встречал со вчерашнего дня, с момента, когда привезли этого беднягу Альфонсо. Что передать, если увижу?

— Вот и расскажи, что меня ищет полиция.

Торвилл в замешательстве взглянул на товарища, хотел спросить: «А где ты был ночью?» — но передумал.

— Есть еще одна новость, — остановил он Улисса. — Говорят, что в Пирин прибыла бригада Интерпола.

— Ну и что?

Альпинист смешался, покраснел

— Да ничего, говорят

— Ну и черт с ними, нам-то что за дело? Кстати, давно надо было заняться всеми этими смертными случаями, невозможно спокойно работать. Ну будь, вечером встретимся в баре

Во взгляде Торвилла отразилось сомнение, но он ничего не сказал

Улисс направился к лестнице на второй этаж, и вдруг у него сами собой напряглись мышцы спины: сработало подсознательное чувство опасности. Он оглянулся и в конце коридора успел увидеть мелькнувший силуэт человека. Деталей разглядеть не удалось, но Джонатан был уверен, что видел эту характерную фигуру. Где? Уж очень знакома... И вспомнил: на скальной стене. Этот человек, похожий на гориллу, передвигающийся по вертикальной стене не хуже его самого, перерезал ему веревку.

В каюте Улисса ждали двое молодых людей в штатском. Один из них сразу встал, второй сунул руку под мышку.

— Буэнос диас, сеньоры, — вежливо сказал Джонатан, с любопытством разглядывая гостей. — Помоему, я запираю дверь на ключ.

— Мы из полиции, — сказал тот, что встал первым. — Вы Джонатан Улисс?

— Не отрицаю. А по какому вопросу я понадобился полиции? Формальности или что-то серьезное?

— Нам приказано доставить вас в Управление полиции Пикаля. Мы наслышаны о ваших способностях и соответственно подготовлены. Надеюсь, вы будете благоразумны.

— Надейтесь. Но что именно мне инкриминируется? Должны же вы при аресте сообщить задержанному, за что его взяли?

— За недозволенное ношение оружия, — сказал второй и показал пальцем на левую руку Улисса, где под мышкой в захвате висел пистолет. — «Вальтер» восемьдесят седьмого года выпуска. Кстати, носите вы его вполне профессионально.

— Потому что я профессионал, — пожал плечами Улисс. — Но это не причина для ареста.

— Вы правы, — раздался голос за дверью, и в комнату вошел невысокий, но крепкий тяжелолицый мужчина. — Позвольте представиться: майор уголовной полиции Барахунда. Вам знакома эта вещь? — Он протянул Улиссу необычной красоты перстень.

С первого взгляда Джонатан узнал перстень Анхелики.

— Знакома, это кольцо нашего врача сеньориты Форталеза.

— Еще бы вам не знать. Так вот, сеньор, вы обвиняетесь в убийстве этой сеньоры. В последний раз ее видели с вами и... перстень этот нашли в комнате. Еще есть вопросы?

Улисс вспомнил встреченную фигуру в коридоре. У него почему-то создалось впечатление, что и в долине в него стрелял этот человек. Нетопырь. Бесшумный, ловкий, сильный. Страж службы ликвидации... Неужели они убили Анхелику?!

— Ну и дела, — сказал Джонатан спокойно. — Вы, майор, действуете как в анекдоте: сейчас я сделаю ошибку, а вы — учитесь. Многому научите своих парней таким способом. А если я не подчинюсь?

В комнату вошел еще один человек, высокий, гибкий, подтянутый, с красивым открытым лицом. Он белозубо улыбнулся.

— А вот этого делать не следует, мистер Улисс, вас просто убьют. Я, как и вы, не верю обвинению, но не проверить факты не имею права. Думаю, все скоро выяснится, и мы вас отпустим.

— Кто вы такой? — нахмурился Барахунда. — Как сюда вошли? И почему командуете?

— Я Драган Милич, — снова улыбнулся вошедший, — инспектор Интерпола. Вот мой сертификат.

ПИКАЛЬ

Нгури ворвался в кабинет капитана, словно занесенный ураганом.

— Я его нашел, сеньор капитан!

— Кого? — поднял от стола голову Эрнандес.

— Того парня, который стоял с голландцем и который похож на человека, заходившего в комнату Миллера перед его смертью.

— Ты уверен? Где он?

— Я его выследил. Он сидел у доньи Пепы, ел халву, а потом вышел, я за ним, — затараторил Нгури. — Он зашел в аптеку, потом в оружейную лавку, и все время оглядывался...

— Короче.

— Потом он вошел в офис транспортной фирмы...

— «Птичий глаз»?

— Да, сеньор капитан, и оттуда уже не вышел. Я ждал больше часа, но контора закрылась, а он... остался.

— Он мог выйти и через патио, — сказал задумчиво Эрнандес, покачивая двумя пальцами авторучку так, что она казалась гибкой, резиновой.

— Я не совсем тонто¹ и поставил с другой стороны одноглазого Кучо. Он клянется, что из дома вышел только сам сеньор Дайамонд, директор фирмы. Сеньор капитан, я не мог ошибиться, это азесино², клянусь матерью!

---

¹ Дурак (исп.).

² Убийца (исп.).

Эрнандес расстегнул кобуру, проверил в пистолете обойму и встал.

— Ну что ж, веди. — Он нажал на клавишу селектора. — Марко, группу усиления на выход, мою машину.

Но капитан не успел выйти из Управления, потому что у входа двое молодых людей под предводительством майора Барахунды подвели к нему Улисса в наручниках.

— Привет, — сказал майор. — Куда это ты торопишься? Забери этого парня, подозревается в убийстве Миллера и Анхелики Форталеза. Мы нашли в его конуре перстень девушки и патрон от пистолета Миллера.

— Альпинист?! — удивился Эрнандес. — Какого черта?!

— Я реагировал примерно так же, — сказал Улисс не без иронии. — Но ошибкой здесь не пахнет, это обычный заговор с целью очернить человека. Правда, не знаю, кому это выгодно. Не прошу защиты, прошу разобраться.

— Разберемся, — буркнул Барахунда. — Капитан, спрячьте его пока, у меня нет времени заниматься этим молодчиком. Я слышал, у вас был гость?

— Откуда вас известно? — прищурился Эрнандес, направляясь обратно в кабинет. Крикнул дежурному: — Марко, приготовь КПЗ.

— Работа, — пожал плечами майор, первым входя в кабинет начальника полиции Пикаля. — Вы обязаны были доложить о госте сами. Снова играете в мистера Холмса? Навели бы лучше порядок в Пирине, этот старый болван Эчеверриа не в состоянии организовать даже лечение больных.

— Вот как? А кто заболел?

— Двое, Фишлибих и Гордон, и оба одной болезнью — Монге¹.

---

¹ Б о л е з н ь М о н г е — сгущение крови из-за увеличения количества эритроцитов.

— Монге? — переспросил спокойно ожидавший своей участи Улисс. — Но ведь ею страдают только альпинисты... вернее, те, кто не имеет гиповентиляторной тренировки. Разве эти двое участвовали в прокладке трассы через перевал Тумху?

— Заткнись, — бросил один из молодых людей угрожающе.

Барахунда задумался. И в это время очнулся молчавший до сих пор Нгури, не сводя взгляда с одного из охранников:

— Клянусь, это он! — Полицейский указал на парня рядом с Улиссом. — Сеньор капитан, это... — договорить Нгури не успел.

В руке парня блеснул металл, раздался хлопок, Нгури отлетел к стене кабинета и сполз на пол. Еще один хлопок — Эрнандес отшатнулся, схватившись за плечо. Стреляли из «люгера» с глушителем. Оторопевший майор Барахунда не сделал даже попытки выхватить пистолет, он ничего не понял. Зато все понял Улисс. Бросок, удар ногой по руке, второй удар — в живот, падение на пол — от выстрела второго профессионального убийцы (черт, в наручниках не разгонишься!), удар в колено (где их подцепил этот дурак Барахунда?) и обоими кулаками с браслетом в подбородок...

Стрельба, неслышная в коридоре, длилась всего несколько секунд и оборвалась так же внезапно, как и началась.

Эрнандес, несмотря на полуобморочное состояние, успел достать пистолет, но стрелять было уже не в кого: «помощники» Барахунды, открывшие стрельбу, лежали без движения, как и сам Барахунда, получивший пулю в горло. Нгури свернулся в комок у стены, он умер, не приходя в сознание.

— Кто... вы? — прошептал Эрнандес, зажимая рану под ключицей. Из-под пальцев на белую форменную рубашку выдавились струйки крови.

— Не суть важно, — хрипло сказал Улисс, нагнулся и вытянул из кармана майора ключ от наручников. — Важно, что эти подонки занервничали. Они из службы ликвидации, я с ними уже знаком, но они пешки. Нужен их шеф. О каком госте говорил майор?

— Кто вы? — повторил Эрнандес. — Говорите, дьяволу, а то пристрелю!

— Идите к черту, капитан, — отмахнулся Улисс. — Вам уже говорили, и совершенно правильно, — не суйтесь не в свои дела. Вы же все время ухитряетесь попасть в какую-нибудь историю. Правда, на сей раз мне без вашей помощи не обойтись.

— Вы... интерполовец?

Улисс пропустил вопрос мимо ушей.

— Откройте замок.

Эрнандес, морщась, повернул ключ, альпинист снял наручники, потряс кистями.

— Порядок. Итак, сеньор капитан, слушайте внимательно. Сейчас вы позвоните в столицу, в Сегуридад, и все расскажете тому сотруднику, с которым имели дело, его зовут Кольор, полковник Кольор. А сами оцепите лагерь возле перевала и никого к стене, а тем паче к башням Сильюстани, не подпускайте. В одной из них — вход в подземелье, ведущее в долину Пирау. Поняли?

Эрнандес на секунду забыл о раненом плече.

— Вы... откуда ты это?..

— Сорока на хвосте принесла. Есть такая птица. Ну, а я пошел, надо успеть до того, как служба ликвидации начнет работать в долине. Да, опасайтесь одного человека очень странной наружности: урод, лицо асимметричное, уши...

— Знаю, видел.

— Тем лучше, проинструктируйте людей. Увидите — стреляйте без предупреждения! Он чрезвычайно опасен! Кто к вам приходил? Европейец?

— Драган Милич, инспектор Интерпола.

Улисс присвистнул, покачал головой.

— Вот это да-а! Никогда бы не подумал!.. Ну, желаю удачи, капитан, она всем нам сегодня пригодится. Передайте Кольору, чтобы перекрыли границу сверху, контрабанда из долины уплывает большей частью туда. Вызывайте врача, лечитесь и вперед.

Улисс задержался на пороге, глядя на Нгури.

— Жаль мальчишку, наблюдательный был парень.

Он ушел. Эрнандес дотянулся до селектора и вызвал дежурного.

ОКРЕСТНОСТИ ТУМХУ

Кристофер беседовал с Нераном, лежа в траве, и вспоминал прощание с Дианой. Казалось, было это совсем недавно, вчера, и примерно в этом же месте — если закрыть глаза. Но если открыть — сразу видно, что обстановка иная: слева — каменная стена до облаков, справа — светлый и чистый до изумления строй деревьев.

Где-то протарахтел и сел вертолет.

— Наша командировка, похоже, заканчивается, — сказал Неран, покусывая травинку.

— В долине работы непочатый край, — возразил Торвилл, не открывая глаз.

— Вряд ли экспедиция начнет работу в ближайшие дни, полиция перекрыла все подходы к лагерю. Странные дела творятся тут в Пикале... Умирают совершенно здоровые с виду люди... Мне это не нравится. — Неран помолчал. — Я, пожалуй, уеду.

Торвилл не ответил.

— А что случилось с нашим другом Улиссом? У него неприятности? Зачем его искала полиция?

Кристофер открыл глаза, полежал немного и встал. Из-за лепидодендронового состволия — пять

стволов вместе, — как привидение выглянул Улисс и махнул рукой. Встать не было никакого желания, но предчувствие беды кольнуло сердце и заставило альпиниста стряхнуть сонное оцепенение.

— Я сейчас. — Он встал и углубился в чистую и светлую, как зал с колоннадой в каком-то дворце, рощу.

Улисс ждал за кустом тамариска.

— Привет. Хорошо, что не пришлось искать тебя по всему предгорью. Нужна твоя помощь. Но предупреждаю: риск смертелен и случиться может всякое. Может быть, придется драться и стрелять.

— Что произошло?

Джонатан мгновение колебался, потом вытащил из-за кустов рюкзак, отщелкнул клапан.

— В долине прячется команда грабителей могил, контрабандистов. Они захватили Анхелику и... ее надо выручить. Драться умеешь? Стрелять? Держи.

— Подожди. — Торвилл отвел руку Улисса с пистолетом. — Значит, ты работаешь...

— Не имеет значения. Вообще-то моя цель — не контрабандисты, но тебе знать этого не надо. Идешь? Времени у нас очень мало. До нынешнего момента мы находились с гангстерами в положении сюрплас¹, но они все же начали гонку первыми.

— Не говори загадками, я не люблю ходить вслепую.

— Узнаю неранскую закалку, — улыбнулся Улисс. — Хорошо, коротко о главном: фирма «Птичий глаз» — прикрытие международной корпорации контрабандистов, ее глава здесь, в Пикале, американский делец Дайамонд, он же агент ЦРУ. Почувяв, что пахнет жареным, он начал сворачивать контору...

---

¹ С ю р п л а с — в спринтерской велогонке: остановка на велосипедах с целью вынудить соперника начать гонку первым.

— Постой, — поднял руку Торвилл. — Извини, я не все понял. ЦРУ, ты сказал? Зачем разведке заниматься контрабандой?

Улисс посмотрел на него с интересом, тихо засмеялся.

— А ты не такой лопух, каким кажешься с виду. Не обижайся. — Он потрепал порозовевшего альпиниста по плечу. — Ты прав, ЦРУ не должно заниматься контрабандой, но в Паракасе соблазн был настолько велик, что сотрудники конторы не удержались, и... этот прокол и привел меня сюда. Не спрашивай больше ни о чем, Крис, я и так сказал больше, чем должен был. Но у меня нет выхода. Идешь?

— Иду, — сказал Торвилл. — Подожди минуту, пойду предупрежу Нерана, а то начнет волноваться.

Альпинист вернулся к палатке, возле которой сидел начальник альпотряда, и, придумав причину, вынуждавшую его покинуть лагерь у Тумху, оставил Нерана одного.

Улисс ждал его на том же месте, уже переодетый в тропический комбинезон с противопотным слоем, не стеснявший движений. Протянул спасателю такой же.

— Переодевайся. Это НЗ, рация и «штейгер», стреляет ампулами с шоковым препаратом. Не знаешь, ван Хов в лагере или в Пирине?

— Это эксперт по экологии? По-моему, я его видел возле палатки Косински. С ним был какой-то тип, белый, незагорелый. Я его раньше не видел.

Улисс задумался.

— Что же, тем лучше. Начнем именно с него. Тебя полицейские пропустят? Ну и отлично. Идешь этого незнакомца и предложишь прогуляться до последней «Чульпы», но так, чтобы не знал ван Хов.

— Это к той, что стоит отдельно?

— Там полицейских постов нет. А скажешь следующее... — Улисс проинструктировал Кристофера, что делать и что говорить. — Ну, с Богом!

Новоприбывший, о котором говорил Торвилл и которого звали Драган Милич, отыскался у вертолета — разговаривал с молодыми археологами, обиженными своим положением. Кристофер подождал, пока он закончит беседу, и подошел.

Милич мельком посмотрел на альпиниста и с удивлением оглянулся, когда Торвилл окликнул его по имени. От него пахло дорогим «Кинг флауэ». Было заметно, что за внешностью своей Милич следит тщательно. «Любит нравиться окружающим», — подумал Кристофер в несвойственной ему псевдозначительной манере, бессознательно копируя Нерана. Потом честно признался себе, что «посланец Интерпола» и в самом деле симпатичный малый. Мужской характер, твердый и властный, помноженный на природный ум, проглядывал в каждом его жесте.

— Вы мне? По-моему, мы не знакомы.

— Я и не утверждаю обратного, — миролюбиво улыбнулся Торвилл. — Я Крис Торвилл, альпинист-спасатель.

— А-а, наслышан. — Милич не протянул руки для пожатия, в глазах его промелькнули иронические искры. — Это вы первым штурмовали Тумху? Справились с этим делом неплохо?

— Не я один. Вообще-то я должен быть в отпуске, но платят здесь тоже неплохо, да и захотелось повидать другие страны. Хотя, честно признаться, скалы везде одинаковы.

— Это верно, — согласился Милич. — Как вы меня знаете? Откуда?

— Меня послали... послал один приятель, попросил, чтобы я нашел вас и передал, что он хочет с вами встретиться. Будет ждать возле самой крайней «Чульпы».

— Где-где?

— Эти каменные «перевернутые» башни называются «Чульпами», хотя никто не знает их истинного предназначения. Даже индейцы.

— Приятель? Ваш или мой?

— Ваш. Он так сказал.

— Но я только что прибыл, и никто не... м-м... а как его имя?

— Он назвался Дигги... или что-то в этом роде. По-моему, он болен, потому что все время держится за живот.

Милич подумал, посмотрел на часы и кивнул.

— Если не трудно, проводите меня к нему, чтобы я не искал. Дигги, вы говорите? И он прямо назвал мое имя?

— Ну да, сказал позвать Милича.

— Странно, меня здесь никто не знает.

Вышли за пределы оцепленной территории, обогнули первую «Чульпу», поднялись ко второй, похожей издали на гигантский гриб-сморчок. Торвилл оглянулся и заметил, что за ними в отдалении бредут один за другим двое: мулат в грубой одежде паракасского крестьянина и здоровяк европеец, в котором Кристофер не без удивления узнал археолога из Норвегии. Ему-то что надо?

— Бальзам, чувствуете? — проговорил Милич, вдыхая воздух полной грудью. — Что это так пахнет?

— Всего понемногу. Эвкалипты, аралиевые, реликтовые деревья лепидодендроны, роща неподалеку.

— Ей-богу, симфония ароматов! Ничего подобного прежде не нюхал. А вообще-то прохладно. Всегда так? Или мне повезло? Думал, в тропиках жара невероятная.

— Летом действительно жарко, хотя воздух остается сухим и чистым, а сейчас только начало весны. Но говорят, в долине климат совершенно не такой: жара, духота, безветрие... одним словом, пекло. Я ра-

ботал в условиях альтиплано, так там, несмотря на жгучее солнце, холодно в любое время года.

— Спасибо за информацию. Однако мы пришли. Вот наша «Чульпа», а где же Дигги?

Торвилл огляделся, но никого не увидел. Лагерь был скрыт пригорком, заросшим толлой, сельва в этом месте подступала к скалам вплотную. Нигде никого.

— Ну? — Милич пристально смотрел на альпиниста. — А теперь давайте правду: зачем вам понадобилось тащить меня сюда и откуда вы знаете мое имя?

— Захотелось пошутить, — сказал Торвилл сердито; он сердился на Улисса, не подающего признаков жизни. — А заодно проверить реакцию агента «Чистилища».

Взгляд Милича потемнел. Он похлопал по карманам и вытащил таблетку жевательной резинки.

— Не хотите? «Фери сан», редко бывает в свободном ходу. Вы меня сильно озадачили, право слово. Кто вы?

Торвилл перевел взгляд ниже и увидел зрачок дула пистолета, глядевший на него из руки «интерполовца». Кто-то вдруг прыгнул на Милича из-за глыбы камня, ударил по руке и подхватил выпавший пистолет. Это был Улисс. Он ловко, одним движением сверху вниз, обыскал согнувшегося от боли курьера, вытащил из кармана еще один пистолет — миниатюрную «беретту», рацию и удостоверение офицера международной уголовной полиции.

— Полковник, — прочитал он вслух и сунул книжечку обратно. — Извините, чуть не опоздал. У него было двойное прикрытие, пришлось повозиться. Ну, здравствуй, Драган. Не ожидал, что ты поженуешь в Паракас лично. Миллер — твоя работа?

Милич разогнулся, растирая руку.

— Для такой работы есть специалисты. Кто ты такой? Я тебя впервые вижу.

— Еще бы, — кивнул Улисс. — Если бы ты меня знал, едва ли я имел бы счастье разговаривать с тобой здесь. У меня мало времени на выяснение фамильных отношений, поэтому ответ всего на два вопроса. Как ты сам понимаешь, тебе дается шанс уцелеть, по правилам «Чистилища» таких, как ты, в живых не оставляют. Но я попробую договориться с руководством, чтобы тебя официально выдали властям твоей страны... Раймонд Крессел. Полковник ЦРУ с двадцатилетним стажем. Ну как, я доходчиво объясняю?

— Доходчиво. — Милич сплюнул. — Я тебя вычислил. Джонатан Улисс. Жаль, что поздно. Спрашивайте. Знаю — отвечу.

— Вопрос первый: точные координаты лаборатории «Демург» в долине, где работает фашист Копман.

Милич без подготовки прыгнул на Улисса, но тут же со стоном согнулся и упал на колени. Удара Торвилл не заметил.

— Мразь! Подонки! Вонючки пог... — Еще один удар, почти незаметный. Милич, не договорив, растянулся на траве. Закашлявшись, поднялся, сплюнул и вдруг засмеялся хрипло. — Вот сволочь! Я думал, только мои молодцы умеют так бить. Видно профессионала... Служил в армии? Джи-ай? Батальон «Солджер оф форчун»?

— Не имею чести, — тихо сказал Улисс. — Не был ни «диким гусем», ни «зеленым беретом».

— Странно, могу ручаться...

— Повторить вопрос?

— Не надо. И бить не надо, не поможет. Я не знаю координат лаборатории, ей-богу, не знаю. Я всего лишь офицер контрразведки.

— И начальник службы ликвидации.

Милич покачал головой, с интересом разглядывая Улисса. Торвилл вдруг поймал себя на том, что ему нравится, как держится агент ЦРУ.

— Ты ошибаешься, чистильщик. Я не знаю такой службы.

Молниеносный выпад, стон, Милич снова падает.

— У инков, на золото которых вы позарились, есть три заповеди: амасуа, амальюлья, амакелья — не будь вором, не будь трусом, не будь лжецом. Так вот, не будь лжецом, Крессел.

Торвилл поморщился, перехватил взгляд Улисса.

— Что, жалеешь?

— Зачем эти... эксцессы?

— У нас нет времени. Ненавижу хищников в человеческом облике! На его руках кровь сторожа-индейца, Миллера, полицейского Альфонсо и многих других. Ну как, красавчик, добавить еще?

— Я же сказал — не знаю! — простонал Милич, массируя рукой живот. В голосе его сквозь боль слышалось восхищение. — Ну и удар! Вот скотина!

Улисс засмеялся коротким неприятным смехом, от которого у Кристофера побежали по коже мурашки. Он постучал пальцем по циферблату часов.

— Что делать?

— Придется... обезвредить. Итак, ты не знаешь координат лаборатории. Допустим. А кто знает? Ван Хов? Или только сам Диггори Даймонд?

Милич перестал массировать грудь и выпрямился.

— Черт бы вас драл! Вы что же, знаете, кто он?

Улисс кивнул.

— Кто этого не знает?

Милич хрипло рассмеялся, закашлялся.

— Все-таки «Чистилище» — отличная организация, признаю. А ведь начиналось все с нуля. Хорошо, что мы сразу поняли, к чему это все может привести, и приняли меры. Да, СИУ знает дело, но не лучше конторы, заруби это себе на носу, чистильщик.

Улисс и Торвилл переглянулись.

— Хотите совет? — предложил Милич, перестав смеяться и ругаться. — Вам лучше отпустить меня с

миром, парни. Я орешек не по вашим зубам. Желаете заниматься ван Ховом и его окружением — занимайтесь, если надоела голова на плечах, но я не из его компании.

— Ладно, красавчик, заткнись. Последний вопрос, по крайней мере мой. Где Анхелика?

— Кто?

— Не притворяйся. Сеньорита Анхелика Форталеда.

Милич криво улыбнулся.

— Удивительная женщина!.. Хотя я с ней познакомиться не успел. Кстати, вы знаете, что она работник Паракасской службы безопасности? Для меня это было полной неожиданностью.

— Для меня тоже. Где она?

Милич кашлянул, торопливо вытянул руку вперед:

— Только не бей, дурак, мне же больно. Я знаю, что ее захватили люди Копмана, но где ее держат — убейте, не знаю. Думаю, в лаборатории, в долине.

— Похоже, мы в тупике. — Улисс толкнул Милича ногой. — Лежать, гад! Считаю до трех. На счете три — стреляю. — Он достал пистолет, стреляющий шокowymi иглами. — Раз, два...

Глаза Милича расширились, но лицом он владел хорошо.

— Ну и стреляй, болван!

— Три!

— Не надо, Джо. — Торвилл приставил ладонь к дулу. — Я не хочу участвовать в обыкновенном...

— Договаривай.

— Убийстве.

— Зато он сделал бы это не задумываясь. — Улисс спрятал пистолет и, поколебавшись, признался с улыбкой: — Честно говоря, я тоже не стреляю в безоружных. Пусть живет... пока.

— Благодарю, — усмехнулся Милич, смахивая со лба капли пота. — Особенно обнадеживает это «по-

ка». Но я в самом деле не знаю, в каком именно месте долины расположена лаборатория. Знаю только, что ее снабженцы часто болеют какой-то болезнью...

— Монге? — быстро спросил Улисс.

— Д-да... похоже... кажется, Монге. Хочу еще предупредить: не вздумайте сунуться в долину, Копман не дурак и окружил лабораторию мощной системой защиты вплоть до крупнокалиберных пулеметов, лазеров и ручных зенитно-ракетных комплексов... — Милич вдруг прикусил язык.

— Это мы уже знаем, — сказал Улисс. — Ничего нового ваш новоявленный Франкенштейн не применил. Хотя... может быть, и ты не все знаешь, полковник. Крис, отрежь-ка футов десять репшура.

Они связали курьера ЦРУ, забили в рот кляп и уложили в густые заросли толы так, чтобы он не мог двигаться.

— Часа два-три пролежит, а больше и не надо, — сказал Улисс, критически оглядывая свою работу. — До встречи, Крессел. Хотя лучше бы нам не встречаться. Скажи спасибо, что со мной этот парень. Тебе ведь хорошо известно, «Чистилище» не прощает шпионов, убийц и предателей, так что, если выберешься отсюда живым, убирайся домой и не высовывай оттуда носа. Макговерн¹ еще лет двадцать назад дал всем вам, «рыцарям плаща и кинжала», хороший совет, последуй ему.

Они выбрались из кустарника к наклонной стене «Чульпы».

Шел уже седьмой час вечера, солнце давно скрылось за горным хребтом. Небосклон начал синеть, приобретая глубину и твердость.

— О каком совете ты вспомнил? — не удержался Торвилл.

---

¹ М а к г о в е р н Дж. — американский сенатор, бывший шеф ЦРУ.

— Ты о Макговерне? — очнулся Улисс. — Он сказал: «Вернись домой, Америка». Если бы она, Америка, послушалась... Знаешь, а ведь этот подонок, сам того не желая, дал ориентир. Помнишь, он заговорил о больных? Болезнью Монге страдают только...

— Скалолазы.

— Плохо тренированные люди, правильно. Значит, лаборатория расположена еще выше, чем Пикаль. Но в долине всего несколько подходящих групп скал, на которых можно расположить комплекс зданий, их можно вычислить.

— Не обязательно зданий, это могут быть естественные или искусственные пещеры.

— Молодец, соображаешь! А я, кажется, даже знаю, какие скалы подходят для этой цели лучше других. Для себя я назвал их «Замком», он хорошо виден с перевала: плоский останец плато в окружении эродированных «башен», заросший сверху сельвой. Итак, вперед?

— Вперед! — сказал Торвилл, не задумываясь.

Тумху они преодолели не по верху, а под землей, по разведанному Улиссом туннелю; никто его не охранял.

В долину уже спустились сумерки, а в сельве было совсем темно. Путь до «Замка» занял около двух часов, и альпинисты подобрались к его крутым бокам, когда окончательно стемнело и в небе выпали звезды.

— Странно, что все тихо, — шепнул Улисс, останавливаясь. — У них тут наверняка должна быть охрана. Кстати, тебе не кажется, что пахнет хлебом?

Кристофер принял.

— Скорее какими-то отбросами.

— Это омбу, «трупное дерево», видимо, растет неподалеку. А поскольку оно растет только вблизи водоемов, то поблизости река. Не свалиться бы в омут. Держись в кильватере.

Лавируя между стволами секвой и буков, они направились к громаде отвесных стен «Замка», нависавшего над сплошным покровом сельвы. Спустились вниз по склону небольшого ущелья, напоминавшего овраг. Глаза уже привыкли к темноте, но мрак, сгущенный зарослями, был плотен и вещественно осязаем — когда путешественники натыкались на внезапно возникающие на пути камни, стволы и корни деревьев. Улиссу было легче, он шел в инфраочках, а Торвиллу доставалось крепко. Темп передвижения после трех-четырёх столкновений снизился до черепашьего.

Через несколько минут выбрались на край поляны, вернее — озерца, причем узнали об этом, когда Улисс окунулся в воду по пояс.

— Стоп! Здесь вода... Речная заводь.

— Может, родник?

— Может быть, и родник, но это хорошо, что здесь вода, легче замести следы.

Они обошли водоем по каменистому берегу и снова углубились в чашу, держа курс на громады «Замка». Некоторое время пробирались молча и неожиданно вышли к стене, сложенной из грубо отесанных камней — Кристофер определил это на ощупь. Он замер, но Улисс успокаивающе сжал его плечо.

— Наверное, постройка древних индейцев. Археологи до нее доберутся не скоро, хотя таких построек в долине много. Осторожно, тут ямы...

Взяли вправо, обходя стену, дотрагиваясь до нее рукой. Стена внезапно повернула, образуя угол, и тут же Улисс остановил товарища, предупреждая толкнул его в плечо.

Буквально в десяти шагах в темноте висели два малиновых огонька, выписывая замысловатые траектории. Один из огоньков разгорелся ярче, осветил пальцы и губы, и Кристофер понял, что это огонь сигареты: впереди стояли и молча курили двое.

Улисс тихонько потянул Торвилла за собой, они отступили за угол, и вовремя: один из курящих включил вдруг фонарь и осветил часть древней постройки, за которой скрылись альпинисты.

— Ты что, Ян? — слышался голос на английском.

— Показалось, будто кто-то смотрит в спину.

— Дай очередь по кустам.

— Спятил? Босс голову открутит за шум.

— Ты что же, в самом деле так его боишься? Да он первым даст деру, если запахнет жареным.

— Но до этого успеет отдать своим палачам-визекторам для экспериментов, как тех троих. Индейцы не в счет. Ладно, пошли по маршруту. Надо было взять собак, чувствовали бы себя спокойнее.

— Что-то ты мне сегодня не нравишься, Ян. Нервный какой-то, напуганный... Зря я с тобой в паре пошел.

— Ну и катись, смельчак. Скажешь Дюку, пусть выделит для патрулирования Ушастого, я с ним как за каменной стеной.

— Неужели этот препарированный упырь не отбивает у тебя аппетит?

— Нисколько. Я человек не брезгливый.

— Да у него же взгляд мертвеца.

Один из двоих заржал.

— А обвиняешь в трусости меня. Двигай вперед, смельчак.

Голоса отдалились, смолкли. Слышался удаляющийся шорох осторожных шагов.

С минуту Кристофер и Джонатан не двигались, вслушиваясь в обычную шуршащую тишину сельвы, дожидаясь, пока в глазах перестанут мелькать яркие пятна после вспышки фонаря. Потом Улисс прошептал:

— Искать эскалатор или лифт нет смысла, хотя он должен быть. Придется идти на скалы без разведки и прикидки маршрута, иного выхода нет.

Торвилл почувствовал холодную тяжесть в желудке и молча стал разминать пальцы. Он никогда не штурмовал отвесные стены без снаряжения скалолазов: триконей, скальных крючков, кошек, стремян, молотка.

Улисс достал из заспинного кармана моток репшнура, обвязал себя и, отмерив пятнадцать футов, привязал другой конец к ремню Торвилла. Оба сделали петли через плечо и левую руку, подергали шнур, проверяя прочность зацепления.

— Я пойду первым, — шепнул Джонатан. — Иди по звуку. Рывок веревки — начинаешь движение. Надень очки, в них видно лучше.

— А ты?

— Я в них не нуждаюсь. Готов?

Торвилл встретил руку товарища.

У скал виднелось небо, и ориентироваться стало легче, чем в лесу, да и в очках действительно было лучше видно, хотя Кристофер не сразу разобрался в оттенках коричневого и багрового цвета: более теплые участки скалы и почвы светились чуть ярче остальных.

Улисс двинулся первым — багровый призрак на черно-коричневом фоне, — и Кристофер забыл обо всем, кроме подъема. В нем пробудились все «зверинные» инстинкты, усилившие реакцию, чутье, интуицию и силу, но он шел по следу, а Джонатан двигался первым, двигался так, словно не цеплялся, карабкался по вертикальной скальной стене, а бежал, как паук, не останавливаясь ни на секунду, вытягивая Торвилла с середины перехода. Кристофер никогда не видел, чтобы человек так преодолевал подъем на гору по отвесным скалам, но на восхождение у него не было ни сил, ни времени.

Сколько длился подъем, он не помнил. Только вдруг руки встретили пустоту, потом горизонталь плоского холодного камня. Торвилл бездыханным

вполз на скалу и провалился в беспамятство. Очнувшись от того, что Улисс влил ему в рот глоток воды.

— Жив, скалолаз? Отдохни минутку.

— Мы... уже поднялись?!

Джонатан тихо засмеялся.

— Не верится? Мы шли тридцать семь минут, я засек. Теперь нас не достать даже с собаками, мы на вершине «Замка». И угадали мы правильно, лаборатория где-то здесь, иначе не было бы внешней охраны внизу. Правда, те двое могли сообщить наверх, что мы здесь, если засекли подъем, но не захотели поднимать шум. Идти можешь?

Торвилл глотнул еще воды из фляги и встал, хотя все тело молило о пощаде и каждая мышца отказывалась повиноваться.

— Я тут заметил тропу, выложенную плитами. Ведет куда-то в глубь леса. Индейцы и здесь побывали, и раньше всех. Если наше свободное соло замечено, то скоро за нас возьмутся всерьез. Поторопимся.

За голым пространством скал начинался густой кустарник, переходящий в заросли сельвы: вершина «Замка» была покрыта лесом, сотни лет не знавшим человека.

Джонатан отыскивал тропинку, и они двинулись по каменным плитам древней дороги или улицы — поди разберись в темноте. Перешли на бег, рискуя свалиться в яму или врезаться в дерево, хотя Улисс интуитивно угадывал повороты тропинки. Через десять минут выбежали на край широкой каменистой поляны с черным провалом в центре.

За поляной, под пологом из гигантских фикусов и сейб, виднелись какие-то строения, целый поселок из пирамидальных палаток и конусовидных домиков. Сквозь щели в некоторых из них пробивался неяркий желтый свет, мелькали темные фигуры, доносился приглушенный говор людей и

шум, напоминающий шум разгрузки корабля в порту.

Улисс хотел что-то сказать, но в это время из леса на поляну выползло что-то длинное и серое, похожее на гусеницу. Оно достигло провала в центре поляны и... не упало, а повисло над ним! Вокруг забегали люди в комбинезонах, тоже не падавшие в пропасть.

Недоумевающий Кристофер повернулся к Улиссу, тот предупреждающе сжал его локоть.

— Не сообразил? Они покрыли поляну черной краской, чтобы сверху она казалась пропастью, дырой. Ловко придумано! С самолета никто ничего бы не увидел.

— Что они делают?

— Вероятно, готовятся к отходу. Вот что, обойдем эту «пропасть» справа. Видимо, Копман занимался здесь не только исследовательской работой, но и контрабандой, вот и понадобился такой большой транспортный узел.

В этот момент серая «гусеница» на поляне стала превращаться в чудовищного «кита», раздуваясь все больше и больше, пока не превратилась в дирижабль!

— Эх, вот когда накрыть бы это гнездо! — процедил сквозь зубы Улисс. — Где твоя рация? Моя, к сожалению, накрылась, я на нее лег. Пора давать сигнал десанту.

Торвилл пошарил в заспинном кармане и похолодел.

— Я... у меня... ее нет.

— Как нет? Я же тебе давал.

— Я, кажется, ее... забыл.

Улисс застыл на мгновение, потом похлопал сгорающего от стыда альпиниста по спине.

— Ладно, обойдемся. Может быть, капитан Эрнандес успел сообщить о воздушном контроле границы кому следует. Да и лаборатория должна иметь рацию.

— Прости, я...

— Брось переживать, это моя вина, что не проверил.

Они обошли поляну справа и подошли к лагерю с другой стороны, там было сравнительно тихо.

— Стой здесь и жди. — Улисс отобрал инфрочки и проверил обоймы в пистолетах. — Вернусь через десять минут. Поднимется шум — не паникуй, ночь для нас союзник непобедимый, но едва ли они осмелятся шуметь, им это очень невыгодно.

Джонатан беззвучно канул в темноту, через минуту его силуэт мелькнул у входа в одну из палаток, сквозь щели которой пробивался слабый свет.

Торвилл прижался спиной к дереву и замер, сжимая в потной руке пистолет, все еще переживая свою ошибку. Он не знал, что будет делать, если Джонатана схватят, но надеялся, что решение придет само. Откуда-то появилось странное спокойствие и способность к мгновенному анализу ситуации, как во время подъема на скалы. Вероятно, организм сам регулировал степень концентрации душевных и физических сил и «включал форсаж» в момент высшей опасности.

В течение последующих минут Кристофер слышал только глухой шум загрузки дирижабля на поляне, никого не видя возле ближайших палаток. Потом из сельвы, не близко, но и не далеко долетел клокочущий животный вой и оборвался на низкой ноте. Кристофер вздрогнул, облился жарким потом. То ли собственная память, то ли память предков нарисовала картину охоты с собаками так ярко, что в душу вцепились когти тоски и безысходности. По их следу шли собаки!..

Улисс появился через десять минут. Он нашел Кристофера и, сдерживая дыхание, стиснул его плечо горячей рукой.

— Все правильно, Крис, это хозчасть лаборатории. У них тут целый парк дирижаблей. Просто и остроумно: грузят награбленное ночью на дирижабль — и поминай, как звали. Об Анхелике оба моих «приятеля», которых я разбудил, ничего не слышали, но рассказали, что сама лаборатория в полумиле под землей, вернее в пещерах, ты был прав. Охраняется, как банк Рокфеллера. Улавливаешь?

— Как мы туда попадем? С пистолетами против пулеметов?

— Ничего, пройдем.

— За нами, по-моему, погоня, с собаками, я слышал вой.

— Вой или лай?

— Вой, но он... собачий. Не смейся, я знаю, старый дом моего отца стоял рядом с полигоном, на котором полицейские натаскивали овчарок...

— Понятно. В таком случае мы не успеем добраться до лаборатории... если только меня не обманули. Но минут десять форы у нас есть. Бегом за мной!

Они помчались с максимально возможной скоростью в глубину сельвы, в направлении, выбранном Улиссом со слов работников лаборатории. Выбежали на дорогу — плиты и гравий, видимо, еще одна из древних индейских дорог, построенных тысячи лет назад, но сохранившихся под сводами сельвы благодаря сухому и жаркому климату. Прибавили скорость. Некоторое время бежали молча; Торвилл стал понемногу отставать, на один прыжок Улисса ему приходилось делать два.

Снова где-то сзади коротко провыла собака. Кристофер догнал товарища и уже не отставал.

Они уцелели благодаря случайности, когда тропинка вильнула влево.

Улисс не заметил поворота, запнулся за корень и свалился куда-то вниз, вслед за ним в яму ухнул

Торвилл. Они замерли, обратившись в слух. Совсем недалеко от них кто-то спросил по-немецки:

— Кто здесь?

Второй голос отозвался тихо, как будто из поднебесья:

— В чем дело, Курт?

— По-моему, что-то упало в кусты неподалеку. Я думал, это ты уснул и свалился.

— Я и в самом деле вздремнул. Поменяемся?

— Давай.

Послышался скрип, шорохи, позвякивание.

Улисс подтолкнул Торвилла, и тот первым выбрался из ямы. Всмотревшись, разглядел изгородь из колючей проволоки, калитку, за которой располагалась будочка. За будкой стоял гигантский засохший бук, в ствол которого были вбиты металлические костыли, образуя лестницу.

Разведчики осторожно подались назад. Они не добежали до колючей проволоки всего с десятков шагов. «Если бы не яма — конец!» — подумал Торвилл с прежним холодным, рассудочным спокойствием.

— Нам надо за проволоку, — прошептал он на ухо Улиссу.

— Это и я понимаю, — отозвался тот. — Бандит не соврал, мы у цели. Попытаемся обойтись без шума, хотя положение у нас аховое: ни вперед нельзя, ни назад — заметят. У тебя пистолет с глушителем?

— Может быть, лучше стрелять ампулами?

Улисс беззвучно затрясся от смеха, Кристофер нервно рассмеялся в ответ без звука, про себя.

— Ампулой стрелять лучше днем, сейчас можем не попасть в тело, игла — не пуля. Но попробуй. Я беру того, который на дереве, ты второго в будке. Целься наверняка.

Кристофер нерешительно помялся. Улисс понял его колебания.

— Не хочешь стрелять в человека? К сожалению, я могу не успеть снять обоих, они же снайперы и обучены стрелять на шорох. Если поднимется шум, все равно придется стрелять.

На Кристофера подействовал не столько последний довод, сколько мысль о том, что он оказался плохим помощником Джонатану.

— Хорошо, беру нижнего.

Они подползли к колючей проволоке, долго всматривались в темноту, примеряясь каждый к своей цели, потом Улисс тихонько свистнул, подавая сигнал. Выстрелы прозвучали почти одновременно — сухие щелчки, задавленные плотной растительностью сельвы. Сидевший на дереве охранник свалился на землю молча, а прохаживающийся у будки тихо вскрикнул, но выстрелить в ответ уже не успел, шоковый препарат срабатывал мгновенно.

— Порядок, малыш. Подстрахуй на всякий случай, я открою калитку.

Торвилла вдруг затрясло, и он с трудом заставил себя собраться.

Джонатан открыл проход в изгороди, повозился в будке, потом забрался на дерево.

— Влезь посмотри, Крис. Тут у них инфраоптика почище моей, тепловой бинокль или что-то вроде него. Хорошо, что лентяй наверху спал, когда мы появились, иначе они бы нас ухлопали в два счета.

Улисс подвинулся, давая место Кристоферу.

В стволе бука было дупло, оборудованное под сторожевую нишу, в нем свободно умещались два человека.

— Хорошо устроились, надолго. Смотри — рация, галеты, инфраочки, винтовка с оптическим прицелом. Стрелять умеешь?

— Когда-то умел. Как ты снял хозяина? Ниша с земли не видна.

— Он стоял на суку под дуплом и смотрел в нашу сторону. Опоздай мы на секунду... так, это не рация, к сожалению, а телефон. Жаль, я думал, удастся дать сигнал. Знаешь что, у меня идея: у нас есть шанс использовать свое преимущество. Преследователи будут идти по следу...

— Понял. Остаться здесь мне?

Улисс кивнул, виноватым тоном пробормотал:

— Я бы остался, но тогда у нас не хватит времени.

— Иди. Все равно я не умею делать того, что умеешь ты. Где встретимся?

— Здесь же. Я попытаюсь выяснить, где у них центр управления, резиденция самого Копмана, здесь ли Анхелика, потом найду радиостанцию и выйду в эфир открытым текстом. Потом вернусь за тобой. Будут нажимать — беги за мной и ищи вход под землю.

Улисс спустился вниз, махнул рукой наблюдавшему за ним в прибор ночного видения Торвиллу и исчез. Кристофер вздохнул, сел поудобнее, направил вниз ствол автоматической винтовки с тем же клеймом «Сделано в США» и стал ждать. Он уже не имел права сомневаться, колебаться и страдать — всему свой миг и свой час. Для него наступил час самой опасной игры, который подсознательно был рядом всегда; игры, где призами были жизнь и смерть. Наступил час проверки формулы: человек стоит того, что он может. В той, другой жизни, оставшейся в Альпах, в горах, казавшихся чуть ли не родным домом, Кристофер боролся только с камнем и не чувствовал гнева и ненависти, когда горы оказывались сильнее тех, кого он спасал. Здесь он боролся с равными себе по силе, но превзошедшими его по жестокости, подлости и человеконенавистничеству, и в сердце не должно было быть места жалости к убийцам-маньякам в тогах ученых...

Собака возникла из зарослей бесшумно, как баргест из английского фольклора — дух, предвещающий смерть. Она и сама была смертью, воплощенной в образе зверя, специально выдрессированного для охоты на человека. Крупнее обычной немецкой овчарки, похожа на дога, но и не дог: Кристофер не знал, что это был мастифф-волкодав, который мог выстоять в поединке с рысью или барсом. Главным в облике мастиффа было выражение беспощадной и целенаправленной жадности убийства в сочетании с хищной злобой и жуткой неутомимостью механизма.

Торвилл выстрелил в тот момент, когда мастифф учуял его и поднял морду вверх. Вторая собака появилась следом, за ней еще одна. Кристофер едва успел снять их двумя выстрелами, третьим добил взвывшую собаку, раненную в шею.

Видимо, проводник был неопытный. Он сначала высунулся из чаши, но тут же залег, окликая кого-то в зарослях. Кристофер понял, что, если не предпринять решительных действий в ближайшую минуту, то ему не поможет ни позиция, ни техника. Он тщательно рассчитал, где лежит преследователь, прицелился и выстрелил два раза подряд, потом выскочил из дупла и, как на крыльях, слетел по скобам на землю, тут же сиганув в кусты фикуса; прибор ночного видения все-таки был как нельзя кстати.

Из-за проволочной изгороди по дереву дважды ударил автомат. Замолк. В тишине где-то недалеко слышались голоса, команды, на мгновение вспыхнул прожектор, лес наполнился шумом, возней, топотом ног.

Не дожидаясь, пока на место действия прибьет охрана лаборатории, Торвилл продрался сквозь кусты и побежал в ту сторону, где скрылся Улисс.

ПИКАЛЬ, ПИРИН

Хозяин стряхнул пепел сигареты в плоское каменное блюдо с искусственно выдавленным в дне изображением летучей мыши, повертел в пальцах туми — жертвенный нож древних индейцев, и положил рядом с блюдом. Он не знал, о чем говорить с представителем власти, и чувствовал себя не в своей тарелке.

— Вы не знаете, что это такое?

Эрнандес, сидевший в мундире, надетом на забинтованное плечо, поморщился и кивнул.

— Профессор, я паракасец, а не новичок но ма-дуро¹. Забавная штука, я видел подобные в музее Лидо в Шочипилье.

— Это всего лишь копия, хотя я надеюсь найти туми и в Пируа. Эти ножи характерны для всех доиндейских и древнеиндейских цивилизаций Южной Америки. Как и калабасы. — Хозяин кабинета погладил крутой бок посуды для воды. — Сделаны из тыквы, но сохранились по сей день. Практически каждое современное индейское племя бережно хранит рецепт выделывания из тыкв различной посуды. Эта калабаса найдена в окрестностях Пикаля, но если бы не задержка экспедиции, уверен, мы имели бы подобные находки и в долине.

«Как будто мы виноваты в задержке», — подумал Эрнандес, страдая от боли и временами накатывающейся слабости. Он сделал все, как велел Улисс: соединился с Управлением Сегуридад в Шочипилье, сообщил о случившемся и даже поделился своими соображениями об участии в инциденте корпорации «Птичий глаз» и ее посредника в Пикале Диггори Дайамонда. Его выслушали, приказали взять под охрану Пирин и лагерь возле гор Тумху, ничего не

---

¹ Неспелый, зеленый (*исп.*).

предпринимать без специальной команды, и теперь капитан ждал реакции Сегуридад, а может, ждал развития каких-то событий, но ничего не происходило. Ничего. Шел уже девятый час вечера, стемнело, а ни армии, ни сил безопасности в поле зрения капитана и его подчиненных не попадало. словно столица забыла о сообщении и решила подождать до утра.

— Я слышал, — сказал Эрнандес, — что покойный Хонтехос считал прародиной индейцев пируа Японию.

— Ну, Хонтехос был оригиналом, хотя последователей у него хватает. Есть, например, и такие, которые утверждают, что предками индейцев пируа являются племена, некогда селившиеся у Байкала, в России. Вернее, на территории современной России.

Эрнандес поднял брови. Хозяин кабинета улыбнулся.

— Да-да, не удивляйтесь. Это я не отношусь к оригиналам и свои гипотезы строю исключительно на доказанных аргументах и фактах. Я участвовал в археологических экспедициях в Мексике, Колумбии, Бразилии, Чили, Гватемале, Перу, изучал культуры чиму, инков, ольмеков, тольтеков, в последнее время, до назначения сюда директором, исследовал культуру Чавин, господствовавшую в Северном Перу восемнадцать веков, начиная с тысяча пятьсот пятидесятого года до нашей эры и кончая триста двадцать седьмым нашей, то есть за тысячу лет до появления инков. Так вот, в найденных несчастными первопроходцами Пируа остатках культуры долины чувствуется чавиноидная традиция: керамика с изображениями кондора и ягуара, орнаменты с петроглифами, видели? Нет? Жаль. Кстати, чави — на одном из карибских языков — ягуар, а чави-нави — сыновья ягуара с копьями. Конечно, на культуру пируа должны были наложиться такие особенности,

как почти полная изоляция от остального мира и обилие золота в долине, но берусь утверждать, что индейцы пируа — предки индейцев Чавин, и пришли они из Юго-Восточной Азии около десяти тысяч лет назад. Это самая первая из высокоразвитых цивилизаций на территории Паракаса. Что касается отличий ее от других цивилизаций, то об этом можно говорить только после окончания работы экспедиции.

— Значит, вам повезло, что долину открыли лишь два года назад. Никогда не думал, что за Тумху — неоткрытые белые пятна.

— Ну, это легко объяснить. Подступов к долине со стороны внешнего мира не было, а с самолета невозможно определить, изучен этот район или нет. На территории Паракаса еще много неисследованных уголков, особенно в альтиплано Кордильер.

Эрнандес украдкой посмотрел на часы. Его собеседником был директор Пирина, известный паракасский археолог Хулио Энрике Эчеверриа, который пустился в пространственные рассуждения о предполагаемых открытиях в долине Пируа. Капитан его не прерывал, думая о своем. Внезапно директор остановился:

— Извините, вам неинтересно, я вижу. Заболтался. Если хотите, давайте поговорим о контрабанде произведений искусства древнеиндейских цивилизаций. Я неплохо знаю методы «работы» контрабандистов, приходилось встречаться.

Эрнандес очнулся, с любопытством взирая на ученого.

— Вы что же, думаете, и в Пируа пробрались контрабандисты?

— Уверен. Я же не мальчик и понимаю, из-за чего заварилась вся эта неприятная похлебка с экспедицией. Кому-то невыгодно, чтобы исследователи проникли в долину, вот он и принялся действовать.

А кому невыгодно больше всего? Конечно, контрабандистам.

Капитан покачал головой.

— Вы проницательны, профессор.

— Жизненный опыт, — улыбнулся Эчеверриа, пустив по лицу лучики морщин.

Дверь внезапно отворилась, и в кабинет вошли двое мужчин. В первом Эрнандес узнал голландца ван Хова, а второй притягивал взор своей необычностью, отталкивающей нестандартностью. Он был сутул, массивен, хотя передвигался с легкостью и грацией хищника, с длинными руками, а лицо поражало обилием бугров, морщин и вмятин, оно было не просто безобразным, а зловеще безобразным, жутким и твердым, как ритуальная маска. Но больше всего капитана потрясли уши незнакомца: они были не очень большими, но формой напоминали перепончатые крылья летучих мышей, и кровеносные сосуды просвечивали сквозь розовый перламутр перепонки, как нервюры летательного аппарата.

— Вы ко мне? — Эчеверриа вопросительно посмотрел на вошедших. — Или это ваши знакомые? — обратился он к Эрнандесу.

— К вам, — кивнул эксперт ЮНЕП и выстрелил в грудь старику из «асахи» с насадкой бесшумного боя. Директор Пирина посмотрел на свой пиджак и мягко завалился на бок, зацепив стул.

Эрнандес рванул из кобуры пистолет, но страшная сила вырвала из рук оружие, едва не выломав пальцы, и придавила к сиденью.

— Вам же говорили, капитан, не суйтесь в это дело, — спокойно сказал ван Хов, садясь на место Эчеверриа; выдвинул ящик стола и бегло осмотрел его содержимое. — Говорили?

— Кто вы? — хрипло спросил Эрнандес.

Голландец поднял отрешенно-холодный взгляд.

— Я? Агент ЦРУ, если вам будет угодно. Хотя у меня найдется с десятков других профессий, которыми я владею вполне легально. Эксперт ООН по программе ЮНЕП — одна из последних.

— Я догадывался... еще до прихода альпин... — Эрнандес запнулся.

Ван Хов кивнул.

— Можете не договаривать, я знаю, кто у вас побывал. Джонатан Улисс. Так?

Капитан полиции сплюнул ему под ноги и сказал презрительно:

— Кончайте умные разговоры, скоты! Стоит мне крикнуть, и через минуту здесь будет вся бригада. Так что советую не шуметь.

— Мы и не будем, — кивнул спокойно голландец. — А кричать не надо, вряд ли вас кто-нибудь услышит. Мы уже уходим, капитан, но прежде ответьте на пару вопросов. Где сейчас Улисс?

— Далеко. — Эрнандес снова сплюнул, чувствуя на затылке дыхание кошмарного телохранителя ван Хова. — Вам его не догнать.

Вошедшие переглянулись.

— Он в долине, — глубоким, звучным голосом, дико контрастирующим с его внешностью, проговорил ушастый страж. — Успел уйти еще днем, часов в пять, судя по тарараму в голове этого копа. И главное, капитан был так неосмотрителен, что позвонил в Сегуридад и передал разговор с Улиссом начальству.

Ван Хов задвинул ящик, задумчиво посмотрел на ужаснувшегося от услышанного Эрнандеса.

— Что, капитан, не ожидал? Этот парень способен читать, что написано в мозгах, так же свободно, как в газете. Нет смысла торговаться. Жаль, что поторопились вы со звонком в Шочипилью.

— Надо и нам поторопиться, — сказал ушастый. — Безопасность наверняка уже рыщет где-то

поблизости, но они могут поднять по тревоге и армию.

— Ты прав, надо уходить. А жаль, местечко здесь райское. Я за тобой не угонюсь, иди первым, а на той стороне вызови мне проводника. И спеши к Эриху, Улисс — не сопливый щенок, я видел, как он ходит по скалам. Его надо опередить и обезвредить.

Ушастый улыбнулся, так мог бы улыбаться гранатомет.

— Не беспокойтесь, он не уйдет далеко. Что делать с этим?

— Он бесполезен, но как свидетель может быть опасен...

Это было последнее, что услышал Эрнандес в жизни.

ПИКАЛЬ, ПИРИН

С высоты в пять миль окрестности Пикаля казались дымящейся трясинной серо-зеленого с пятнами коричневого цвета — так их окрасил легкий вечерний туман сельвы. Где-то в нескольких милях к северу от Пикаля, у суровой гряды гор Тумху, располагался лагерь экспедиции в долину Пируа, ставший объектом отвлекающего удара контрабандистов Дела и агентов ЦРУ США.

— Мы опаздываем, — наклонился к собеседнику полковник службы безопасности Майо Кольор.

— Не думаю, — спокойно ответил тот. — Едва ли они решатся уходить днем, когда еще светло. А до ночи мы успеем закрыть границу.

— И все же мы могли бы начать операцию раньше, — с укоризной проговорил Кольор.

— Без армии — нет, — покачал головой сосед, костистый, широкий, но очень худой, с большой головой и коричневым гладким лицом. — А чтобы до-

казать необходимость совместной операции, договориться о взаимодействии и разработать план, потребовалось время.

Они замолчали.

Самолет произвел посадку.

Руководителей Паракасской службы безопасности встречал сотрудник отдела Кольора «французский археолог» Гийом Карсак. Едва ли кто-нибудь из его приятелей в Пирине узнал бы в нем весельчака-юмориста, любителя женского пола.

— Анхелика исчезла, — сказал он полковнику вполголоса, ответив на рукопожатие. — Майор Баракунда, капитан Эрнандес, профессор Эчеверриа убиты. Исчезли альпинисты Улисс и Торвилл, эксперт Леон ван Хов и сотрудник Интерпола Милич.

— Святой кондор! — вырвалось у Кольора. — Когда все это произошло?

— Баракунда убит еще...

— Об этом я знаю, остальные?

— Эрнандес и Эчеверриа найдены в лагере пол часа назад. Никто не видел убийц и не слышал шума. Эчеверриа убит из пистолета марки «асахи» японского производства, а капитан... у него перелом основания черепа. Эксперт-криминалист утверждает, что удар нанесен рукой, вернее ребром ладони, сзади.

— Поехали в Пирин, — сказал спутник Кольора. — Обсудим все по пути. Кстати, полковник, каким образом в это дело оказался замешан начальник полиции?

— Он молод... был, — со вздохом произнес Кольор, — и не в меру активен. Я его предупреждал, он не внял совету. А жаль, парень был неглуп, можно было бы взять к себе в отдел.

Черный «бьюик» принял их в свое нутро и помчал по шоссе к Пикалю, несколько высотных домов которого виднелось над зубчатой кромкой сельвы. Че-

рез сорок минут машина миновала полицейский пост на окраине города и подъезжала к громаде Пирина. Их ждали двое в штатском и полицейский офицер. Один из встречающих, массивный, косолапый, с недобрый тяжелым лицом, молча повел прибывших за собой.

В кабине с двойными дверями, напоминающими водонепроницаемые переборки тамбура подводной лодки, резиденции директора института, царила стандартная обстановка кабинетов любых других деловых организаций и фирм: стол с видеоприставкой и селектором, плоский телевизор на стене, карта Паракаса на другой, деревянная мебель, штора, скрывающая за собой одну из стен, шкаф и вделанный в стену сейф. Тело Эчеверриа уже убрали и кровь с пола смыли, в кабинете было чисто и свежо.

— Знакомьтесь, сеньоры, — сказал Карсак. — Филипп Моррисон, заместитель начальника отделения «Эол» организации СИУ. Он не обидится, если кто-то из вас назовет СИУ «Чистилищем».

Второй спутник мрачнолицего, узкоплечий, но подтянутый, стриженный очень коротко, наклонил голову.

— Сотрудник отдела Хенрик Соренсен.

Здоровяк мельком посмотрел на Кольора и мигнул.

— Он неразговорчив, — мягко сказал по-испански, без акцента, Моррисон, — зато надежен. Не правда ли, коллега?

— Как рокфеллеровский сейф, — без улыбки ответил Карсак. — Но в отличие от сейфа не боится взлома. Прошу садиться, сеньоры.

Кольор подождал, пока сядет его большеголовый спутник, привыкший к оказанию ему должного внимания, и сел сам. За ним сели остальные.

— Итак, все по порядку. В каком состоянии операция?

— Разрешите мне, генерал? — сказал заместитель начальника «Эола», чем-то похожий на самого Миллера.

Начальника Паракасской службы безопасности покорило такое обращение, но он не дал воли раздражению.

— Посты в ключевых местах расставлены, за долиной ведется аппаратное наблюдение с подключением компьютерной системы распознавания объектов.

— Простите, — вежливо сказал генерал, — я так полагаю, что расставленные посты принадлежат вам? То есть организации СИУ?

— Вы же сами дали согласие на участие «Чистилища» в операции, — вполголоса проговорил Кольор. — Они же нас и предупредили о...

— Я помню, — сухо сказал генерал. — Просто хочу уточнить детали. Кстати, кем определены эти... м-м... ключевые места?

— Нами, — пожал плечами Моррисон. — Хотя не без помощи ваших специалистов. Но аппаратура, извините, тоже наша. Я не склонен приписывать СИУ все заслуги в организации операции, лавры нам не нужны — важен результат. Такова основа работы «Чистилища». К тому же без привлечения сил безопасности и контрразведки, да и армии, нам не обойтись, потому что перекрыть надо всю северную границу. Понадобятся самолеты, около двух вертолетных полков и двух десантных. Единственная заковыка: мы не знаем точных координат лаборатории в долине. Хотя убеждены: эвакуировать ее еще не успели.

— Каким же образом вы хотите действовать? Как только охрана лаборатории обнаружит нашу группировку, заведующий попросту уничтожит Базу, он же не болван, чтобы оставлять улики.

— Мы захватили некоего Леннарда, одного из работников компании «Птичий глаз», работающего

на ЦРУ, — сказал Карсак. — Он сообщил кое-что интересное, в том числе и об алчности своих начальников, до сих пор греющих руки на вывозе из долины золотых изделий. Именно этот фактор и помог нам ухватиться за ниточку и размотать клубок, и он же позволяет надеяться на то, что основные богатства Пируа не тронуты.

— Вы не ответили на вопрос. Не будем же мы сбрасывать десант на всю долину.

— Конечно нет. В долине в настоящее время находится наш работник, — сказал Моррисон. — Надежный парень, он даст сигнал.

— А если не даст?

Моррисон поднял угрюмые спокойные глаза на генерала.

— Даст.

Генерал хмыкнул, посмотрел на Кольора.

— Ну что, Майо? Вы здесь главный, командуйте.

Кольор понял его намек правильно: крайним, в случае провала операции, станет он.

Наступило недолгое молчание, которое прервал генерал:

— Мне говорили о профиле работы лаборатории, но я счел это... э-э... ошибочной информацией. Не думаю, что такое возможно, я имею в виду поразительные результаты ее деятельности.

— К сожалению, возможно, — сказал Моррисон, посмотрел на часы и кивнул Соренсену; парень вышел. — Не знаю, как насчет суперменов, рождающихся при пробуждении «спящих» генов, но то, что из ущербного психически и морально типа выращен свехубийца — факт.

— Вы о ком?

— Руководитель лаборатории провел эксперимент не только на Хонтехосе, Пино и других известных лицах, но и на преступнике, садисте и убийце, превратив его в исключительно сильного и ловкого че-

ловека. Говорят, он даже способен читать мысли, хотя объективной информации нет.

— И где этот монстр?

Моррисон помолчал и нехотя проговорил:

— По последним сведениям, ушел в долину.

Генерал покачал головой.

— Тогда я не завидую вашему работнику. И предлагаю начать операцию немедленно, пока еще есть возможность обшарить долину до наступления темноты и найти лабораторию.

— Рано, — отрезал Моррисон и поправился: — Простите, генерал, все равно уже темно, ночь вот-вот наступит, и нет смысла спешить. Подождем сигнала. Если до двенадцати его не будет — начнем развертывание полков на границе. Кстати, не мешало бы еще раз напомнить пограничникам Боливии о нашей операции. Кто-нибудь из засевших в долине молодых может прорваться.

— Боливийская сторона предупреждена. Но почему вы так уверены в своем работнике?

— Потому что он человек слова, и еще не было случая, чтобы он подвел. Его жена погибла в Штатах при негласном испытании одной из военных лабораторий сильнодействующего галлюциногена, с тех пор он работает в «Чистилище». Но дело даже не в этом, просто я знаю его достаточно хорошо и уверен, что он способен пройти через ад.

— Кто же этот человек? — спросил заинтересовавшийся начальник службы безопасности.

Моррисон не успел ответить, в кабинет вошел Соренсен.

— Только что при попытке проникнуть в долину задержан Диггори Дайамонд, американский гражданин, директор филиала фирмы «Птичий глаз» в Пикале. С ним трое, видимо охрана. В центре долины была слышна стрельба.

— А сейчас?

— Тихо. Стрельба длилась всего две минуты.

— Успели засечь направление? — встрепенулся Кольор.

— Машина еще работает, но едва ли она выдаст рекомендации с большой точностью — темно.

Генерал, Кольор и Моррисон посмотрели друг на друга.

— И все же подождем, — хмуро сказал начальник «Эола».

ДОЛИНА ПИРУА

Джонатан оставил Торвилла одного с тревогой в сердце и странным ощущением игры: будто ему было всего десять лет и он с другом играл в «казаков-разбойников». Ощущение это быстро прошло, но все же что-то сдвинулось в душе, отреагировало на жизнь вокруг, на внешние раздражители, пришли в движение жернова какой-то психологической машины, а может, и не только психологической, грозя поднять Улисса, перемолоть в муку его веру в себя, в свое дело, его надежду и волю.

Всю жизнь он, искатель приключений, «певец риска», удивительных мгновений победы над собой или обстоятельствами — как говорили друзья, или «профессионал по выживанию» — как говорили с долей уважения враги, боролся с обстоятельствами в условиях стопроцентного риска и выходил победителем. Но пришел час, когда количественные показатели его способностей перешли наконец в иное качество. Это когда два года назад он вдруг почувствовал: хватит странствий! Дальнейшее увеличение километража не дает новых ощущений. И он остановился, начал осматриваться, куда его занесло, кто рядом, что делать дальше... А потом погибла Анна, и все чуть снова не завертелось в привычном тем-

пе, но его вовремя нашел Миллер, умудренный опытом, всегда знавший точно, ради чего он рискует жизнью. Однако еще долго что-то мешало жить и работать, словно спазм грудной клетки, пока Улисс не понял, что это всего-навсего усталость.

Память — странная штука, дает о себе знать в самые неподходящие моменты жизни. Джонатан вдруг вспомнил свой первый экзамен на выживаемость — участие в гонках на мотоциклах по горным дорогам в Италии, потом первое прохождение полигона «страха» — когда он по молодости лет едва не нанялся в отряд «диких гусей» — наемников, подготовленных для карательных операций в разных частях света, вспомнилась встреча с Анной, ее нелепая гибель в Арканзасе, встреча с Анжеликой... Мгновенные росчерки прожитого, как следы трассирующих пуль, пронизали пространство памяти, оживили застывшие там навеки картины... Сколько раз ему приходилось рисковать жизнью? Не счесть! Спокойное бытие — что это за штука? Преподавание борьбы в школе физической подготовки с постоянным ожиданием перемен? Это спокойная жизнь? А уколы памяти, а боль-воспоминания, затухающие, как угли костра, о которые еще можно обжечься... И все же рано или поздно приходит твой судный день, когда обстоятельства вывернут тебя наизнанку и обнажат твою суть, и ты поймешь, на что способен, и, преодолевая муку самооценки, начнешь ковать себя заново, бить и обжигать, смешивая в горниле души силу и злость, веру и доброту, любовь и ненависть, слезы и смех... И ты поймешь наконец, что формула «выжить во что бы то ни стало» не гарантирует душевного спокойствия...

Улисс очнулся у серой бетонной стены, сжимая в руке пистолет. Выругался беззвучно, прислушался — все тихо пока, и отступил под защиту деревьев. Перед ним располагалась приземистая бетонная по-

стройка с трубой на крыше, напоминающая трансформаторную будку с единственной дверью. Рядом смутно белели шатры двух стационарных палаток, похожие на древнеегипетские пирамиды в миниатюре. Вокруг ни души, словно лагерь брошен. Но к чему тогда охрана и проволочное ограждение? Что это — вход в подземный бункер?..

Улисс принялся — пахло хлебом и чем-то еще, приторно-сладким. Знакомый был запах, противный. Джонатан попытался вспомнить, от чего он, но не смог. Взял влево, обходя будку, и наткнулся на невысокий свеженасыпанный холм, возле которого неприятный запах был сильнее.

Улисс сплюнул, нагнулся, зачерпнул ладонью горсть земли, липкой, дурно пахнущей, с твердыми камешками, выбрал камешек побольше, остальные выбросил и брезгливо вытер руку листьями папоротника. Выбрал просвет между деревьями, где было посветлее, приблизил камешек к глазам и выругался. На ладони лежал почерневший... человеческий зуб!

Конечно, Улисс был готов к неожиданностям, но свидетельство преступлений тайной лаборатории — холм человеческих костей, пересыпанных прахом, потрясло его до глубины души! Серая «трансформаторная будка» была крематорием. И материалом для него служили аборигены — индейцы-пигмеи пируа. Догадка пришла сама собой: факты, известные Улиссу, соединились в единую логическую цепь, и он понял, на ком отрабатывали методы оживления «молчащих» генов «ученые» лаборатории. Спрятав зуб в кармашек комбинезона, нырнул в кусты, борясь с подкатывающей к горлу тошнотой.

Интуиция вывела его к целому палаточному городку, окружавшему два крошечных бунгало с плоскими крышами из дерева и алюминия. На корпуса эти строения не походили. Неужели основное хо-

зйство и в самом деле под землей, как сообщили те двое, что остались у дирижабля? Но где же тогда вход в подземелье?

Первое бунгало имело одну дверь и два окна, в обоих горел свет. Тусклый свет пробивался и через щели палаток, лагерь был явно обитаем, хотя Улисс с облегчением отметил про себя отсутствие охранения. Видимо, обитатели тайной базы не ждали гостей, надеясь на неуязвимость убежища.

Джонатан подкрался к двери бунгало, справедливо определив, что это командный пункт лагеря или пост охранения. Едва он намерился толкнуть дверь, как она открылась сама, сноп света упал за порог, и в проеме показался человек.

— И передай Дюку, пусть срочно вызовет Ушастого, — сказал он кому-то за дверью. — Если наблюдатели не пьяны, кто-то проник на территорию и поднялся на вершину. Судя по шуму у второй линии, они не шутят. Я с шестеркой пойду проверю Билла, что-то он не отвечает.

Он собрался закрыть дверь, но Улисс прыгнул и ударил выходящего в живот. С тихим «ох» мужчина согнулся пополам, и Джонатан ударил его рукоятью пистолета в основание шеи. Человек упал. Улисс придержал дверь, несколько секунд вслушивался в звуки, долетавшие из глубины строения, потом бесшумно шмыгнул внутрь домика.

Тамбур с тремя дверями, одна наружу, а две другие?

Вторая оказалась дверью шкафа с противохимическими балахонами и противогазами, а третья вела в пустую комнату — стол и два стула, — освещенную трубкой дневного света. Никого. С кем же разговаривал выходявший?

В центре комнаты вдруг что-то скрипнуло, стол отъехал в сторону, открыв квадрат люка, и откуда-то снизу донесся голос:

— Проверь кабель у второго и третьего блоков. Предупреди Губатого, пусть поторопится со своими «кроликами». Всех уничтожить, это приказ босса.

Поднимающийся по лестнице буркнул что-то под нос.

Улисс втиснулся в тамбур, сдерживая дыхание.

Из отверстия люка выбрался человек в коричневом комбинезоне, шагнул в тамбур, заметил гостя. Рука его метнулась к поясу, но на то, чтобы достать оружие и выстрелить, ему требовалось около секунды, а Улиссу — в три раза меньше. Удар пришелся в подбородок, верзила грохнулся о стол и сполз на пол. Связывать его не было времени, потому что из глубины нижнего подземного этажа спросили:

— Что ты там уронил, Стин?

Улисс замер на мгновение перед люком в преисподнюю, мысленно воззвал: «Ну, держись, «чистильщик!»!» — и прыгнул вперед и вниз.

У лестницы был один пролет в двадцать ступенек, Джонатан преодолел ее в два приема.

Подземный зал превзошел самые мрачные ожидания, он был большой, квадратный, с полом, выложенным настоящим черным паркетом. В центре — аквариум с плавающим в нем... черепом! Двухсекционный пульт с дисплеем, возле пульта подставка с красивой статуэткой из блестящего желтого металла.

Рядом с пультом стоял на коленях худощавый юноша в сером костюме и копался в его внутренностях, второй сидел в кресле с наушниками на голове и вертел ручки прибора, похожего на генератор ВЧ, третий — старик с лицом Мефистофеля, — укладывал кабель у стены в аккуратную бухту. Все трое оглянулись на звуки прыжков и молча уставились на пистолеты в руках Улисса. Молодой сделал движение к тумбе стола, Джонатан выстрелил. Игла попала в щеку парня, тот упал и успокоился.

— Не двигаться! — негромко сказал Улисс и повел стволом пистолета в правой руке. — Лечь на пол! Обоим! Руки на затылок!

Парень за пультом и старик повиновались без единого слова.

«Радиста» с наушниками Джонатан обыскал первого, связал. Потом та же участь постигла молодого храбреца — альпинист не хотел рисковать, хотя шоковый препарат иглы сделал свое дело. «Мефистофеля» Улисс заставил встать к стене.

— Прошу ответить на несколько вопросов, от этого будет зависеть ваша судьба. Подходит такой выбор?

— Задавайте, — глухо буркнул старик.

— Что это за прибор с наушниками, рация?

— Нет, контролер системы подрыва.

— Понятно. Чем занималась лаборатория?

Молчание.

— Даю три секунды.

Улисс подождал три секунды и выстрелил. Звонко взорвался экран дисплея.

Старик не двигался, глядя на Улисса исподлобья.

Альпинист поднял левую руку с пистолетом и выстрелил не целясь. Пуля задела плечо «Мефистофеля», тот вскрикнул, схватился за плечо. В глазах его тлела ненависть.

— Идиот! Зачем это тебе? Ты же и так покойник...

Улисс хладнокровно направил пистолет ему в лоб:

— Даю еще пять секунд. Не ответишь — покойником будешь ты. А потом я примусь за остальных, у меня нет выбора.

На лбу старика проступила испарина.

— Я не имею отношения к непосредственному персоналу лаборатории, я всего лишь оператор ЭВМ.

— Повторить вопрос?

— Лаборатория занималась биологическими экспериментами...

— Смелее, у меня мало времени.

— Экспериментами по генному ускорению, биодевиации «молчащих» генов. А больше я ничего не знаю, клянусь!

— И экспериментировали, конечно, на людях, на «презренных» индейцах», так? Я видел крематорий. Сколько же вы убили?

Старик побледнел, уставился на Улисса.

— Кто заведующий лабораторией? — быстро спросил тот. — Ну?!

— Эрих Копман.

— Где он?

Ответить «Мефистофель» не успел. Один из аппаратных шкафов в углу зала сам собой отъехал в сторону, открыв освещенный проем еще одного люка, ведущего вниз. Из глубины колодца раздался странно знакомый голос:

— Не стреляйте, монтанеро, я — Копман. Вы блокированы сверху и снизу, весь ваш разговор был слышен, так что делайте выводы. Можно, я поднимусь?

— Поднимайтесь, — подумав, вежливо разрешил Улисс.

В зал, как чертики из коробки, выскочили из люка трое похожих друг на друга парней с автоматами, зашли справа и слева. Автоматы держат профессионально, только дула выглядывают из-под мышек. Последним вылез энергичный толстяк, в котором Улисс, к изумлению своему, узнал Карла Типлера, «проводника» экспедиции! Оператор, лежавший на полу ничком, как его положил альпинист, встал.

— Не ожидали? Мне искренне жаль, что так получилось.

Типлер-Копман подошел к пульту, бегло оглядел индикаторную панель, повернул голову к «Мефистофелю».

— У вас все готово? Что морщишься, ранен?

— Царапина. К взрыву все готово. Стин пошел проверить кабели у блоков Ц и Д и предупредить Губатого.

Шеф лаборатории кивнул, посмотрел на Улисса.

— Похоже, он не дошел. Пошлите к Губатому еще кого-нибудь. Ну что будем делать, Джонатан Улисс? Люг, забери у него на всякий случай оружие.

Крепкий молодой человек забрал пистолеты Улисса, ловко обыскал карманы, нашел стилет.

— Больше ничего, босс.

— О'кей. Итак, Джонатан? Или у вас есть другое имя?

— Нет, — сказал Улисс. — Чужих имен не покупаю.

— Как вы догадались, где расположена лаборатория? Или взяли кого-то из моих людей?

— Те, кого мы взяли, не сказали ни слова.

— И все же вы здесь, странно... Впрочем, у каждого свои методы работы и свои тайны, а уж у работников «Чистилища» тем более. Зачем вы влезли в уголовно-политическую мясорубку? Это же не ваш профиль. — Копман фыркнул. — Джонатан Улисс, гонщик, альпинист, и вдруг — частный детектив! Не думаю, чтобы «Чистилище» вам много заплатило. Не скажете сколько? Любопытно все же.

— Десять тысяч плюс премия за риск.

— Неплохо, но я могу дать больше. Хотите работать в моей команде? Полста тысяч плюс гонорар за отдельные акции.

Улисс пренебрежительно сплюнул.

— У нас цены несколько иные. Смерть Миллера вам не оплатить.

— Принципы? Уважаю принципиальных людей. Но чего вы добьетесь? Наша с вами игра — игра с нулевым результатом. Придется перенести лабораторию в другое место, и только. Хотя позиция в долине была идеальной со всех точек зрения.

— Конечно, идеальной. Во-первых, в сельве легко упрятать даже космодром, а не только взлетную площадку дирижаблей. Во-вторых, материал для изготовления вашего противошокового препарата всегда под рукой, и в-третьих, хватает и экспериментального материала, на котором можно отработать методику — пигмеи. Никто не будет искать без вести пропавших.

— Вы правы, — кивнул Копман. — Голова у вас варит, я заметил это давно. Правда, в какой-то степени идиосинкразия к риску у вас имеется. Должны же вы понимать, что, ввязавшись в драку с нашей конторой, выжить чрезвычайно трудно, почти невозможно. Через полчаса мы уходим, а лагерь взорвем. Вместе с вами, Джонатан, уж простите мой черный юмор. У вас есть ко мне вопросы?

— Три.

— Всего-то? Слушаю. — Копман кивнул «Мефистофелю». — Ликвидируйте «конюшню», Перри, потом придете сюда со своими. И дайте отбой Ушастому, его противник сам пришел в клетку. Пусть командует механикой отхода.

Улисс в задумчивости подошел ближе к немцу. Охранники сдвинулись тесней, заплывая пол жевательной резинкой.

— Скажите, вы на самом деле добились результатов или случившееся с Хонтехосом и другими — раздутый миф?

Заведующий лабораторией оживился.

— Когда-нибудь мне за эти исследования вручат Нобелевскую. Мифа нет, ваш Хонтехос в действительности получил сверхвозможности, но, к сожалению,

нию, задумал рассказать о моей работе всему миру, а это преждевременно, как вы понимаете. Пришлось моим друзьям принять меры.

— В частности, Даймонду?

— Не только. Видите, вы слишком много знаете, для того чтобы уцелеть.

— Скормите его Ушастому, — буркнул один из телохранителей.

Копман оценивающе посмотрел на Улисса.

— А что, это идея. Любопытно было бы посмотреть, как долго вы продержитесь. Хотя вряд ли выстоите. Ушастый — моя гордость.

— Тоже «подопытный кролик»?

— Он себя таковым не считает. Был приговорен к смертной казни, я его вытащил. Любопытный экземпляр, скажу я вам, сами увидите. Решено, появится Ушастый — устроим корриду. Хотя времени у нас очень мало.

— А зачем вы захватили таких известных людей, как Хонтехос, Пино? Чтобы показать свою силу?

Копман хлопнул себя по ляжкам, засмеялся.

— Ну, естественно! Скажете, цинизм? Нет, мой друг, вызов. Мы нарочно выбрали для испытаний таких людей, которые известны если не мировой, то хотя бы южноамериканской общественности. Хотите знать, как все это было сделано? — На щеках Копмана разгорелся румянец. Он вдруг сбросил маску хладнокровного и вежливого бизнесмена и стал тем, кем был на самом деле, — заурядным ученым-маньяком фашистского толка, для которого опыты над людьми — обычное дело. — Давайте даже сделаем не так: я и вас сделаю сверхчеловеком? После боя с Ушастым. Хотите? И вы станете господином толпы, а захотите — и любой политической системы. Представляете, кем вы можете стать?

— Представляю, — кивнул Улисс. — Эти речи уже слышал где-то или читал.

— О да, их отец Ричард Хелмс¹. Он сказал: «Контроль над людьми — вот главная цель ЦРУ». Добавлю — великая цель!

— Действительно, великая. Мы ошибались, предполагая, что лаборатория работает над каким-то препаратом вроде «сыворотки правды» или экспериментирует с генами бактерий для производства новых штаммов. Никто в руководстве не хотел верить в «конструирование генотипов» нового поколения.

— Моя работа называется несколько иначе — «Реконструкция генных структур человека с помощью активизации «молчащих» генов». Но вы хорошо разбираетесь в терминологии.

— Пришлось подучиться. О вас мы тоже знаем немало. Ведь начинали работу вы с галлюциногенами в Форт-Брегге, потом в Пэйн-Блаффе, были начальником отдела биологических исследований в Форт-Детрике...

— Не стоит перечислять мой послужной список, у меня осталось для вас две минуты. Ваши вопросы закончились? А я все жду, когда вы спросите о сеньорите Анхелике.

Улисс шагнул к толстяку.

— Она все-таки у вас?

— У нас. Кстати, вы знаете, что она сотрудник службы безопасности Паракаса? Была внедрена в «Птичий глаз», но слишком преуспела в своей деятельности, и моим коллегам пришлось срочно вывести ее из игры. Если бы не я, ее бы уже не было в живых, служба ликвидации не любит шутить.

— Что с ней?!

— Жива, хотя очень слаба. — Копман поколебался. — Я мог бы и не говорить, но не люблю

---

¹ Р и ч а р д Х е л м с — директор ЦРУ с 1966 по 1973 г.

лжи. Я сделал эксперимент уже после того, как ее пытали электротоком, все равно она была на грани... м-м... смерти. И не поверите: уже на второй день она встала! Эксперимент удался! Очень сильная девушка! Хотите с ней повидаться? Она в моем личном боксе, двумя этажами ниже. К сожалению, времени у меня уже нет, иначе я бы отпустил вас к ней.

— Кто пытал ее электрошоком? — Голос сел, и Улисс вынужден был повторить вопрос. — Кто и зачем?

Копман пожал плечами, открыл в стене незаметную дверцу, за которой оказался бар с батареей бутылок, разлил в бокалы коньяк. Протянул бокал Джонатану.

— Это все «голландец», его головорезы. Не знаю, чего он от нее добивался.

— А ты, значит, «посочувствовал», провел эксперимент.

— Она бы все равно не выжила, я сделал как лучше, все-таки шанс был. Давайте выпьем, дружище, все мы смертны...

И в этот миг Улисс, готовившийся уже целых пять минут, распластавшись в воздухе, выполнил удатт-наяну — одновременный удар всем противникам, находившимся в пределах досягаемости: правой ногой в подбородок — парню слева, левой рукой в горло — телохранителю справа, и кулаком правой руки — в висок стоящему сзади.

Удар ногой достиг цели, парень упал без звука, второй верзила тоже выбыл из схватки, третий успел выстрелить, но пуля лишь обожгла щеку Улисса. Выстрелить еще раз оглушенный охранник не успел. Джонатан вырубил его на выдохе, не вставая с пола, попав в солнечное сплетение, рванулся к Копману, который уронил бокалы, выхватывая пистолет из-под мышки. Улисс опередил его на долю секунды —

реакция у заведующего лабораторией уже была не та, возраст, да и бокалы в руках помешали. Выстрел, вскрик «Мефистофеля» — пуля попала ему в раненое плечо, — удар Улисса, все произошло в одно мгновение.

Копман еще падал, когда Джонатан вспомнил об операторе у пульта. Он нырнул за спину немца, подхватил с пола его пистолет и открыл огонь, перекачиваясь в угол. Оператор начал стрельбу на доли секунды раньше. Две пули, выпущенные с расстояния в семь-восемь футов, достались Копману, третья оцарапала Улиссу шею, еще одна впиалась в пол в дюйме от его головы. Потом уже выстрелил альпинист.

Тишина наступила внезапно.

С минуту Джонатан не мог отдышаться, ожидая появления новых действующих лиц, вытер кровь на щеке, но она продолжала сочиться; шея саднила, почему-то болел бок. Один из телохранителей Копмана зашевелился. Улисс подошел и снова послал парня в нокаут. Остальным их же ремнями связал руки за спиной и уложил лицами вниз у стены. Подошел к Копману, поднял веко и опустил.

«Жаль, — подумал Улисс, — он бы еще пригодился».

«Мефистофель», сидевший на полу у пульта, зажав плечо, заскулил, когда Джонатан поднял на него взгляд.

— Не убивайте! Я скажу... все скажу...

— Где ваша рация? — тихо спросил Улисс.

— В параллельной шахте, — заторопился старик. — Внизу есть переход, я покажу, но радист ее, наверное, уже уничтожил.

— Охрана внизу есть? Сколько человек?

— Пять, всего пять, они на выходе и в боксах... двое.

— Они слышали весь этот шум?

— Нет, сэр, прямая звуковая линия соединяет только императив-зал и кабину босса, а он здесь...

— Как вы собирались уходить отсюда после взрыва?

— Не после — до взрыва. На мотодельтаплане. Уйти должны были... не все, только... четверо...

— Ясно, лишние свидетели вам ни к чему. А сколько всего людей на базе?

— Сорок два.

Улисс присвистнул, не спуская глаз с «Мефистофеля». Тот, кривясь от боли, торопливо начал оправдываться:

— Я просто инженер по обслуживанию компьютерной сети, сэр, исполнитель, что мне приказывали, то я и...

— Где находится личный бокс Копмана?

Оператор непонимающе заморгал. Ну конечно, подумал Улисс, своего босса они знали здесь под другим именем. Он указал стволом пистолета на заведующего лабораторией.

— Отдельный штрек из главной лаборатории, это двумя этажами ниже. Замок двери кодовый, но я знаю шифр. Вы... не будете стрелять?

Улисс взвесил в руке пистолет. Старик не сводил с него расширенных глаз, его куртка на плече набухла кровью. Джонатан поднял стул и с размаху ударил по пульту.

— Так-то будет надежней. Шифр и ключи от дверей.

«Мефистофель» потянулся к карману. Улисс взял ключи, проверил обойму, пистолет, стреляющий шокowymi ампулами-иглами, сунул в карман, оружие Копмана — во второй. Потом запер люк, ведущий на нижние этажи подземелья, и поднялся по лестнице к верхнему люку, посмотрел на раненого:

— Я сейчас вернусь. Но не дай тебе Бог позвать кого-нибудь на помощь или развязать этих

горилл! Выключи свет и сиди тихо как мышь. Понял?

— Да, сэр, — с трудом прошептал оператор.

— Перевяжи чем-нибудь плечо.

Улисс нащупал запоры люка, откинул его, сосчитал до десяти и прыгнул вверх, в темноту, как в воду.

ДОЛИНА ПИРУА

Кристофер едва успел нырнуть в заросли акации, как мимо протопали трое с автоматами в армейских маскировочных костюмах. Там, откуда Торвилл бежал, со стороны ворот в проволочном заборе изредка доносилось рычание и одиночные выстрелы из оружия бесшумного боя, похожие на удары палкой по матрацу. Но смолкли и они.

Переждав минуту, Торвилл выбрался из зарослей, исцарапав руки и лицо, и через полсотни шагов набрел на угрюмые постройки, возле которых витал тошнотворный запах тления и паленой шерсти. Сквозь просветы между деревьями — Кристофер не снимал прибор ночного видения и ориентировался отлично — были видны палатки и легкие домики из дерева.

Брезгливо зажав нос, Кристофер обошел палаточный городок и притаился в десятке шагов от первого домика, наблюдая за единственным входом и решая, войти или обследовать сначала всю территорию, как вдруг свет в единственном окне строения погас. Сквозь стены просочились странные звуки, напоминающие шелканье кастаньет. Дверь открылась, из нее вышел человек, постоял, шатаясь, и побрел по тропе в глубь леса, ошупывая голову.

Торвилл разочарованно проводил его взглядом, это был не Джонатан. Но все же что-то удерживало альпиниста у домика, интуиция подсказывала, что

Улисс не мог миновать этого строения, внешне выделяющегося среди палаточного городка.

Подождав еще несколько минут, Кристофер решил все же обратиться из лагеря, и в это время к домику подбежали двое, остановились, тихо переговариваясь, и закурили. Остальное произошло в три-четыре секунды.

Дверь толчком распахнулась, из проема выпрыгнул человек и угодил прямо в одного из курящих. Оба упали. Второй мгновенно вскинул автомат, висевший на ремне дулом вниз. Торвилл выстрелил машинально, еще не поняв, почему вмешивается в события. Автоматчик упал, а один из упавших ранее вскочил — это был Улисс.

— Сюда! — позвал он Кристофера, безошибочно угадав его в темноте.

Торвилл метнулся к нему, нырнул в барак с открытым люком посередине. Один за другим они спустились в зал координации лабораторных бункеров, освещенный только индикаторами на панели пульта. «Мефистофель» сидел в кресле и постанывал изредка.

— Кто это? — спросил Торвилл, переведя дыхание.

— Дежурный инженер.

— А остальные?

— Охрана.

Торвилл сглотнул слюну, помолчал немного.

— А с ним что?

— Ранен.

— Может, его надо перевязать?

Улисс посмотрел на альпиниста так, что тот пожегил.

— Давай о деле. Что у тебя? Не ранен?

— Пронесло. Была бы у нас шапка-невидимка, а?

— Обойдемся. Они собрались взорвать базу, надо спешить.

— Узнал, где Анхелика?

— По словам их шефа, ее пытали бандиты ван Хова, а Копман отбил и увел ее к себе... чтобы провести эксперимент. Жаль, он умер сразу!.. — Улисс провел ладонью по лицу. — Хорошо, что ты захватил инфраочки, может быть, придется опять идти в темноте. Наш путь вниз, на дно этой преисподней, в бокс Копмана. Ты готов?

Торвилл унял дрожь в руках и глубоко вздохнул.

— Тогда следуй за мной. Чем быстрее мы выберемся отсюда, тем больше шансов спасти Анхелику.

— Постой... ты сказал, что над ней... Копман экспериментировал над ней?!

Улисс снова провел ладонью по лицу, помолчал минуту, потом сказал изменившимся голосом:

— Главное, что она жива. Эй, «Мефистофель», или как там тебя, Перри, давай вперед и без фокусов, ты знаешь, как я стреляю.

Старый инженер полез в люк первым, поддерживая раненую руку, еле сдерживая стоны.

Следующее помещение, в которое они спустились, было естественной пещерой, полостью в недрах скалы, образованной при дегазации раскаленной трещины. Теперь это была операционная с тремя столами, бестеневыми лампами, шкафами с аппаратурой и инструментами. Она пустовала, но за стеклянной дверью, ведущей в соседнее помещение, горел свет и слышались мужские голоса.

— Это дверь в коридор, — прошептал проводник. — Люк в нижний зал в конце его.

— Куда он ведет?

— В бункер нейроисследований, а оттуда — в жилую зону. Бокс заведующего — первый по счету, с металлической дверью.

— Где сидит охрана?

— Без меня они не откроют решетку.

Улисс поднял руку, бесшумно подошел к стеклянной двери.

— Пак, по-моему, у нас гости, — слышался голос за дверью; видимо, охранник говорил по телефону. — Я не могу связаться ни с боссом, ни с координатором, ни с внешней охраной, никто не отвечает. Может, они уже удрали?

Ответа его собеседника Торвилл не услышал, но через несколько секунд охранник вызвал другого напарника:

— Люг, в лагере происходят странные вещи. Пак говорит, что Губатый исчез, централь не отвечает, на входе была слышна перестрелка. Никто ничего не знает. Где босс? Не проходил?

Снова тишина, а потом:

— Хорошо, поднимусь наверх и дам по морде этому спесивому Перри, любимчику босса, чтобы вовремя предупредил обо всех событиях, а ты свяжись с базой и ВПП. Пусть поищут Ушастого.

Улисс посмотрел на Торвилла, призывая его к вниманию.

Кристофер проглотил кислую слюну, снова преодолел противную дрожь рук и взялся за теплую рукоять пистолета.

Дверь открылась, в глаза брызнул белый свет. Улисс по-кошачьи прыгнул навстречу могучему, с бычьей шеей охраннику и с разгона ударил его в голову. В следующее мгновение проводник, стоявший чуть впереди Торвилла, повернулся и нанес тому удар в пах. Зазевавшийся Кристофер едва не потерял сознание от жгучей боли. Сдерживая крик, он ударил в ответ, попал противнику по губам, но слабо, и получил еще один удар — инженер был профессионалом не только в электронике и драться умел. Свет в глазах померк. Кристофер, слабея, гаснущим сознанием понял, что проигрывает схватку, и спустил курок. Выстрела он уже не услышал...

ПИКАЛЬ, ПИРИН

Было без четверти одиннадцать, когда Кольор и Моррисон выбрались на плоскую крышу Пирина, где собрался отряд резерва — двенадцать человек, вооруженных автоматами и гранатами со слезоточивым газом. Остальные отряды ждали сигнала, сидя в кабинах вертолетов.

На душе полковника скребли кошки, озноб то и дело охватывал спину, но желание действовать успешно блокировалось волей, хотя ожидание для полковника было худшим из противников, потому что победить его можно было только терпением.

Воздух был прохладен и чист, дышалось легко и свободно, но начальнику сил безопасности казалось, что атмосфера над институтом пропитана напряжением и угрозой, а легкий ветер приносит вместе с бальзамическими запахами сельвы еще и ядовитые флюиды злобы и ненависти.

Моррисон был, как всегда, угрюмо спокоен, только изредка посматривал на светящийся циферблат часов.

Подошел сосредоточенный Соренсен, одетый в спецкомбинезон.

— Все готово, сэр. «Десятый» передает, что воздушное пространство долины блокировано. Десант ждет сигнала. Боливийские пограничники держат с нами связь.

Моррисон мельком посмотрел на Кольора.

— Плохо, если они успеют уничтожить базу.

— Это было бы неудачей, — согласился Кольор. — Может, ваш работник сумеет предотвратить взрыв? Мне он показался довольно решительным парнем.

Моррисон внимательно посмотрел на собеседника.

— Вы знаете, кто он?

— Догадался. Джонатан Улисс. Больше просто некому. Мы ведь следили за всеми, кто прибыл в Пи-

рин и вообще в Пикаль, и знаем способности и возможности каждого. Сначала я подозревал, что он работает на Дайамонда.

Заместитель начальника отделения «Эол» отвернулся.

— У нас есть еще немного времени, проверьте готовность людей.

Соренсен растворился в темноте.

Кольбор понимающе усмехнулся.

— Извините, у меня к вам вопрос личного свойства, но он требует откровенного ответа.

— Спрашивайте.

— Какие цели преследует «Чистилище» — понятно, и я только приветствую их, но каким путем попали в организацию вы? Почему? Причина? Крупный заработок или что-то еще?

Моррисон молчал минуты две, провел ладонью по щеке, проговорил глухо:

— Как и все, кто там работает...

— Не понял.

— В СИУ работают в основном те, кто стал жертвой лабораторий, прямо или косвенно, в своих странах или за рубежом, и чаще всего лабораторий ЦРУ и Пентагона. На моей семье испытали новейший психотомиметик.

— Простите, — пробормотал Кольбор. — Я не знал...

В молчании прошло несколько минут. Затем полковник покачал головой.

— Не думал, что масштабы деятельности этих лабораторий так велики. Ведь если верить вашим словам, то... простите, я оговорился. Если из двадцати тысяч членов вашей организации хотя бы половина — жертвы!..

— Откуда вы взяли эту цифру? Даже я не знаю, сколько членов в организации, но процент жертв больше, уверен. Добавьте сюда всех, кто добровольно помогает нам в нашей деятельности.

— Что же вами руководит? Мечь?

— Ненависть, — шепотом ответил Моррисон. — Мечь слепа, а ненависть... мы не хотим, чтобы повторилось то, что произошло с нами. И, видит Бог, мы не одиноки. Я знаю, многие не приемлют наших методов борьбы с этой жуткой системой смерти, но мы не хотим ждать, когда правосудие доберется до убийц и садистов-маньяков. И будем уничтожать их везде и всегда! Кто осудит нас за это?

— Во всяком случае — не я, — сказал Кольор тихо.

— Сэр, в районе центрального плато в долине снова слышна перестрелка, — бесшумно подошел Соренсен. — Наблюдатель докладывает, что будто бы видел какие-то темные предметы над скалами, похожие на воздушные шары.

Моррисон быстро повернулся к полковнику.

— Вероятно, это дирижабли или на самом деле воздушные шары. А мы ломали голову, как контрабандистам удастся вывозить ценности. Оказывается, все просто. Хенрик, а почему молчат радарные посты? Узнай, в чем дело... — Моррисон не закончил.

Совсем близко, в стороне взлетно-посадочной площадки, затрещали выстрелы, ухнул взрыв, второй.

— Что там такое?

— Нападение на вертолеты, — отозвался подскокивший Карсак. — Взорван вертолет, нападающих человек пять.

— Они начали отвлекающий маневр, — пробормотал Кольор. — Не боятся, мерзавцы, словно у себя дома! Точно рассчитали, когда нужно начинать. Нападающих уничтожить!

— Есть уничтожить!

Из будки лифта выскочил один из членов команды Карсака.

— Лейтенант, вас хочет видеть один парень.

— Гони в шею!

— Он говорит — очень важно.

— Но мадура! Энрике, приказ полковника — уничтожить отряд! Что там у остальных? Вызови Горио. Что за парень? Что ему надо? Потом, потом...

— Пусть подойдет, — сказал Кольор.

Из будки вышел еще один человек, приблизился к полковнику.

— Я Алексей Рыбин, эколог... простите, вы старший?

Молодой человек был явно растерян, по-испански говорил с акцентом. «Сразу видно славянина», — подумал Кольор.

— Прошу прощения, у меня важное сообщение...

— Короче и не в рифму, — бросил Моррисон.

Русский заторопился:

— Мне приказали передать, что через десять минут Пируа-институт взлетит на воздух.

— Что?!

— Мне приказали...

— Кто приказал?

— Ингстад, Сигурд Ингстад.

— Я, кажется, знаю, кто это, — сказал Кольор. — Один из археологов, норвежец. Значит, он вам приказал? А вы послушались?

— Он пригрозил, что если я скажу, кто мне передал эти слова, то... у него пистолет...

— Где он?

— Не знаю. — От волнения Рыбин начал жестикулировать. — Если дадите оружие, я помогу найти.

— Его уже наверняка нет в здании, — быстро сказал Карсак.

— Займитесь своими делами, лейтенант, — бросил Кольор, — с этим парнем я разберусь сам. — Полковник потерял интерес к русскому. — Энрике, быстро организуйте эвакуацию населения Пирина.

Вы правы, Филипп, они все рассчитали. Сволочи! Мигель, поступаешь в распоряжение мистера Моррисона. Включайте сирену и действуйте. Я попробую найти мину, если она существует. А вы, Филипп, передайте своему «десятому», пусть попробует проследить за дирижаблями и захватить груз.

— Уже передал.

Кольор бросился к лифту в сопровождении восьмерки агентов резерва. С надрывом взвыла сирена, кромсая барабанные перепонки, перекрывая все остальные звуки. Время замедлило бег, счет пошел на секунды.

Полковник метался по коридорам, до хрипоты орал на бестолковых жильцов, направляя их вниз, за пределы здания. А сам все время думал о том, где бы он на месте террористов Дела заложил взрывчатку.

Последний обитатель Пирина покинул здание спустя одиннадцать минут после начала тревоги. Взрыва не было. Полицейские и агенты группы резерва еще осматривали каюты в поисках самых тугухих, а Кольор вдруг остановился в коридоре второго этажа, вспомнив об Анхелике, о ее каюте. После исчезновения девушки там никто не жил и никто туда не входил. Может быть, взрывчатка, если это не блеф, рассчитанный на панику и отвлечение главных сил, заложена там?

Кольор промчался по коридору второго этажа, соревнуясь в скорости с собственной тенью, преодолел два пролета лестницы в два приема и метнулся в жилую зону южноамериканского сектора, остановился перед белой пластиковой дверью с номером три. Чувствуя, как от бешеной гонки сердце пытается разбить грудную клетку, полковник ударил ногой в дверь. Закрыто! Тогда он отошел на несколько шагов и с разбегу врезался в дверь плечом. Пластмассовый лист лопнул и прогнулся. Двумя ударами

Кольор выбил осколки из рамы и ворвался в каюту. Темно, где у них тут выключатель? Вот он!

Вспыхнул свет. Никого. Прямо в центре комнаты гряда желтых ящиков, опутанных проводами, и на одном из них небольшая коробка со шкалой и двумя ручками.

Кольор опустил пистолет, на цыпочках, будто боясь разбудить спящего, подошел ближе и даже сквозь оглушительный бой пульса в голове слышал слабое тиканье часового механизма...

ДОЛИНА ПИРУА

Улисс оглянулся на выстрел, в бешенстве добил «Мефистофеля» и помог Торвиллу подняться. Потом, видя, что альпинист не в состоянии идти сам, усадил его у стены.

— Посиди немного, очухайся. Последи за верхним люком. Если не появлюсь минут через двадцать, спускайся, но осторожно.

За стеклянной дверью была небольшая комната с двумя дверями, освещенная скрытым под панелью светильником. Дверь слева закрыта, а справа приотворена. В щель была видна часть освещенного каменного коридора с ковром на бетонном полу. Воздух чистый, прохладный, свежий, с запахами ванили и кофе, к которым примешивался довольно странный тонкий запах, отнюдь не напоминавший больничные покои и все же связанный с медициной.

Улисс бесшумно выключил свет и толкнул правую дверь от себя. Коридор был пуст. В его конце горбился на полу купол люка.

Люк скрывал за собой узкий колодец с закрепленными на стенке скобами, упирающийся в куб переходного отсека. Коридор за переходником охранялся: Улисс в глазок на двери рассмотрел в углу

стол с пультом селектора, кнопочным телефоном и настольной лампой, и верзилу охранника, в костюме цвета хаки с автоматом на изготовку и рацией на ремне. Он лениво двигал челюстями и смотрел на дверь, поигрывая автоматом (все тот же «Равен-37»), уверенный в своей неуязвимости. Сколько раз Улисс убеждался в том, что человек, надеющийся на преимущество положения, терпит поражение. Альпинист толкнул дверь и выстрелил. Верзила, икнув, отлетел к стенке и сполз на пол с удивлением на лице.

Джонатан оглянулся — сзади все тихо. Один — ноль. В следующий раз, парень, будешь помнить, что с предохранителя автомат снимается за три десятых секунды, а это бездна времени!

Подобрав автомат охранника, Улисс откинул люк в конце коридора, ведущий еще ниже, к святой святых лаборатории — центральному лабораторному бункеру. Его охватило ощущение беды, вернее, раздражающее чувство — что-то упущено из виду. Что?..

Прыжок вниз — сколько их еще предстоит?

Комната — точная копия операционной, но с охраной: один лежит на диване, второй сидит у стола с книгой. Удивленный взгляд, движение к автомату у тумбы стола...

Улисс стремительно провел боковой тэ-рэ, рванулся к лежащему на диване и обрушил на голову кулак. Спящий вырубился, не успев сообразить, что к чему. Первый сдавленно хрипел, выползая из-за стола. Из-под пальцев, прижатых к лицу, текла кровь. На мгновение Улиссу стало его жаль, но молнией пронеслась мысль — Анхелика! — и он нанес еще один удар. «Через полчаса очнешься, юноша, я не убийца, как ваш босс».

Пока все шло хорошо, даже слишком хорошо. Одно то уже хорошо, что здесь только охрана, «ис-

следователи» или спят, или собираются в дорогу. Или уже эвакуированы. Хотя... вряд ли, времени у Копмана не было, несмотря на то, что он не спешил, потому что рассчитывал уйти один. Что ж, тем лучше.

Джонатан выбрался в боковой штрек, ведущий к боксу Копмана. Нигде никого не видно. Где же охрана? И где бокс этого подонка? Здесь целых четыре двери и все металлические.

Его спасла реакция и везение: стрелявший целился в грудь, а Улисс нагнулся и, заметив вспышку, нырнул на пол. Автоматная очередь прошла над спиной. Вторая впилась в то место, где он только что лежал, а третья прошла дверь напротив: стреляли из ниши в конце штрека, невидимой из-за хитроумно сделанного освещения. Это был последний «укрепрайон» перед личной резиденцией Копмана.

Улисс метнул в тупик одну за другой две гранаты величиной с грецкий орех и откатился в угол.

Прозвучали два негромких хлопка, два крика. Для верности десять секунд можно подождать... готово! Этот газ валит с ног слона и распадается за шесть секунд. Ваше «изобретение», господа цэрэушники, извольте испробовать на себе.

Дверь в бокс Копмана оказалась первой, «Мефистофель» не соврал. Улисс нашел замок и, всадив в него всю обойму из автомата, открыл дверь.

Целых четыре комнаты: гостиная, спальня и лаборатория, разделенная прозрачной стеной на два отсека, в одном — пульт, медицинская аппаратура, сейф, в другом — кресло, напоминавшее зуболюбное, стол с клеенкой, шкаф с инструментарием и стойка с целым набором электроламп. Именно отсюда и растекался по дому «псевдобольничный» запах, к которому примешивался запах хлеба. Копман экспериментировал с противошоковым препаратом.

Джонатан лихорадочно осмотрел все комнаты — чисто, пусто, лишь в гостиной на полу гряда бутылок из-под виски и пустых банок из-под пива «Анхойзер Буш». Где же Анхелика? Неужто Копман совра? Или перехитрил? Зачем? Он же был уверен в том, что Улисс в его руках. Где Форталеза?..

Гостиная — никого, бар почти пуст.

Лаборатория — никого, сейф заперт, черт с ним!

Спальня — тоже пусто, вполне спартанская, постель не смята, платяной шкаф забит одеждой на все времена года... А это что? Зеркало чуть ли не во всю стену. Зеркало...

Улисс потрогал черную пластину сбоку от зеркала, толкнул его от себя, и зеркало повернулось на оси, открывая вход в замаскированную комнату. Пахло теплом, лекарствами, хлебом. Вспыхнул свет.

Анхелика лежала на кровати и смотрела на вошедшего огромными черными глазами. В них были боль и мука, и еще что-то, чему Джонатан не решился дать название, потому что это касалось его лично, как подсказывала ему обострившаяся интуиция. Он сглотнул ком в горле, шагнул к кровати.

— Хели, девочка моя, что они с тобой сделали?!

Улисс опустился возле девушки на колени, прижал на мгновение ее голову к своей груди. Анхелика подняла руку и погладила его волосы.

— Джо! — Голос ее был почти не слышен, шепот, а не голос. — Ты все же пришел... — По щеке девушки поползла слеза.

У Джонатана заныли зубы, так он их сжал.

— Копман мертв. А нам надо уходить, потому что скоро вся эта вонючая база взлетит на воздух. Надо спешить.

— Я знаю. — Анхелика заставила его поднять голову, вглядываясь в лицо бездонными глазами, потом, слепо шаря рукой по кровати, нашла его руку. —

Не верю, что ты... думала, ты из их компании. Не пожалеешь? Мне сделали операцию...

Улисс поцеловал ее холодные пальцы, с содроганием заметил на оголившемся запястье глубокий след от металлических браслетов и синяки на венах, не то следы пальцев, не то уколов.

— Переживем. Встать можешь?

— Попробую... помоги.

Девушка села, ухватила его за шею, закрыла глаза.

— Голова кружится... сейчас пройдет... я уже вставала, но еще не умею регулировать силы.

— Где тебя взяли?

— Вызвали в лагерь, будто бы к больному. Встретил ван Хов и... больше ничего не помню.

Улисс покачал головой.

— Элементарно просто — усыпили и доставили сюда. Что же твои друзья из контрразведки тебя не подстраховали?

— У них были свои конкретные задачи. Я сама виновата.

— Если бы я догадался раньше, где ты работаешь... держись за шею.

Альпинист подхватил девушку на руки и, не чувствуя веса, бросился из комнаты. В святая святых Копмана — его биохимической лаборатории с компьютерным комплексом и аппаратурой геной инженерии — вспомнил о втором пистолете и вручил его Анхелике.

— Стрелять-то умеешь, разведчица? Следи на всякий случай за тылом и держись крепче.

Торвилл он нашел сидящим на ступеньке лестницы у люка. Рядом ничком лежал человек в черном с автоматом в руках. Улисс все понял.

— Порядок! Больше никого не видел?

Торвилл встал, его шатнуло.

— В ушах шумит, будто ветер, ничего не слышу...

— Ранен?

— Пустяки. Но помяли здорово! Здравствуй, Хели. Что с ней?

— Они ее пытали! Я понесу, а ты прикроешь сзади. Где-то здесь у них есть рация, необходимо найти.

— Зачем?

— Десант ждет моего сигнала. Они не знают координат лаборатории, мы догадались с тобой случайно, повезло.

Бункер с рацией отыскался в этом же штреке, где располагались и апартаменты Копмана. Снова помог автомат — с его помощью Джонатан расстрелял замок. К счастью, рация еще не была уничтожена, хотя радист, уходя, отсоединил терминал кодовой связи от питающих фидеров.

Очевидно, антенны и волноводы были выведены наверх, на скалу, в бункере стоял только блок управления рацией, но одного взгляда на панель Улисс было достаточно, чтобы определить фирму мощного специализированного многодиапазонного передатчика и высокоселективного приемника для связи со спутником. Такие рации разрабатывала «Инжиниринг бродкастинг систем корпорейтед» по заказам Пентагона. Пользовалось этими рациями и ЦРУ.

Включение передатчика и проверка его функционирования были делом трех минут, поскольку управлял всем процессом работы рации компьютер. Улисс набрал программу передачи в эфир открытым текстом и заставил его повторять передачу непрерывно, надеясь, что призыв будет услышан, а передатчик запеленгован. Больше делать им здесь было нечего.

— Теперь на волю, в пампасы, — сказал Улисс Торвиллу, наблюдавшему за его действиями во все глаза. — Выберемся и пойдем на север, с той стороны скалы ближе всего, милях в двух. Держись, Хели.

Никто не помешал им пройти обратный путь из глубин подземелья, через лабораторию, препараторские и хирургические бункера, к выходу из этого дьявольского гнезда, оборудованного новейшей современной техникой. Охрана непосредственно комплекса «Демидург» была уничтожена, а внешние посты не слышали перестрелки в недрах скалы.

Убедившись, что на выходе нет засады, Улисс сориентировался и нырнул в чащу за палатки, выбирая направление. «Успел бы десант, — подумал он, прижимая к себе драгоценную ношу. — Эти подонки уйдут и взорвут скалу, потом попробуй докажи, чем они тут занимались...»

Сзади хлопнул одиночный выстрел, и снова тишина, словно сельва вымерла на многие мили вокруг.

Подбежали к проволочному ограждению.

Торвилл, действуя захваченным автоматом, как дубиной, сбил верхние плети колючей проволоки, прибитые к стволам деревьев, наступил на них.

— Проходите.

Снова побежали, петляя между громадными стволами и выступавшими на поверхность корнями сейб, пандусов и тиса. Их никто не преследовал, хотя Торвиллу все время казалось, что в спину смотрит кто-то чужой и опасный.

Спустя двадцать минут выбежали из сельвы на край обрыва.

Улисс бережно опустил Анхелику на землю. Перед ними простиралась бездна, заполненная мраком. Ни одного огонька внизу, только звездный бисер небосвода позволял отделить не глазу — чувству земное от небесного. Джонатан вспомнил, как они с Кристофером поднимались на плато несколько часов назад, израненное тело, казалось, заболело сильнее.

— Что дальше? — прошептал Торвилл, еле переводя дыхание.

— Будем спускаться, — также шепотом ответил Улисс.

— По-моему, там впереди какие-то машины стоят.

Улисс поправил инфраочки и увидел черный продолговатый ящик — мотор с винтом. Это были мотодельтапланы, стоявшие в ряд под защитой тенистого полога ближайших к обрыву деревьев и приготовленные к полету.

— Кажется, удача улыбнулась нам снова.

— Что это? Самолеты?

— Дельтапланы с двигателями. Я проверю, а ты понаблюдай издали. — Улисс коснулся волос Анжелики. — Стреляй только в самом крайнем случае.

Альпинист безмолвно поднял винтовку.

— погоди! — вдруг сказала Анжелика, поднимаясь. — Мне кажется, там кто-то... Берегись, Джо! Там...

В то же мгновение им в лицо ударил слепящий свет прожектора, высветив фигуру Улисса, заслонившего собой остальных.

— Стоять! — каркнул чей-то голос.

Улисс и Торвилл выстрелили одновременно, прожектор потух, но пуля Кристофера попала в бак ближнего мотодельтаплана, и тот взорвался, осветив поляну оранжевым пляшущим пламенем.

Протрещал автомат, очередь легла прямо под ногами Джонатана. Тот же голос приказал:

— Бросайте оружие, перестреляем всех!

Момент был критический, но именно в такие моменты Улисс действовал наиболее эффективно и быстро — качество, которое трудно воспитать и с которым можно только родиться.

— Брось винтовку, — обернулся он назад.

Кристофер безмолвно повиновался.

— Выходите на свет! Все трое. А ты, монтанеро, подойди ближе. Смелее!

— Джо, берегись! — прошептала Анхелика, подходя; ее колотила дрожь. — Там всего трое, но среди них... Ушастый!

— Ну и... — начал Улисс, не оборачиваясь, пристально вглядываясь в неясную фигуру, возникшую слева от косых громад дельтапланов.

— Молчи и слушай, просто думай, я читаю твои мысли... Ушастый — это единственный из пациентов Копмана... да, ты правильно понял, его «гордость»... да, «супер»...

— Я кому сказал? — прикрикнул неизвестный. — Улисс — ко мне, остальным стоять! Ну что, монтер, поговорим?

Фигура обрела четкие очертания и превратилась в человека с лицом-маской. Но особенно поражали уши: странно деформированные, они сужались кверху, как у зверей, а книзу расширялись грибообразными наростами, превращая и без того безобразное лицо в жуткую маску колдуна!

— Да уж, не красавец, — рассмеялся обладатель чудовищного лица, приближаясь. — Жаль, что мы не встретились раньше, отпала бы необходимость в операции мелодраматического вызволения сеньориты Анхелики. Кстати, рация, которую вы «включили», не работает, вернее, она начинает работать только при введении в программу кода разрешения передачи, а вы его не знаете. Так что помощь не придет.

— Что вы с ним церемонитесь, — шагнул в круг света еще один человек, в котором Улисс узнал Лео-на ван Хова. — Надо сматываться, к черту неоправданный риск! Сбросим всех вниз, и дело с концом. Зачем он вам нужен?

— Хочу удостовериться, так ли уж силен знаменитый Улисс, агент «Чистилища», знающий все приемы азиатской борьбы и ползающий по скалам как муха. А время у нас еще есть, сэр Моррисон упря-

и не даст полковнику Кольору начать операцию раньше, чем придет сигнал. Ну что, монтанеро, покажете нам свое умение?

— Я... готов, — хрипло сказал Улисс.

— Джо, осторожнее! — крикнула Анхелика. — Он владеет тэйквондо и приемами таи-сабаки! Не думай о приемах в момент проведения, он успеет перехватить...

— Заткните ей глотку! — сказал Ушастый.

Ван Хов выстрелил. Слабо вскрикнув, Анхелика упала. В тот же миг Улисс в прыжке преодолел отделявшие его от врагов пять метров и ударил голландца в горло, одновременно пытаясь заблокировать встречный удар — среагировал, гад! — Ушастого. Это ему удалось наполовину: удар был настолько силен, что прошел блок и едва не сломал альпинисту шею. Улисс упал на бок, не успев сгруппироваться, в голове словно взорвалась граната. Он тут же вскочил и, помня наставление Анхелики, вдруг выпрыгнул вверх на добрый метр — надо было сначала увидеть Ушастого.

Ударило по ногам: противник не ожидал прыжка и наносил удар в голову. Теперь Улисс видел, где враг, с радостью убедившись, что ван Хов лежит без движения. Блок против удара руки выдержал, но Ушастый обладал столь чудовищной силой, что у Джонатана отнялось плечо; ему даже показалось, что сломана ключица.

Ушастый уже стоял напротив в характерной для борца тэйквондо позе и улыбался. Ударил: нога — рука — рука — нога. Третий достиг цели — снова в голове Улисса взорвалась световая бомба! На мгновение он отключился, но инстинкты бросили его тело под ноги нападавшему, сбив комбинацию перехода с «танца слепого» на «танец смерти». Он успел перехватить ногу и рванул Ушастого под себя изо всех сил, срывая ногти с пальцев, дотянулся до

подбородка головой. Лязгнули зубы. Ушастый оторвал руку Улисса от своего горла с такой силой, что сломал ему палец. Джонатан напрягся, пытаясь освободиться от захвата, но Ушастый был сильнее — ударил в бок коленом: молния пронзила тело, молния огня и боли. Улисс беззвучно вскрикнул и вдруг словно освободил в себе дремлющую яростную силу, никогда не проявлявшуюся раньше. Он вывернулся из захвата, перехватил руку врага и с размаху рванул через плечо, сломав ее в локте. Ушастый зарычал, силясь освободиться от противника, встал на колени, потом на ноги, держа Улисса на весу! На сломанной руке! И вдруг вздрогнул, покачнулся... Джонатан отскочил назад и увидел, что спина Ушастого напоминает дикобраза: в ней торчало около десятка тонких черных стрел!

Ушастый снова зарычал, сделал шаг к альпинисту, протянув к нему руки со скрюченными пальцами, и упал лицом вниз.

— Кто? Что это? Почему?.. — забормотал Улисс, не понимая, в чем дело. — Кто его?..

Из мрака, освещенная неровным пламенем горящего дельтаплана, вынырнула медно-блестящая маленькая фигурка, за ней вторая, третья... Индейцы-пигмеи...

Несколько секунд Улисс переводил взгляд с тела Ушастого на индейцев, и вдруг волна боли ударила в голову, оборвала сознание...

Очнулся он от прикосновения чего-то мокрого и холодного.

Он лежал на земле с перевязанным плечом, а напротив сидела Анхелика и держала в руке мокрое полотенце.

— Ты... жива?! — пробормотал он, приподнимаясь, сморщился от боли в груди и в плече. — Он в тебя все-таки не попал.

— Попал, — слабо улыбнулась девушка, — в плечо, но я... не совсем норм... я хочу сказать, не просто женщина, ну, не такая, как все.

— Я понял.

— Правильно, я теперь такая же, как... как...

— Этот Ушастый?

— Я хотела сказать, как Хонтехос и... другие. Сильнее и... могу заживлять раны... но не будем об этом. У тебя сломана ключица и два ребра, нужен покой.

Улисс сжал зубы и встал, согнувшись. Постоял так немного, сделал усилие и разогнулся. Лицо его покрылось бисером пота.

— Где Кристофер?

— Он сторожит третьего у склада, недалеко.

— Третьего? Ах да... зачем?

— Этот человек не совсем негодяй, он первоклассный нейрохирург и давно подумывал порвать с Копманом.

— Откуда ты знаешь?

Анхелика снова улыбнулась, грустно и виновато. Улисс посмотрел на нее исподлобья.

— Это правда? Ты в самом деле можешь читать мысли?

— Да.

— И знаешь?

— Да. — Она осторожно погладила его по щеке. — Ничего не изменилось. Я тебя тоже, Джо...

Улисс проглотил соленую от крови слюну, отвернулся и сделал шаг, содрогаясь от колющей боли в боку, от которой невозможно было свободно вздохнуть.

— Пошли к дельтапланам.

Он внезапно остановился, похлопал себя по карманам и извлек из внутреннего кармана куртки маленькую плоскую коробочку.

— Как же я забыл о ней!

— Что это?

— Рация, отобрал у... одного охранника. Смотрика, работает! Молодцы конструкторы! Дальность небольшая, но это все же шанс. Ее бы поднять повыше...

— Давай я подниму, — раздался рядом голос Торвилла. — Рад, что все обошлось, дружище! Здесь недалеко есть наклонившийся эвкалипт, я поднимусь по нему метров на тридцать выше.

— Не свались.

— Не беспокойся, или я не альпинист?

— Да, а где же наши друзья индейцы? — спохватился Улисс.

— Ушли. Сразу же, как только убедились в смерти Ушастого. Среди них тоже есть...

— Что?! Пациенты Копмана?!

Улисс молчал до тех пор, пока не вернулся Торвилл.

— Все в порядке, Джо. Будем надеяться, что нас услышат. Может, не стоит искушать судьбу? Подождем десант здесь?

— Нет, — качнул головой Джонатан, очнувшись от своих мыслей. — В лаборатории еще остались исполнители приказа, они могут взорвать скалу в любую минуту, особенно если убедятся в гибели Копмана. Садитесь по машинам. Где этот ваш... врач?

— Нейрохирург?

Торвилл ушел и вернулся с худым бородатым субъектом, руки которого были связаны за спиной.

— Развяжи его.

— Что ты задумал?

— Имя? — спросил Улисс, не отвечая на вопрос.

— Уильям, — сказал бородатый. — Уильям Принц.

— Ты оперировал индейцев?

— И я тоже. Вы хотите убить меня? К чему узнавали имя?

Улисс засмеялся и тут же закашлялся от боли. Покачал головой.

— Что ты задумал? — повторила вопрос Анхелика.

— Почему бы и нет, — сказал Джонатан. — Я хочу стать таким же, как и ты. Иначе мы никогда не будем вместе. Все! — не дал он ей возразить. — Вам пора. Встретимся внизу, в Пикале или в Шочипилье, как получится. Жди. Крис, освободи машины.

Принц и Торвилл освободили от расчалок крылья мотодельтапланов, выкатили из шеренги два аппарата, проверили моторы.

В свете догорающей машины Джонатан усадил Анхелику на сиденье, не обращая внимания на ее протесты, закрепил ремни. Потом содрал с ван Хова куртку, подал девушке.

— Надевай.

Она с отвращением оттолкнула руку.

— Не буду!

— Не дури, замерзнешь.

Улисс силой заставил ее надеть куртку, завел двигатель.

— Держи на юг, по звездам, сможете? Крис, лети первым, за тобой Хели. Через Тумху, я думаю, вы переберетесь, а сядете у лагеря по ту сторону. Если наши сигналы не услышаны, передашь привет Моррисону лично.

— Ты твердо решил?

— Что? — Улисс на мгновение запнулся. — Да, я решил. Если они не взорвут базу, мы встретимся. Вперед!

— Тогда я не полечу, — сказал Торвилл. — Я с тобой. Одному тебе не справиться.

Джонатан покачал головой. Ему показалось, что где-то внутри, а может быть, и вовне, шевельнулся кто-то огромный и чужой, не понять сразу — злой или равнодушный; эдакий беззвучный толчок по

нервам. Словно горы вокруг долины открыли глаза и посмотрели на него оценивающе и с ожиданием.

— Крис, я вручаю ее тебе и спрошу, когда вернусь. Она — все, что у меня осталось. Не прощаюсь, пошел!

Торвилл колебался недолго. Слабый стрекот моторчиков дельтапланов казался ему ревом турбин сверхзвукового истребителя.

Джонатан подтолкнул его аппарат, и мотодельтаплан нырнул с обрыва вниз, растаял в ночи.

— Джо! — позвала Анхелика. Слезы текли по ее щекам, но она их не вытирала. — Джо...

— Меня зовут Улисс, — пробормотал Джонатан. — Джонатан Улисс, бродяга. Я часто ухожу, но всегда возвращаюсь. Держись крепче, я найду тебя.

Анхелика плакала, но он уже не смотрел на нее.

Разогнавшись, дельтаплан сорвался со скалы и растворился в темноте. Несколько секунд слышалось затихающее стаккато мотора, уплыло, рассосалось в воздухе, и на скалы, в сельву вернулась тишина. Но кто-то огромный продолжал ворочаться внутри Улисса, безмолвно и настороженно, вздрагивала под ногами гора, вздрагивала вся долина, Вселенная, в груди рос ком никогда ранее не проявлявшихся чувств, не выразимых ни на каком языке. Неизвестная сила колебала пространство, и Улисс, перестав сопротивляться ей, вдруг понял, что, кроме сил добра и зла, возвращенных человечеством, есть третья сила — вера! Вера природы в лучшее в человеке и вера самого человека! Иначе откуда такое долготерпение у природы?

Остатки дельтаплана догорели, в сельву вернулся плотный мрак ночи. Вселенная вокруг перестала вздрагивать и всматриваться в человека, может быть, впервые в жизни ощутившего свою связь с ней и ответственность за все, что он делает.

Кто это сказал? Сам ли Улисс? Или тот, кто вырос внутри него? Или ветер принес эти слова из темноты?..

«К сожалению, палачи еще существуют, — подумал Улисс, — и ради того, чтобы их стало меньше, наверное, стоит время от времени вынимать шпагу из ножен».

— Пошли, Билл, — сказал Улисс нейрохирургу. — Сделаешь из меня сверхчеловека. Не ради приставки «сверх» и не ради личной выгоды, но эта женщина будет чудовищно одинока, если я не...

— Я понял, — кивнул Принц. — Не думал, что придется когда-нибудь оперировать на... добровольцах. А если мы не успеем?

— Что ж, тогда встретимся на небесах. И все же попробуем успеть. Шагай вперед смелей.

Хирург безмолвно углубился в сельву.

И Улисс остался один на кромке обрыва, ни на кого не смея опереться — бездна мрака сзади, бездна мрака впереди, — и впервые понял, как жестоко и прочно его судьба связана с судьбами тех, кого он любил или ненавидел.

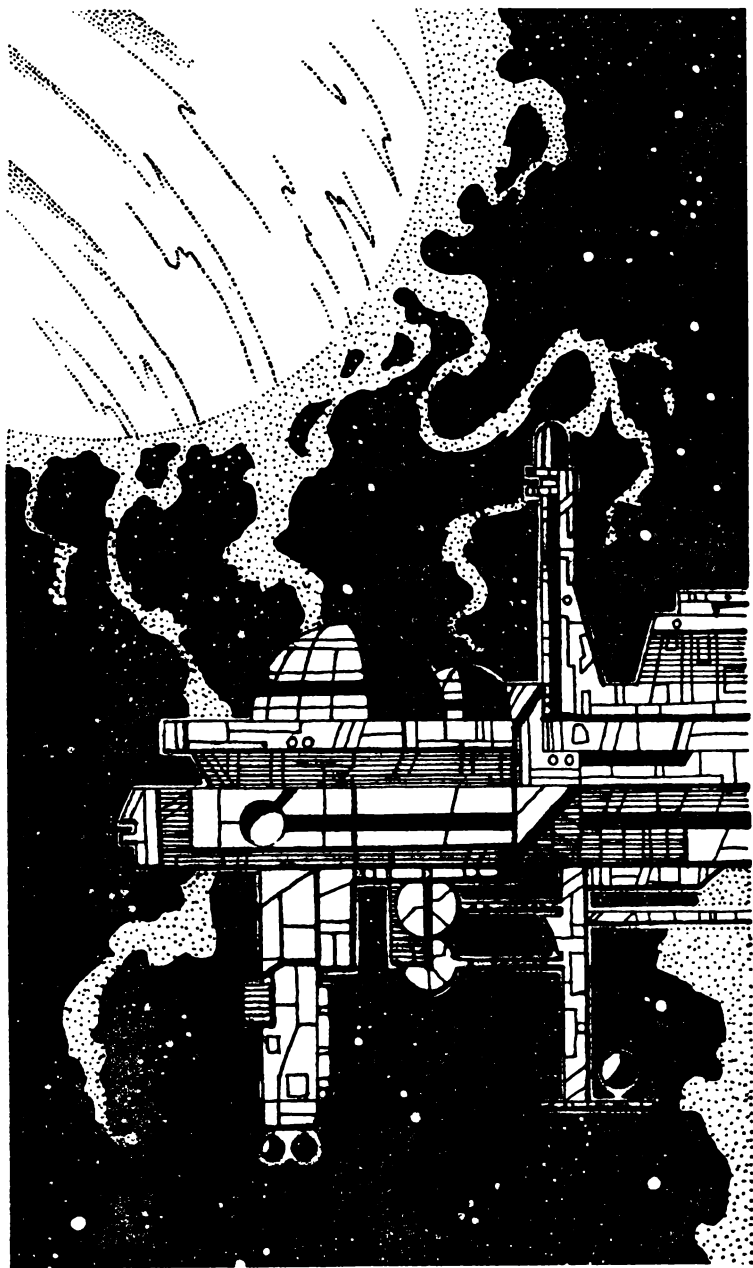

ХРОНОВЫВЕРТ

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Докончить фразу он не успел, в рубке над пультом зажегся алый транспарант: «Тревога степени А» — и приглушенно взвыл ревун. Лозински отвернулся от собеседника, не дожидаясь команды Центра, ткнул пальцем в грибок кнопки экстренной готовности. Последовавшие вслед за этим минуты прошли в молчании: автоматика корабля отработывала вводную оперативных постов Центра: люди — четверо в рубке, десять в отсеке десанта и еще десять в отсеке отдыха — ждали своего часа.

Экран оперативной информации выстрелил очередью пылающих цифр и знаков. Пульт управления, темный до этого момента, ожил и принял вид разноцветного панно, меняющего узор с калейдоскопической быстротой. Корабль включил все чувствительные элементы, превратился в чудовищный нервный орган, реагирующий на малейшие изменения окружающей обстановки в радиусе сотен тысяч километров. Компьютер крейсера за секунду проглотил еще несколько порций кодированной информации и начал действовать задолго до того, как эта информация стала известна людям.

Кресла мягко, но неумолимо спеленали людей, слегка откинулись и заполнились белой пеной физиологической компенсации. Над пультом вспыхну-

ла надпись: «Разгон в режиме Ц». Свет в рубке погас, стены растаяли, люди в креслах оказались повисшими в пустоте: под ногами налево — пепельно-серый шар Меркурия, справа — пылающий туннель Солнца, таким оно воспринималось через светофильтры, над головой — шлейф Млечного Пути.

Шар Меркурия ушел вниз и назад, уменьшаясь на глазах. Мимо искрой света пронесло орбитальный энергоузел.

Крейсер стало болтать: влево-вправо, вверх-вниз. Вспыхнула надпись: «Выход на вектор вызова». Дрожь и болтанка корабля ушли в корпус. Желудки людей вернулись на места.

Через две минуты кресла заняли начальное положение, физиопена испарилась с легким шипением. Над пультом раскрылся квадрат виома оперативной связи, обрел цвет и глубину. На командира смотрело суровое лицо дежурного Центра.

— «Славутич», вы на луче целеуказания. Экспресс-старт вызван чрезвычайными обстоятельствами: станция «Солнце-7» провалилась в хромосферу Солнца над полюсом. В нашем распоряжении около часа, точнее — пятьдесят шесть минут. Через семь минут снимем дистанционный контроль траектории, дальше пойдете по пеленгу.

— Экипаж станции?

— Двадцать человек: по десять мужчин и женщин, один из них ребенок.

— Что?!

— Это Боримир Данич, наверное, слышали о таком?

— Ясно, — после некоторой заминки сказал Лозински и повернул голову к собеседнику, с которым разговаривал четыре минуты назад; им был командир десантной группы спасателей Климов. — Готовься.

Виом оперсвязи свернулся в жгут и погас. На пульте зажглись слова: «Пять минут до финиша. Пеленг тверд».

— Эс-у-эн-о-эн, — сказал сидевший справа бортинженер-1 Олег Малютин, что на жаргоне инженеров спасательного флота означало: «Силовые установки и энергооборудование — норма».

— Эс-эс-жэ-о-эн, — эхом отозвался бортинженер-2 Булат Апхазава, что переводилось: «Система связи и жизнеобеспечения — норма».

— Гуд, — коротко отозвался командир.

— Десант — готовность ноль, — сказал Климов. — Объект операции — станция «Солнце-семь».

— Принято, — отозвался динамик интеркома. Десант слышал все, о чем говорилось в рубке.

— Параметры объекта на пульт, — приказал Лозински. Компьютер послушно выдал данные о станции «Солнце-7».

— Рекомендации?

— Сначала предупреждение, — ответил компьютер голосом озабоченного человека. — Защита крейсера не рассчитана на работу в условиях хромосферы Солнца. Оперативное время выживания — десять минут.

— Прогноз риска?

— Девяносто девять из ста.

Лозински встретил взгляд Климова.

— Терпимо, — буркнул тот. — Все-таки шанс из ста...

— Все понял, — ответил Лозински компьютеру. — Рекомендации?

Компьютер развернул изображение станции и стал рассказывать, что нужно сделать экипажу крейсера за те десять минут, в течение которых он мог продержаться при температуре в шесть тысяч градусов, силе тяжести, в двадцать пять раз превосходящей земную, в условиях мгновенных скачков плотности раскаленной материи Солнца, диких

перепадов электромагнитных полей и чудовищных потоков жесткого излучения.

Время дистанционного вывода корабля на цель истекло, и командир взял управление на себя. В рубке ритмично запульсировал маяк станции, заглушаемый помехами.

Солнце закрыло носовые экраны, потом боковые, обняло весь крейсер. Пропущенное сквозь светофильтры, рубку заполнило алое, без теней, сияние. Все предметы потеряли цвет и плотность, превратились в зыбкие силуэты из пурпурного стекла.

— Функциональный контроль, непрерывную подачу данных на пульт, — скомандовал Лозински. — Визуальный и звук.

В рубке зазвучал голос координатора, докладывающий о состоянии основных узлов крейсера.

Через две минуты автоматы зафиксировали в растворе главного экрана черную точку станции, и Лозински, не глядя, сунул ладонь Климову.

— Удачи!

Климов хлопнул своей ладонью в перчатке скафандра по перчатке командира и выполз из рубки: крейсер снова болтало.

Станция «Солнце-7» представляла собой тор с внешним диаметром в сто метров. На экранах он то сжимался, то набухал, то становился плоским — из-за влияния полей, сбивающих настройку экранов, и Лозински потребовалось все его умение, опыт и интуиция, чтобы отыскать на теле станции окно стыковочного узла.

Удар! Серия отголосков в отсеках крейсера! Зеленый огонь стыковки едва пробился сквозь непередаваемо плотное ослепительно алое сияние солнечных недр.

— Пошел! — гаркнул в микрофон Лозински, почти ослепший от бушующего в рубке, осязаемого плотного и жгучего света.

— А-а-а-а! — отозвался динамик интеркома хриплым голосом помех.

Начался отсчет оперативного времени. Голос координатора, отсчитывающего секунды, казался ударами грома. Лозински, стиснув зубы, ударом кулака в панель заставил автомат замолчать. Секундные марки времени продолжали мотыльками вспархивать на экране.

Прошла минута, другая, третья...

Вышла из строя система охлаждения первого ходового генератора. Лозински отстрелил генератор, тут же исчезнувший в горниле Солнца без следа.

Четвертая минута...

Отказали ловушки обратной связи, усиливающие изоляцию основного корпуса крейсера. Лозински врубил реактор на форсажный режим.

Пятая минута, шестая...

Вал огня бросил связанные друг с другом крейсер и станцию в глубь хромосферного пятна. Вышли из строя экраны обзора. Лозински с трудом удержался на грани беспамятства от боли в желудке.

Седьмая минута...

Координатор выдал аварийный сигнал всей автоматике корабля: вышли из строя навигационные системы. Лозински скомандовал отстрел автоматики и перешел на ручное управление.

Восьмая минута...

Крейсер стало трясти так, что тошнота подкатывала к горлу. Начала плавиться обшивка моторной гондолы и реакторной группы.

— Что делать, командир? — крикнул бортиинженер-2, не успевающий следить за всеми сигналами мелких поломок и аварий, которые непрерывно устранялись киб-ремонтной системой корабля. Пока устранялись...

Лозински не ответил, он ждал...

Климов подал сигнал на исходе двенадцатой минуты:

— Все на борту! Уходим!

Корабль еще держался, но уйти на планетарных двигателях уже не мог. И тогда Лозински принял решение стартовать из Солнца в режиме «призрак». У него не было иного выбора.

В тот момент, когда их повлекло в сторону рождающегося хромосферного факела, он включил спейс-прокол, успев подумать, что крейсер может просто превратиться в протуберанец. А потом...

— Как это случилось? — спросил Спенсер, устремив на Шелгунова твердый и властный взгляд.

Начальник меркурианского Центра аварийно-спасательной службы встретил взгляд, не дрогнув коричневым от загара лицом.

— Что случилось на самой станции, никто не знает. Что касается крейсера... по всей видимости, Лозински состыковался со станцией и успел снять ее экипаж, а потом включил режим «призрак».

— Это факты или догадки?

— Те обрывки донесений, что поймали наши антенны, почти не поддаются дешифровке, тем не менее смею утверждать, что дело обстояло именно так.

— Тогда они погибли. Старт в спейс-режиме в таких условиях...

Шелгунов пожал плечами.

— Специалисты пока воздерживаются от прогнозов. Никто из теоретиков спейс-плавания не просчитывал всерьез подобного варианта. Возможно, «Славутич» выбросило из Солнца, и он где-то в Системе.

— Но возможно и то, что его забросило глубже в недра Солнца.

Шелгунов воздержался от возражений.

— Понятно. — Директор Управления аварийно-спасательной службы встал из-за стола-пульта и подошел к видеопласту, изображавшему Солнце в радиоспектре. — Прочешите Систему обычными средствами. СПАС переведем на это время на форму «Поиск-экстра». Поторопите ученых с расчетами. Как только они будут готовы — сообщите.

Шелгунов безмолвно наклонил голову в знак согласия.

Спустя трое суток в кабинете директора Управления аварийно-спасательной службы (УАСС) состоялось совещание, в котором приняли участие ведущие специалисты теории мгновенной спейс-связи и руководители секторов и отделов аварийно-спасательной службы.

— Сегодня я могу с уверенностью сказать, — начал совещание Шелгунов, — что экипаж крейсера «Славутич» до конца выполнил свой долг. Он успел снять экипаж станции, но время пребывания крейсера в экстремальных условиях превысило расчетное время безопасности. Обычные планетарные двигатели вышли из строя, и командир крейсера Лозински принял единственно возможное решение — стартовать в режиме «призрак». Всесторонний анализ последствий старта показал, что «Славутич» не взорвался. Это пока все, что мы знаем. Дальнейшая его судьба неизвестна. Но ученые имеют кое-какие интересные соображения на этот счет.

— Разрешите? — встал светловолосый и голубоглазый директор Института спейс-связи Холод-Ладженский.

— Говорите, — кивнул Спенсер.

— Хочу высказать мнение ученых нашего института. В дебри спейс-теории вдаваться не буду, методы нашей работы тоже не интересны и практи-

чески лишены наглядности. Итак, мы приближенно решили задачу, к чему может привести спейс-старт в условиях внешней энергетической подкачки. Получилась любопытная картина. Решение неоднозначно: вероятно, мы еще чего-то не понимаем в теории или наш математический аппарат не способен адекватно отобразить все ее следствия. Модель первая — крейсер «вывернуло» в субквантовую область, то есть он превратился в элементарную частицу. Модель вторая — его зашвырнуло далеко в космос: при том выделении энергии, которое зафиксировали приборы слежения, он может оказаться с равной вероятностью в любой точке сферы радиусом в сто парсеков. Третья модель — крейсер вышел из спейс-струны в минус-вселенной. Есть и четвертая модель, но она и вовсе экзотична. Какая из моделей окажется верной, мы пока не знаем.

— Когда это станет известно?

— Все крупнейшие специалисты по спейс-теории сейчас заняты разработками моделей и экспериментальными их проверками. Думаю, для окончательного выбора единственно верной модели нам понадобится не меньше месяца.

— Это океан времени! А нам прикажете пока бездействовать?

Холод-Ладыженский с укором посмотрел на директора УАСС.

— Зачем же? Можете начинать поиск крейсера теми средствами, которые имеются у спасательной службы. Вполне может оказаться верной гипотеза, что крейсер выпал где-то в космосе в радиусе до ста парсеков.

Никто в кабинете не улыбнулся, хотя фраза прозвучала, как только что родившийся анекдот.

— Что ж, и на этом спасибо, — сказал Спенсер, вставая. — Тогда не будем терять времени.

Глава 2

Дивизион подняли по тревоге, ночью, и Гордоншах, одеваясь на ходу, перебрал в уме все возможные причины тревоги. Подбегая к бетонному укрытию командного пункта, он окончательно решил, что над Атлантидой летят бомбовозы противника.

Сирена смолкла, и наступила пульсирующая тишина, в которой совсем недалеко, в сотне фаттах от КП по радиусу зашевелилась земля и массивные металлические крышки поползли в стороны, сдвигая дерн по пути и открывая фермы пусковых установок.

Гордоншах, оглянувшись, в последний раз окинул взглядом коричневое в инфракрасном свете небо, такой же коричневый с черным лес вокруг, багровые решетки антенн радиолокационной станции, и нырнул в проем люка.

В кабине командного пункта царила синяя полумгла, льдисто мерцали экраны индикаторов воздушной обстановки, перекликались операторы сопровождения, низкий подземный гул работающих генераторов питания стучевывал все звуки — шел контроль функционирования систем зенитно-ракетного комплекса. Дивизион Гордоншаха представлял собой одну из единиц воздушной обороны Иранистана со стороны горной гряды Пеласгекона и прикрывал полуостров на глубину в пятьдесят пять зхобов.

— Приказ центра, — доложил с места дежурный офицер наведения Ширмамад, он же заместитель Гордоншаха по связи. — Занять по тревоге боевые места и ждать распоряжений.

— Понятно, — отмахнулся Гордоншах и тут же удивился: — То есть как это ждать распоряжений? Разве тревога учебная?

Ширмамад пожал плечами и уступил сиденье.

— Я запрашивал связистов, те твердят что-то невразумительное о пришельце из космоса, разведке неверных и так далее.

— Ну и дела! — Гордоншах сел на вращающийся стул, окинул взглядом аппаратуру — на панели горели зеленые сигналы готовности ракет к пуску — и надел шлем связи. — Высокое на антенну!

— Есть высокое.

Засветился сизо-белым светом квадрат общего наведения, накалился, и по нему побежала неровная темная дорожка радиовысвета поверхности земли. Гигантский палец радиоизлучения начал протискивание неба над горизонтом в радиусе трехсот зхобов.

— Пост-три, пост-три, — пробился в наушниках голос оперативного офицера центра управления. — Выйти на антенну!

— Вышел, — лаконично ответил Гордоншах.

— Сектор поиска: двести десять — триста, высота от пятнадцати до восьмидесяти. Повторяю...

Вверху звякнул люк, и в помещение КП скатился по лесенке заместитель Гордоншаха по вооружению капитан Абдулхарун.

— Ну, что? — бросил он, торопливо натягивая дугу с наушниками.

Гордоншах покосился на его распахнутый френч и мотнул головой: не мешай.

— Внимание! Поиск в секторе двести десять—триста. О целях докладывать немедленно! — Он положил руку на штурвал наведения и, подняв радиолуч, плавно повел им вправо в указанном секторе.

Пять минут в помещении КП царила напряженная тишина: гул дизельных электрогенераторов был так привычен, что на слух не воспринимался. Потом луч локатора вырвал из глубин неба ярко просияв-

шую точку, и невольный вздох вырвался из груди офицеров.

— Очевидно, разведчик, — доложил Гордоншах центру. — Азимут двести сорок, дальность триста, высота пятьдесят два. Цель одиночная, скоростная, приближается...

— Сопровождайте, — отозвался далекий писк. — На дальности восемьдесят включите оптику. Пуск ракет только по команде.

— Принял, — сказал Гордоншах и рявкнул операторам: — Перейти на автомат! Метеорологи, что слышно?

— В ста зобах фронт циклона, уходит к югу. Скорость ветра сто и пять.

— Норма, примем почти без помех, — буркнул как бы про себя командир. — Интересно, соседи тоже сидят по тревоге?

— Наверняка, — усмехнулся Абдулхарун. — Они, как и мы, получают тревожный сигнал и разносы в первую очередь.

Офицеры обменялись улыбками. Абдулхарун в отличие от атлетически сложенного Гордоншаха был худ, длиннорук, лысоват. Он был старше командира всего на шесть лет, но морщины, унылое вислое лицо и усталый взгляд старили его на все двадцать. Ирония его часто доходила до цинизма, однако нельзя было сказать, что это не нравится младшему обслуживающему персоналу дивизиона.

Сияющая точка на экранах быстро увеличивалась, вскоре она превратилась в туманное пятно света.

— Дальность сто двадцать, высота пятьдесят, азимут двести сорок пять, цель идет со скоростью семь и три.

— Странно, — не удержался Ширмамад. — Для стратегического разведчика скорость явно велика, да и для спутника тоже.

Гордоншах включил вогнутый экран оптического усилителя. Экран вспыхнул, пригасил сияние и показал в центре не конус спутника или треугольник скоростного авиаразведчика, как ожидали офицеры, а нечто странное, не похожее на привычные глазу формы.

— Ух ты! — воскликнул Ширмамад.

Они увидели яйцевидное тело, проткнутое семью трубами. Размеры конструкции потрясали: яйцо с трубами вытянулось на ползхоба, и на концах труб горели светлые серебристые венцы.

— Это не спутник! — пробормотал хмуро Абдулхарун. — И не самолет-разведчик.

Гордоншах озадаченно посмотрел на него.

— Не спутник?! А что?

— Спроси что-нибудь полегче. — Абдулхарун облизнул пересохшие губы. — Спутников такой формы и таких размеров не существует.

— А вдруг неверные опередили нас и теперь демонстрируют свою мощь?

— Оставь подобные заявления нашему шейху.

— Размеры цели: двести в поперечнике, четыреста по длине, — педантично доложил оптик-фотометрист.

Конструкция на экране быстро увеличивалась, и теперь стало заметно, что с каждой пульсацией света на концах труб все гигантское сооружение искажается, расплываясь в очертаниях, и тут же резко, скачком, обретает былую четкость контуров.

— Доложите обстановку, — запищал в наушниках центр.

Гордоншах некоторое время соображал, что докладывать:

— Цель вижу хорошо, огромное тело необычных форм. Предполагаю, что это чужой...

— Продолжайте наблюдение, — оборвал его центр, — фотографируйте. Об эволюциях докладывайте каждые две минуты.

— Принял, — со вздохом сказал Гордоншах.

Неизвестное тело полностью закрыло экран своими страшными трубами, в жерло каждой из которых свободно мог уместиться весь дивизион со всей его техникой.

— Цель прошла зенит. Скорость семь, высота сорок восемь...

— Ну и чудище! — сказал Ширмамад и закашлялся. — Вот было бы смешно, влупи мы в него свои ракеты!

— Не отвлекайся, — пробормотал сквозь зубы недовольный Гордоншах. — Может, еще придется.

Летающий за пределами тропосферы исполин пересек линию терминатора и укатился за горизонт.

— Ушел, — с сожалением сказал Гордоншах, снимая наушники. — Неужели не узнаем, что это было? — Подумав, отдал наушники Ширмамаду. — Посиди один. Если будет что срочное — позовешь, мы подышим свежим воздухом.

Офицеры полезли из помещения КП в наступающее утро.

Глава 3

Тишина в ходовой рубке крейсера стояла такая, что биение собственного сердца отзывалось в ушах канонадой. Лозински покосился на бесстрастного Сони́на и вспомнил старинное изречение: «Научи меня, Господь, спокойно воспринимать события, ход которых я не могу изменить, дай мне энергию и силу вмешиваться в события, мне подвластные, и научи мудрости отличать первые от вторых». Что ж, в их положении изречение полностью отвечало состоянию вещей. Старт из Солнца в спейс-режиме закончился в неизвестности, и изменить здесь что-нибудь было уже невозможно.

Беззвучно открылся люк, и в рубку вошел Климов. Был он невысок, хрупок, изящен, и лишь мелькавшие в слегка запавших черных глазах иронические огоньки позволяли отнести его в разряд людей, знающих, на что они способны. Подойдя к подкове пульта, в выемке которого стояли кресла командира и бортинженеров, он бросил в пустое кресло шлем мыслесвязи — эмкан — и сел рядом с Лозински.

— Дистанционное управление не работает. Мыслесвязь сейчас бесполезна, как бинокль слепому.

Лозински исподтишка разглядывал двоих спасателей и думал, что эти в общем-то очень разные люди в чем-то разительно схожи. Не холодным спокойствием глаз, неподвижностью лиц, одинаковостью реакций, нет — работники аварийно-спасательной службы постоянно готовы к действию, риску, и эта готовность, ставшая чертой характера, состоянием души и тела, наложила свой отпечаток на натуры, вылепила мужское в мужчинах, — но эти двое были похожи чем-то еще, заложенным в глубинах психики и жизненного опыта. Как же они оценивают ситуацию?

— Где Апхазава? — спросил Лозински, не меняя позы.

— Вот он я, — отозвался из коридора голос бортинженера-2, и в рубку вошел смуглый, черноволосый Булат Апхазава, перепачканный чем-то маслянисто-желтым. Он был хмур и неприветлив.

— Твоя оценка?

Апхазава постоял у пульта, рассеяно пощелкал кнопками бездействующего ручного управления.

— Автоматика не работает аж до седьмого уровня. И не будет работать, даже если координатор починит все свои исполнительные цепи.

— Это почему же? — спросил Сонин.

— Нештатный режим съел почти все запасы энергии. К тому же мы ослепли — ни один видеоканал не работает.

— Ручное управление тоже. — Лозински бросил взгляд на темный пульт. — Видимо, где-то порваны аксиальные цепи.

— Дела-а! — Климов оттянул воротник свитера. — Одним вам не справиться. Придется начинать ремонт без связи с координатором. И начать надо прежде всего с видео. Чем быстрее мы прозреем, тем раньше определим свои координаты.

— Как себя чувствуют спасенные?

— Почти все нуждаются в стационарном лечении. Не пострадали только женщины и Данич. Кстати, пятеро моих получили ожоги разной степени тяжести.

— Медикам что-нибудь нужно? Наша помощь?

— Нет.

— Тогда начинаем чиниться.

Спустя сутки координатор крейсера сумел устранить обрывы в информационных цепях (команд он все еще не слышал), и люди наконец узнали полный объем разрушений корабля. Ни о каком старте, конечно, речь идти не могла.

Прозрели и видеосистемы. Апхазава обнаружил это случайно, задев на пульте сенсор, включающий аппаратуру видеопередачи. Слепые стены рубки стали «прозрачными», распахнув людям пугающе близкий зев пространства.

Слева от корабля медленно поворачивалась голубовато-зеленая выпуклая стена планеты, из-за которой вынесло вдруг ослепительно желтый диск светила. Пятеро в немом изумлении долго смотрели на диск, заливающий рубку потоком золотого света, потом с тем же чувством разглядывали планету.

Крейсер скользил над Землей, сомнений не было, а светилом было Солнце. Корабль вели автоматы, координатор, не имея связи с хозяевами, сам принял командование на себя. Люди пока ничем не могли ему помочь.

— Вот так удача! — воскликнул наконец Апхазава. — Вынесло прямо к Земле, как в сказке! И вы еще будете уверять, что удачи не существует?! Я думал, нас забросило по крайней мере в другую галактику! А теперь живем! Не понимаю только, почему нас до сих пор не перехватили спасатели земного сектора — сутки крутимся у них на виду, если не больше.

Внезапно корабль содрогнулся, звенящий грохот донесся из его недр, по экрану мелькнули беззвучные синие полосы пламени. На панели координатора перемигнулись оранжево-красные огни и вспыхнула надпись: «Ракетная атака. Эквивалент до двух тротил-единиц».

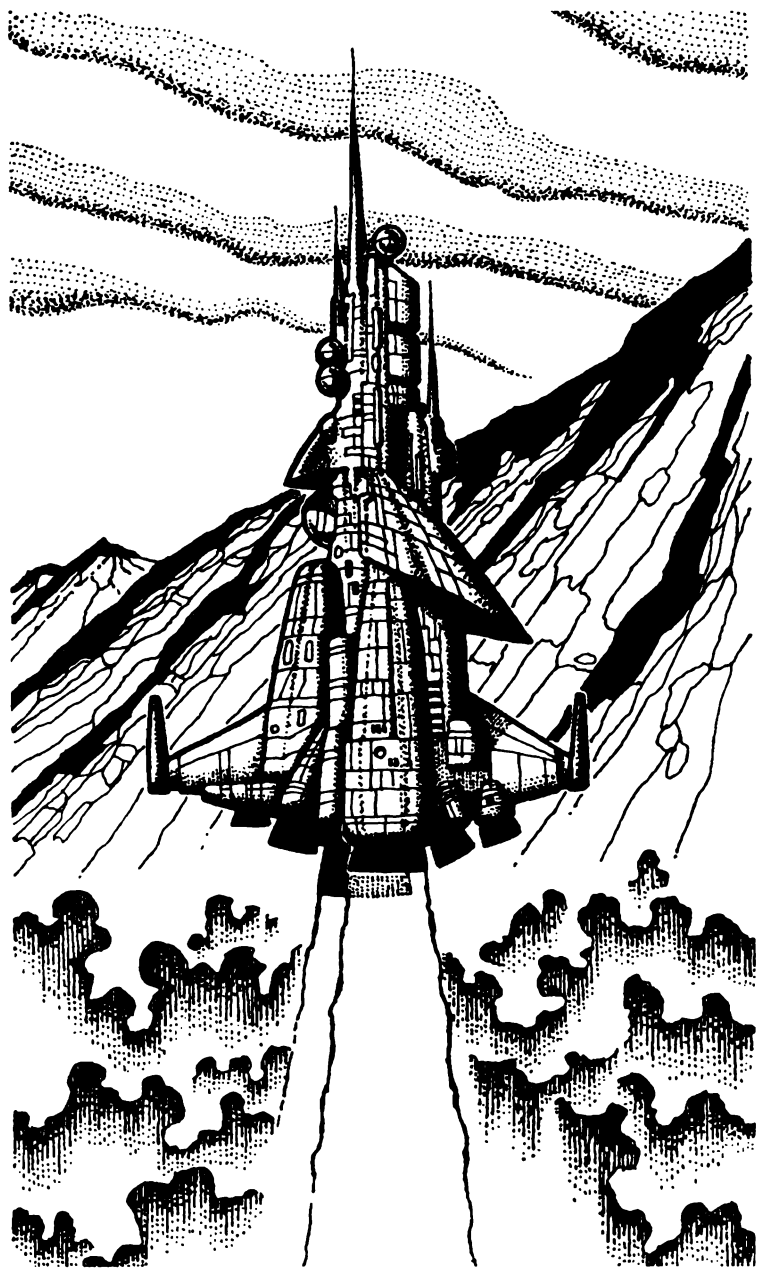
Лозински послал мысленный приказ, но аппаратура мыслеуправления еще не работала, координатор не отзывался.

— А это еще больший сюрприз! — с угрюмым недоверием сказал Апхазава. — Час от часу не легче! Ракетная атака?! Кто это нас так встречает? Может быть, координатор поврежден и не способен правильно оценивать обстановку?

Никто ему не ответил.

Прошел час, другой, третий.

Еще два раза корабль был атакован ракетами — по оценке координатора. Приборы отмечали направленный поток радиоизлучения: за движением крейсера следили земные локаторы, но и этот факт тоже не укладывался в рамки привычных представлений, потому что поток излучения не соответствовал тому,

что знали о земной технике локации инженеры корабля.

— Странное излучение, — бормотал Лозински, изредка поглядывая на виом. — В таком диапазоне наземные РЛС не работали никогда. Что у них, пока мы летали, сменили диапазоны?

— Надо как можно быстрее ввести в строй бортовую станцию связи, — негромко произнес Соинин. — Истина станет известна лишь после налаживания связи.

— У меня такое впечатление, будто нас приняли за старинную военную ракету, — сказал Климов. — Но с другой стороны, «ракетные залпы» — явная чушь! Если бы нас захотели сбить — давно сбили бы и без всяких ракет. Какое-то дикое несоответствие между современным техническим потенциалом и тем, как нас встречают. Куда-то подевалась вся орбитальная техника: ни тебе капсул метеопатруля, ни энергоузлов, ни орбитальных лифтов!..

— Шеф, — позвал Лозински бортиженер-1 Олег Малютин. — К вам на прием просится один из спасенных.

— Проводи его, не то без лифтов заблудится в переходах. Кто он?

— Некто Боримир Данич.

Лозински и Климов обменялись взглядами.

— Интересно, — пробормотал командир крейсера. — Что нам хочет сообщить этот юный представитель хомо супер?

Малютин вышел из рубки и через полчаса привел из медицинского отсека Данича.

Климов и Лозински уже были знакомы с Даничем, остальные его видели впервые, и лишь умение сдерживать себя не позволило им выйти за рамки приличного удивления.

Боримиру Даничу шел двенадцатый год. Это был хрупкий, прозрачноглазый мальчик, в меру подвиж-

ный, застенчивый и добрый. Ничего «демонического» в его облике не было: детское личико чуть более серьезное, чем положено по возрасту, светлые вьющиеся волосы, тонкая детская шея.

Родился он и рос до пяти лет обыкновенным ребенком, не обнаруживая никаких данных с приставкой «сверх». Но потом вдруг в нем проснулся исполин, сверхинтеллект, мальчик за четыре года закончил школу, институт Солнца, вошел в состав Ученого Совета Земли и стал автором двух открытий в физике вакуума, оставаясь все тем же пареньком, любящим детские игры, не чуравшимся материнской ласки.

Он безропотно дал обследовать себя медикам, но светила медицины в конце концов только развели руками, поговорили о «ковергентных мутациях», «генном ускорении», «биодевиации» и прочих премудрых вещах и нарекли Данича первым представителем будущего рода хомо супер. Родители «супера» души в нем не чаяли и продолжали воспитывать так, как предписывали правила воспитания нормальных детей в соответствующем возрасте, изредка прибегая к советам психологов. Боримир рос, как и его сверстники, — по виду оставаясь ребенком, но обладая интеллектом, редким даже для взрослого. Поговаривали, что Боримир способен читать мысли. Было такое или нет, неизвестно, но то, что он мгновенно мог разобраться в любом человеке, соответствовало истине. Интуиция у мальчугана была развита, как ни у одного человека на Земле.

Данич, нисколько не теряясь под взглядами, бегом осмотрел присутствующих в рубке и подошел прямо к Лозински, будто знал, что он командир крейсера.

— Извините, Питер Лозински, не соблаговолите ли вы меня выслушать?

Несколько обалдевший Лозински «соблаговолит»

— Я немного знаком со спейс-теорией, — продолжал мальчишка с некоторым смущением, и Лозински в ответ стало неловко, что он-то как раз с этой теорией знаком меньше, чем «немного». — Видимо, при спейс-проколе произошел не обычный пространственный выверт корабля, а редкий по вероятности хроновыверт, в теории заложена и такая возможность.

— Вы хотите сказать, что... — начал Климов.

— Совершенно верно, — кивнул мальчик. — Нас вывернуло не только в пространстве, но и во времени, и теперь под нами Земля прошлых лет. Судя по встрече, нас выкинуло в начало двадцать первого или конец двадцатого столетия. Точнее можно будет сказать, когда заговорят приемники.

— Я думал об этом, — признался с облегчением Лозински, — но счел это... — Он пошевелил пальцами, подбирая выражение.

Данич улыбнулся, и все в рубке заулыбались в ответ, столько озорного и детского лукавства было в этой улыбке.

— Я понял. Не хотел бы оказаться на вашем месте. Вы позволите остаться в рубке? Я мог бы помочь в наладке приемной аппаратуры.

— Конечно, — кивнул Лозински, поняв, что с этим малышом надо разговаривать, как с равным.

— Пусть идет со мной, — сказал Климов.

Данич с готовностью повернулся к нему, и в это время корабль заметно качнулся с боку на бок, экраны мигнули и погасли. Снова дернулся и мелко-мелко задрожал пол рубки, сдавленный стон донесся из-под пульта, словно тот был живым существом. Потом пол встал почти вертикально и наступила невесомость.

— Ракетная... — прорезался голос у координатора, в динамиках захрипело. — Ракетно-ядерная ата-

ка. Повреждены следящие системы. Произвожу аварийную посадку.

— Держитесь! — крикнул Лозински, ныряя в люк. — Сейчас будет до десяти «же»!

Климов отстал от него на полсекунды, схватил Данича на руки, усадил в кресло, и через мгновение перегрузка громом отдалась в его напряженном теле.

Глава 4

Дивизион Гордоншаха «сидел» на готовности уже девять часов подряд. Воздух в помещении КП нагрелся до того, что командир приказал всем снять верхнюю одежду. Пятый раз они встретили и проводили чужой космический корабль — об этом догадалось даже высокое начальство в Сарвар-центре. Три раза его пытались сбить: над Чатралом и Патаном, но чужак словно не замечал взрывов в своем странном скачущем движении, сбил военный спутник и не ответил на приказы приземлиться в указанном районе. Он пролетал и над территорией неверных — Пеласгулом и Атланторией, но хеттары не пытались его сбить и лишь слали радиозапросы да предъявили ноту протеста в Организацию Всемирного Индпака против преступных попыток уничтожения чужого звездолета.

Гордоншах знал об этом не только со слов заместителя, но и по радиопередачам, однако открыто осуждать действия командования не хотел.

— Когда-то это должно было случиться, — сказал он Абдулхаруну, когда они в очередной раз вылезали из-под земли, одуревшие от гула, жары и запахов кабины. — Наши писаки прогнозировали встречу с пришельцами, правда, прогнозы у них мрачные... Интересно, почему он не отвечает на

наши выпады? Посмотри на его трубы, ведь есть, чем ответить!

Заместитель вдохнул всей грудью холодный утренний воздух и посмотрел на командира как-то странно — внимательно, оценивающе и в то же время с подозрением.

— Ты прав, он не беззащитен. Вот бы захватить его со всем оружием на борту! Представляешь, какое у него вооружение?

— Ты большой специалист по фэнтези, — с иронией ответил Гордоншах. — А также большой шутник.

— А если я серьезно? — Абдулхарун усмехнулся, хотя глаза его остались угрюмыми.

— А если серьезно, то вспомни поговорку: не ищи беды, она сама тебя сыщет. И еще одну: нашему б шакалу тигра съесть... Ты посмотри на это страшилище: крепость, рассчитанная на звездные катаклизмы! А ты — захватить!.. К тому же идеи звездных войн мне, честно говоря, не особенно по душе.

Абдулхарун задумчиво рассматривал своего всегда сдержанного и немного сумрачного командира.

— Что-то есть в твоих словах, — изрек он наконец, меняя тему разговора. — Ты меня отпустишь сегодня в город?

Гордоншах покосился на проходящую смену операторов.

— Снова опоздаешь к разводу или поднимешь бучу в баре.

Абдулхарун хмыкнул.

— Уже донесли? Впрочем, плевать. Так что?

Гордоншах ответить не успел.

Коротко провыл ревун тревоги.

— Снова *этом!* — Гордоншах поднял глаза к небу. Затем кивнул, в три шага достиг люка и нырнул в кабину, как в воду.

— Сектор двести сорок — двести пять, — прокричал сквозь гул Ширмамад. — Снова «призрак». Получен приказ сбить!

— Пост-три, пост-три, — пропищало в наушниках. — Будьте готовы к Эйч-атаке. Основной выстрел через пост-четыре, вы пока в резерве. Готовность — три минуты.

— Внимание! — повысил голос Гордоншах. — Цель одиночная, высотная! Залп тремя посередине отметки!

Операторы застыли в ожидании. Чуждой звездолет приближался со скоростью около семи зхобов в секунду, и курс его пересекался с сектором стрельбы дивизиона.

— Фарид! — окликнул Гордоншаха Абдулхарун. Пробрался между аппаратными стойками и зашептал на ухо командиру: — Надо сбить его так, чтобы он упал поближе к нам. Сможешь?

— Чокнутый! — Гордоншах высвободился и сам сел за пульт наведения. — Совсем одурели в штабе! Промазать мы не промажем, но убежать вряд ли успеем, если он ответит на удар.

— Соседи атакуют! — воскликнул Ширмамад.

На экране возникли три огненные черточки и помчались навстречу огромному телу пришельца. Через мгновение на группку ракет налетел черный силуэт, и экран вспыхнул и потемнел.

— Падает! — закричал оптик-фотометрист.

— Р-разговорчики! — рявкнул Гордоншах. — По цели, залпом, огонь!

Кнопка ушла в панель и тотчас же задрожали стены, глухой подземный рев проник в кабину и ушел в небо.

— Упреждение пять на дальности сто сорок! Два залпа с интервалом три секунды!

Дважды заревело, дрожь земли отозвалась в телах людей, и наступила тишина. На высоте сорока, по-

том тридцати двух и двадцати пяти зхобов распустились ярчайшие «цветы» атомных взрывов, но Абдулхарун успел заметить, что взрывы каждый раз возникали сзади снижающегося звездолета. То ли Гордоншах не учитывал чего-то при наведении, то ли звездолет маневрировал, избегая прямых попаданий, хотя невозможно было представить, как он это делает при таких габаритах и массе.

— Как пришелец? — осведомился командир, сбрасывая дугу наушников. — Сбили мы его или нет? — Он подхватился со стула и направился к лестнице. Голос радиста догнал его уже наверху:

— Он упал совсем близко, в районе озера Нур.

Гордоншах выскочил на холм, загородился от солнца козырьком руки и увидел на горизонте застывший дымный столб. Очень медленно столб потолстел и постепенно осел серо-сине-зеленым облаком.

Далекий гул и треск пришел оттуда, не утихая долгое время.

Сзади прошелестели шаги Абдулхаруна.

— Все-таки мы его сбили, как я и рассчитывал. Поздравляю.

— Не уверен, — глухо отозвался Гордоншах, не оборачиваясь. — По-моему, он сел сам.

Глава 5

Перегрузки длились недолго, спустя несколько секунд наступила невесомость, потом вернулся нормальный вес — корабль боролся за жизнь.

В рубке было тихо, как в подземелье, лишь из-за неплотно закрытого люка доносился из глубин корабля стон аварийного автомата.

Содрогание прошло по рубке, вздыбился и опал пол, что-то посыпалось со стеклянным звоном.

Климов едва не выпал из кресла, но удержался за пульт. Еще раз дернулся пол рубки, накренился и так и остался под углом двадцать градусов к горизонту.

— Приехали, — пробормотал Климов будничным тоном.

Час спустя люди сумели запустить линию ремонта следящих систем и наладили двухстороннюю мыслесвязь с координатором — теперь они могли командовать автоматикой крейсера из рубки.

— Посмотрим, куда мы упали, — сказал Апхазав с напускной небрежностью. — Прошу дам не падать в обморок.

Стены центрального зала скачком прозрели, и люди наконец увидели местность, где совершил вынужденную посадку «Славутич».

Очевидно, крейсер опустился в озеро. Основная масса вод озера испарилась, и эта пароводяная туча, охватившая корпус корабля до середины, колыхаясь и вспучиваясь, закрывала от взора саму котловину озера в радиусе нескольких километров. Оттуда, где в облако пара погружались концы черных труб — генераторов спейс-прокола, — доносилось клокотание, пар, тая, то и дело взлетал султанами: трубы остывали медленно, нагретые до звездных температур.

Озеро сильно обмелело, обнажив коричневое и черное кое-где дно. За этой темной полосой вставала холмистая равнина, покрытая изумрудной травой и низким кустарником. Справа холмы уходили за горизонт, постепенно теряясь в дымке, а слева равнина понижалась и сменялась болотом с ржавой стоячей водой, редкими кустиками вишнево-сиреневого цвета и россыпями коричнево-желтых кочек.

Белесовато-голубое небо казалось пустым и недотягаемо высоким. Четко очерченный золотой диск солнца на нем невозможно было рассматривать без светофильтров, и он ничем не напоминал то чудо-

вищенное огненное горнило, из которого почти чудом вырвался крейсер.

— Здорово! — нарушил молчание Апхазава. — Только вот следов цивилизации не видно. Кто же нас сбивал?

— По-моему, они, — показал на экран внимательный Климов. Бортинженер дал вариацию увеличения, один из холмов километрах в пятнадцати от них ринулся навстречу, расползся в стороны, остановился. На голой от кустов вершине холма стояла приземистая машина неизвестного назначения, одетая в броню, с крупнокалиберным пулеметом на башне. А возле машины неподвижно высились две человеческие фигуры.

— Положение серьезное, — сказал Климов, разглядывая переносицу Лозински. — Каковы у нас шансы отремонтировать крейсер и пополнить запасы энергии?

От этих слов Лозински почувствовал себя виноватым. Сознание собственного бессилия мучило его давно и остро, но он, преодолевая себя, старался выглядеть так же бесстрастно и уверенно, как и спасатели.

— Своими силами справиться с ремонтом корабля в полевых условиях мы не в состоянии, для этого нужен как минимум завод. А накопление энергии в планетарных условиях — фикция, вам сие должно быть известно. Отсюда — необходим контакт с нашими предками, в целях нашей же собственной безопасности. Сбили нас, очевидно, в Азии; большего не скажу, я не географ и не историк. Но раз уж хозяева встретили нас так, как встретили, они не остановятся на достигнутом. Ждать нужно всего. Хотя я никак не могу понять мотивов их враждебных действий.

Климов нахмурился, отчего его смуглое и тонкое лицо приобрело жесткое выражение.

— Понять их не просто. Может быть, они приняли нас за чужих агрессивных существ и решили применить превентивные меры. Но опасность в другом: в нашем положении трудно сохранить статус-кво, и чем дольше мы остаемся для них таинственными и страшными пришельцами, тем больше возрастает вероятность нового ядерного удара. А защищаться, пассивно отражая удары, мы долго не сможем. Я тоже за контакт. — Он вздохнул. — Как гласит старая добрая поговорка: худой мир лучше доброй ссоры. Хотя, может быть, это и не лучшее решение. Как скоро мы сможем начать с ними радиоконтакт?

Лозински перевел взгляд на Малютина.

— Послезавтра, — ответил бортинженер-1. — Если сумеем запустить электронику связи. В противном случае останемся без связи вообще. Если бы жизнеобеспечение заработало...

— Если бы... — пробурчал Лозински, глядя на экран.

Далеко по горизонту несколько раз просверкивали яркие блики: какие-то угрожающего вида машины цепью охватывали крейсер, старательно и бестолково маскируясь кустарниковой растительностью холмов. Они были еще далеко, но космонавты знали — расстояния в век ракет не имеют значения для ведения боевых действий.

Глава 6

Дивизион Гордоншаха располагался в пятнадцати зхобах от озера Нур. К вечеру грузовые вертопланы перевезли на территорию дивизиона полк передвижных реактивных систем залпового огня, который тут

же снялся и начал окружение чужого звездолета. Глубокой ночью окружение закончилось: вокруг озера с пришельцем строго по кругу диаметром в сорок зхобов разместилось восемьдесят ракетных установок, одновременный залп которых, как рассчитал Гордоншах, мог превратить местность площадью в сто квадратных зхобов в огненный ад.

Командовал операцией окружения полковник Абу л-Хасан, высокий, худой, с острым лицом и почти безволосым черепом. Прибыл он на вертоплане, перебрался в бронетранспортер, и Гордоншах счел за благо не показываться начальству на глаза, откозыряв при встрече и ответив на все вопросы, которые задал ему полковник.

Официально Гордоншах, по званию фарак — майор ВВС, не подчинялся Абу л-Хасану, джемаладдину — полковнику сухопутных сил быстрого развертывания: они принадлежали к разным родам войск, соперничавшим между собой в вопросах престижа. Но когда под боком в твоём хозяйстве распоряжаются чужие высокопоставленные лица, чувствуешь себя прескверно.

В подземном бункере управления висел дымный полумрак.

Гордоншах прошел за прозрачный лист координатографа и успокаивающе кивнул встрепенувшемуся оператору. За шкафами с личным оружием операторов спал Абдулхарун, подсунув под правую щеку кулак и полуоткрыв рот. От него, как всегда, несло спиртным.

Гордоншах секунду постоял, приняхиваясь к запаху перегара и наркотика, и вернулся обратно к аппаратуре связи. Здесь пульсировали и шептали голоса далеких и близких радиостанций: передавал сводку погоды метеоцентр, кто-то истерично кричал об угрозе с неба, гнусавил скороговоркой слушитель Веры, знаменитый солист пел о «страсти

любви, превышающей ядерный вихрь», и четкий голос размеренно сообщал о том, что ракетные войска Черного Континента и Желтых Островов приведены в полную боевую готовность в связи с предложением неверных передать звездолет на изучение специалистам международной научной экспедиции.

— Передадут? — спросил Ширмамад, кивая на радиопанель.

Вместо ответа Гордоншах повернул ручку настройки, и в кабине зазвучал голос шейха, страстно призывающего не верить провокационным заявлениям неверных, которые хотят завладеть сокровищем с неба.

— Да-а, — вздохнул офицер наведения. — Если дело дойдет до стычки... и все из-за этого железного лома. Откуда он свалился, как ты думаешь?

Гордоншах покачал головой.

— Аллах его знает! Не с Марса и не с Венеры, это я знаю точно. Я почему-то считал, что контакт с пришельцами должен начинаться не с обмена ударами.

— Эх вы, политики! — раздался сзади хриплый голос. Из-за шкафов появился Абдулхарун, разминая помятое лицо. — Разве не ясно, почему мы поспешили посадить его на свою сторону?

— Сбить, ты хочешь сказать.

— Именно посадить. Для того, чтобы он не достался неверным. Шейх прав: этот пришелец — самое настоящее сокровище, и если мы договоримся с его хозяевами, то намного опередим Христианский Союз по вооружению и мощи. Вы же видели: даже ядерные залпы пришельцу нипочем! Представляете, какой толчок он даст военной технологии, да и любой другой?

— Много ты понимаешь, — проворчал Гордоншах.

Оператор связи вдруг напрягся и передал наушники командиру.

— Абу л-Хасан.

— Слушаю, — сухо сказал Гордоншах в микрофон.

— Поднимитесь ко мне, — раздался в наушнике тягучий голос.

— Через десять минут у меня спецсвязь с центром.

— Плевать! — лаконично ответил Абу л-Хасан и смолк.

Гордоншах хмыкнул, поиграл желваками. Ширмамад смотрел на него встревоженно, Абдулхарун с интересом.

— Так... — Гордоншах почесал кончик носа и еще раз хмыкнул. — Что ему от меня надо, хотел бы я знать?

В мощном двенадцатиколесном бронетранспортере Абу л-Хасана, в котором можно было стоять не сгибаясь, Гордоншах пробыл не долго. Полковник попросил его еще раз рассказать о том, как реагировал чужой звездолет на первые попытки сбить его.

— Никак, — ответил Гордоншах. — Словно не замечал.

— Но ведь в конце концов вы его сбили?

Гордоншах пожал плечами.

— Не уверен. Я был там, сравнительно недалеко от озера. Мне кажется, чужак совершенно цел. Во всяком случае, следов попаданий не видно и с виду он цел и невредим.

— Вам кажется... — сардонически заметил Абу л-Хасан. — С каких это пор офицеры ВВС вместо точных данных оперируют кажущимися?

Гордоншах покосился на ухмыляющихся охранников.

— Сказал, что думал.

— Думал?! — удивился Абу л-Хасан, приподняв бровь. — Вы еще и думаете?

— Не понял вас!

Полковник нахмурился. Один из охранников как бы невзначай зашел сзади, но Гордоншах положил руку на рукоять армейского пистолета, и Абу л-Хасан отрицательно повел рукой.

— Свободен, фарак. Думай пореже, голова целее будет.

Гордоншах четко повернулся и, так как охранник не уступил дороги, зацепил его плечом так, что тот отлетел к стене кабины. Люк захлопнулся за майором и отрезал начавшийся шум.

Пройдя цепь внешней охраны лагеря, Гордоншах столкнулся с человеком и едва не выломал руку Ширмамаду, приняв его за чужого.

— Ну, что? — прошептал тот, придя в себя после железных объятий командира. — Все в порядке? Жив?

— Твоими молитвами, — буркнул Гордоншах. — Какого дьявола ты выполз меня встречать? А если бы я открыл огонь? Ладно, иди отдыхай.

Оставив растерянного офицера в темноте, он ушел в свой подземный дом. Было два часа ночи.

Он проспал часа четыре — невероятно много по законам боевой готовности. Проснулся сразу и совсем.

В кабине управления светились экраны кругового обзора, кто-то из офицеров сидел на вращающемся стуле и не сводил глаз с экрана, почти закрыв его спиной.

— Что там? — спросил Гордоншах, зевая, посмотрел на часы.

Офицер обернулся, это был Ширмамад, выглядевший абсолютно свежим, словно он только заступил на дежурство.

— Наши пытались подойти к пришельцу, но не смогли и потеряли терпение. Кто-то в верхах приказал обстрелять звездолет ракетами, если он не ответит на вызовы.

Гордоншах помял лицо ладонями, встал и прошел к пульту. На экране виднелся край озера Нур и выпуклый бок черного яйца с трубами.

— И когда истекает срок ультиматума?

— Утром, через два часа.

— Не понимаю, зачем его расстреливать? А если он не может связаться с нами?

— По-моему, это просто блеф, чтобы заставить хозяев заговорить с нами на нашем языке. Кто же в здравом уме станет бросать на озеро атомную бомбу?

— Да уж найдется, кому это сделать, — пробормотал Гордоншах. — Нашелся же исполнитель для испытания первой атомной.

Он не договорил: очертания черного колосса вдруг исказились, заструились дымными полосами, и через мгновение он растаял совсем!..

Еще двое суток войска, стянутые к месту падения странного пришельца, ничего не предпринимали, хотя военные радиоспециалисты быстро установили, что звездолет остался на месте. Просто он стал невидим, закуклился под силовым полем.

Объединенный комитет начальников штабов Сарвар-центра долго не мог решить, как выйти из создавшегося положения, ведь пришелец не вел военных действий, словно презирая действия людей. В конечном счете решено было ждать, пока хозяевам звездолета не надоест сидеть под колпаком, а

потом, когда они наконец объявятся, — пригрозить нанести ядерный удар по озеру Нур, если хозяева откажутся вести переговоры. Адмиралов и генералов военной джамахерии, жаждущих заполучить оружие пришельцев любой ценой, привело в ярость явное нежелание чужих вступать в контакт. Психоз «дипломатии канонерок», ставки на силу был так велик, что и шейх, и его окружение, и меджлис, и военные рассматривали звездолет не как посланца иных миров, а как объект нападения, не пожелавший сдать-ся. Пресловутая «демократия» правительства страны в этом отношении ничем не отличалась от самых реакционных режимов прошлого и настоящего, рассматривавших любые загадки природы с позиций их военного применения...

Гордоншах не отходил от экранов обзора, угрюмо наблюдая за событиями. Решение командования о шантаже ядерным нападением привело его в недоброе расположение духа. Решение это свидетельствовало о бессилии правящей верхушки найти компромисс, мирный путь контакта, и о том, что разумный подход к подобного рода проблемам исключается военными как бесперспективный.

Вечером последнего дня осеннего недомогания природы принесли с севера грозу и тяжелые ливни. Гроза бушевала несколько часов, но она еще не кончилась, как цепь ракетных установок вокруг озера Нур дрогнула и попятилась. Все было готово для репетиции нанесения сверху ядерного удара. Однако случилось непредвиденное: гроза кончилась, и наблюдатели снова увидели на прежнем месте черное выпуклое тело чужого звездолета. Он словно выпрыгнул из-под земли, такой же угрюмый и неподвижный, опаленный невиданным звездным огнем и холодом пространства. Под громадой черного яйца копошились какие-то белые точки. Они то появлялись, то пропадали, и рассмотреть их по-

дробней можно было только в мощные бинокли, но и без того стало ясно: таинственные владельцы звездолета решили наконец выйти из своего межзвездного дома.

Глава 7

Крейсер «Витязь» мчался в глубину созвездия Лебедя гигантским светящимся копьём, всматриваясь в ночь пространства всеми сверхчувствительными «глазами» видеосистем и датчиков, антенн и приборов. Если на пути встречалась звезда со свитой планет, крейсер выпускал стаю разведкапсул, замедлял полет и ждал сообщений. Потом забирал разведчиков и мчался вперед снова, питаемый надеждой своих командиров найти в скором времени исчезнувший, не найденный в Солнечной системе крейсер «Славутич».

Рядом, на расстоянии светового месяца, мчался параллельно «Витязю» крейсер «Кон-Тики», за ним еще пять крейсеров такого же класса, но космос пока на пути армады спасательных кораблей был нем и темен.

«Витязь» миновал оранжевый карлик 107 Лебедя и вызвал разведчиков. Через мгновение у каждого из сорока приемных полушарий, составляющих красивый ажурный букет конструкций на носу космолета, сверкнули белые молнии, и словно ниоткуда, из черноты пространства появились вторые половинки шаров — разведкапсулы. Они были жестко «привязаны» каждая к своей стартовой позиции «веревками» туннелей-струн мгновенного перемещения.

Командный зал крейсера заливал каскад оранжевого света, блики от стоек и панелей приборов казались горячими брызгами: глаза от них закрывались, как от брызг водяных.

Шелгунову это нравилось, как и Джаваиру, но многие в зале отворачивались от экранов, и он переключил поляризационную ось видеоприемников. Звезда притушила свой блеск, поток света стал алым и ощутимо густым.

— Ничего, — констатировал Джаваир, оглядев вернувшихся поискеров.

— Ничего, — пробормотал Зубавин один за всех.

Истекала третья неделя поисков пропавшего корабля. Крейсер «Славутич» не оставил никаких следов пребывания в Солнечной системе и на уже пройденном участке пространства по вектору Лебедя до расстояния в два парсека. Он мог оказаться дальше по вектору, за пределами максимальной дальности хода земных кораблей, либо выйти из спейс-струны внутри звезды или планеты, но люди упорно не желали верить в этот пессимистический прогноз и гнали, гнали, гнали свой флот, ожидая одного-единственного возгласа: «Нашел!»

— Три парсека, — сказал Шелгунов. — Идем на пределе. Может, у кого-то появились свежие идеи?

— Идей много, — проворчал Джаваир. — Нет уверенности в их истинности. Надо идти дальше, пока возможно, пока молчит Земля... хотя я и не верю, что «Славутич» выбросился из Солнца в глубину Лебедя.

Шелгунов промолчал.

— Если директор Спейс-института прав, то «Славутич» сейчас находится в минус-вселенной или превратился в элементарную частицу. Но проверить эти гипотезы невозможно.

Джаваир отпустил поискеров и повернулся к главному экрану, который казался черно-звездным провалом в стенах командного зала.

— Холод говорил о какой-то другой возможности исхода броска «Славутича»...

— Я не помню.

— Он не сказал, что это за возможность. Но интуиция мне подсказывает, что именно она и решит проблему.

Алый клубок светила сместился в боковой сектор экрана, и в зале наступила призрачная полутьма, перечеркнутая бисерным сверкающим пунктиром Млечного Пути.

Зубавин устало откинулся в кресле.

Поиск утомлял не столько физически, сколько однообразием впечатлений. Разведкапсулу вели автоматы, программу поиска тоже осуществляли автоматы, но главным центром контроля и анализа данных оставался человек, хотя и соединенный в одно целое с компьютером, позволяющим хозяину реагировать на малейшие изменения среды с такой же скоростью и точностью, как и «неодушевленная кибернетика».

В маленькой ходовой рубке капсулы слышалось только дыхание людей да исполнительные зуммеры автоматов. Двое в рубке были и пилотами, и бортинженерами, и командирами корабля одновременно, но они не дублировали друг друга, а вели поиск параллельно, на разных уровнях. Зубавин — в спейс-диапазоне, его сосед Консовский — в световом и в радиодиапазонах.

В координатное перекрестие локатора вползло светило спектрального класса G-8, последняя надежда их долгого поиска. До него было уже недалеко, около пяти астрономических единиц, и капсула, управляемая координатором крейсера «Витязь», направлялась в тот район системы, где должна была вести поиск самостоятельно.

— Первый, я семнадцатый, выхожу в расчетный квадрат, — сказал Зубавин. Перед его креслом нахо-

дились гнутые экраны локаторов, виом планетарной связи, настроенный на аварийную волну, окно перископа-дальвизора, но все они больше походили на диски из полированного черного металла, чем на экраны. Лишь один раз за все время включился сигнал предупреждения и один из экранов отразил белый всплеск, но то оказался сгусток пыли и щебня, очевидно ядро кометы в апоастрии.

— Семнадцатый, «подметайте» систему чище, — раздался в наушниках голос дежурного диспетчера крейсера Стефана Лефски. — Даю на всю работу час пятнадцать.

— Принял, — лаконично ответил Зубавин.

Несколько минут прошли в молчании.

Разведкапсула ошетибилась антеннами приема и локации, сориентировала их таким образом, чтобы захватить только свой квадрат поиска, и превратилась в одно громадное «ухо», главным чувствительным элементом которого были люди.

И вдруг резкий сигнал внимания вырвал Зубавина из «резонансной системы», заставил собрать тело, «разбросанное» в данный момент по колоссальному объему пространства.

— Семнадцатый, срочно возвращаю. Минуту на подготовку.

— В чем дело? — вскинулся Зубавин. — Что случилось?

— Физики высчитали, где находится «Славутич».

— И где же?

— На Земле! Вернее, на орбите вокруг Земли.

— По-моему, раньше ты не был способен на шутки...

— Я не шучу. «Славутич» провалился во времени на двести лет в прошлое, в двадцатый век.

— Чушь какая-то! Почему же история не сохранила этот факт?

Диспетчер не ответил.

Глава 8

За прозрачной стеной силового поля, оградившего «Славутич» от негостеприимного мира, бесновалась гроза. Ветвистые росчерки молний рвали пелену ливня на цветные куски. Корабль, казалось, стоял внутри дымчатого стеклянного пузыря: водяные струи растекались пленкой по всей поверхности силового колпака и создавали иллюзию толщи воды за прозрачной стеной.

Целое полотнище жемчужного огня ударило вдруг в стену поля и стекло жидким сиянием в воду, истекла струями небесной воды. Потом еще несколько ярких желто-голубых клинков вонзилось в поле, слетая к воде жидкими огненными ручьями...

— Красиво, — сказал задумчивый Климов, стоя у главного виома с ворохом разнокалиберных световодов в руках.

— Вода насыщена сернистыми соединениями свинца и кислотами, — отозвался Апхазава от вскрытого автомата. Часть стены командного зала рядом была разобрана и открывала масленисто поблескивающие пластины из ячеистого металла, усыпанные бисером молекул электронных схем. — Поэтому цвет разрядов сдвинут в желтую часть спектра, — закончил бортинженер уже из утробы автомата.

— Спасибо, — усмехнулся Климов. — Сернистые соединения свинца — это очень поэтично. Кстати, вы знаете, почему так высок процент соединений и окислов свинца в здешнем воздухе?

— Видимо, предки больше имели дела со свинцом.

— Предки имели колоссальное количество транспортных средств, выхлопные газы которых были насыщены свинцом. Из-за чего в конце двадцатого века подскочил и общий процент вредоносных веществ в атмосфере.

В командном зале крейсера находилось всего несколько человек: Климов, Сонин, Апхазава, работающие у комбайна контроля, Лидия Данич, мать Боримира, и бортинженер-1 Малютин. Двое механиков из экипажа помогали Лозински устранять неисправности в автоматическом «скелете» корабля. Еще четверо специалистов скрывались в недрах космолета, медленно восстанавливая разрушенные линии материалоснабжения. Остальные двадцать семь членов экспедиции все еще спали под защитой охранной зоны, с тех пор как автоматы по тревоге упрятали туда людей от опасных перегрузок.

Малютин уже вторые сутки работал с приемной аппаратурой, пытаясь оживить радиостанцию и разобратся в радиопередачах хозяев полуострова, так недружелюбно принявших «Славутич»: уже стало известно, что крейсер приземлился на территории Афганистана, в центре озера Намакзар, хотя компьютер высчитал координаты почему-то с пятидесятипроцентной вероятностью: конфигурация материков и рек его обескуражила.

Из экипажа крейсера Малютин первым уяснил ситуацию и, накопив достаточно информации, решил наконец сделать первое прикидочное обобщение.

— Все! — сказал он горестно, сбрасывая эмкан связи, и потянулся, разминая затекшие мышцы. — Их язык меня доканал. Жаргон, а не язык! В нем смешались не один, а пять-шесть языков сразу — от персидского до английского. К тому же он так перенасыщен согласными, что многие слова человеческое горло просто не в состоянии произносить. Это твердый и властный язык воинов, язык повелительного наклонения. Такого, по-моему, на Земле никогда не существовало.

— Это странно, — подумав, сказал Климов. — Если не сказать больше. Земля ли это? Если нет, придется учить язык.

— Да уж придется. Вот послушайте.

Малютин повернул верньер, и в зал ворвались звуки чужой речи. Несколько минут все в зале вслушивались в нее, пытаясь понять, о чем идет речь. Апхазава сдался первым:

— Выключай. Похоже, без лингвера не обойтись. Я, во всяком случае, почти ничего не понял.

— Речь шла о нас, — сказал Малютин. — Что мы несем «угрозу их существованию». Каждая вторая передача их политических деятелей так или иначе касается нас.

Вошел Лозински, на ходу вытирая руки ветошью.

— Что нового во внешнем мире?

— Все по-старому, — мрачно отозвался Малютин. — Нам предлагают сдаться. И, судя по языку, мы все-таки сели не на Земле.

— Оригинально! А где же?

— Не знаю.

— Нужен немедленный контакт, — твердо сказал Климов. — Иначе аборигены, кто бы они ни были, и в самом деле нанесут ядерный удар по озеру, ума на это у них хватит. Ждать, что киберы восстановят связь сами, нет смысла.

Лозински подошел к виому и упер кулаки в бедра.

— Влипли крепко! Как только кончится гроза, начнем контакт. Первым... — Он немного помедлил. — Первым пойду я.

— Я не могу приказывать, — проговорил негромко Климов, когда Лозински уже облачился в «парадно-выходной» костюм капитана. Они стояли вдвоем в стволе центральной шахты, освещаемой голубым светом, и лицо Лозински, смуглое от природы, стало металлическим. — Но по неписаному закону командир не имеет права выходить из корабля при таких обстоятельствах.

Лозински щелкнул застежкой пояса.

— По закону командир обязан действовать так, чтобы экспедиция достигла цели с наименьшими потерями. Поскольку возвращение домой в свое время проблематично, чрезвычайные обстоятельства дают мне чрезвычайные полномочия. Я ничего не имею против ваших специалистов, но они молоды... А я в прошлом коммуникатор, и опыта у меня больше. Ну, а вы без меня справитесь с любыми трудностями.

— И все же идти надо двоим, — хмуро сказал Климов.

— Еще придется и двоим, и, может быть, всем, но первый выход — разведка, ничего решать я не собираюсь.

Через полчаса, когда Лозински спустился к подножию корабля, трехместный куттер уже стоял на спекшейся от давнего жара коричневой корке ила, похожей на пемзу. От ям с черной водой поднимался пар. Несмотря на ливни, озеро не заполнялось водой до прежнего уровня. Обмелевшее, оно теперь напоминало болото.

Над куттером уходила на неведомую высоту округлая гора энергетического комплекса, откуда время от времени шел редкий теплый дождь. В кабине аппарата Апхазава проверял работу кибпилота.

Малютин, проваливаясь в грязь почти по пояс, обреченно волок к машине без малого полуметровый куб лингвера. Автоматы внешнего обслуживания до сих пор не работали, и людям приходилось всю физическую работу выполнять самим.

У коробки лифта, возле горки снаряжения, стояли Сонин и малыш Боримир Данич и смотрели на далекую цепь сизых холмов, плывущих в мареве испарений. Лидия Данич возилась с Климовым в груде снаряжения, делясь впечатлениями о диком пред-

положении Малютина, что крейсер сел не на Земле, а на похожей планете.

— Может быть, Олег и прав, — сказала Лидия, — но почему же тогда здесь воздух как на Земле? Не может быть таких совпадений.

— Заканчивайте погрузку, — сказал Лозински им в спины. — Пора отправляться. Связь через каждые два часа на волне «сто».

Он залез в кабину куттера, похлопал Апхазаву по плечу, и тот, пожелав удачи, прыгнул в грязь.

— Одну минуту, капитан, — окликнул вдруг Лозински Боримир.

Лозински очень удивился, но не подал виду, придержал фонарь кабины.

— Слушаю вас.

Данич, одетый в красный комбинезончик, подошел к аппарату.

— Мне кажется, будет лучше, если я пойду с вами.

Лозински несколько секунд смотрел на него с ничего не выражающим лицом, потом крякнул, сильно потер шею у затылка, посмотрел на Климова. Начальник отряда спасателей исподлобья глядел на него, засунув руки в карманы. В глазах его сомнение боролось с согласием.

Лозински крякнул еще раз.

— Понимаете... вы еще слишком... ребенок... простите.

— Вот и отлично, что ребенок. По детям они ведь не будут стрелять. У нас появится небольшое психологическое преимущество, а для первого контакта это очень важно.

— Он прав, — сказал вдруг Малютин, с уважением окинув взглядом фигурку мальчишки.

— А по-моему, нет, — возразил Апхазав, жестикулируя. — Они подумают, что мы испугались, и заставят...

Лозински остановил его жестом, посмотрел на Лидию.

— Вам слово, Лида, вы его мать.

Лидия Данич побледнела, но встретила взгляд командира твердо.

— Он решил правильно, пусть идет.

Лозински повернулся в нерешительности к Климову. Тот покачал головой.

— Я был за то, чтобы на контакт шли двое, но... можем ли мы рисковать жизнью ребенка?

Данич вдруг по-детски весело засмеялся.

— Этот вопрос давно решен на Земле. Ведь я работал на станции «Солнце-семь», в атмосфере Солнца, где индекс опасности повыше, чем у космозазщитки.

Малютин и Апхазава засмеялись следом, Климов усмехнулся, посмотрел на Сониного.

— Тогда мы тоже за.

Лицо Данича просияло, он бросился к матери, прижался к ней, сказав: «Вот увидишь, все будет в порядке, мамочка!» — и влез в кабину куттера, не обращая внимания на Лозински, которого снова взяло сомнение. Однако время уходило, а отказываться от собственных решений было не в его правилах.

— Поехали, психолог, — махнул он рукой.

Куттер, похожий на блестящую подкову, захлопнул фонарь, длинным прыжком метнулся в туман. Два раза блеснул сквозь серую пелену его корпус и пропал. А потом вдруг в той стороне вспыхнула над холмами яркая звездочка, и через несколько секунд донесся приглушенный расстоянием гром взрыва.

Мгновение люди у корабля оставались недвижимы, всматриваясь в безобидное с виду облачко дыма, потом закричала Лидия, Апхазава вышел из оцепенения, закричал тоже и бросился за улетевшей машиной командира.

Никто, кроме Климова, не заметил, как Сонин выхватил из груди снаряжения антигравпояс, мгновенно застегнул ремни и умчался к горизонту, сразу скрывшись из глаз.

Глава 9

В тот самый день, когда обитатели звездолета вышли наконец на землю, погода на Иранистанском полуострове резко изменилась. Наступили жестокие холода, редкие для побережья Персифрайского моря.

Гордоншах, уроженец Чахбехара, всегда плохо переносивший холод, проверял работу операторов бригады старта, пряча лицо в меховой воротник левой куртки. Дул пронизывающий ветер, колючий и постоянный, как сквозняк. Стрелка термоизмерителя ушла за красную черту внизу шкалы.

— Командир! — крикнул, высовываясь из люка сторожевой башенки, техник связи. — Вас вызывает капитан Абдулхарун.

— Продолжайте, — буркнул Гордоншах операторам на ходу. — Вернусь через полчаса — повторим.

Зайдя в кабину поста, он откинул капюшон, направил на себя жерло термопечки и бросил вставшему Абдулхаруну:

— Что стряслось? Нашел место для разговора... хорошо хоть тепло здесь.

— Ты помнишь, как получилось с пришельцами? — начал сразу заместитель по вооружению.

— Еще бы, — проворчал Гордоншах: со времени инцидента прошло всего три дня. Воочию видеть это им не пришлось, но пересказ случившегося был известен всем.

Истина оказалась такой невероятной, что в нее отказывались верить: владельцы звездолета были...

людьми! Землянами! «Звездной войны» под вывеской «Земля против космоса», о которой в шутку поговаривали в Аллахабаде и которую всерьез готовил Сарвар-центр, не получилось. Иранистан воевал не с чужими разумными существами, а со своими братьями по крови и родству, вернее со своими праправнуками! Правда — с шурави, неверными! На борту звездолета оказался лишь один уроженец Персияга, да и тот не мусульманин.

В день, когда терпение Сарвар-центра окончательно иссякло, от звездолета отделилась вдруг блестящая капля и плавными прыжками двинулась к цепочке уползавших ракетных установок. Командир одной из них принял приближавшееся тело за управляемый снаряд, включил автоматику пуска и сбил.

Тело оказалось летательным аппаратом, внутри которого находились двое людей: мужчина в белом комбинезоне и мальчик лет десяти в таком же, но красном комбинезончике. По счастливой случайности они остались живы, хотя летательный аппарат буквально развалился на куски. Кроме пострадавших, никого и ничего в аппарате не оказалось, но спустя несколько минут со стороны звездолета показался летящий без крыльев и других видимых приспособлений второй пришелец. Ростом он не уступал Гордоншаху — шесть фаттов три дзига, но был шире в плечах и, вероятно, сильнее. Его окружили «черные тюрбаны», но он и не сопротивлялся, только взял ребенка на руки. Гордоншах видел стереофото этого человека, и он понравился ему сразу, особенно непоказным спокойствием, уверенностью и умом. Второго человека, прилетевшего вместе с ребенком, Гордоншах не видел — тот был серьезно ранен и находился у врачей.

— Что дальше? — спросил Гордоншах, нетерпеливо поведя плечом. — Что замолчал?

— Прилетели еще двое со звездолета, для выяснения обстоятельств нападения. Держатся спокойно, без страха. — Абдулхарун сплюнул на пол. — Я слышал записи их переговоров с шишками из Сарвар-центра. Говорят они на странной смеси северных и атлантических языков, так что понять их трудно. Наши еще раз предъявили им требование покинуть звездолет, сдать имеющееся на борту оружие и объяснить принципы его действия. Все это якобы для компенсации «убытков» — уничтоженного озера с рыбозаводом... которого, конечно, никогда не было, «поселка» на берегу — на самом деле двух домиков дервишского кемпинга, и «станции космической связи» — в действительности старого телефонного ретранслятора. Иначе к заложникам будут применены более жесткие меры. — Абдулхарун снова сплюнул на жерло печки.

— Оба первых гостя сейчас в тюремном бункере, в том числе и раненый.

— А ребенок? — поинтересовался Гордоншах.

— Там же.

— Ну и что? — Гордоншаху стало жарко, и он расстегнул воротник куртки. — Звездолетчики еще не согласились, это раз, требовать могут и они, это два. Плюс кампания в защиту этих парней, поднятая во всем мире. Правительство не станет портить отношения с союзниками и странами «черного мира». На месте звездолетчиков я бы просто подождал помощи и не рыпался.

— Не получится, — вздохнул Абдулхарун. — Они, конечно, подождать могут, да наши ждать не станут.

— Ты думаешь?

— Уверен. Тем более что раненый — командир звездолета.

Гордоншах протяжно свистнул и задумался. Потом саркастически усмехнулся:

— Что-то я тебя не пойму. К чему ты клонишь? Призываешь поднять бунт и помочь пришельцам? Неверным?! Мне моя голова дороже.

— Не язви, — спокойно сказал Абдулхарун. — Есть люди, которым небезразлично, в чьи руки попадут сокровища звездолета, особенно оружие.

— Конечно есть, — невесело согласился Гордоншах. — Шурави, например. Наш шейх, правители Поднебесной.

Абдулхарун остался невозмутим, голос его стал вкрадчивым:

— Ты в хорошем настроении, командир! Я знаю тебя давно и думаю, ты согласишься. Дело в том, что нам хорошо заплатят, если мы спасем заложников... и еще...

— Что?

— Дальше будет видно.

— И сколько же нам готовы заплатить?

— Полмиллиона тебе хватит?

Гордоншах снова присвистнул, с проснувшимся интересом разглядывая унылую физиономию заместителя.

— Неплохо! Я лично ценил свою жизнь дешевле. За такую сумму можно рискнуть. Допустим, я согласен. Что дальше? И кто эти доброхоты?

— Все узнаешь в свое время, — уклончиво ответил Абдулхарун. — И не ухмыляйся, дело стоящее.

— Что верно, то верно. Полмиллиона за такой пустячок: пойти и выпустить заложников, охраняемых, как золотой запас страны! Ты уже прикинул, как это сделать? Может быть, просто пойти и попросить тюремщиков?

— Шутник, — скривился Абдулхарун. — Хотя, кто знает, возможен и такой вариант. Спрашиваю серьезно: согласен?

Гордоншах перестал улыбаться.

— Ты или с ума сошел, или...

- Договаривай.
- Или провокатор.

Абдулхарун сморщил в улыбке лицо, хотя в глазах его на миг всплыл лед неприязни.

— Ты мог бы обвинить меня в чем угодно, только не в провокации. Я пока не могу сказать, от чьего лица выступаю, но даю слово, скоро все узнаешь. Если тебе мало названной суммы, назови свою.

Гордоншах надолго задумался, уйдя мыслями в себя. Наконец сказал:

- Мне нужно время.

Абдулхарун кивнул.

— Думай, только недолго. Учти, что пришельцев ищут их родичи из будущего... хотя тут есть кое-какие неувязки с их положением. Но если ищут, то будь уверен — найдут. В настоящем положении сами они, конечно, ничего сделать не могут, но кто знает их возможности? Кстати, тот факт, что им может подоспеть помощь, и заставляет наших стратегов спешить. Боюсь, они не остановятся на угрозах.

Гордоншах бесцельно подергал кабель термопечки.

— Хорош узелок! Неужели они не могут отбить своих? Ведь звездолет — громадная сила! Разве не так?

— Понимаешь... — Капитан в задумчивости поскреб щетину на подбородке. — Их мораль настолько непривычна, что я не всегда способен их понять.

— Тогда их дело дрянь. Зачем им надо было высовываться из звездолета? Сидели бы и ждали помощи от своих...

— Наверное, были уверены в своих силах... или в наших дружеских к ним отношениях.

- После того, как мы их сбили?

— Ну, каждый судит о других в основном по себе.

- Что с раненым? Выживет?

— Врачей к нему допустили... один раз. Имею в виду — их врачей. Ходят слухи, что жить он будет. Я слышал разговор, будто он заметил ракету и успел повернуть аппарат так, что ракета ударила в бок со стороны его сиденья. Этим он спас малыша. Наши разрешили кормить его пищей со звездолета, привозят ее в прозрачных пакетах и банках. Позволили остаться при нем одному из них.

— Акт «гуманизма»... Врачей отпустили?

— Отправили обратно, надеются, что те уговорят оставшихся.

— Н-да. — Гордоншах почесал в затылке. — Не знаю, что можно сделать. Напасть на гарнизон охраны и отбить?

Абдулхарун покачал головой.

— Силой не пробиться. Честно говоря, я и сам пока не знаю, что делать. Но все же мы расположены так удачно, что, считай, половина дела уже сделана. Другим надо было бы еще добираться к озеру сквозь неодолимый заслон оцепления. Необходимо что-то придумать, и в ближайшее время. Военная разведка и джамахерия безопасности готовят операцию «Помощь» — под видом оказания помощи предполагается проникнуть в звездолет и завладеть им. Нужно опередить их во что бы то ни стало. — Абдулхарун спохватился, что выболтал лишнее, но командир дивизиона этого не заметил.

Он поднялся, подозрительно посмотрел на капитана.

— Откуда ты знаешь такие подробности?

— Знаю. — Абдулхарун, кряхтя, встал. — У нас есть кое-какие связи с... кем надо.

Пока Абдулхарун нашел передвижной тюремный бункер, его четыре раза останавливали военные патрули, но пароль и карточка отдела спецопераций

ДБ, переданные ему связным организации «Новый порядок», в которой он занимал пост советника, действовали безотказно, и он в конце концов достиг цели.

Бункер был смонтирован из стальных плит в котловане и вид имел такой, будто стоял здесь по крайней мере полвека.

«Типовой, быстро лепят, — усмехнулся про себя Абдулхарун. — Это мы у неверных быстро переняли. Пожалуй, можно будет подсказать шефу, что такой бункер вполне сгодится для подземного штаба организации. Его легко перевезти и собрать в любом месте».

— Стой! — лязгнул из темноты голос охранника. — Куда?

— Спецпоручение к Джуббу, начальнику блока.

— Имя, звание?

— Абдулхарун, бенбей отдела четыре, цвет белый.

— Ждите. — Тон охранника изменился, очевидно, он разбирался в цветах секретности джамахерии национальной безопасности.

Над землей выступало лишь метровое вздутие крыши бункера, похожее на выступ скалы. За крышей громоздился вал свежевыброшенной земли, за которым, в свою очередь, поднимался крутой склон холма. Прямо у ног капитана уходили вниз, теряясь в темноте, ступени из утрамбованного грунта, вход в бункер. Свет солнца в него не проникал. Абдулхарун чувствовал, что за ним следят, но кто и сколько их, определить не мог.

— Проходите, — проскрипел наконец снизу тот же голос. — Оружие сдать.

Абдулхарун спустился вниз, отцепил пояс с пистолетом, перешагнул через трубу и очутился в кубическом помещении, залитом тусклым желтым светом.

— Быстрее! — сказал ему худой и жилистый, как корень эвкалипта, охранник.

Перед капитаном распахнулась еще одна дверь, и он вошел.

Открывшееся помещение было треугольной формы. Там, где стены сходились углом, стоял стол с телевизором и маленьким пультом. Возле походной койки стоял начальник бункера джелалмалим — подполковник Джубб — и задумчиво жевал бекель. Круглое лицо его выражало безграничное спокойствие, и Абдулхарун в который раз поразился тому, как внешность может противоречить характеру.

— Какого дэва вам от меня нужно, бенбей? — резко сказал начальник тюрьмы, в то время как лицо его оставалось безмятежным и сонным. — Почему не предупредили заранее? Свободен! — рявкнул он охраннику.

Горилла в черной форме безмолвно исчезла за бронированной дверью.

— Ну? — Джубб окинул Абдулхаруна взглядом. — Что у вас? побыстрее, мне некогда.

— Вам привет от «мисима», — сказал тот негромко. — А также от «нуля» и «двойки». А вы — «сотый».

В глазах Джубба мигнули колючие огоньки.

— Понятно. Я почему-то так и подумал. Отделу четыре джамахерии Б нечего делать в бункере правительственной изоляции. Чем вызван такой риск? Ведь вы не агент ДБ, надеюсь?

— Неужели заметно?

— У меня опыт. Итак? Времени у вас мало, порученцы обычно не задерживаются больше пяти-шести минут. Как вы на меня вышли? «Десятка»?

— Выше, «тройка».

— Саддам. Понятно. Слушаю.

— Мы хотим помочь пришельцам.

Джубб от неожиданности проглотил жевательный стебель.

— Вы что, издеваетесь?!

— Я рискую головой не для того, чтобы шутить, — холодно ответил Абдулхарун. — Меджлис организации решил захватить звездолет раньше, чем это сделают люди шейха. И тогда в наших руках окажется оружие, равного которому нет и не будет еще два столетия. Мы сможем диктовать волю любому правительству, в том числе и своему, которое срочно требует чистки от военных-пацифистов, всяких недобитых «левых» и «правых».

— Понял. Но я ничем не смогу помочь.

— Почему?

— Потому что послезавтра меня переводят в другой район, к морю. К тому же два часа назад достигнута договоренность между чужими и нашими спецами о «мирном урегулировании конфликта». Завтра раненого и здоровяка с ребенком отвезут на звездолет и «представят техническую помощь в его ремонте». Со всеми вытекающими последствиями.

— Вот как?! — медленно произнес Абдулхарун, облившись холодным потом. Встал. — Аллах акбар! Я не думал, что это произойдет так скоро... Который час?

— Девять. У вас в запасе всего тринадцать часов.

Абдулхарун задумался, отметив про себя это «у вас».

— Да, мы рассчитывали, что у нас есть, по крайней мере, суток трое. Придется менять план.

Джубб, шурша оберткой, развернул пакетик бетеля.

— Попробуйте. Что я должен делать? Кстати, сколько у вас людей?

— Пока один, — равнодушно сказал Абдулхарун.

— Что?! — поперхнулся Джубб, багровея. — Вы с ума сошли! — Он замолчал, повинувшись жесту гостя.

— Этот один стоит роты. Или вы считаете, что у меня под рукой наши «черные клинкиверы», полк фардаев?

— Шотт-им-апс! — выругался Джубб, щелкнул переключателем, рывкнул: — Саид!

— Слушаю, полковник, — отозвался динамик.

— Сколько на посту?

— Двадцать пять — первое кольцо, двадцать пять — второе, рота в зоне и рота в резерве.

Джубб выключил интерком, сел на стул и сгорбился.

— Слышал? И еще внешний гарнизон в бронеходах и с танками. А у вас один...

Абдулхарун прошелся из угла в угол.

— Я и не собирался нападать на гарнизон, в любом случае эта авантюра не пройдет. Мы сделаем вид, что выручаем пленников, везем к звездолету и во время передачи захватываем. Вертолеты с группой поддержки будут наготове в полусотне зхобов отсюда. Шеф сам изъявил желание участвовать в операции. А когда мы будем внутри звездолета, никто не станет разбираться, как это произошло.

— А потом?

— Что будет потом, не нашего ума дело. Нам платят не за глупые вопросы. А шанс справиться с этим делом есть. Одно то, что я почти без усилий проник в бункер, говорит о наших возможностях.

Начальник тюрьмы хмыкнул, выплюнул жвачку.

— Послушай, Абдул... ради чего ты рискуешь? Деньги, и только? Чушь! У тебя их мало?

— Не так много, как хотелось бы. Но есть еще кое-что, ты прав. И это «кое-что» — возможность всегда делать то, что хочется, и с теми, с кем хочется.

— Ну захватите вы звездолет, в чем я сомневаюсь, ну завладеете его оружием, а дальше? Где вы его будете хранить? Или применять?

— Времени на объяснения очевидных вещей у меня нет, но я отвечу. Звездолет — это прежде всего власть! Престиж организации несколько пошатнулся после некоторых наших... э-э... выступлений, и мы надеемся отыгаться одним ударом со всеми, кто этого заслуживает. Надеюсь, я понятен?

— Ладно, не трать время, бенбей, — угрюмо буркнул Джубб, доставая новый пакет жвачки. — Давай о деле.

Несколько минут они обговаривали план действий, и Абдулхарун ушел. Выпустили его без вопросов.

Глава 10

Спенсер закончил еженедельное видеоселекторное совещание и вызвал Шелгунова. Начальник меркурианского центра аварийно-спасательной службы откликнулся через две минуты.

— Когда вернулся?

— Всего полчаса назад.

— Все равно надо было доложить сразу. В десять нас приглашают к себе физики. Экипаж «Витязя» и поисковый отряд на дежурство не ставить, сутки пусть отдыхают. У них скоро появится работа.

Шелгунов вопросительно посмотрел на директора УАСС, но Спенсер ничего не стал объяснять.

— Не опоздайте на randevu. Институт спейс-связи, демонстрационный зал номер два.

Ровно в десять Шелгунов, подтянутый и внимательный, вошел в зал под номером два.

Треугольный амфитеатр зала был невелик, на сто двадцать мест, и казался верандой, чудом выстроенной на скальном уступе. Панорама гор, открывшаяся «со скалы», могла бы в другое время и увлечь, вид был действительно хорош, но Шелгунов думал

о другом и лишь мельком взглянул на пейзаж, сразу найдя Спенсера в нижнем ряду амфитеатра.

Кроме директора УАСС, в зале находилось еще человек пятнадцать, среди них начальник технического сектора Управления Данич и директор Института спейс-связи Роман Холод.

Спенсер кивнул Шелгунову на место рядом и дал знак Холоду. Тот взошел на небольшое возвышение с ярко-белым кольцом приемника аппаратуры численных команд: зал имел встроенное инженерно-техническое обеспечение. Легкий шумок разговоров стих.

— Начнем, друзья. У нас в гостях дирекция Управления спасателей, ждущая от нас чуда, и мы это чудо ей представим. Но сначала покажем фильм.

Холод сел, горный пейзаж исчез, вместо него перед зрителями появилась ходовая рубка крейсера с неподвижными фигурами пилотов. Что-то лопнуло со стеклянным звоном, фигуры ожили. Командир крейсера повернул голову к соседу справа, и Шелгунов невольно вздрогнул — это был Лозински.

— Хорошо бы... — начал Лозински, но закончить фразу не успел; в рубке над пультом зажегся алый транспарант: «Тревога степени Д» — и приглушенно взвыл ревун...

Так начался фильм о том, как исчез крейсер спасательного флота «Славутич» с двадцатью членами экипажа и двадцатью спасенными из персонала станции «Солнце-7». Закончился фильм грандиозным зрелищем кипящего Солнца. Потом в центре видимого операционного поля фильма засиял ослепительный факел желто-голубого огня, и картина застыла. В зале вспыхнул свет.

Холод снова встал.

— Это не документальная запись, как вы подумали, а модель ситуации, построенная на основе ана-

лиза действий экипажа «Славутича», всех координирующих его работу служб и данных наблюдений этого участка солнечной поверхности. Институт смог воссоздать полную картину событий и построить, как нам кажется, достаточно адекватную модель инцидента. Станция «Солнце-7» прекратила существование через сорок две секунды после вывода с нее персонала, а «Славутич»... К сожалению, реализовалась самая невероятная гипотеза — петлевой хроновыверт. В результате спейс-старта в условиях внешней энергетической подкачки «Славутич» забросило не только в пространстве за сотни миллионов километров, но и во времени — на двести с лишним лет назад. Вот расчеты.

За спиной директора института возник экран, по которому поползли вереницы символов и цифр, трехмерные изображения узловых структур расчета, ряды цвето-пространственных сопряжений.

Шелгунов знал спейс-теорию в объеме институтского курса и смог уловить только общие закономерности расчета, но изящность математического и этико-логического аппарата произвела впечатление и на него.

Экран исчез, на его месте появилось уменьшенное изображение голубого факела в месте старта крейсера.

— Именно петлевой хроновыверт объясняет, почему мы ничего не знаем о появлении нашего крейсера в окрестностях Земли два века назад: появление крейсера в прошлом спровоцировало временное ответвление — «хронокарман». Образовалась как бы виртуальная реальность, развитие цивилизации в этом «кармане» пошло по другому пути, в то время как мы с вами живем в основном потоке времени. Теперь обратите внимание на этот факел.

Солнце за спиной Холода ожило, факел вытянулся вверх, разошелся бутонем тюльпана, изменив

цвет на зеленый, и стал съеживаться, превращаясь в шар. Шар этот сначала покраснел, прошел всю гамму цвета от красного до темно-вишневого и коричневого и превратился в черный зрачок, опущенный белым сиянием.

— До сих пор этот след старта крейсера... — Холод оглядел присутствующих, — не исчез! Он дышит, изменяется в размерах, но живет! Не следует, очевидно, рассказывать, чего нам стоило понять, что это такое, скажу одно: мы только сейчас поняли, какие возможности заложены в спейс-теории и какие эффекты она способна предсказать! Эта «черная дыра», — Холод указал на черный зрачок на фоне алого сияния Солнца, — вход в «хронокарман», в петлю виртуального времени, и «Славутич» имеет возможность вернуться, не нарушив закона причинности. Но — только если ему указать обратный путь из «кармана», где он находится на правах «реального призрака». Как это сделать, вопрос другой.

— Почему же другой? — сказал Данич. — У нас нет выбора — спасать или не спасать. Если есть хотя бы малейший шанс спасти экипаж крейсера, мы пойдем на любой риск.

Шелгунов с сочувствием посмотрел на начальника техсектора, жена и сын которого находились на борту «Славутича».

— Риск есть. — Голос Холода дрогнул: он понимал, что его работа закончилась, начиналась полоса работы спасателей, и волновался, потому что не имел права ошибиться в выводах. — Риск есть, по нашим подсчетам он равен восьмидесяти из ста. Необходимо совершить бросок в «черный глаз» петли, найти «Славутич» и вывести обратно тем же путем. Тогда петля закроется и «хронокарман» исчезнет.

— Так просто! — с иронией бросил Спенсер и посмотрел на Шелгунова, как прицелился.

Шелгунов несколько мгновений смотрел в узкие глаза Джаваира, но сухое, бронзовое лицо командира группы оставалось бесстрастным. Наконец он произнес:

— Приказывать я не имею права, могу только просить. Вы согласны?

— Согласен, — помедлив, сказал Джаваир. — Но позвольте поговорить с группой самому.

Шелгунов досчитал до десяти и кивнул.

— Старт завтра, в три ноль-ноль по среднесолнечному. Если кто-нибудь откажется — не уговаривайте.

В глазах Джаваира мелькнули насмешливые огоньки.

— Позвольте решать этот вопрос мне. Мы будем готовы. Кто назначен начальником службы техобеспечения?

— Данич.

— Начальник десанта, таким образом, я. А начальник экспедиции вы?

— Да.

Джаваир кивнул и, не прощаясь, вышел, посеяв в душе Шелгунова сомнение в правильности его выбора. Все-таки Джаваиру шел восьмой десяток.

Подготовка экспедиции к рискованному броску в «черную дыру» временной петли заканчивалась. Физики сделали все от них зависящее, чтобы рассчитать варианты последствий броска, но их расчеты не могли обеспечить стопроцентную гарантию успеха. Даже удачные запуски зондов в петлю и их возвращение не разрешили всех проблем и не успокоили ответственных за экспедицию лиц. Базовым кораблем экспедиции был выбран крейсер «Витязь», лидер спасательного флота Земли. Специалисты технического сектора переоборудовали его в соответствии

с предполагаемыми задачами и продолжали накачивать энергией и устанавливать дополнительные пояса защиты, дублирующие системы и комплексы контроля функционирования.

Когда все подготовительные работы были закончены, Спенсер собрал в конференц-зале Управления весь состав экспедиции, произнес краткую речь о ее цели, мерах предосторожности во время пребывания в прошлом, о расчетах каждого шага, а потом предложил тем, кто сомневается в успехе или в своих силах, отвести свою кандидатуру.

Желающих отказаться от участия в экспедиции не нашлось.

Спустя двадцать суток после исчезновения «Славутича» крейсер «Витязь» вошел в фотосферу Солнца напротив дрейфующего по воле неизвестных сил входа в туннель, ведущий в прошлое. Двадцать человек спасательной команды во главе с Джаваиром заняли места в капсулах высшей защиты пассажирского отсека, в ходовой рубке крейсера осталось только три человека экипажа и начальник экспедиции.

Спенсер находился в рубке второго крейсера, кружившего на расстоянии трех миллионов километров от Солнца, и видел старт «Витязя» через видеокамеры зондов, следивших за черным оком входа.

«Витязь» тщательно сориентировался по данным локаторов и начал разгон, когда до входа в петлю осталось пятьсот километров. Он вонзился в черный шар точно по центру, и — словно судорога перечеркнула недра Солнца — из-под черного шара вырвался факел огня, по экранам крейсера рассыпались огненные строчки бланк-сообщений, кричащие о зарождении вспышки и ливне жесткого гамма-излучения. Черный шар входа на полчаса скрылся в усилившемся сиянии атмосферы Солнца, а когда он

снова появился в поле зрения, Спенсер облегченно вздохнул: он со страхом ждал, что вход исчезнет, а вместе с ним и надежда на благополучный исход экспедиции.

— Боялись? — спросил он присутствующих в зале крейсера ученых во главе с Холодом.

— И сейчас боюсь, — признался директор Института спейс-связи.

Глава 11

Джаваир повернулся к главному виому, в котором вариатор вырезал окно дальновидения. «Славутич» был виден отчетливо, сел он в озеро или в болото, окруженное черной каймой выжженной земли, а в радиусе двадцати километров вокруг него располагались три цепи машин, вызвавших мрачные ассоциации.

— Может быть, опустим к ним модуль? Быстро и надежно.

— Что быстро — согласен, но вряд ли надежно. Если корабль до сих пор не смог ответить на наши сигналы, значит, поврежден он серьезно. И еще учтите, что цивилизация Земли в этом «хронокармане» развивается не совсем по сценарию основного потока. На здешней Земле три четверти суши занимает мусульманский Союз, изобилующий зонами воинствующего фанатического фундаментализма, и лишь одну четверть — Христианский Союз. Ни русских, ни американцев — арии и балты, неверные, так сказать, шурави. Звездолет же, к великому сожалению, совершил посадку в самом центре «Твердыни Веры» — Иранистана, имевшего печальный опыт международного терроризма. Понимаете? Я не могу предсказать, во что выльется посадка модуля. Технически наши «предки» оснащены не-

плохо и среагировать могут далеко не лучшим образом, как уже и было. Я даже не уверен, что наше пребывание на орбите в режиме «инкогнито» не будет расшифровано через день-другой.

— Не исключено. — Джаваир оценивающе посмотрел на виом, в котором медленно вращался земной шар. — Но я все же склонен полагать, что вы переоцениваете возможности этих псевдоземлян.

Шелгунов не стал спорить, ему и самому хотелось верить в успех операции.

Через полтора часа инженеры связи нашли способ передачи информации на «Славутич» по радио без риска ее перехвата. Спустя несколько минут после этого экипажу спасательного крейсера стало известно, в каком положении находится корабль на планете.

— Что же предпринять? — негромко спросил Шелгунов, в глубине души потрясенный необычностью развязки спасательного рейда. — Не воевать же с ними?

Джаваир задумчиво щурил непроницаемые свои глаза, отчего они превратились в узкие щелочки.

— Увы, я пока тоже не знаю. Ах, Лозински, Лозински... Хотя кто мог подумать, что такое возможно? Милитаризм милитаризмом, вера верой, но стрелять по звездолету, взять заложников, требовать сдачи оружия!.. И у кого, можно сказать — у правнуков своих! Это выше моего понимания!

— Моего тоже. — Шелгунов нахмурился. — Сколько ему лет?

— Кому? Лозински? Сорок три. Опытный командир, и — такой прокол с контактом!

Помолчали. Потом начальник экспедиции потянулся к пульту и включил виом связи с рубкой.

— Слушаю, — отозвался командир крейсера, обратив к ним остроскулое, бледное лицо, на котором выделялись прозрачно-серые глаза.

— Сергей, мы можем с орбиты, километров этак с пятидесяти, вытащить крейсер с планеты? Энергии хватит?

Командир покосился влево, на своих бортиженеров.

— Минуту, сейчас посчитаем... Это будет стоить нам почти половины энергоресурса. Но дело осложняется тем, что напряженность силовых полей в точке захвата превысит деформационную устойчивость корпуса корабля. «Славутич» просто «потечет», не смотря на силовой каркас.

— Понятно. Хорошо, у меня пока все.

Шелгунов сцепил руки на груди и притих.

— Все равно это был бы не выход из положения, — сказал Джаваир. — Тех троих мы не спасли бы. Сначала надо вытащить Лозински, Сони́на, Данича и Климова.

«Как?» — хотел спросить Шелгунов, но не спросил. С Земли никто не мог помочь ему советом, как выйти из положения, и принимать решения он должен был самостоятельно.

— Ваши предложения? — тихо сказал он, продолжая взвешивать все «за» и «против» пришедшей мысли.

Джаваир долго не отвечал, глядя на веселый золотистый шар солнца, окутанный волокнами протуберанцев, как волосами. Потом сказал:

— В любом случае надо посылать на планету команду. Грубая сила вроде мощи наших деформаторов пространства и лазеров не применима, но никакие законы не запрещают спасать людей, если тем угрожает опасность. Переговоры в таких условиях дело долгое и ненадежное, конфликт налицо, но мы имеем право бороться за то, что нам дорого. Я далек от сравнений, но ситуация похожа на дуэль, а поскольку перчатку бросили нам, мы вправе выбрать оружие.

— Вы словно доказываете свою правоту самому себе.

— Потому что я не вижу иного выхода, а этот связан с риском для жизни подчиненных. Или вы думаете, что можно привыкнуть посылать людей туда, откуда они могут не вернуться?

— Не думаю, — пробормотал Шелгунов. — Я думаю, что нам нельзя ошибаться. Вы командир десанта и лучше знаете своих людей, кого пошлете первым? Зубавина?

Джаваир посмотрел на него с интересом.

— Похоже, вы знаете их не хуже меня.

— Тогда начинайте подготовку. Будет проситься вниз Данич, не разрешайте, его место на борту.

Глава 12

Бронетранспортер с ревом повернул налево, и Абдулхарун оглянулся на повороте. Второй бронеход с красной полосой личной гвардии шейха на лобовой броне, взрывая и раскачиваясь, полз в сотне шимов сзади. Блеснул и пропал огонек лазер-связи: водитель запрашивал инструкции.

— Не отставать, — буркнул Абдулхарун в микрофон, покосившись на угрюмую физиономию Гордоншаха.

— Понял, — скрипнул динамик в ответ. Водителя нашел Абдулхарун. Гордоншах не спрашивал — где, ему было все равно. На душе было тревожно, давило ощущение упущенной из виду важной детали.

— Когда пойдешь — побольше наглости, — продолжал инструктаж Абдулхарун, глядя в затылок командиру. — И презрения. Ты выше их по всей форме. И торопись медленно, чтобы не выглядеть подозрительно.

— Сам знаю, — буркнул Гордоншах, невольно ошупывая на плече аксельбант джемаладина и планку уполномоченного ДБ по особым делам. Он до сих пор не пришел в себя от удивления, как это Абдулхарун смог его уговорить пойти на эту авантюру, что сработало в душе — сострадание к попавшим в беду пришельцам, которые вовсе не были пришельцами, желание заработать или жажда острых ощущений. Скорее последнее, плюс еще одно обстоятельство: странные намеки капитана на цену помощи. Если организация сторонников мира, к которой якобы принадлежал Абдулхарун, освобождала пленников бескорыстно, по мотивам человеколюбия, то при чем тут деньги? Конечно, пятьсот баксов не помешают, но их еще надо будет получить. А шутки капитана о «колоссальных возможностях» тех, кто завладеет звездолетом, о «господстве над миром»? Не очень-то это вяжется с обликом сторонника мира и дружбы...

Гордоншах покосился на заместителя, жующего бетель. Ладно, посмотрим, что будет дальше. Интересно, что это за вертолеты, севшие вчера у границ дивизиона, и какое отношение имеет к ним Абдулхарун?..

Через полчаса быстрого хода — гул, тряска, мелькание теней и пятен по сторонам — они выехали на поляну, в центре которой виднелся смазанный в инфраоптике силуэт локатора и ферма передвижной зенитно-ракетной установки. Приблизилась двойная проволочная изгородь с воротами и башенками огнеметов.

Охранники появились словно из-под земли, хорошо видимые в свете включенного прожектора: двое в черном и серый офицер. Водитель остановил вездеход, и Абдулхарун открыл верхний люк. Застучав по металлу башмаками с коваными носами, Гордоншах вылез навстречу, прыгнул на землю. Хмурый аль-

фазил — лейтенант в сером, — увидев мундир Гордоншаха, нехотя встал по стойке «смирно».

— Открывайте. Не видите знаков отличия на машине? — отрывисто осведомился Гордоншах. — Начальника охраны ко мне, живо!

Офицер скомандовал открыть ворота и исчез, будто провалился сквозь землю.

Гордоншах сделал знак рукой и пошел впереди бронетранспортера. Абдулхарун шепнул ему в спину:

— Действуй в том же духе. Через два часа начнет светать, учти.

Они проехали пулеметные вышки, остановились перед тюремным бункером. Спустя минуту прибежал недоумевающий начальник охраны.

— Абу л-Хасан, — представился Гордоншах, протягивая золотой жетон пропуска. — Уполномоченный по особым поручениям шах-инб-шаха обороны. Мне предписано забрать пришельцев и доставить в Сарвар-центр спецрейсом. Вертолеты по вполне понятным причинам сесть здесь не смогли и ждут нас в десяти збобах к югу, вне пределов видимости звездолета. Кстати, — продолжал он, не давая опомниться начальнику охраны, — почему ваши олухи не спрашивают пароль?

— А-а... пароль... это... — забормотал сбитый с толку серый фарах — майор. — Я полагал, что за пришельцами приедут в десять часов. Была шифрограмма из Сарвар-центра. Инструкций по их передаче в ваши руки не получал...

— Операция и была задумана так, чтобы сохранить секретность до ее завершения. Свяжитесь с центром по «красной линии». Меня не интересуют ваши предположения. Через десять минут пришельцы должны сидеть в транспорте. Охраны не надо, со мной взвод во втором БХ. Впрочем, я сам распоряжусь.

Гордоншах выставил вперед плечо с аксельбантом и направился к бункеру, горб которого торчал в двух десятках шагов, освещенный прожектором. Начальник охраны устремился вперед, на пункт связи, поручив мрачному лейтенанту сопровождать важных особ.

— Побежал звонить дежурному в центр, — глухо сказал Абдулхарун. — А если там свяжутся с шефом разведки?

— Никуда он не дозвонится, — ответил Гордоншах. — Я перед походом узнал — у них нет прямой связи с центром, только с базой Аб-Бас и армейским командованием гарамы. Пока там будут разбираться, мы уйдем.

— Сюда, — сказал лейтенант, подсвечивая путь фонариком.

Они свернули и оказались у купола тюрьмы.

— Стой! — приказал из темноты хриплый голос. — Вход запрещен!

Абдулхарун незаметно снял автомат с предохранителя и огляделся. Без инфраочков он мало что увидел, но ему показалось, что кругом полным-полно охранников. Нервы сдают, что ли? Успеть бы смыться и дать сигнал десанту...

В нише бункера вспыхнул свет, и через порог скользнувшей в сторону двери шагнул низенький толстый комендант тюрьмы. Это был не Джубб.

«Конец! — мелькнуло в голове Абдулхаруна. — Джубб струсил, рассказал все, кому следует. Мы в ловушке!»

— Пропуск! — пропищал фальцетом толстяк, не разглядев толком, кто перед ним.

— Я тебе покажу пропуск! — рывкнул вдруг Гордоншах так, что все вздрогнули. — Я Абу л-Хасан, полковник второго отдела серебряного цвета! С ума здесь все посходили! Пропустить!

Комендант остолбенел, на глазах усох, засуетился и, дрожащим голосом бормоча извинения, повел начальство в бункер.

— Я не заметил, господин полковник... темно... конечно, вы имеете право, но нам приказано никого... Вы потом доложите командованию, что исполняли обязанности... Сюда, теперь сюда, не упадите, здесь комингс, высоко... пошел вон! Извините, это не вам, естественно...

Прежде чем войти, Абдулхарун оглянулся, и ему показалось, что к тюрьме со всех сторон бегут вооруженные охранники.

Сонин проснулся от неясного предчувствия надвигающейся беды. Несколько секунд он лежал, не открывая глаз, прислушивался к далекому шуму: голос. Тяжелые шаги, лязг металла. Рывком сел.

По коридору бункера шли люди, остановились рядом, у соседней камеры. Короткие, лязгавшие металлом, — не разберешь, что говорят, — слова приказа. Звон сигнализации. Звук открывающейся двери... Что они делают? Стоп! Ведь где-то рядом в камере Климов и Лозински! Неужели пришли за ними?

Сонин напряг мышцы и, оглянувшись на спящего Боримира, бессильно опустил на пол.

Если бы он был один!.. С этими охранниками не надо было бы церемониться, интеллект их не превышал интеллекта крокодила, и тогда — сила на силу, грубость на грубость и ярость на ярость! Но если твоя сила нужна не только тебе и вынуждена сражаться с подлостью... если твой гнев, глубоко упрятанный гнев, натывается всюду на равнодушное любопытство (бывает и такое!)... если твое возмущение тонет в ничем не потревоженной амебной тупости тюремщиков, количество желаний которых не

превышает число естественных человеческих от-
правлений... если, если... вот тогда ты действительно
бессилен. Все равно что мертв.

Дверь с отчетливым хрустом скользнула в сто-
рону. Сонин зажмурился от брызнувшего желтого
света, но тут же открыл глаза. Перед камерой стоя-
ли люди. Один из них, настоящий гигант, под стать
Сонину, выделялся великолепным мундиром и тем
особенным выражением глаз, которое выдает в че-
ловеке бойца и командира. Несколько мгновений
они стояли друг против друга, потом гигант отсту-
пил назад и махнул рукой, приглашая к выходу.

Сонин взял спящего Боримира на руки, вышел в
коридор, быстро повернул голову налево и встретил
спокойный взгляд Климова, под руку поддерживаю-
щего забинтованного Лозински.

— Привет, — прохрипел Лозински, пытаюсь
улыбнуться одной стороной лица. — Живем?

— Живем, живем, — сказал Климов. — Не разго-
варивай, тебе еще вредно.

От врачей, приходивших к ним с крейсера, Сонин
знал, что у Лозински был шок от контузии, травма
головы плюс потеря крови, но вернуть его на крей-
сер тюремщики отказались, не подыскав даже серь-
езной мотивировки своим действиям.

Они вылезли из подземного бункера на поверх-
ность и окунулись в ночь, поеживаясь от холода.
Рассеянный свет фонарей какой-то громадной бро-
нированной машины возле бункера почти ничего
не позволял разглядеть, только обозначил вход в
нее, похожий на распахнутый зев апокалипсическо-
го зверя.

У входа с кормы задержались. На освещенное
место вбежал человек в чалме и сером мундире, от-
чаянно жестикулируя, стал что-то доказывать золо-
топогонному великану. Тот легонько отодвинул го-
ворившего и снова махнул рукой — вперед!

Странность происходящего все больше заинтересовывала Сони́на, насторожила и Климова. Сопровождавшие гиганта люди стали быстро и настойчиво подталкивать их к бронемашине, заставили влезть на броню и протиснуться в люк. Уже высу́нув голову наружу, Сонин увидел, как серый охранник отскочил в сторону, и тут же недалеко и пугающе громко взвыла сирена.

Гигант рывкнул что-то неслышимое из-за пронзительного воя, в два прыжка вскочил в машину, впихнул в люк спутников и нырнул туда сам. Он едва успел закрыть люк, как борт машины отозвался дробным звонким грохотом — по ним стреляли!

— Похоже, нас похитили! — прокричал Сонин в кабине машины на ухо Климову.

— Я догадался. Знать бы — друзья или враги.

Спасатели переглянулись, хорошо понимая друг друга.

— Посмотрим. От пятерых уйти легче, чем от охраны тюрьмы. Кулаки чешутся.

— У меня тоже.

Бронированный вездеход уже с ревом мчался куда-то в темноту, не включая прожекторов, со скрежетом продрался сквозь проволочное ограждение базы, свалил вышку с пулеметом. Неясные тени прочерчивали дуги по сторонам, их бросало и раскачивало, как в шторм. Там, откуда они так неожиданно бежали, в небо вонзались столбы света и частые строчки несущихся цветных огоньков. Охрана тюрьмы палила в ночь изо всех стволов.

Космолетчики сидели на полу кабины, зажатые между какими-то стойками, ребрами и ящиками, вдыхая забытые запахи солярки, металла, масел и пластмасс. Вездеход рычал, ревел, сотрясался и несся вперед, как пуля после выстрела в темноту.

Спустя несколько минут могучий командир похитителей, сидевший на жестком сиденье у трубы

перископа, оглянулся, что-то проговорил соседу справа, колдующему над рацией, потом встал и пробрался к спасенным. Нагнувшись, положил руку на плечо Климова и указал на свободное сиденье. При этом он улыбнулся, и хотя в кабине было темно, а мимика аборигенов все же отличалась от мимики «настоящих» землян, Сонин все же понял, что улыбка у гиганта добрая. Он помог Климову перенести на сиденье Лозински, устроил сгоравшего от любопытства юного Данича возле сиденья водителя и в свою очередь стал рассматривать великана.

Тот, покосившись на офицера рядом, ткнул себя пальцем в грудь:

— Фарид Гордоншах.

Сонин усмехнулся, потому что его явно приняли за главного в их четверке. Климов тоже это понял, но лишь подмигнул Сонину, не желая вмешиваться в диалог.

— Веня Сонин, — представился тот. — Это Назар Климов, руководитель десанта. Раненый — Питер Лозински, командир звездолета, малыш — Боримир Данич.

Гигант оглянулся на сопровождавших его военных, что-то сказал, разведя руками. Сонин уловил знакомые слова, но смысл фразы не понял. Зато поняли Лозински и Данич: Питер засмеялся хрипло, а Боримир сказал тонким голоском:

— Они думают, что мы считаем, будто они все — убийцы и везут нас на наши похороны.

Громадный предводитель команды похитителей перестал улыбаться, с недоумением посмотрел на Данича.

— Скажи ему, Боримир, что мы принимаем их за тех, кто они есть, — сказал Климов. — Пусть делают свое дело. Будет нужна наша помощь — пусть попросят вовремя.

— В таком объеме я их языка не знаю, но попробую. — Мальчик с серьезным лицом обратился к Гордоншаху на смеси английского и фарси. Тот выслушал, пребывая в явной растерянности, и, вытерев пот со лба, коротко сказал:

— Хайр!

Его товарищ с унылой физиономией вдруг засмеялся, уловив неведомый космолетчикам юмор ситуации. Но тут один из водителей вездехода поманил Гордоншаха, тот вернулся на свое сиденье.

Ночь кончалась. Слева по ходу движения над горизонтом проступила серая полоса, расширявшаяся с каждой минутой. Небо над головой утратило антрацитовую черноту и распалось на клочковатую пятнистую пелену.

Вдруг вездеход резко клюнул носом. Сонин заметил мелькнувшую над ними — верхний люк был распахнут, иначе невозможно было бы дышать — крестообразную тень. Вездеход круто свернул с еле заметной дороги, сокрушил несколько сосен и остановился.

Жесткая клепаная речь водителя бронемашины показалась пулеметной очередью.

Глава 13

— Лозински, Климов, Сонин и Данич, — продолжал доклад Зубавин, — находятся в подземном бункере, стены которого собраны из стальных плит, прозрачных для наших интравизоров. Вокруг бункера лагерь: дивизион систем залпового огня, две ракетные установки класса «земля—воздух», станция связи, всего около трехсот человек обслуживающего персонала. С трех сторон стоянка окружена лесом, с четвертой — холмы и болото, последнее — как раз в направлении на крейсер. — Зубавин по-

казал минутный видеофильм, иллюстрирующий его речь. — Сам корабль окружен двумя цепями машин залпового огня и цепью ракетных установок типа «земля—воздух». А также тремя радарными, два из которых включены постоянно. Мы едва смогли пробраться к вам незамеченными.

— Каким же образом мы покинем корабль? — спросил Апхазава, буквально почерневший за последнее время. — Экипаж и работники экспедиции готовы к эвакуации давно.

— Шлюп придет ночью, — сказал Зубавин, понимающе глядя на бортинженера. — Придется сделать два-три рейса. Риск обнаружения таким образом увеличивается, но обойтись без него нельзя. Единственное, что меня беспокоит всерьез, каким образом пробраться к месту посадки шлюпа незаметно. А пробираться придется километра три, если не больше. Вот если бы вы смогли подготовить стартовую площадку своих разведкапсул...

— Подготовим, — сказал Апхазава. — Вызывайте «Витязь».

В два часа ночи шлюп без помех забрал последних людей со «Славутича», и крейсер наконец опустел, обреченный на «тихий» атомный распад. На нем, заполненном тишиной, остались Лидия Данич, Апхазава, который должен был привести в действие аппаратуру распада, и оперативная группа спасателей во главе с Зубавиным.

Военные власти страны, очевидно, не подозревали еще о подоспевшем на помощь первому земному кораблю. Координатор ловил их перекрестные передачи, в которых преобладали служебные разговоры, приказы охране и упорно повторявшиеся призывы какой-то анонимной организации не верить лживым

посулам военных «оказать помощь в ремонте крейсера».

— Завтра истекает срок нашего ответа, — сказала Лидия, прислушиваясь к переводу. — Вернее, уже сегодня, в шесть утра.

— В шесть? — повторил Зубавин. — А ночь кончится через четыре, и за это время надо успеть сделать все. На корабль мы уже не вернемся. Ждите нашего сигнала и уходите на «Витязь».

Спасатели принялись за экипировку: надевали пленочные, непроницаемые для пуль комбинезоны, генераторы защитного поля, делавшие их горбунами, кресты антигравов. Апхазова понаблюдал за ними, потом нерешительно подошел к Зубавину.

— Разрешите, я пойду с вами? Лидия справится и без меня.

Зубавин решил было отказать, но посмотрел на бортинженера и согласился.

В абсолютной темноте под невидимой, но ощущаемой тушей корабля, Зубавин задержал группу и сказал специально для новичка:

— Повторяю задание. Игорь и Саша со спецаппаратурой устраиваются возле лагеря, там же, где и в прошлый раз. Остальные к бункеру, связь постоянная. Будем действовать согласно обстановке. Высота полета не выше метра над лесом. Вперед!

Через двадцать минут они приблизились к лагерю с тюрьмой и увидели всю историю похищения из бункера заложников со «Славутича».

Первой мыслью Зубавина было вмешаться в события и в общем шуме выкрасть своих у одной из групп, между которыми возникли явные разногласия. Но потом он подумал, что вооруженное столкновение, будь оно даже кратковременным, может привести к гибели любого из участников, а это было недопустимо. Надо было действовать наверняка.

Выждав момент, Зубавин повел группу вслед за грохочущей боевой машиной похитителей, в которую посадили всех четверых космолетчиков. Сзади остался растревоженный лагерь, охрана которого вела бесполезную теперь стрельбу из всех видов оружия. Зубавин не мог знать, с какой целью произошло похищение, но оно пока было на руку спасателям, так как отряд похитителей был мал, и договориться с ним, тем более что эффект внезапности был на стороне землян, не казалось делом безнадежным.

Чужая машина мчалась без остановки, направляясь к болоту, вторая машина отстала, может быть, специально, для обеспечения отхода.

— Следите за небом, — приказал Зубавин, опуская группу к дороге. — Наверняка будет погоня. Пока они идут прямо к кораблю, ничего предпринимать не будем. Вот если свернут...

И в это время сквозь приглушенный расстоянием грохот мчащейся бронемшины послышался нарастающий рокот и над летящими клином людьми промелькнула зловещая тень военного вертолета.

Глава 14

— Влево! — скомандовал Гордоншах. Водитель послушно развернул бронеход в просвет между деревьями, но Абдулхарун вдруг крикнул:

— Стойте!

Вездеход замедлил движение и остановился на дороге, заброшенной лет двадцать назад. Догнавший их вертолет завис над бронетранспортером и начал снижаться.

— В чем дело? — изумленно воскликнул Гордоншх. — Ты что, решил сдаться?!

— Это свои. — Абдулхарун спокойно выплюнул жвачку. — Все в порядке, командир, мы свое дело сделали. Через болото к звездолету на машине не пройти, оно еще не замерзло, вот мы и предусмотрели вертолеты. Высаживай пленников, дальше они будут транспортироваться по воздуху.

Гордоншах помедлил, внимательно всматриваясь в заместителя. Ему вдруг не понравилась усмешка Абдулхаруна, торжествующая и презрительная. В данной ситуации она была чужой, неуместной. И вертолеты, появляющиеся в нужный момент, тоже не пустяк... Откуда у организации сторонников мира такие связи? Вертолет явно военный, по силуэту новейший «Си Саббах»...

Гордоншах представил, как молодчики в черном, под видом «спасителей» доставившие пленников на звездолет, врываются в коридоры, каюты, технические помещения и залы управления и стреляют, стреляют — в упор, от живота, не жалея патронов, не заботясь ни о чем, кроме одного — уничтожения сопротивляющихся и захвата «звездной крепости»...

— Разворачивай! — бросил он водителю.

— Стоять! — отозвался Абдулхарун, вытаскивая пистолет. — Ты не понял? Высаживай звездолетчиков, у нас мало времени.

С пульта вдруг заговорил динамик кодовой связи:

— «Пятый», в чем дело? Где пленники? Через несколько минут здесь будут перехватчики с базы «Абульфазбей»!

— Все в порядке, — ответил Абдулхарун, выдернув микрофон из гнезда. — Выходим. — Он направил пистолет на Гордоншаха, лицо его окаменело. — Поживей, Фарид, не усложняй себе жизнь.

Вертолет с опознавательными знаками полевой зультфакарии уже сел в ста шагах от бронетранспортера, из его чрева выбрасывались десантники в чер-

ных комбинезонах с автоматами в руках и, пригибаясь, бежали к вездеходу. По форме Гордоншах узнал в них молодчиков из полуофициальной неофундаменталистской организации «Рахмдил порядок», проявивших себя в Азрааме при подавлении расовых волнений и движений молодежи против терроризма и войн, а также разгроме мирных манифестаций некоренного населения, уничтожении помещений христианских миссий во многих городах, погромах в черных кварталах. А теперь, похоже, они пытаются захватить звездолет раньше, чем это наметили государственные власти, смотревшие сквозь пальцы на «шалости» садистов.

— Я догадывался, — сказал Гордоншах безглаголю, — но не хотел верить. С какой же мразью ты связался! Отдай пистолет или помоги лучше утереть нос этой компании.

Абдулхарун повел стволом пистолета, у него дергалось веко.

— Выходи, Фарид. Я думал, ты умней. Ну, быстро!

В следующее мгновение водитель тронул бронетранспортер с места. Абдулхарун выстрелил от неожиданности, не попал, взмахнул руками и рухнул в проходе. Встать он не успел. Сонин неуловимым движением вырвал у него пистолет и бросил Гордоншаху. Тот поймал оружие, махнул водителю:

— Поворачивай к болоту, быстрее!

Вездеход свернул с дороги, распугав фигуры в черном, углубился в заросли тсуги.

Абдулхарун, ворочаясь на полу, грязно ругаясь, клялся расправиться с «предателем», грозил страшными карами и пытался ударить Гордоншаха металлическим ящиком, потеряв свой презрительный вид и лоск офицера. Сонин успокоил его, тронув на шее нервный узел. Он понял, в чем дело, и без перевода.

Бронеход отмахал ползхоба и уперся в кочковатое мшистое болото, усеянное струйками испарений, с редкими осинами и кучами кустарника. За болотом вырастал на полнеба угрюмый эллипсоид звездолета.

— Стоп! — приказал Гордоншах. Знаками показал людям на выход, и четверо космолетчиков заторопились из кабины.

— Спасибо, господин Фарид, — сказал ему мальчик на ломаном англо-персидском, глядя снизу вверх. — Мы все поняли, спасибо.

Гордоншах онемел, откашлялся, хрипло бросил:

— Чего уж там! Бегите к себе и больше не попадитесь в руки этих горилл. Помогите вам Аллах! До звездолета около зхоба.

— Спасибо, — сказал самый рослый из звездолетчиков, который помог обезоружить капитана. — Мы справимся. — Он подал твердую руку Гордоншаху. — Ваш должник.

Из люка выпрыгнул по другую сторону машины Абдулхарун, отбежал и крикнул из-за кустов:

— Вы пожалеете, что родились! Далеко не уйдете!

Гордоншах выстрелил вверх, Абдулхарун исчез.

Климов тоже пожал руку Гордоншаху и увлек за собой соотечественников. И тут с неба на поляну буквально свалились пятеро людей в серо-синих блестящих комбинезонах, с горбами непонятных аппаратов на спинах.

Это было настолько неожиданно, что в первое мгновение Гордоншах решил, что с вертолета высажен десант, и едва не открыл стрельбу. Но возглас удивления, вырвавшийся у беглецов, сменился оживленной скороговоркой речи, на лицах появились улыбки, и майор, прислушиваясь одним ухом

к приближающемуся вертолетному гулу, а другим к мягкой и плавной речи пришельцев, показал сам себе большой палец.

Люди совещались не долго. Двое из них сняли с поясов черные предметы, напоминавшие пистолеты, подхватили раненого на руки и унеслись в небо. Руководитель группы достал из ранца на спине нечто похожее на скрещенные ремни, передал их беглецам, и те ловко надели их на себя. Высокий подошел к вездеходу и протянул такие же ремни Гордоншаху, знаками показывая, как их надо застегивать. Фарид понял: ему предлагали лететь с ними, предлагали спасение. Он покачал головой, развел руками.

— Я не один. А вы побыстрее улетайте, сейчас здесь будет жарко. И не судите нас строго, мы дети своего времени, не все из нас законченные мерзавцы и убийцы.

К бронетранспортеру подошел малыш, державшийся как взрослый, включил лингвер:

— Вы не представляете, какой вы молодец!

— Благодарю, — пробормотал Гордоншах, не зная, что говорить еще. — Идите же, иначе будет поздно.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся руководитель спасательной группы. — Вертолеты нам не страшны. Уходите отсюда сами. Спасибо за помощь.

Люди растаяли в утренней позолоте неба.

Некоторое время Гордоншах глядел им вслед, удивляясь, что до сих пор не появились вертолеты погони, потом звонко шлепнул ладонью по броне и заорал:

— Вперед, кляча!

Вертолеты появились через три минуты после того, как бронеход Гордоншаха углубился в полосу леса возле болота, пробираясь на восток, к побе-режью.

Первый из них они сбили с третьего его захода, а второй открыл ракетный огонь, так что Гордоншаху пришлось бросить пулемет и спрятаться за броню. Появился и третий вертолет, затеявший со вторым стремительную карусель атаки. Это были уже не «черные мальчики» из организации Абдулхарума, не убийцы безоружных — асы! Гордоншах понял, что долго им не продержаться. Он выругался сквозь зубы; демонстративно медленно вылез на крышу бронехода и стал за пулемет. Один из вертолетов он успел поймать в прицельный квадрат. Бледные трассы сошлись в темной точке, вертолет пропал за деревьями. И наступила тишина.

Не веря ушам, Гордоншах лихорадочно обшаривал глазами горизонт, но все было тихо, если не считать грохота двигателей бронехода.

— Останови! — крикнул он водителю.

Вездеход встал. Потрясающая тишина ударила по барабанным перепонкам, заставила напрячься в ожидании каких-то ужасных событий. И они не заставили себя ждать.

Казалось, застонал со всех сторон горизонт, и серия взрывов подняла в воздух вокруг них цветную тучу: разбитые в щепу деревья, черные вихри размолотой почвы и перья огня.

— Проклятье! — с ненавистью процедил сквозь зубы Гордоншах. — Я совсем забыл... — Он нырнул в кабину, встретил взгляд водителя и прочел в нем приговор. Они остались один на один с военной машиной Сарвар-центра, стали чужими у себя на родине, изгоями. От враждебного мира родной планеты их отделяла теперь лишь тонкая оболочка брони. Помощи ждать было неоткуда.

— Что же теперь? — растерянно спросил водитель, которому исполнилось всего девятнадцать лет. Поход с командиром он принял за необычную военную игру, за учения в условиях, приближен-

ных к боевым, и к тому, что произошло, он готов не был.

— Мы еще живы, дэв побери! — медленно ответил Гордоншах. — И дело свое сделали хорошо. Потомки нас не забудут. Понял, юноша? Рация работает? Попробуем-ка рассказать миру всю правду о том, что здесь случилось... Гони к озеру, попробуем уйти.

Глава 15

— Они остались на верную гибель! — с холодной яростью сказал Сонин, глядя в узкие черные глаза Джаваира.

С высоты пятисот километров на выпуклом щите Земли-2 можно было разглядеть только крупные города, да и то ночью, по россыпи огней. Оранжевый кружок в левом углу одного из материков, очерчивающий район происшедших событий, был до смешного мал, и ни крейсера «Славутич», ни бронемашины офицеров, помогавших космолетчикам, в этом кружке не было видно.

— Что вы предлагаете? — спросил Джаваир, оглядываясь на молчащего Шелгунов.

— Их надо забрать с собой. Или хотя бы перебросить в другой район материка.

Сонин выдержал взгляды руководителей десанта и экспедиции, добавил твердо:

— Другое решение будет, мне кажется, предательством!

Крейсер неторопливо уходил прочь от псевдо-Земли, и она медленно округлялась в гладкий голубой шар, в глобус...

— Вы понимаете, что бросок вниз в таких обстоятельствах равнозначен самоубийству? — произнес наконец Шелгунов. — Квадрат сейчас обстреливает-

ся ракетами! Кроме того, мы не имеем права ждать, петля времени вот-вот истает, а вместе с ней исчезнем и все мы!

— Самоубийство! — с горечью сказал Зубавин. — А они, когда шли на это, спасая нас, думали о себе? И мы не имеем права думать только о себе. Они наши предки, пусть и из другой реальности, и преподали хороший нравственный урок...

Шелгунов словно не замечал взглядов, обращенных к нему с надеждой и ожиданием. Он был начальником экспедиции, и его слово было решающим.

Таяли секунды. Внизу, на земле далекого прошлого, ставшего вдруг жестоким настоящим, двое людей, поверивших в то, что возможны другие миры, с более справедливым строем, увидевших чужую боль и муку, вели отчаянную борьбу за жизнь...

— Хорошо, — раздался наконец в тихом зале голос Шелгунова. — Подождем еще час. Добровольцы — шаг вперед!

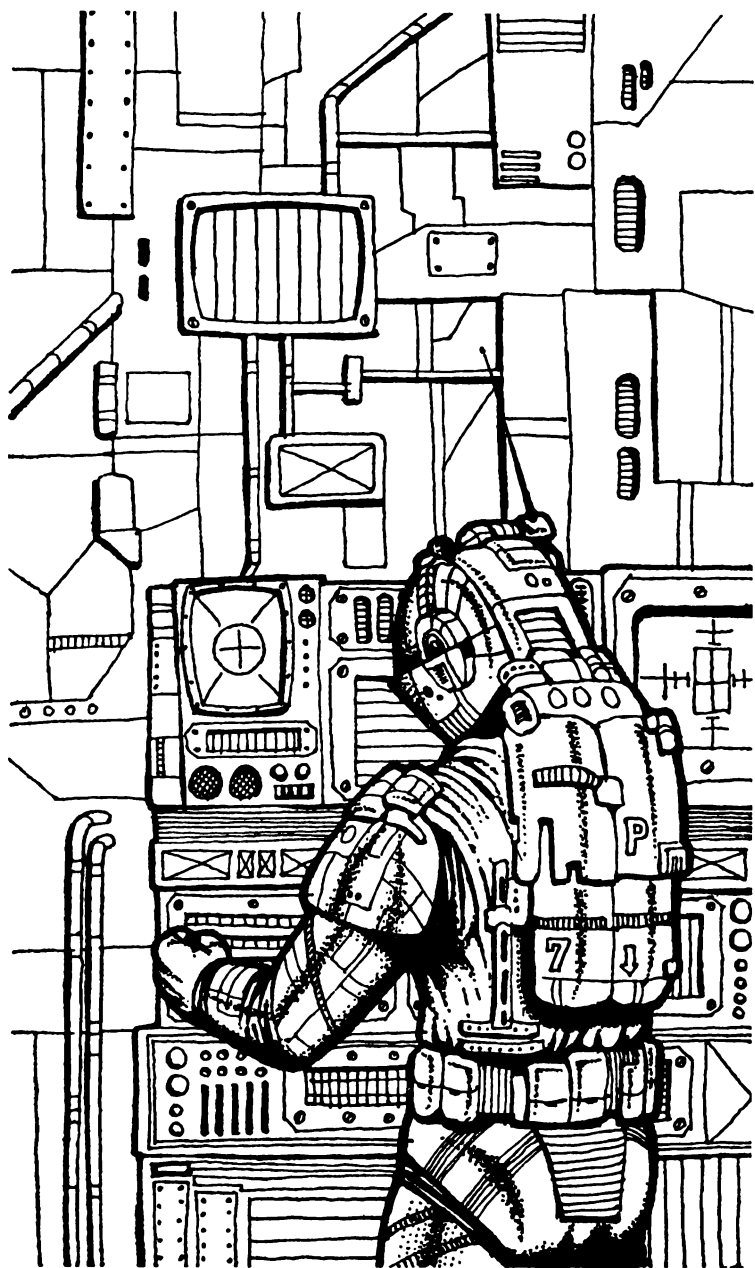

ОТКЛОНЕНИЕ К СОВЕРШЕНСТВУ

ПОВЕСТЬ

Часть первая

МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЙ СТРАЖ

Глава 1

Что-то заставило его насторожиться, сон исчез.

Неверов открыл глаза, полежал, глядя в голубое струение потолка, и покосился на постоянно включенную видеопепь. В одном из окон дальновидения ближайший к Зоне страж топтался на своем странном насесте, озираясь по сторонам блюдцеобразными белыми глазами. Ветер донес далекий полуклекот-полувоу, и страж заволновался, захлопал крыльями, тяжелыми и уродливыми на вид, заорал. Судя по крику, горло он имел по крайней мере железное.

Дежуривший у пульта связи Диего Вирт оглянулся и уменьшил громкость внешнего звукоприема.

— Опять передача? — вздохнул Неверов, вставая. — Поспать не дадут...

В спокойный светлых глазах Диего мелькнула улыбка.

— Пора бы привыкнуть, ворчун. Мне они тоже покоя не дают в твое дежурство, однако я не ворчу.

— Тебе хорошо, ты вон какой здоровый!.. А я слабый и хилый... И вообще человек без чувства юмора выносливей.

— Спасибо.

— На здоровье.

По пулту беззвучно метнулись желтые огни, складываясь в знакомую комбинацию, и тотчас же отозвался динамик дешифратора:

«Внимание, вызов! Сто один дробь три, пятое февраля, семнадцать часов сорок минут относительного, аппаратура готова».

Диего ответил стандартным «Вызов принят» и приготовился к приему информации.

Прошлепав босыми ногами до бокового крыла пульта, Неверов включил блок дубль-связи с Базой и поприветствовал проявившуюся в виоме сонную физиономию дежурного с базы. Это был Гунн.

— Привет, Эдвин. Спишь? Не проспи смену.

— Что у вас там? — не принял шутливого тона Гунн, который обладал редким даром не реагировать на шутки в свой адрес. — Опять запрос на энергоснабжение вне графика?

— Мы же не виноваты, что автоматы защиты Зоны срабатывают так часто. Включай запись. Поступил словосигнал, очередная передача.

Особый плоский экран над пультом связи, окруженный тройным кольцом датчиков выбора программ, загорелся серым дрожащим светом, то убыстряя ход, то замирая, и стало ясно, что на этот раз ничего путного он не покажет. До сих пор специалисты земных институтов не могли разобраться в логике видеопередач коренных обитателей планеты — энифиан. Передачи не поддавались расшифровке, и ведущие математики Базы считали, что в данном случае необходим принципиально иной подход к проблеме видеосвязи с энифианами. Парадокс состоял в том, что энифиане и люди уже понемногу общались через обычную радиосвязь, то есть расшифровывали язык друг друга, но видеопередачи — наиболее наглядный и простой способ коммуникации — принимать не могли. А может быть, этого не хотели сами хозяева планеты, неведомые энифиане, до сих пор остававшиеся анонимами...

— Да-а, парадокс, — сказал вслух Неверов, глядя на экран, подумал и добавил: — Парадокс — это когда у человека голова пустая, но тяжелая.

— Ты мне? — осведомился Гунн, помаргивая пушистыми ресницами, предметом зависти красивейшей половины Базы.

— Они сегодня не в духе, — заметил вскользь Диего Вирт. — Они не выспавшись.

— Заметно, — сказал Гунн, которого никогда не покидало ровное флегматическое настроение.

Экран все еще показывал серебристую пустоту с плывущими нечеткими силуэтами, волны мутной желтизны пошли по нему, как круги по воде, — ничего осмысленного, а дешифратор вдруг выдал длинную фразу перевода.

Энифиане интересовались сравнительными характеристиками нервных систем человека и высших животных Земли.

Массивный бритоголовый Вирт с брезгливой grimасой отщелкнул индекс запроса на Базу, встрепенувшийся Гунн покачал головой и показал пятерню — ответа надо было ждать пять минут.

— Вот так, — сказал Диего, оттопырив губу, взглянул на стоящего босиком Неверова.

Диего Вирт представлял собой натуру сдержанную, решительную, наделенную недюжинной силой воли и выдержкой. Вместе с тем был он склонен к иронии, что не раз помогало ему в трудных ситуациях.

Лен Неверов был, наоборот, разговорчив, общителен, любил пошутить, но болезненно воспринимал шутки в свой адрес, хотя обиды при этом старался не выказывать и смеялся над собой вместе со всеми.

Они и внешне отличались друг от друга. Диего был широк, мускулист, казался медлительным из-за точно выверенных и скупых движений, но обладал

при этом отлично развитой реакцией на опасность. На круглом его лице выделялись светлые внимательные глаза, в которых ничего нельзя было прочесть, кроме безмятежного спокойствия.

У Неверова было скуластое лицо с карими глазами и крупными, нечеткого рисунка губами. Был он худощав, с нормально развитой мускулатурой, но узок в талии. Движения его всегда были стремительными и резкими. Впрочем, это касалось и речи.

Диего Вирт был старше Неверова примерно вдвое.

— Похудел ты, — участливо произнес Диего. — Девушки любить перестанут. Ложись-ка спать, сон улучшает цвет лица. Я и один справлюсь.

— В такой обстановке улучшить цвет лица — проблема. И что я в тебе нашел, соглашаясь на дружество?

— Наверное, то, что я красивый.

Неверов не выдержал и засмеялся.

Гунн молча взирал на него из виома, ни один мускул не дрогнул на его философски спокойном лице, напоминающем циферблат прибора.

В это время пришел ответ из информария Базы. Гунн передал информацию по запросу и с разрешения руководства Базы предложил контрвопрос разумным обитателям планеты о состоянии и потенциалах космической техники.

Диего, почти не глядя на клавиатуру пульта, с молниеносной быстротой закодировал ответ и свой вопрос, передал в эфир и сгорбился над пультом. В последнее время с ним явно что-то происходило.

— Все же непонятно мне, — сказал Неверов с легкой завистью (так работать с пультом контакта он еще не умел). — Энифиане еще ни разу не поинтересовались нашей техникой, достижениями науки... Почему-то их интересует лишь биология, обществоведение, культура и искусство. Ни одного техничес-

кого вопроса! Даже обидно, ей-богу! Неужели мы настолько отстаем от них технически? К тому же сами они не отвечают на наши вопросы. Я, например, до сих пор не знаю, кто они: люди, гуманоиды или какие-нибудь разумные муравьи. Может быть, ты знаешь? Нет. А почему? Ни разу не слышал, чтобы контакт устанавливался с анонимом! Может, страж на скале и есть энифианин, наш неизвестный собеседник? — Неверов встал и подошел к окну дальновидения. — В романах хорошо описывается встреча землян с инопланетянами: прекрасный юноша даже влюбляется в не менее прекрасную девушку с альфы Сириуса... А кто способен влюбиться в эту образину?

Диего поднял голову и оценивающе посмотрел на уродливую фигуру стража.

— Может быть, Эдвин Гунн?

— Я серьезно, а ты смеешься. Об энифианах мы знаем так мало, что начинают зарождаться сомнения в целесообразности контакта. Почему они не говорят, как выглядит рядовой абориген? С какой целью от нас скрывают устройство общества на планете? Это же по крайней мере странно, согласись.

— Не отрицаю. Видимо, у них свои цели контакта.

— Какие? Эх, Диего, не будь инструкций, включил бы я одностороннюю связь и спросил бы у них напрямик...

— Какие мы сегодня воинственные, — с иронией сказал Диего и грузно встал. — Тебе вредно просыпаться среди ночи два раза подряд. Ложись и досыпай, у тебя еще два с лишним часа.

— Ну вот, — грустно произнес Неверов. — Убил мою инициативу в зародыше. Скучный человек, киллджой¹, как говорит Эдвин, поговорить не-

---

¹ К и л л д ж о й (англ.) — буквально: убийца радости, то есть неинтересный человек.

возможно. И почему ты всегда поступаешь правильно?

Диего Вирт, не отвечая, как-то странно повернулся вполоборота к пульту и наклонил голову, будто прислушиваясь. И почти сразу же вслед за этим закричал страж, резко, переливчато, словно предупреждая о чем-то...

Когда Неверов улегся в постель и уснул, Диего вызвал Базу по ОЭЛ — особо экранированной линии, делавшей невозможным для энифиан любой перехват передач, и соединился с кабинетом директора. В виоме появилось лицо Доброгнева.

— Ждан, я, кажется, начинаю понимать причину происходящих в организме изменений: энифиане используют излучение, которое не только перестраивает геномы клеток, но и воздействуют на кору головного мозга, высвобождая скрытые его резервы. Передо мной открываются грандиозные перспективы! Я, например, начинаю слышать крики стражей задолго до того, как их начинает регистрировать аппаратура Зоны, и, по-видимому, это еще не все. Я чувствую в себе изменения, которые сбивают меня с толку.

Властное, с тяжелым подбородком лицо Доброгнева помрачнело.

— О том, что это направленный мутагенез, было известно и раньше. Непонятно другое — цель этого «эксперимента». До каких пределов могут дойти энифиане в западе своих «изысканий»? Меня это тревожит в первую очередь, потому что по некоторым соображениям мы не можем спросить у энифиан об этом прямо.

— Только что оной нашей нерешительности удивлялся мой напарник.

— Он воспринимает все чересчур непосредственно, но он прав. А ты... ты становишься мутантом, Диего. И хотя в твоих «открытиях» пока нет ничего плохого, но и хорошего мало. Во всяком случае,

ты — находка для пандологов¹ и генных инженеров, пусть хоть это тебя утешает. Я поговорю с Нагориным. Кстати, ты подготовил результаты штатного анализа?

— Отправлю по обычному каналу после смены.

— Добро. А может быть, прервать твое дежурство, пока не поздно? Очень уж неуютно ждать сюрпризов.

— Прервать можно в любой момент, но кто тогда ответит на все ваши вопросы? Нельзя же, как этот юноша, произнести риторические «зачем» и «почему» и не ждать ответа.

— Тогда держись, разведчик.

Виом опустел, и Диего выключил канал связи. Синий полумрак сгустился в зале центра связи Зоны, уплотнил тени в углах. Тихий отчетливый шелест доносился из динамиков над пультом: сквозь стены стучалась к людям электрическая жизнь планеты Эниф.

В постели у дальней стены зала посапывал, уткнувшись носом в подушку, Лен Неверов.

Дым не струился пеленой или клубами, а рассыпался крупными хлопьями, неслышно появляясь из широких трещин, разорвавших полотно дороги на отдельные рваные плиты. Ветер гнал быстро тающие светящиеся хлопья призрачной метелью к низкому, запятнанному облаками небу; небо фосфоресцировало тусклой зеленью.

— О-оррр! О-о-у-уррр! — заорал вдруг совсем близко невидимый страж, так что Неверов шаркнулся в сторону и едва не свалился с дороги в темную яму, напоминавшую колодец.

---

¹ П а н д о л о г и я — наука, изучающая резервы человеческого организма и возможности их использования (фант.).

— Чтоб тебя!..

— Отличное горло! — заметил Диего, облитый поблескивающим стеклом скафандра.

Страж снова заорал, и ему отозвались другие стражи; вскрик удалился в темноту.

— Сидят и наблюдают, — буркнул Неверов. — Вот уж действительно стражи! Нас сторожат или за себя боятся?

— Поменьше эмоций, — отозвался философски настроенный Диего. — Странно, двенадцатый час ночи, а стражи еще не спят. По моим наблюдениям, сон у них начинается сразу после наступления ночи. Кстати, как ты думаешь, кто построил дорогу? Не сами же энифиане? Все орбитальные наблюдения доказывают, что дорог на Энифе нет, только вот этот аппендикс возле Зоны. Напрашивается вывод, что дорогу строили какие-то гости, вроде нас. Соображаешь?

— Ты хочешь сказать, что не мы первые устанавливаем контакт с энифианами?

— Именно.

Неверов пожал плечами и отошел от здания Зоны на несколько шагов. Скафандр его засветился ровным оранжевым светом — заработал светомаяк. Словно в ответ на движение человека ближайший страж загредел камнями, сорвался со скалы-наседа и тенью метнулся к дороге, мерцая огненными блюдцами глаз.

Диего инстинктивно положил руку на рукоять «универсала», но страж, не долетев до них десятка метров, сделал немислимый пируэт и темным пятном вознесся к небесам — только ветром повеяло.

— Урод глазастый! — громко сказал Неверов, продолжая идти в сторону дороги. — Чудовище, и мерзкое притом! Чего он на нас кидается? Не узнал? Знаешь, тревожит меня скверное пред-

чувствие — не все у них благополучно на планете. Не потому ли и не отвечают на наши вопросы? Особенно касающиеся их общественного строя.

— Ах, Лен, — в тон ему проговорил Диего. — Мы могли бы получать информацию о деятельности энифиан не только посредством официальных запросов, возможностей для этого у нас хватает. Ты пойми, надо, чтобы они *добровольно* не утаивали от нас ничего, чтобы поняли — мы тоже обладаем той дисциплиной мысли и действия, которая необходима для настоящего плодотворного контакта. Что, если энифиане проверяют нас именно в этом направлении?

Неверов невольно замедлил шаг. «Неужели знает?! — подумал он с испугом. — Не может он знать. Знал бы — давно сказал бы...»

— Это их условия контакта, — продолжал Диего, словно рассуждая вслух, — а условия надо соблюдать, даже если они оговорены анонимом.

— Почему же энифиане тогда так осторожны в ответах? Будто оценивают — пойдет это им во вред или не пойдет?

— Ты сам ответил на этот вопрос. Кстати, ты куда, собственно, направился?

— Сейчас... хочу проверить одно обстоятельство. Вчера вечером я пытался дойти до «кустиков», но дальше дороги не смог...

— Не испытывай судьбу. — Диего нехотя пошел вслед за товарищем.

— Любопытное явление... сейчас то же самое... Не похоже, чтобы меня кто-нибудь задерживал... какой-то психологический феномен. Просто не могу заставить себя шагнуть дальше. И не боюсь, и не могу! Ф-фу. Даже жарко стало!

Неверов вернулся к дороге.

— Не хочешь испытать на себе?

— Не желаю, — сказал Диего, глядя на близкую скалу стража, перечеркнувшую небосвод изогнутой тенью.

Неверов тоже посмотрел на стража, который не переставал возиться и иногда яростно чесал чешуйчатую шкуру когтями — мерзкий звук, напоминавший скрежет напильника по стеклу. Дальше, за столбом, шла ворочающаяся темень, не смягчаемая даже текучим фосфором неба, и было там жутко и неприятно. Кто-то безглазый смотрел оттуда, смотрел изучающе и неодобрительно. Неверову внезапно захотелось выпалить в темноту из пистолета, поэтому он повернулся и быстро пошел к сплошному белому параллелепипеду Зоны. Трещины и колдобины в дороге приходилось угадывать почти на ощупь: стены Зоны светились так слабо, что не рассеивали мрак даже на расстоянии полуметра.

Диего уже исчез в стене, оставив ясно видимый прямоугольник проницаемости. Неверов шагнул за ним и не выдержал, оглянулся.

Где-то далеко-далеко на горизонте он увидел плывущие огоньки, цепочкой охватывающие Зону. Ветер с той стороны донес глухой рокот, мелко-мелко задрожала почва. Неверов, затаив дыхание, несколько минут с жадным интересом наблюдал за мигающими огоньками, но рядом дико закричал страж, и очарование ночной тайны исчезло, уступив место негодованию. Неверов сплюнул в гнев, тут же убедившись, что он в скафандре. «Что это со мной? — с удивлением подумал он. — С чего я так нервничаю? Вот узнал бы Диего, какие у меня слабые нервы! стыдно, коммуникатор, специалист, так сказать, по контактам... Надо держать себя в руках!»

Неверов не предполагал, что Диего Вирт знает о нем все, даже то, чего он сам о себе знать не мог.

Глава 2

Ночь на Энифе на широте Зоны длится тридцать один час с минутами, почти столько же, сколько и день. Ночь для энифиан священна: никаких вопросов в это время суток они не задавали и вообще прекращали деловую связь. Поэтому через каждые тридцать часов энифианского дня для двух коммуникаторов — специалистов по контактам в коробке Зоны контакта наступало время решения личных вопросов. Было известно, что все дежурившие в Зоне занимались в это время делом полезным и перспективным. Степанюк и Генри Лаирн, например, создавали оптимальную программу расшифровки видеопередач энифиан, оба имели дипломы математиков. Юревич за смену до них пытался нарисовать меняющийся пейзаж вокруг Зоны. Его работы экспонировались потом в залах Института внеземных культур в Ленинграде. А его напарник Виктор Зубавин проанализировал крики стражей, без особого успеха доказывая связь криков с передаваемой энифианами информацией.

Что делал Диего, Неверов в точности не знал. Во-первых, потому что сам в это время бывал до предела занят, во-вторых, застав однажды товарища на ложе кибердиагноста, он увидел совсем другого Диего — сурового и далекого от всего происходящего вокруг, и это обстоятельство удержало его от распросов.

Сам Неверов занимался тем, что монтировал мини-роботов из богатого набора универсальных узлов дубль-систем Зоны. Внутренности роботов он начинал видеозаписывающими устройствами и посылал за пределы здания, нарушая тем самым не только инструкцию поведения в Зоне, но и приказ директора Базы Доброгнева, категорически запретившего любые эксперименты с познавательной це-

лю на территории Зоны и вне ее. Была, конечно, у Неверова тень опасения, что его «деятельность» не так уж и безобидна, как ему кажется с первого взгляда, но ни один мини-робот из вылазок не вернулся, энифиане протеста не заявляли, к инструкциям Неверов относился скептически, и заинтересованность его не убывала.

Рассветало, когда напрасно ожидавший очередного робота Неверов, злой и не выспавшийся, пнул ногой самодельное программное устройство, с помощью которого надеялся управлять роботами дистанционно, и неожиданно для себя заметил скромно пристроившегося в углу зала Диего.

— Ничего? — спокойно спросил тот, отпивая глоток сока из дымчатого бокала.

— Ага... — заикаясь, ответил Неверов. — Молчит, кретин кибернетический! А ты, собственно... о чем ты?

— Пойдем, — коротко и грустно сказал Диего и аккуратно поставил пустой бокал на футляр передатчика.

Они вышли из отсека силовых агрегатов Зоны, приспособленного Неверовым под мастерскую, спустились на последний этаж, прошли коридором в конец здания и остановились перед белым прямоугольником запертой двери, назначение которой Неверов, как ни силился, вспомнить не мог.

Диего, насвистывая популярное попури из репертуара ансамбля «Василек», открыл контур проницаемости двери и вошел. Неверов, недоумевая, шагнул следом, и взору его открылось кубическое помещение, заставленное аппаратами и антеннами экранирующих устройств. Диего отступил в сторону, и Неверов увидел роботов, которых он творил и ждал с неиссякаемым долготерпением. Тихие и нелепые маленькие уродцы с торчащими соплами реактивных двигателей выглядели до слез одиноки-

ми и неживыми, словно приговоренные к казни, и Неверов даже протянул руку, собираясь погладить синеватый глянцевый бок последнего робота, но передумал и спрятал руку за спину.

— Шесть? — спросил Диего совсем грустно.

— Шесть. Как ты это делаешь?

— Не я — защита от... скажем, от случайностей. К сожалению, не ты один сторонник активных методов изучения энифианской цивилизации. Но если ты пока под защитой своего никакого опыта, то остальные... Помнишь Быстрова, бортинженера Базы? Он использовал геологические автоматы серии «Л» с обратной связью, вон от него логический блок, остальное я демонтировал и отправил на Базу еще в прошлую смену. Туд пытался запустить на дороге робота-планеторазведчика с гамма-излучателем. А Резванов решил поймать стража силовой ловушкой с целью его дальнейшего анатомирования. Хорошо, что строители еще до монтажа Зоны предусмотрели подобные ситуации.

Неверов изменился в лице, постоял немного, глядя на роботов, и быстрыми шагами поднялся наверх. Диего проводил его задумчивым взглядом, покачал головой и, осторожно ворочаясь в тесном помещении, вынул из последнего неверовского робота неиспользованную видеокассету. Потом открыл большой металлический ящик в углу комнаты, положил туда кассету, с минуту разглядывал содержимое ящика и со вздохом закрыл крышку.

«Любопытство — не порок, — подумал он, выходя из комнаты. — Чего добиваются мои нетерпеливые друзья, я знаю, но вот чего хотят от нас энифиане, хотел бы я знать? Не забыть бы очистить сейф от хлама, и можно выключить защиту: теперь никто не станет пытаться тайком проникнуть за пределы Зоны...»

Новый день ничего особенного не принес. Диего вел себя как и прежде, так что в конце концов Неверов перестал дуться неизвестно на кого. Поразмыслив, он понял, что еще легко отделался. Диего никому не расскажет об инциденте, а вот как отреагировали сами энифиане, узрев нарушение «подписанного контракта», поди отгадай! Все могло кончиться весьма плачевно, и прости-прощай тогда Комиссия по контактам, и Институт внеземных культур, и аспирантура, и, может быть, слава... Что ж, учись размышлять вовремя, коммуникатор...

В первой утренней смене дежурил всегда Диего, более опытный. Неверов сначала наблюдал за его работой с пульта, прислушиваясь к переводу со стороны энифиан, но интересного для него было мало: энифиан интересовали стереотипы поведения человека в экстремальных условиях, — и он решил выйти наружу.

— Только, пожалуйста, без экспериментов, — попросил Диего, не оглядываясь. Неверов мог поклясться, что тот подслушал его мысли.

— Постараюсь, — кротко ответил он.

То ли потому, что выход человека из Зоны в дневное время был явлением чрезвычайным, то ли этот страж питал к Неверову расположение, но при его появлении он молча снялся с насеста, спикировал чуть ли не на макушку коммуникатора, сделал круг над головой и взвился на скалу. Кричать при этом он не стал, меланхолический сегодня был страж.

Неверов подождал некоторое время, глядя на жуткую апокалипсическую фигуру, подумал, что природе, наверное, немало пришлось пофантазировать, создавая подобное существо, потом отошел от здания Зоны и осмотрелся.

Его окружал чужой, знакомый только внешне, по высотной видеосъемке, и полностью загадочный

мир: высокое, какое-то очень легкое небо, часто зеленеющее от приближающихся грозových фронтов до изумрудного свечения; большое, с земную Луну, сплющенное рефракцией светило Эниф, словно жестяной поднос проглядывающее в небе; всхолмленная, поросшая пушистым и безлистным кустарником равнина Контакта, окружавшая Зону со всех сторон; далеко на западе — силуэты гор; цепочка игольчатых скал с площадками стражей, пересекающая равнину с востока на запад; небольшое озерцо тяжелой синей воды, видневшееся за близкими холмами, поросшими чем-то вроде спутанных черных канатов...

Тишину и запустение этого мира можно оценить по стражам, изредка шевелящимся на скалах, как большие угрюмые вороны, да по ветру, волнующему ворсистый ковер высокого мха...

Минут десять Неверов стоял на месте и ждал.

Интуиция его не подвела. Из-за горизонта вдруг началась странная черная метель. Ветер резко усилился, и вскоре черная волна закрыла видимость; стемнело. Неверов подставил под черный «снегопад» руку, и на ладонь упала ажурная «конструкция» — не снежинка, конечно, — сrostок сажи.

Сажепад прошел, ветер развеял по земле черную пыль, и краски энифианской природы засияли вновь.

Но зато начала вздыхать земля, вдох — заметный сдвиг почвы вверх, выдох — вниз, и так в течение получаса. В Зоне этого не замечаешь, автоматика гасит «дыхание» полностью. И как всегда после почвенных «вздохов», в зарослях кустарника принялись вдруг бродить странные шипастые тени, послышались оттуда необычные звуки, отдаленно напоминающие человеческие голоса, смех, долгое эхо с отголосками.

Неверов оглянулся на белое, геометрически правильное и простое, и тем самым резко выделяющее-

ся на фоне чужой природы здание Зоны, поколебался немного, но для проверки слов Диего надо было отойти от Зоны шагов на сто. Так он и сделал, спокойно перейдя невидимую границу, которую еще ночью не мог преодолеть.

В кустарнике за холмами мгновенно смолкли все звуки, движение вокруг Зоны в пределах километра замерло. Ближайший «меланхолический» страж перестал чистить на скале шкуру и уставился сверху круглыми пустыми глазами.

— Так я и думал, — пробормотал Неверов, отходя от здания еще на полсотни шагов. Диего в Зоне усмехнулся на его слова — Неверов забыл про включенный передатчик скафандра.

Сделать это раньше — то есть отойти от Зоны, — Неверов не мог, потому что ночью работала все та же «защита от случайностей», дело рук земных инженеров, а не аборигенов, как он считал. Днем, как всегда, защита была не нужна, и выключал ее, конечно, Диего Вирт.

Неверов с любопытством прислушался к наступившей настороженной тишине, потом почувствовал на себе знакомый тяжелый взгляд, передернул плечами и повернулся спиной к холмам. Было бы глупо считать, что энифиане со своей стороны не предприняли меры безопасности против любопытства человека. «Взгляд» со стороны — это уже их работа.

Цивилизация энифиан по всем прямым и косвенным признакам не была технической, «голая биология плюс психология» — по словам Гунна. «И может быть, плюс к этому всякие штучки вроде телепатии и телекинеза, — подумал Неверов. — Тысячи лет биологической цивилизации! Кто знает, каких вершин знания достигли энифиане!..»

Вернувшись к зданию, он уселся посреди дороги на твердую подушку сухого мха и стал смотреть на

удивительно скособоченный холм в полукилометре, голый и потрескавшийся. Дорога из серого бетона, материала древнего, на Земле давно не применявшегося, утыкалась прямо в холм. Кто мог построить ее здесь, столь похожую на земные дороги двадцатого века? «Странно, что мы с Диего не говорили на эту тему, — подумал Неверов. — А он должен бы знать, сколько лет дороге, хотя в инструкции и запрещены активные эксперименты. Почему бы здесь не приземлиться звездолету с Земли двадцатого века?»

Ничто не предвещало ни малейшей опасности, пейзаж вокруг Зоны был спокоен, но все же Неверов стал замечать некоторые изменения в этом пейзаже: кустарник словно бы начал уходить под землю, уменьшаться в высоте, одновременно сжимаясь и пряча ветви и шипы.

Цвет мха стал серым, как у рыхлого весеннего снега. Страж на столбе тоже претерпевал изменения, превращаясь в кожистое одеяло, обнимающее шпиль своего насеста...

Неверов не первый раз видел метаморфозы энцифианской природы, приготовления животного и растительного мира планеты перед ураганом, но каждый раз его захватывало это поразительное зрелище.

Лишь через полчаса проявились наконец физические признаки приближавшейся бури: небосвод позеленел, засветился, первый порыв ветра сдул с дороги подушки мха. Неверов с сожалением оглядел изменившийся до неузнаваемости ландшафт и поспешил ко входу в Зону.

Диего Вирт оглянулся на чмокнувшую дверь и ухмыльнулся. Неверов вошел с необычным для себя виноватым видом. После «открытия» барьера против обоснованного, но неразрешенного любопытст-

ва он должен был призадуматься, а это всегда на пользу увлекающимся натурам. Прежде чем что-нибудь сделать, он теперь кое-что вспомнит и сравнит...

— Ну? — напомнил о себе Тоидзе, вернее, голова Тоидзе, торчавшая в виоме, как голова профессора Доуэля из одноименного романа Беляева, писателя далекого двадцатого столетия.

— Мальчик не знал, что существует защита...

— ...от дурака.

Диего исподлобья посмотрел на инженера связи, и тот отвел виноватый взгляд.

— От случайностей, Ваню, от случайностей.

— Ну, от случайностей, смысл тот же.

— По-моему, ты сегодня расстроен, Ваню. Никто из нас не терпит бездеятельности, особенно в таких условиях. Когда-нибудь мы научимся управлять своим любопытством, чтобы оно не оборачивалось злом. Может, человек не стал бы человеком, не будь он любопытен? А Лен молод, выдержки не хватает, но у него неплохие качества: искренность и восприимчивость к толковым объяснениям.

— Спасибо, я понял, — криво усмехнулся Тоидзе. — Я и вправду сегодня расстроен, мою кандидатуру снова отклонили.

Он, очевидно, имел в виду то, что давно хотел попасть в число дежурных на Эниф, но по каким-то причинам научный совет Базы уже в третий раз вежливо советовал ему подождать. Впрочем, эти причины Диего знал, как никто другой. «Едва ли теперь вообще кто-нибудь попадет в Зону, — подумал он. — Наша смена скорее всего последняя». Вслух, однако, он этого не сказал.

— Ну, до смены еще полмесяца, многое может измениться, — успокоил он связиста. — Так что не унывай. Кстати, ты не в курсе, что ответили эни-

фиане на наш вопрос относительно их космотехники? Помнишь, мы задавали им вопрос два дня назад?

Тоидзе пригладил свои знаменитые усы, не менее знаменитые, чем ресницы Гунна.

— Ничего они не ответили конкретно. Космической техники, как мы это понимаем, у них нет, как нет вообще никакой техники. В космос они выходят редко и не с познавательными целями.

— И это все?

— Не ты первый удивляешься. Тебе не кажется, что энифиане мудрее нас? Ведь главная ценность цивилизации — информация, а обмен пока далеко не равноценен: мы снабжаем их информацией чуть ли не в десять раз больше, чем они нас! Где справедливость?

— А ты спроси у Доброгнева, — усмехнулся Диего. — Он любит отвечать на такие вопросы. Что еще ты имеешь мне сообщить?

— Еще наши планетологи от безделья провели радиолокационный зондаж материка и обнаружили любопытное образование — нечто вроде наших областей со стоячими туманами. Они назвали эти туманные области — гаруа. Представляешь, километров по пятьдесят в диаметре круглые шапки туманов, а в центре россыпь странных столбообразных скал... погоди-ка, тебя запрашивает шеф. Переключи связь на ОЭЛ.

Виом мигнул и воспроизвел кабинет директора Базы, больше похожий на кусок морского пляжа. Доброгнев заметил взгляд Диего и выключил видеопласт, комната приобрела нормальный вид.

Суровое лицо Доброгнева казалось необычно напряженным, словно он ожидал плохих известий, а может быть, то сказывался эффект освещения — директор любил рассеянный голубой свет.

— Доброе утро. Что нового?

— Как будто ничего особенного. С Неверовым, очевидно, происходит то же самое, что и с остальными: прирост нервной массы, выхода энергии никакого, отсюда — нервная возбудимость и жажда деятельности.

— Но у тебя же сие не наблюдалось?

— Выдержка. Тренировка. К тому же мне не двадцать пять...

Доброгнев подумал и подключил канал связи с кабинетом Нагорина, главного врача Базы. Нагорин был не один, у передней панели медицинского комбайна, занимающего всю левую сторону комнаты, сидел заместитель директора по безопасности дежурств Руденко и разговаривал с одним из ученых-биологов, которого Диего знал только в лицо. Нагорин, оценив ситуацию, на минуту отключил связь, и, когда снова включился, ученого в кабинете уже не было.

— Слушаю, — глуховатым голосом сказал он, ни к кому в особенности не обращаясь. Говорил он почти не разжимая губ, и тем, кто не знал его близко, мог показаться высокомерным или равнодушным. Но таковым в действительности он не был. Диего знал это достаточно хорошо.

— Что дало обследование дежурных? — спросил Доброгнев.

Нагорин покосился на медлительного Руденко и вздохнул.

— Увеличение общей нервной массы естественно прекращается сразу же после их возвращения на Базу, то есть вне комплекса Зоны. Нежелательных последствий, в общем-то, никаких. Конечно, за время обследования. А что случилось?

— За месяц изменения в организме почти не заметны, — сказал Диего. — Идет как бы накопление средств для...

— Скачкообразной мутации, — закончил Нагорин. — Я думал об этом. Да, риск велик. Как далеко зашло у тебя?

— Он уже может заменить компьютер, — невесело усмехнулся Доброгнев. — Что он еще будет уметь, я не знаю. Факт остается фактом — все ваши методы защиты от энифианских способов воздействия на людей в Зоне не годятся, даже пакетная силовая защита.

— Характеристики этого излучения уже известны, — произнес Руденко. — Теперь все зависит от физиков, насколько быстро они от теории перейдут к практике и изготовят нам необходимую аппаратуру.

Нагорин долго молчал, рассматривая свои руки, как чужие: такая у него была привычка. Потом тихо произнес:

— Мы все отлично понимаем, что можем найти в случае удачи и что потерять. Конечно, пандологи поставят тебе памятник, Диего, но... не пора ли заканчивать эксперимент? Ведь мы не знаем, для чего энифиане воздействуют на дежурных в Зоне излучением или целым набором излучений, влияющих на генную память. Я понимаю, соображения руководителей УАСС и виднейших специалистов ИВК, направленные на выяснения мотивов поведения энифиан, заслуживают внимания, но я уверен, что наши методы (он так и сказал *методы*, с ударением на слоге «то») выяснения этих мотивов по крайней мере некорректны.

— Это соображения безопасности для всей нашей цивилизации, — медленно сказал Руденко. — В УАСС работают опытейшие прогнозисты, способные предвидеть события на годы вперед...

— Дело не в компетентности работников аварийно-спасательной службы, — поморщился Нагорин. — И даже не в том — зачем энифианам эксперименти-

ровать над нами, какую цель они преследуют. Простите меня, но любой эксперимент над человеком бесчеловечен, даже если он направлен на выяснение опасности для остальных людей. Мы же видим: цивилизация энифиан явно нездорова, негуманна в самом прямом смысле этого слова. В связи с чем встает вопрос: не станет ли Диего когда-нибудь опасен для этих самых людей, ради которых он сегодня подвергается риску?

— Вывел! — крикнул Доброгнев, избегая смотреть на Диего прямо.

— То же самое имели в виду и эксперты Управления, — пробормотал Руденко, с сочувствием рассматривая спокойную физиономию Вирта. — Не в этом ли и состоит цель энифиан — глобальная био-разведка земной цивилизации?

— Вы правы, — сказал Диего, погладив бритую голову. — Подстраховка мне не помешала бы. Но я на планете уже четвертый месяц и... ничего. Едва ли их излучение способно резко изменить человеческое в человеке, слишком долго лепила нас природа, миллионы лет.

— Прости, Диего, — тяжело сказал Нагорин. — Я не хотел обидеть.

— Чего уж там, ты-то мог бы и не извиняться. Но заканчивать эксперимент с нашей стороны преждевременно, материала для определенных выводов мало. Ну, и потом... я же сам согласился на продолжение.

Нагорин сардонически усмехнулся.

— Если ты об ответственности, то я ее не боюсь, это пройденный этап. — Он снова усмехнулся. — Что же касается дальнейшего участия в эксперименте... меня волнуют не столько заботы цивилизации в целом, сколько судьбы отдельных личностей, вроде тебя. Потому что на острие любого устремления общества всегда стоят конкретные и чаще всего дорогие сердцу люди.

— Спасибо, — серьезно сказал Диего.

— Ладно, — пробурчал Доброгнев. — У тебя больше ничего нет?

Диего замаялся: вопрос был к нему.

— Есть одно наблюдение... Требуется проверки, но все же думаю, что не ошибся. Видите холм в конце дороги? — Диего повернулся к стационарному виому, показывающему пейзаж за стенами Зоны. — Так вот, по всему — это чужой космический корабль.

В помещениях Базы наступила тишина. Все молча смотрели на громаду холма. Наконец опомнился Руденко:

— Ничего не вижу. Не разыгрываешь?

— Оттуда ничего и не увидишь. Я сам долго сомневался, пока не проверил.

Доброгнев нахмурился.

— Каким же образом?

Диего хитро прищурился.

— Абсолютно легальным способом, не нарушая инструкции. Не забывай, я ведь мутант.

— Темнишь ты что-то, мутант. Но если твои наблюдения подтвердятся... Не пробовал определить возраст дороги?

— Каким же образом? — передразнил Доброгнева Диего. — Конечно пробовал, получается сто пятьдесят плюс-минус десять лет. Возраст холма тот же.

— Серьезное открытие, — сказал Руденко. — И достаточно тревожное. С вашего позволения, я дам депешу в Управление.

Все четверо переглянулись.

— Ладно, — еще раз сказал Доброгнев. — На Земле сумеют оценить эту информацию. До связи, разведчик. Ничего не предпринимай самостоятельно... без особых на то причин.

Виом спецсвязи угас. Диего скорректировал записи на стационарном блоке фиксации событий и за-

думался, глядя на стража, превратившегося в тонкое черное покрывало под порывами начинающейся бури.

На пульте тонко запищал сигнал метеопатруля.

— Вижу, вижу, — пробормотал Диего. — Зона к урагану готова.

Вскоре в зал ввалился Неверов, стал раздеваться, поглядывая в окно дальновидения. Диего ободряюще подмигнул ему, и молодой человек ответил неопределенной улыбкой.

Глава 3

К ночи ураган за стенами Зоны немного утих, порывы ветра утратили свою белую мощь, рев и грохот сменился гулом и воем; ураган постепенно терял силу.

В центральном зале Зоны было тихо и уютно. Тишина и уют особенно подчеркивались черной круговертью за окнами дальновидения, пронизанной зигзагами и полосами электрических разрядов.

У пульта сидел Неверов, только начавший шестичасовую вахту, последнюю перед энифианской ночью. Он был полон сил и энергии, отчего сначала пытался петь, а потом читать вслух стихи, судя по рифмам, вернее, по их отсутствию, — свои.

Диего, наоборот, был неразговорчив и угрюм, что еще более разделяло столь непохожих друг на друга людей. Определенно с ним что-то происходило. Неверов как-то даже решил спросить его об этом напрямик, но передумал.

Иногда Диего словно резко просыпался и оглядывался вокруг с растущим изумлением, потом спохватывался и продолжал заниматься делом. Или с застывшим лицом начинал вдруг к чему-то прислушиваться, напрягался так с минуту, затем поворачи-

вался к напарнику, лицо его смягчалось, и слабая улыбка трогала жесткие губы.

В такие моменты Неверов старался ничего не замечать и думать лишь о связи с Базой, но поведение товарища начинало его тревожить, Диего явно скрывал что-то от него, что-то существенное, пребывая при этом в неуверенности — сообщать об этом или нет...

Несколько минут Неверов просматривал записи прежних сообщений, нерешительно поглядывая на товарища, молча лежавшего на диване в спальном отделении, потом сказал:

— Знаешь, Диего, я все думаю над твоими словами о дороге. Тот холм, в который она упирается...

Диего повернул голову.

— Ну и?..

— Понимаешь, подозрительный он какой-то. Форма у него странная, а со стороны дороги он и вообще напоминает...

— Смелее.

— Ракету времен Королева!

— Ракету, — задумчиво повторил Диего. — Что ж, в наблюдательности тебе не откажешь. Не тебе одному кажется, что холм похож на ракету.

Неверов подозрительно посмотрел на Диего — не смеется ли?

— А вдруг это и в самом деле чей-то звездолет? — загорелся он. — Представляешь, какое открытие?! Давай сходим к нему, посмотрим вблизи... Если разрешат.

— Посмотрим, — спокойно проговорил Диего. — Только позже, лучше всего ночью. База разрешение даст, но риск слишком велик.

— Ну где тут риск? Пройти всего-то полкилометра.

— А ты не задавал себе вопроса: почему этот звездолет, если он звездолет, конечно, так занесен

почвой? Почему он мертв столько времени, мертв, несмотря на присутствие энифиан, существ разумных? Я понимаю твои стремления, но до холма мы можем не дойти.

— Энифиане нас?.. — прошептал Неверов.

Диего посмотрел на его покрасневшееся лицо и засмеялся.

— Воображение заработало? Сделать нам плохое энифиане, наверное, не смогут, но помешать — помешают. К тому же нарушать свое слово, пусть и данное неизвестно кому, неэтично.

Неверов потускнел.

— Интересно же!.. Чужой звездолет!.. Так близко...

— Интересно, спору нет. Но интересен не сам факт открытия чужого корабля, а то, в каких обстоятельствах состоялось это открытие. Вот и думай.

Диего вдруг упруго вскочил с дивана и подсел к пульту. Виом послушно «выдал» вечно сонное лицо Гунна и обесцветился защитой подключенного канала ОЭЛ.

— Привет, Эдвин. Я вчера дал запрос в информмарий об экспедициях конца двадцатого — начала двадцать первого веков, пропавших без вести.

— Есть ответ. Передать в кристалле или на машину?

— Проще на машину, секретов в этом нет.

Гунн проделал необходимые манипуляции, и в окошке координатора связи появились строки записей и фотографии космонавтов первых межзвездных экспедиций, не вернувшихся на Землю.

Диего быстро просмотрел сообщение с Базы и разочарованно откинулся в кресле.

— Не то? А что ты ожидал увидеть?

— Ни один корабль не подходит по форме. Понимаешь, о чем речь?

— Ты об этом холме-«звездолете»? А вдруг ты ошибаешься? И кажется, ошибся. Но тогда перед

нами чужой звездолет. Кто-то до нас контактировал с энифианами. А может, и не контактировал, а погиб при посадке. Не задать ли им по этому поводу вопрос?

Гунн помолчал, помаргивая своими длинными пушистыми ресницами.

— Одобрит начальство — спросишь, — сказал он наконец.

Диего хмыкнул и переключил видеоканал в мед-центр. Нагорин был там, он вопросительно посмотрел на Вирта и кивнул.

— Ты просмотрел мой последний отчет? — спросил Диего.

— Это моя обязанность.

— Заметил? Они увеличили дозу облучения. То ли форсируют события, то ли конец эксперимента близок. Боюсь, Лену придется сократить срок дежурств. Скажем, до двух недель вместо месяца, иначе у него начнется то же самое.

— Процесс продолжается?

— Ты же читал отчет. — Диего покосился на внешне невозмутимого Неверова. — Более того, он ускоряется, я начинаю теряться в этой лавине изменений.

— Плохо. — Нагорин помрачнел. — Трудно анализировать собственное состояние? В таком случае без помощи тебе не обойтись. Не пора ли все рассказать ему? — Нагорин кивнул в сторону молодого коммуникатора. — Помочь тебе сможет только он один. Пока. Кстати, я вышел в секториат УАСС с предложением прекратить разведку независимо от вашего на то согласия. Опыт перерос рамки безопасности для его участников. Впрочем, он с самого начала был небезопасен.

— Не казни себя, — тихо проговорил Диего. — В таких вопросах трудно разобраться без проверки, а прогнозисты мы еще слабые.

Нагорин несколько мгновений смотрел на Вирта оценивающе, какое-то острое сожаление мелькнуло в его мрачноватых серых глазах, он кивнул и отключился.

У Неверова, очевидно, кончился заряд терпения, потому что он вдруг повернулся к сгорбившемуся Диэго и произнес:

— Не ожидал от тебя такого свинства, уважаемый. Целых полторы недели я живу с тобой под крышей Зоны, будь она трижды благословенна, и ничего не знаю!

— Потихе, Лен, я слышу тебя хорошо. Один из древних мыслителей говорил, что долго живет тот, кто меньше знает. Шутка. Об излучении ты уже слышан, наши милые невидимые и неуловимые энифиане нашли вид излучения, вызывающий у нас изменения организма на молекулярном уровне. У всех дежурных до меня и у тебя тоже оно вызывало только увеличение объема нервной массы. Но вы дежурите всего по месяцу, а я уже четвертую смену...

— Но почему именно ты?

— Потому что я, кроме всего прочего, являюсь еще работником спецотдела УАСС. Теперь понятно?

Неверов криво усмехнулся.

— Понятно. Ну и денек сегодня, новость за новостью!

— Ты не интересовался, вот для тебя и новость. Но проблема перед нами стоит трудная. Энифиане перекрыли все источники информации, кроме официального канала; это не насторожило бы нас, если бы не их излучение, проникающее в Зону через все слои изоляции и силовую защиту. Вот что, Лен, отрегулируй-ка медкомбайн, мне необходимо в течение нескольких дней контролировать твое состояние. Не волнуйся, для сравнения. Я сейчас лягу, а ты буди, если что случится.

— Хорошо, — кивнул торопливо Неверов.

— Я в бассейн. — Диего кивнул и вышел из зала.

Неверов проводил его взглядом и погасил свет в зале. За стенами Зоны бушевала гроза, и всполохи электрических разрядов освещали зал дивными переживаниями холодного света.

Внезапно вспыхнул виом связи с Базой, показав обстановку одного из лабораторных отсеков, у виома стоял озабоченный Доброгнев. Из-за помех виден он был плохо, но Неверову показалось, что директор Базы нервничает.

— Как буря? — спросил Доброгнев, пробежав глазами по темному залу. Голос его был едва слышен. — Впервые длится так долго. Держитесь?

— Все нормально. Что нам сделается? Стены прочные плюс защита...

— Да и в метеорологическом отношении нам повезло: Зона расположена в довольно спокойной области материка, ураганы здесь гости редкие... А где Диего? Спит?

— Пошел в бассейн, сейчас придет.

— Он в последнее время ни на что не жалуется?

— В каком смысле? — растерялся Неверов.

— Ну, как тебе сказать... — Доброгнев понизил голос и прищелкнул пальцами, подбирая выражение. — Жалобы на здоровье, эмоциональные вспышки, на головную боль...

— Нет, — с облегчением сказал Неверов. — Ничего такого не было. Правда, иногда он словно прислушивается к себе, чего-то ждет...

— Ждет, значит, — пробормотал Доброгнев, уходя в свои мысли. — Ну, это в порядке вещей. Ладно, спокойного дежурства.

Виом опустел.

Вернулся Диего с яблоками и кувшином шипучего сока, налил бокал Неверову, остальное поставил рядом с диваном. Сок и яблоки были его слабостью.

Если бы Неверов пригляделся, он бы заметил, что Диего движется с закрытыми глазами, причем безошибочно. Но Лен не приглядывался. За окном цальновидения ураганные порывы ветра яростно хлестали стены здания ручьями дождя и цветного пламени. Гроза, вопреки прогнозу метеопатруля, усиливалась вновь.

...К шуршанию и скрипам затухающей вечерней жизни за стенами прибавился вдруг иной звук — долгое басовитое гудение.

Диего насторожился, прислушиваясь. Он находился в абсолютной темноте и все же ощущал явное присутствие каких-то огромных твердых предметов вокруг себя. Внезапно без всякого перехода он очутился в дневном лесу Энифа: светило замерло в зените, густой перистый кустарник был почти полностью золотистым.

Тела своего разведчик не чувствовал, ощущение было такое, будто он смотрит на мир чужими глазами, причем с внушительной высоты.

Басовитое гудение, не смолкавшее ни на миг, перешло в гул, потом в рев, и наконец под аккомпанемент адского грохота в нескольких сотнях метров от Диего с небес рухнула раскаленная добела масса. Жара, однако, он не ощутил, а масса, перестав двигаться, начала быстро гасить сияние, и вскоре Вирт понял, что видит перед собой космический корабль.

Пошевелиться он все еще не мог, оставаясь как бы бесстрастным наблюдателем, зато подмечал все детали необычного прилета космических гостей.

Долгое время (Диего показалось, что прошло много дней) чужой корабль стоял неподвижной скалой, окруженный со всех сторон «толпами» стражей. Потом в фиолетовой обшивке корабля появилась щель,

и на почву лесной поляны выползли странные существа, похожие на свежее выкорчеванные пни. Существа эти с помощью своих многочисленных корневидных рук-щупалец смонтировали какие-то механизмы и, не обращая внимания на вопящих стражей, принялись строить... дорогу!

Это продолжалось долго; Диего не чувствовал течения времени, но все же почему-то знал — долго. Стражи унялись, основная их масса улетела, осталось трое, наблюдавших за чужим звездолетом с вершин откуда-то взявшихся шестов. Ничего похожего на их теперешние насесты Диего не заметил, видимо, они появились недавно, когда на Эниф пришли люди.

И вот Диего, с интересом следивший за действиями стражей и существ-пней, увидел, что дорога длинной в полтора километра построена. Тотчас же «пни» прекратили деятельность, многорукие, похожие на хозяев механизмы выволокли из звездолета какие-то конструкции и принялись за сборку. А когда новая машина была построена, Диего понял, что «пни» строили не дорогу, они строили взлетную полосу, потому что собранный аппарат был самолетом.

Самолет загрузили, несколько «пней» залезли внутрь, и после разбега по «дороге» он исчез в пустом небе. Стражи не мешали полетам, хотя устроили подозрительную возню возле громады чужого корабля. И еще Диего отметил, что за все долгое время работы прилетевшей экспедиции в окрестностях корабля царило поразительное спокойствие: не пронесся ни один ураган, ничего похожего на сильную грозу или черную бурю.

Самолет совершил несколько полетов — Диего мог только догадываться, что «пни» изучали Эниф. А потом он вдруг заметил некоторые изменения в облике «пней»: из ярко-желтых они превратились в грязно-зеленые, тела их стали деформироваться,

раздуваться, «головы» уменьшаться. Они все реже появлялись возле корабля, пока совсем не прекратили выходы.

Самолет их с очередной группой исследователей улетел и больше не вернулся... Долго, очень долго корабль стоял неподвижный, угрюмый, словно покинутый, но в один из дней вдруг загрохотал, вспыхнул ослепительным пламенем, клубы дыма и пыли полетели из-под него во все стороны, скрывая перспективу.

Поднимался он величаво, напомним Диего старты первых космических кораблей — «Союзов» и «Аполлонов», — но как-то уж очень неуверенно и слишком медленно. Поэтому улететь не успел: налетели тучи стражей, облепили поднимавшийся корабль, и разом все изменилось — рев стих, и чужой корабль плюхнулся на прежнее место. Пыль осела, стражи улетели, наступила тишина и неподвижность...

Лишь спустя «много дней» в корпусе звездолета открылся щелевидный люк, и на серую полосу взлетной полосы выползло какое-то существо. Диего взгляделся и с ужасом понял, что это страж! В корабле не должно было быть стражей, выполз, конечно, последний повелитель звездолета, но уж очень он походил на стража!

Мир сузился для Диего до размеров собственных глаз, потемнело. Тут он почувствовал, что кто-то трясет его за плечо.

— Что? Кто это? Зачем? — забормотал он, сиюсь открыть глаза и удивляясь вернувшейся способности говорить, и увидел над собой встревоженного Неворова. — Что такое? — спросил он, поднимая голову от подушки.

— Ты спал и стонал, вот я и... Плохо себя чувствуешь?

— Да-а... собственно, нет, все нормально.

Диего откинулся на подушку и с удовольствием оглядел знакомую обстановку зала связи.

— Все нормально, малыш, просто я видел любопытный сон. Долго еще до конца смены?

— Два часа. Ты спи, энифиане молчат — ночь у них. Страж тоже молчит. Полетал немного над Зонной, пока ты спал, и снова сел, до утра теперь. Ураган уполз к Синим Горам.

— Уговорил. — Диего потер глаза и повернулся на бок. — Ну и сон!

— Расскажешь?

— Обязательно, позже. Лен, будь другом, принеси сока, лучше всего березового, а?

Неверов улыбнулся и кивнул.

Окно дальновидения казалось толстой плитой из черного непрозрачного стекла — ни огонька, ни отблеска света не мелькало в его глубине.

Темнота за стенами Зоны была такой всеобъемлющей и глубокой, что казалось — Зона погребена под километровой толщиной скал или вод океана.

Неверов, налюбовавшись энифианской ночью, принес из стандартного синтезатора гору фруктов и с удовольствием смотрел, как Диего ест.

— Итак, у нас осталось пять часов личного времени, — крихтя произнес Диего, нагибаясь за упавшим яблоком. — Кстати, поздравляю тебя с полной адаптацией в условиях Зоны. Не тянет на Базу? Восторженные взгляды операторш и все такое прочее...

— Не тянет, — смутился Неверов и с хрустом откусил сразу пол-яблока, хотя есть не собирался. — К дежурствам я действительно привык, как-никак две недели здесь, опыт, понимаешь... Сегодня прилетал какой-то незнакомый страж, орал на нашего меланхолического. Я только что вспомнил.

— Вот как? — пробормотал Диего. — Кричал? Начальник, наверное. За лень ругался.

Они улыбнулись друг другу. Неверов привык к тому, что Диего постоянно к чему-то прислушивался, поэтому ни о чем его не спрашивал, справедливо полагая, что ему все будет рассказано, когда придет время.

— Между прочим, — сказал он, доев яблоко. — Ты обещал мне рассказать свой сон, помнишь?

— Сон? — пробормотал Диего. — На сон, брат, тот «сон» не похож...

Со времени своего странного «сна» Диего не раз размышлял над поразительным совпадением увиденного во сне с тем, что он знал о холме в конце дороги, и пришел к выводу, что сон — это скорее всего наведенная гипноиндукционная передача и он стал ее реципиентом. Ибо чем мог быть навеян такой сон? Откуда такая ошеломляющая правдивость и жизненность? И главное — почему он так подробен? Сны, как правило, забываются почти сразу, а в этом помнится каждая мелочь. Но тогда возникает вопрос: кому и зачем понадобилось проводить сеанс гипноиндукции? Причем избирательной, Неверов ведь ничего не видел и не слышал. Получается, что он, Диего Вирт, землянин, приобрел информацию, прямо отвечающую на вопрос, какова цель эксперимента энифиан. Сами ли энифиане решили сообщить об этом или у людей появился неизвестный союзник, рискнувший предупредить их о замыслах хозяев планеты?

О «сне» Диего сразу же сообщил на Базу, но с тех пор по этому вопросу База молчала, очевидно, дело вращалось в институтах Земли.

И еще одним соображением поделился Диего с Доброгневом: звездолет «пней» из его «сна» был настолько неуклюжим и древним, судя по работе двигателей — ракетно-ядерным, что межзвездным ко-

раблем его трудно представить. В связи с чем стоило поискать родину «пней» как в системе Энифа, так и у ближайших звезд. Открытие цивилизации «пней» послужило бы отличным доказательством того, что «сон» Диего — утечка информации из стана энифиан, происшедшая без их участия.

Не дождавшись продолжения, Неверов переменял тему разговора.

— Не могу понять истинных функций стражей. — Он кивнул в сторону окна дальновидения. — Разумными они не выглядят, делать ничего не делают. Сидят и орут время от времени. Глядя на них, я всегда вспоминаю гарпий из древнегреческого эпоса.

Диего прищурился.

— Похоже. А насчет их разумности... Может, с их точки зрения мы тоже выгядим кретинами?

Он вспомнил, как год назад был установлен контакт с энифианами.

Линейный разведчик класса 200¹ «Искра», последний из серии ненацеленных² кораблей Даль-разведки, задачей которого был поиск разумной жизни в созвездии Пегаса, изучая систему звезды Эниф, эpsilon Пегаса, обнаружил, что вторая планета системы, с мощной, насыщенной электричеством атмосферой, населена странными существами, названными впоследствии стражами. Биологическое исследование планет не входит в обязанности линейного разведчика первого класса, поэтому «Искра» спустя сутки стартовала с поверхности планеты и... была буквально атакована стражами.

Старт пришлось отменить, разведчик попытался перейти на облетную кривую, но это ему не удалось:

---

¹ Радиус разведки до двухсот световых лет.

² То есть изучающих определенную область пространства со многими звездами, в отличие от кораблей, изучающих определенную звезду.

стражи свободно перемещались в пределах атмосферы (и даже за ее пределами, как выяснилось позднее), и лишь включение рейсового режима позволило кораблю вырваться из неожиданных объятий планетарной биомассы. Поведение стражей было столь недвусмысленным, что разведчик, покружив на десятитысячекилометровой высоте, вынужден был отказаться даже от картографирования и фотометрии планеты. Однако энифиане первыми просигнализировали о своем желании вступить в контакт, хотя сигналы были расшифрованы только на Земле. В то время никто не предвидел последствий этого контакта, Земля ликовала по поводу обретения братьев по разуму...

Неверов прав, роль стражей в этой истории не ясна, но название им выбрано удачно. Стражи, сторожа, охранители тайн энифианской цивилизации... А сами энифиане законспирировались так хорошо, что невольно начинаешь предполагать разум у этих «симпатичных» тварей. И все же: почти полное совпадение «сна» с действительностью — и там и тут вмешиваются стражи и задерживают космические корабли. Нет, это не сон, это правдивая история, рассказанная тем самым последним «пнем», который превратился в стража... Больше некому... и незачем. Что же молчит Земля?

Диего перестал есть и с сожалением посмотрел на фрукты, рассыпанные по столу.

— Знаешь, в последнее время я никак не могу насытиться, хожу голодный, как бронтозавр. К чему бы это?

За стенами Зоны вдруг странно закричал страж, сорвался с насеста и долго летал над зданием, словно высматривая в нем что-то громадными белыми глазами без зрачков. Диего при этом напрягся и замер, прислушиваясь, потом расслабился и смахнул выступивший на лбу пот.

— Я почему-то чувствую к этому уроду симпатию.

— Родство душ, — пошутил Неверов, у которого мурашки поползли по спине от слов товарища. — Кстати, что ты все время сидишь с закрытыми глазами? Спать хочешь?

Диего на мгновение открыл глаза — Неверов похолодел! У Вирта были совершенно черные, словно целиком занятые зрачками глаза!

— Понимаешь, Лен — глухо сказал Диего. — Я, понимаешь, вижу сквозь веки... и не только сквозь веки. Вот, понимаешь, какой коленкор.

Неверов сглотнул.

— Надо сообщить об этом на Базу, Нагорину.

— Он знает. Не пугайся, старик. Хотя... мне тоже, честно говоря, страшно. Не такой уж я и герой, а?

— Что же делать? — Неверов улыбнулся неуверенно, растерянный и встревоженный.

— Пока ничего. Чувствую я себя неплохо, разве что есть хочу все время, так это не беда, как ты думаешь? — Диего явно пытался поддержать коммуникатора. — Кстати, какими ты представляешь энифиан? Ради любопытства?

Это «кстати» Вирта было как нельзя кстати — слишком богатое воображение Неверова рисовало ему такие картины, от которых он, по собственному выражению, мог «прослезиться алмазами».

— Какими? — переспросил он, всплывая к яви. — Ты же прекрасно знаешь, что энифиане ничего не ответили на прямой вопрос, а по косвенным данным можно только предположить, что они не млекопитающие, не рыбы и не насекомые. Рептилии? Биологи, кажется, открыли здесь нечто подобное. В разумную плесень я не верю, в то, что энифиане — гуманоиды, тоже. Что еще? Если хочешь знать, я в последнее время вообще сомневаюсь в наличии на Энифе цивилизации. Где следы ее деятельности? Где сеть коммуникаций, опутывающая планету?

Где, наконец, радиационный фон связи? Ничего этого нет...

Диего рассеянно взял со стола апельсин, взвесил его в руке, вздохнул и положил обратно.

— А как ты думаешь, к какому классу живых существ относятся стражи?

— Я не специалист по химерам, — буркнул Неверов. — По-моему, ответ на этот вопрос ты можешь получить у биологов Базы, они давно расклассифицировали всю живность Энифа.

Диего улыбнулся. Улыбка на его лице с закрытыми глазами выглядела по меньшей мере странной.

— Ладно, давай заниматься делами. Чем собираешься заняться ты?

— Не роботами, не волнуйся... сбил ты меня своими вопросами с толку. Может, пойдём поборемся? Я намерен выстоять целых две минуты. А потом поработаем с эфиром.

Вирт легко подхватился с места и напряг мышцы.

— Идет. Переодевайся.

Неверов не знал, не мог даже представить, с каким трудом давалась Диего эта легкость движений и спокойная улыбка на лице.

Глава 4

Уже перед рассветом Диего решил погулять вокруг Зоны.

— Не заблудись, — крикнул ему вслед Неверов, занятый настройкой координатора.

Диего неторопливо обошел здание Зоны, поглядывая на уснувшего стража. Лес стоял тих и темен — ни одного движения, ни звука не доносилось из его таинственных зарослей. Мир стражей и неведомых энифиан еще спал.

Диего ощущал в себе такие изменения, столько возможностей, что боялся верить даже своей способности видеть сквозь любые предметы, даже сквозь стены Зоны. Слышал он также отчетливо и отлично и причем избирательно: мог слышать, например, как Неверов шагает по залу Зоны и напевает песенку или как «переговариваются» свистами автоматы в энергетическом сердце Зоны; стены при этом ему не мешали.

Воровато оглянувшись по сторонам и погрозив неподвижному стражу пальцем, Диего развел руки и подпрыгнул. Результат был такой, будто его выбросило вверх катапультой! Он взлетел выше здания Зоны, перекувырнулся через голову и приземлился в кустах в ста метрах от дороги...

В наушниках раздалось восклицание Неверова, заметившего последний акт разыгравшейся драмы — падение Вирта на спружинившую массу кустарника.

— Что с тобой, Диего?! Помочь?

— Не суетись, — хрипло отозвался Диего, переворачиваясь на живот и вставая на колени. — Это просто не совсем удачный эксперимент. Я сам... виноват... не беспокойся.

Неверов все же выскочил наружу, но Диего отправил его назад, не желая разъяснять причин своего неожиданного падения.

Полчаса он отдыхал. «Полет» вызвал такой расход энергии, что все тело казалось рыхлым и ватным, и сердце никак не хотело успокаиваться. Повторить опыт он не решался, сил на второй полет могло просто не хватить.

Страж на столбе не двигался, безучастный ко всему, что происходило вокруг него. Диего наблюдал за ним несколько минут и удовлетворенно кивнул. Под утро у стражей, очевидно, кончались запасы энергии, и они «засыпали». «Странно! — подумал вдруг Диего. — Странно, что я не могу разглядеть стро-

ение стража. Ведь даже стены Зоны для меня «прозрачны», почему же не прозрачна шкура стража? По-моему, мы здесь сталкиваемся с чем-то абсолютным. Абсолютным отражением, например. Надо будет посоветоваться с физиками».

Диего прошел к дороге, вернее — взлетной полосе, построенной существами-«пнями», в этом он уже не сомневался. Еще раз успокоил Неверова, мол, все нормально, и решил пойти к холму, вырисовывающемуся на фоне побледневшего небосвода четкой громадой.

Тишина не нарушалась ни одним звуком — уже ставшая привычной обстановка, но все же он старался ступать бесшумно, хотя знал, что стражи слышат звуки ничуть не хуже, чем он сам с его новым суперслухом. Одно успокаивало — он чувствовал, когда стражи начинали просыпаться. Это новое чувство было проверено неоднократно, и еще ни разу он не ошибся. К тому же ближайший к Зоне страж в самом деле отличался от остальных не только меланхолическим поведением, но и еще чем-то неуловимо тонким, чему Вирт пока не подобрал названия. Возможно, страж был очень и очень стар, а может быть, он не всегда был стражем.

Холм, в котором Диего давно распознал очертания космического корабля, предстал перед ним исполинской горой, вершиной уходящей в розовеющее небо. Бока его, разорванные у основания метровыми трещинами, обнажавшими днем желтые, сейчас почти черные слои почвы, были слишком круты для холма естественного происхождения, хотя это впечатление появилось лишь вблизи: издали холм выглядел не таким уж крутым.

Диего обошел его кругом, всматриваясь в провалы трещин, и ему показалось, что в одной из трещин сверкнул металл. Он напрягся, пытаясь разглядеть глубину трещины, не включая фонаря, и перед

ним внезапно открылось смутно видимое пространство, какие-то пересекающиеся плоскости, уходящие вдаль туннели, застывшие тени незнакомых предметов. Новое зрение позволило ему заглянуть внутрь холма... нет, конечно, не холма. Перед ним стоял покрытый полуторавековым слоем почвы чужой космолет! Форма, обводы, детализация корпуса — все говорило об этом. Если раньше Диего мог сомневаться в своих предположениях, то теперь он видел, что это космолет. Не глазами, но видел!

Одного он не знал, хотя и всплывали в памяти детали «сна», — почему корабль мертв, почему он стоит недвижимо столько лет. Впрочем, «сон» уже можно считать достоверной информацией. Таким образом, причина неподвижности звездолета ясна — энифиане воздействовали на прилетевших существ так, что те не поняли, что с ними происходит, и не успели улететь. А теперь энифиане пытаются проделать то же самое с людьми, тайно, ради своих, наверно, не очень чистых целей... «И мы делаем вид, что ни о чем не догадываемся... тоже ради своих целей, но целей, ведущих к благу всего человечества, ради безопасности других людей, своих товарищей. Ради безопасности других...»

В задумчивости Диего вернулся к Зоне, и ввремя: где-то далеко за обширной горной страной (две тысячи километров, машинально отметил разведчик) раздался вдруг долгий сигнал, не звук — всплеск радиоизлучения, и страж на скале шевельнулся, словно его включили, поднял голову и посмотрел на человека. Диего даже показалось, что в странных глазах стража мелькнула ирония: мол, я-то знаю, куда и зачем ты ходил...

Но страж тут же отвернулся, и Диего, покачав головой, пошел в Зону, где Неверов, облегченно переводя дух, бормотал:

— Сначала ты говоришь, что ходить туда небезопасно, а потом на практике доказываешь обратное... Вот так хорошие манеры!.. Расскажешь, как тебе удалось прыгнуть так высоко?

— Дай мне самому разобраться, — устало сказал Диего.

— Снова не ответ, а уклончивое бормотание, — с усмешкой проговорил Зубавин, снимая с головы контактор. — Помните, мы запрашивали энифиан об их теоретическом представлении о строении материи? Знаете, что они ответили? «Наши представления не отличаются от ваших!» — почти дословно. Каково?! И в остальном ничего конкретного, в лучшем случае общие рассуждения на уровне детского лепета, не дающие пищи ни уму, ни сердцу.

— Существует мнение, что... — начал Тоидзе.

— Знаю, знаю, по одной теории, энифиане испытывают нашу дисциплину, по второй, они опять же изучают наши интеллектуальные возможности, по третьей, все наоборот — мы их исследуем. Не слишком ли много теорий?

Зал исследовательского центра Базы был невелик, чуть больше ходовой рубки типового трансгала. Сюда сходились информационные каналы всевозможного рода приборов и установок и линий управления этими установками. Стены зала представляли собой терминалы компьютеров, оконечные устройства приема информации и командные аппараты: почти вся исследовательская аппаратура Базы была автоматической.

Сейчас в зале находились всего четверо: Зубавин, Нагорин, хмурый Тоидзе и о чем-то задумавшийся Руденко. Почти вся аппаратура не работала, и в зале было непривычно тихо.

— Теперь уже не секрет, что энифиане ставят в ходе контакта какой-то эксперимент, — сказал То-

идзе. — Причем без оповещения другой контактирующей стороны, то есть нас. А мы почему-то относимся к этому совершенно спокойно. Кто-нибудь из присутствующих может мне объяснить почему?

Нагорин, прищурясь, взглянул на говорившего.

— Интересно, кто же, по-вашему, относится спокойно?

Тоидзе с опаской посмотрел на Руденко.

— Не надо делать преждевременных выводов, — продолжал Нагорин. — Да, цивилизация энифиан необычна, не технологического типа, но именно поэтому контакт с ней чрезвычайно ценен. Что касается своеобразия контакта с энифианами, то этот вопрос находится в компетенции коммуникаторов, а не инженеров технического обеспечения. Вы ведь, кажется, инженер бортовых систем?

Тоидзе криво улыбнулся.

— Разве суждения о контакте — прерогатива коммуникаторов?

— Нет, но мнения малоинформированных людей...

— Спасибо, я понял. — Тоидзе прикусил губу. — Вы совершенно правы. Почему-то с недавних пор мне от всех достается.

Посидев с минуту, он встал и, ни на кого не глядя, вышел.

— Что ты на него напал? — пробормотал Руденко, очнувшись от раздумий. — При существующем положении дел у людей не могут не возникать недоуменные вопросы.

Нагорин досадливо поморщился.

— Положение слишком неопределенно, чтобы делать какие-нибудь выводы. Разве ты сам не видишь, что равновесие контакта в высшей степени зыбко? — Врач Базы помолчал, снова поморщился. — А вообще-то ты прав, зря я на него накричал. Я только что говорил о ценности контакта с энифианами, а

на самом деле ценность-то этого контакта — величина отвлеченная и зависит больше не от информативности цивилизации Энифа, а от конкретных личностей — Диего, Неверова... того же Ваню Тоидзе, тебя и меня. — Он прервал речь и посмотрел на Зубавина.

Тот выключил вычислитель и сделал движение к двери.

— Останься, Виктор, — невозмутимо произнес Руденко, не оборачиваясь.

Зубавин пожал плечами и сел у пульта.

— До сих пор мы были пассивными наблюдателями, — продолжал Руденко, — не потому, что бессильны перед энифианами, а потому, что такова была наша воля. Хотя нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что против нас, горстки коммуникаторов, вся планета. Планета! Понимаешь? До сих пор энифиане не противились смене дежурств в Зоне, которую мы установили по их желанию, но вчера...

Нагорин нахмурился.

— И я об этом не знаю?

— Не сердись, Игорь. Многие вопросы контакта находятся в ведении УАСС, и отчитываться за свои действия я буду там. Директор Базы, кстати, в курсе событий. Так вот, до сих пор мы посылали к Зоне шлюп со сменой и возвращали дежурных. Вчера шлюп не смог опуститься на планету ниже пятидесяти километров. Предвижу твой вопрос: да, месяц дежурства Неверова еще не закончился, но Управление, исходя из твоего же рапорта, решило не подвергать риску еще одного человека. Вот мы и попробовали, не афишируя своих намерений, вернуть Неверова на Базу. Не удалось. А ведь надо будет скоро возвращать их обоих...

Нагорин встал, прошелся по залу и остановился у темного экрана телескопа.

— Что же ты предлагаешь?

Руденко тоже встал.

— Я предлагаю испросить у энифиан разрешения на посадку спасательного модуля и незаметно установить в Зоне ТФ-лифт.

Нагорин, опустив голову, снова прошелся по залу.

— Я ведь не работник Управления, для чего ты мне все это рассказал?

— Просто ввел в курс дела, — усмехнулся Руденко. — Ты тоже член Совета безопасности Базы. Не иронизируй. Проблемой Энифа заинтересовался Высший координационный совет, а это значит, дело гораздо серьезней, чем мы думали до сих пор. Сыграла роль, конечно, и твоя докладная записка, где ты предлагаешь прекратить контакт.

Нагорин несколько мгновений смотрел в светлые глаза Руденко, потом резко повернулся и вышел.

— Ты меня ставишь в неловкое положение, — сказал недовольный Зубавин, глядя вслед главврачу Базы.

— Что? — вздохнул Руденко. — Просто ты мне нужен. Тебе придется повторить полет к Зоне. И может, не один раз.

— Я готов. — Зубавин повертел в руках контактор. — Но ты, наверное, хотел сказать не только это?

Руденко тяжело сел в кресло, разглаживая лицо ладонями, и сказал глухо, через силу:

— Психолог... В полете ты испробуешь новую систему защиты... Но это опасно.

Зубавин недоуменно смотрел на руководителя группы.

— Ты меня удивляешь, Юра.

Руденко отнял руки от лица, и Зубавин увидел в его глазах угрюмую и жестокую решительность.

— Это опасно прежде всего для тех, кто в Зоне, вот в чем дело. Но рисковать необходимо. Диего я

предупредил. На Земле разобрались с его информацией, его «сон» — наведенная гипноиндукционная передача с головоломным психоиндексом, нечто невероятное по способу обработки. Выходит, нас кто-то пытался предупредить об опасности контакта. Отсюда и второй вывод: цивилизация дендроидов, как ученые называли существа-«пни», — реальность.

— Допустим. Интересно, но не ново.

— Это не только интересно. Звездолет дендроидов не смог покинуть Эниф, его просто-напросто не отпустили. Теперь понятно?

Конус модуля оторвался от диска Базы и, плавно ускоряя ход, устремился к жемчужной дымке освещенной стороны планеты. Затерялся в блеске надвигающегося дня...

Сначала Зубавин проверил автоматику модуля на скорость подчинения мысленным приказам, выписав в пространстве сложнейшую фигуру, называемую пилотами «школьным проклятием» — на курсах высшего пилотажа она обычно венчала экзамен.

Связь с Базой держалась постоянно, и в окне виома мерцали от помех напряженные лица товарищей.

В ходовой рубке модуля, кроме Зубавина, находился еще инженер энергетических установок Малахов. Сам Зубавин занимал кресло инженер-пилота.

Когда они опустились на двести пятьдесят километров над уровнем океана, Зубавин притормозил бег кораблика и, повернув голову к коренастому, раздетому по пояс — в рубке было жарковато — Малахову, сказал:

— Капсулирование.

— Действуй строго по программе, — быстро отозвался волнующийся Руденко. — Следи за временем, если через час не выйдешь на связь...

— Выйду, — пообещал Зубавин без улыбки. — Давай, — кивнул он Малахову.

Тот склонился над своим крылом пульта, и через мгновение короткое содрогание рубки показало, что модуль окутался защитным силовым полем. Теперь со стороны обнаружить его было почти невозможно: энергосфера поглощала все виды электромагнитного излучения. Определить местонахождение модуля можно было только с помощью гравитационных детекторов. Локаторов у энифиан не было, это люди знали почти со стопроцентной уверенностью, но рисковать не стали.

Связь с Базой прервалась, но это было в порядке вещей, и Зубавин, бросив короткое: «Поехали», направил модуль к границе плотных слоев атмосферы Энифа, намереваясь войти в коридор входа на посадку точно над Зоной.

Огромный диск планеты летел навстречу, кренясь и увеличиваясь в размерах. Вскоре он занял все боковые экраны, и Зубавин вдруг отчетливо почувствовал всю огромность слова «планета»! Не камень, не скала, не горный хребет, но — планета! Миллионы квадратных километров поверхности! Триллионы тонн массы! Чужой, незнакомый и, судя по всему, враждебный мир, населенный странной расой разумных существ, мощь которой еще не измерена, но ощущается во всех их действиях. Что против этой мощи группа землян? Пятикилометровый диск Базы?..

Зубавин мельком взглянул на красное от волнения лицо товарища и, встретив ответный взгляд, понял, что мысли их во многом совпадают.

— Ничего! — с веселой злостью сказал Малахов, пытаясь, видимо, поддержать товарища. — Ничтожный вирус валит с ног огромного слона.

Аналогия инженера не понравилась Зубавину, но отвлекаться на разговоры было некогда, начиналась самая ответственная часть полета.

Корабль медленно пронизал радиационные пояса планеты, затем опустился под слой сверхвысоких облаков и пересек невидимую границу в пятьдесят километров, за которую его не пустили в первом пробном полете.

Примерно в сорока километрах от поверхности Зубавин запустил съемочную аппаратуру и автоматический комплекс экспресс-анализа. В тридцати километрах координатор визуально поймал Зону и дал изображение на окно дальновидения. С этой высоты Зону видели только автоматы.

В двадцати километрах модуль вонзился в толщу слоистых светящихся облаков, похожих на кисейные полотнища. При этом его броня отозвалась вибрацией, возбуждавшей неприятные для слуха обертоны звука.

— Странные какие-то облака, — сквозь зубы процедил Зубавин.

Модуль опускался теперь совсем медленно, примерно двадцать метров в секунду. Планета превратилась в гигантскую чашу с тающими в дымке краями. Небосвод уже не казался бездонно черным, в его черном отливе появились фиолетовые оттенки.

Зубавин приготовился мгновенным прыжком к поверхности закончить медленный финиш корабля, и в это время они словно со всего размаха налетели на каменную стену! Из глубины темного провала между холмами, куда нацеливался модуль, выметнулась вдруг трасса ярких, пронзительно голубых огоньков и воткнулась в защитное поле корабля. Энергия этого неожиданного и почти невидимого выпада была так велика, что пятисоттонный модуль подбросило вверх, как шарик для пинг-понга!

Не успел Зубавин опомниться, как второй удар громом отозвался в его внезапно отяжелевшем теле.

Все же сознание он не потерял, хотя кровавый туман в глазах рассеялся не сразу.

Управление перехватил координатор и уводил теперь корабль по пологой глассаде в фиолетовое небо.

Зубавин тяжело мотнул головой, подтянул слетевший с него контактор МУ и тут заметил, что корабль, идущий уже со скоростью километр в секунду, догоняют стражи. В первое мгновение Зубавин не поверил глазам, но стражи приближались быстро, и вскоре модуль оказался со всех сторон окруженным жуткими фигурами, от одного вида которых мороз драл по коже и хотелось поскорее открыть глаза и проснуться. Каким образом эти монстры поддерживали космические скорости при абсолютно необтекаемом корпусе — нельзя было даже представить! А ведь они должны были преодолевать контактор.

Зубавин опомнился и натянул контактор.

Скорость подскочила до десяти, пятнадцати, двадцати пяти километров в секунду, стражи не отставали, будто составляли с кораблем одно целое. Не помогало и сверхскоростное маневрирование, которое Зубавин провел на голых нервах, без координатора — мешало защитное поле. Зубавин уже махнул рукой, собираясь дать команду потному от сопереживания Малахову на снятие поля, но вовремя спохватился.

Модуль вырвался за пределы атмосферы, и в следующее мгновение стражи исчезли, сгнули, будто их и не было. Будто выполнили свою миссию — отогнали непрошенных гостей. То ли они затормозили все разом, то ли непостижимым образом «вывернулись» в пространстве...

Зубавин выругался и сбросил шлем контактора.

— Снимаем поле, — проговорил он хрипло. — Возвращаемся.

Глава 5

— Они не пропустили модуль. — Озабоченный Доброгнев пробежал глазами индикаторную панель и побарабанил пальцами по канту пульта, что служило у него признаком озабоченности и раздражения. — Мало того, они вообще не отвечают на наши вопросы. И я склонен полагать, что они не позволят прервать контакт, ибо двое наших товарищей полностью в их власти. Вернуть их без применения силы мы не сможем.

— Сомневаюсь, сможем ли и с применением силы, — пробормотал Нагорин. — Следует быть точными в формулировках. Возникает инцидент, а поскольку инцидентов подобного рода не знала история, то, следовательно, и решать сейчас мы не вправе. Надо запросить Землю.

— Уже запросили, — сказал Руденко. — Но в лучшем случае корабли с Земли придут через шесть-семь дней. А Вирт и Неверов? Что будет с ними? Что предпримем мы или будем сидеть и ждать?

— Предложи что-нибудь, — взорвался Доброгнев, вскочил с места и прошелся по комнате, успокаиваясь. — Извини.

Руденко понимающе кивнул.

— Давай думать, что делать дальше, думать не только нам троим, но и всем работникам Базы. Голова — это пока единственное наше оружие.

— Неужели мы не сможем взломать скорлупу их противодействия? — с неожиданной тоской произнес Нагорин. — Неужели человечество не обладает достаточной мощью?

Доброгнев изумленно вскинул взгляд на главврача Базы.

— А ты, однако, воин!

— Аника-воин, — буркнул Руденко. — Энерговооруженность человечества на порядок выше энерго-

вооруженности цивилизации энифиан, но перед нами иное качество, неведомый противник, которому, к счастью и к сожалению, многое о нас известно. И все же конфликт с применением оружия...

— При чем тут оружие, — махнул рукой Нагорин. — Рассуждать мы умеем, а что дальше?

— Это называется: посовещались, посоветовались и решили, — усмехнулся Доброгнев. — Один ум — хорошо, а три — куда лучше! — Он повернулся к Руденко. — Кстати, что же ты выяснил, рискуя людьми, когда посылал модуль в этот ненужный, как мне кажется, разведывательный полет?

— К сожалению, нужный, — сказал Руденко. — Земля вслед за нашей информацией о «сне» Диего сразу же посоветовала попытаться доставить Невеорова на Базу, минуя все официальные каналы. Поэтому я действовал без вашего ведома... Ну, а второй раз нужно было спровоцировать энифиан на активную акцию с целью разведки их военно-технического потенциала, чего мы и добились, хотя сами энифиане так и остались в тени, исполняли все стражи. Специалисты техсектора УАСС уже разобрались в нападении на модуль — это мезонный разряд огромной энергетической «массы».

— Спецслужба, спецотдел... спецканал, — буркнул Доброгнев, включая обзорный виом. — Тайны какие-то... К чему все это? Как дети, в прятки играем. Опять соображения высшего порядка насчет безопасности космического человечества?

— Напрасно иронизируешь, Ждан, — мягко сказал Руденко. — Мы обязаны предусмотреть все до мелочей, потому что в разведке мелочей не бывает. Известно ли вам, что линейный разведчик второго класса «Одинокый охотник» обнаружил у гаммы Пегаса планету, населенную, вернее — некогда населенную существами, похожими на дендроидов из «сна» Диего?

— Шутишь! — вполголоса сказал Доброгнев. — Что значит — некогда населенную?

— Это значит, что планета представляет собой лишь памятник исчезнувшей культуры. Коммуникаторы там уже не нужны, контакт устанавливать не с кем.

— Опоздали? — очень спокойно сказал Нагорин, переводя взгляд на виом, в черноте которого засиял опаловым светом бледный диск Энифа. Его слова могли относиться и к сообщению Руденко, но товарищи поняли: Нагорин говорил о дежурных в Зоне.

Где-то около трех часов ночи, не энифианский тридцатичасовой, а порядковой — для отдыха одного из дежурств в Зоне, Неверов проснулся от крика.

В зале царил мрак, не нарушаемый несколькими цветными огнями пульта. Окна дальновидения не работали, постель Диего была пуста, в зале его не было.

Неверов полежал с открытыми глазами, привыкая к мраку и гадая, отчего он проснулся. И почти явственно услышал медленный нечеловеческий голос, струющийся откуда-то из-за стены. По телу прошла жаркая волна, сердце отозвалось колокольным звоном... Снова послышался голос, медленный, какой-то «картонный», совершенно не похожий на живую человеческую речь.

Неверов вскочил, сдерживая желание закричать, и включил дальновидение. Виомы прозрели, и он увидел чудовищную по своему неправдоподобию картину: на дороге напротив Зоны расхаживал страж, а рядом стоял Диего Вирт без скафандра (!) и смотрел на Зону, смотрел пристально и ожидающе. Неверов невольно взмахнул рукой, и Диего, словно мог видеть его жест сквозь стены, кивнул в ответ и отвернулся.

Лен сильно сдвинул виски пальцами, зажмурился, но, открыв глаза, увидел ту же сцену: расхаживающего стража и спокойно стоящего в смертельной для человека атмосфере Диего. Тогда он подошел к пульту и сухо спросил координатора, что тот видит на дороге.

— Стража и существо, похожее на человека, — так же сухо ответил координатор.

— Существо?! — Неверов осторожно, на ощупь сел в кресло оператора связи.

Пока он ломал голову, сообщать ли о случившемся на Базу или выйти к Диего, к Зоне подлетели еще пять стражей. Они уселись вокруг человека, и тут Диего снова оглянулся на Зону. Неверов похолодел, но не от взгляда, а от голоса, раздавшегося, как и минуту назад, внутри него. Он понял, что все это означает: Диего просил помощи, звал к себе.

Неверов больше не размышлял. Он подхватился с кресла, крикнул что-то вроде: «Держись, Диего!» — и бросился в бокс за скафандром. Облачась, увидел, что стражи как по команде снялись с места и медленно полетели в долину между холмами. Диего Вирт, волоча ноги, останавливаясь и оглядываясь, побрел за ними. Было заметно, что идет он против воли и все-таки ничего не может сделать.

Неверов еще раз крикнул, теперь уже от ярости, кое-как зарастил скафандр и бросился из зала, доставая на ходу пистолет. Вирта он увидел уже в сотне метров от Зоны, все еще пытавшегося сопротивляться. Рука у Неверова дрожала, и первый разряд «универсала» пришелся на последнего стража, прикрывающего спину Диего. Страж кувыркком полетел на дорогу, а его собратья разом оглянулись, и глаза их с непередаваемым выражением впелись в Неверова, гипнотизируя, парализуя волю и желания. Спасло его то, что Диего на мгновение вышел из-под контроля и вмешался в схватку.

Он взлетел в воздух, вычертил крутую петлю и спикировал на стражей сверху, словно решил пойти на таран. Стражи бросились врассыпную, ловя Диего в «перекрестия глаз», и Неверов, усилием воли освободившись от дурмана чужого влияния, успел еще два раза разрядить пистолет...

Диего пришел в себя уже в зале связи, куда притащил его Неверов, не чувствуя от возбуждения тяжести тела.

— Вызови Базу, — глухо сказал Вирт, почти не разжимая губ. — Плохо мне, Лен...

— К-как плохо?! — испуганно забормотал Неверов, торопливо стягивая скафандр. — Почему плохо? Очень плохо? Сейчас, подожди чуть-чуть, вызываю...

Диего попытался привстать, повел головой и повалился на бок.

Неверов кинулся к нему, потом к пульту, снова к нему и наконец, обругав себя вслух, вызвал Базу.

Сообщение о случившемся, не слишком вразумительно переданное им дежурному, вызвало на Базе настоящий переполох. Пока искали Доброгнева и его заместителей, Неверов включил медицинский комбайн, подсоединил к нему рецепторные «усы» и со связкой проводов устремился к Диего. Но подключить к нему датчики не смог.

То, что он принял за странную одежду на коммуникаторе, оказалось телом Диего, деформированным, покрытым не то чешуей, не то потрескавшейся кожей. Руки Диего тоже изменились, стали длиннее и тоньше. Да и все его тело, уже почти не человеческое, на глазах продолжало изменяться, перерождаться, деформироваться...

Неверов сделал неуверенный шаг вперед, но Диего снова зашевелился, подогнул под себя руки и сел, и Неверов, задохнувшись, отскочил назад и выронил датчики.

— Что там у вас? — слышался от пульта встревоженный голос Нагорина.

Неверов оглянулся и показал рукой.

В виоме показался Доброгнев, потеснив главврача.

— Что? — повторил он вопрос Нагорина, но в это время Диего встал и пошел к пульта, странно переваливаясь своим необыкновенным телом. Чем-то он стал похож на стража, неуклюжестью, что ли? — и это сравнение доконало Неверова.

— Пусть все выйдут, — сдавленным голосом произнес Диего.

Доброгнев побледнел. Повернувшись к замершей в немом удивлении группе людей, набившихся в центр связи Базы, сделал короткий и понятный всем жест.

Зал опустел, остались Доброгнев, Нагорин и Руденко.

— Организм перерождается внезапно и почти полностью, — хрипло сказал Диего, цепляясь руками за пульт. — Видите?.. Не только... нервная система... перестраивается все — энергетика тела, химизм и метаболизм... — говорил разведчик с паузами, словно с трудом подбирая слова. — Скачкообразно, я не успел... сообразить... и предупредить... Я пытаюсь бороться, но они, очевидно, кроме всего прочего построили «механизм подчинения» радиоприказу — воля подавляется до потери сознания, как только я начинаю сопротивляться... Но для людей я не опасен (Нагорин поморщился, переглянувшись с Руденко), просто я получил такие способности, о которых и не смеют мечтать пандологи...

— Какие? — вырвалось у Доброгнева, хотя он тут же пожалел об этом.

— Я вижу в любом диапазоне волн. — Диего, тяжело дыша, с трудом уселся в кресло в нелепой позе. — Правда, мне сейчас мудрено разобраться,

все так смешалось... Еще я могу летать, дышать в любой атмосфере и даже совсем не дышать... А также я могу сказать, о чем в данный момент думает мой сосед.

С ужасом и каким-то суеверным восторгом смотрел на Диего Неверов, чувствуя себя совсем плохо.

— Мы можем помочь? — спросил Нагорин.

Выразительная гримаса исказила лицо Диего.

— Можете. Первым делом — не паникуйте, не спешите с решениями.

Доброгнев мгновение вглядывался в Вирта, потом обратился к Неверову:

— Как вели себя стражи?

Неверов бессмысленно посмотрел на него, помотал головой, избавляясь от оцепенения, и перевел взгляд на виомы дальновидения. Все было как и прежде: сонная тишина, струйки испарений над дорогой, вернее, взлетной полосой дендроидов, неподвижный страж на скале, застывший, как изваяние. Неверов вспомнил, что только этот страж, запомнившийся своим меланхолическим поведением с давних пор, не вмешивался в историю с Диего. Симпатизировал людям? Или у него была иная роль?..

— Их было много, — сипло отвечал Неверов и прочистил горло. — Они хотели увести Диего с собой. Я отогнал...

— Я не мог сопротивляться, — тихо пробормотал Диего, бесцельно поводя уродливыми руками; он заметно слабел. — Сначала было интересно, а потом — как удар по голове... — Он замолчал, вдруг дико посмотрел вокруг и завалился на пульт.

Неверов подбежал к нему, приподнял голову, коснулся лоснящегося плеча и дернулся, как от электрического удара.

— Что мне делать? — с отчаянием сказал он, оглядываясь на застывших в тысячах километрах от него людей.

— Их надо возвращать немедленно, — скороговоркой произнес Нагорин.

— Как? — возразил Руденко. — Я не знаю, какой будет реакция энифиан, если мы попытаемся забрать дежурных силой. Еще хорошо, что они не прервали связи с Зоной.

— Но делать-то что-то надо...

— Обычные модули слишком хрупки, — тяжело сказал Доброгнев. — И даже если бы мы имели ДМ или крейс-роботы...

Они одновременно посмотрели на Неверова и замолчали.

— Что делать с Диего?! — закричал тот, уже не владея собой. — Ему же плохо!

— Не кричите! — тихо проговорил Нагорин. — Подключите к нему киб-диагност и дайте воды, это ему не повредит. Данные диагноста передайте в медцентр, параметры линии я укажу. А ты, — он повернулся к директору Базы, — запроси энифиан непосредственно с Базы и продублируй через Зону, может быть, они все же откликнутся.

Доброгнев кивнул, быстро пересек зал и открыл дверь.

— Где видеоники? Гунна ко мне!

Вскоре в центральный зал Базы вошли трое: Тоидзе, Назаров и Гунн — старший из специалистов по видеосвязи.

— Нужна прямая связь с Землей. Как скоро вы ее дадите?

— Через час, — подумав, сказал Гунн. — Если, конечно, не лимитировать расход энергии.

— Связь экстренная, приступайте. Ваню, попробуй связаться с энифианами напрямую, минуя Зону. Вы, Евгений, передадите ту же информацию через аппаратуру Зоны.

Назаров молча кивнул.

Директор Базы повернулся к Неверову: связь с Зоной не выключали ни на минуту.

— Лен, вам придется поухаживать за Диего. Возвращать вас... в общем, рискованно, а в Зоне вам ничто не угрожает, только включите дополнительные защитные контуры, экономить энергию не нужно.

— Ох, да не объясняйте вы мне ничего, — возмутился Неверов, слегка оживший в работе. — Конечно, я помогу Диего. Только я не врач...

— Врач ему пока не нужен, — хмуро сказал Нагорин.

— Эх, давно надо было потихоньку установить в Зоне ТФ-лифт! — вздохнул Руденко. — Под видом ремонтных работ. Не знали бы никаких забот! Генераторы ТФ-поля установили, а сам лифт — не успели.

Доброгнев с досадой поморщился.

— До чего верно подмечено, вовремя... — Он снова обратился к Неверову: — На вызовы энифиан не отвечайте, но поступающую информацию дублируйте нам. И еще... — Он поколебался немного. — Слева на пульте есть стеклопанель, под ней кнопка — это кнопка запуска генератора ТФ-поля. Пользуйтесь ею лишь в случае прямой угрозы жизни, при нападении стражей на Зону... ну и тому подобное. Потому что удар скалярного ТФ-поля превратит местность вокруг Зоны в обугленную пустыню. Хорошо, если вы перед пуском генераторов предупредите нас, но коль уж не успеете...

— Сделаю, — пообещал Неверов, слушая с пятого на десятое.

Он взял бокал, стиснул зубы, все еще не решаясь дотрагиваться до горячего, безобразно изменившегося тела Диего, и попытался влить ему в рот воды.

Глава 6

Огромный диск Базы вышел из конуса тени планеты, и огненное крыло света разогнало тьму в главном зале. В зал стремительно вошел Доброгнев, высокий, не по возрасту гибкий и подвижный.

— Крейсер приближается, — сказал он, подходя к висящей в воздухе подкове пульта, у которой сидели инженеры связи, Нагорин, Руденко и два врача из медперсонала Базы. — Виден в бинокль. Как там у них? — Кивок на виом связи с Зоной.

— Без изменений, — ответил Нагорин. — Диего, очевидно, потерял много энергии, получил деадаптационный дистрессовый шок и все еще спит. Неверов держится молодцом... насколько можно выглядеть молодцом в его положении.

— Энифиане только что пытались задать вопрос, будто ничего не случилось, — сообщил Тоидзе. — Их, видите ли, заинтересовала причина возникновения земной машинной технологии. Это их первый вопрос по данной теме. Мы не ответили, и они успокоились. На наши запросы из Зоны и с Базы — молчание.

Доброгнев сел напротив виома связи с Зоной.

— На Земле полностью разобрались в их излучении, — негромко сказал он. — Я только что подумал, что мы теперь сможем вернуть Диего «первозданный» облик... после его возвращения.

В зале Зоны показался Неверов. Бледный, с лихорадочно блестящими глазами, то и дело порывающийся оглянуться.

— Я все время слышу зовущий меня голос, — сосредоточенно произнес он. — Может быть, я заболел?

Доброгнев переглянулся с Нагориним.

— Вы проверяли себя на диагностере?

— Слегка повышенная температура... диагноз: перевозбуждение нервной системы.

Нагорин успокаивающе кивнул, хотя внутри у него все сжалось.

— Так и должно быть после той встряски. Больше лежите и ни о чем не беспокойтесь. Скоро мы заберем вас с планеты.

Неверов сгорбился, пугливо оглянулся через плечо и отошел от пульта.

Нагорин поманил директора из зала. В коридоре сказал:

— У него начинается то же самое, что и у Диего. Это заметно сильнее, потому что самообладания у него поменьше. Очевидно, из-за увеличения энифианами дозы облучения ускорился и процесс трансформации организма.

— Сам вижу. — Доброгнев помрачнел. — Сколько времени в нашем распоряжении до полной трансформации?

— Думаю, дня четыре. После этого процесс будет продолжаться даже при снятии облучения, это мы установили в лаборатории, в медцентре, смоделировав процесс. И хотя я только что успокаивал Неверова, уверенности в том, что процесс обратим, у меня нет. Да-да, несмотря на то, что на Земле разобрались с излучением. Так что я не понял твоей уверенности насчет возвращения Диего «первозданного облика». Повторяешь чужие слова? К тому же меня беспокоит состояние Диего, он до сих пор не может прийти в себя. Видимо, просчитались энифиане в чем-то...

— В чем же?

— Точно ответить трудно, но мне кажется, что человеческое тело просто не в состоянии снабжать энергией раскрывшиеся возможности Диего.

— Он же говорил, что изменился и химизм тела, и метаболизм...

— Все равно главным генератором энергии осталась печень, а генератором давления — сердце, а

они в потенциале не приспособлены к такому расходу энергии, какой требует, например, полет человека в поле тяготения.

— Диего летал.

— Боюсь, он перегрузил сердце... если не «загнал» его совсем. Или мы не все о нем знаем.

— С Неверовым скверно. — Доброгнев потер усталые глаза. — Он-то ни о чем до сих пор не догадывался. Как же их вернуть? Объявить войну? Кому? Планете?.. Что молчишь?

Нагорин хмуро смотрел в стену.

Мимо пробежал по коридору Тоидзе, заметил их в нише и вернулся.

— Приняли передачу с планеты, причем не через Зону, а прямо по обычному каналу!

Доброгнев мрачно усмехнулся.

— Наконец-то! Они не могли не заметить нашей реакции, но вызывать по обычному каналу... Пошли.

Все трое поспешили в центр управления.

— Запись обычным разговорным кодом, — сообщил Гунн, колдуя над сенсорной клавиатурой связи. — То есть код этот обычной автоматической связи, используемый нами на внутренних линиях. С энифианами у нас был до этого специальный код, и только через автоматику Зоны.

— Похоже, нас просто водили за нос, — буркнул Руденко, — если они могли разговаривать с нами без переводящей аппаратуры. А может, энифиане вообще прослушивали все наши передачи?

— Передачи по ОЭЛ прослушать невозможно, — обиделся Гунн, с которого на миг слетела вся его флегматичность, — была затронута честь специалиста по связи. — Это исключено. Энифиане могли поймать наши переговоры на орбите.

— Не шуми, давай запись.

Гунн включил воспроизведение, и все услышали ровный голос дешифратора:

«Разумные, называющие себя людьми. Мы, те, кого вы именуете энифианами, в целях исключения дальнейших недоразумений поясняем: во-первых, мы отличны от вас не только внешне, но и способами переработки информации; во-вторых, наша цивилизация принадлежит к одной из самых древних в окружающем звездном мире. Однако несмотря на «детский» возраст вашей цивилизации, мы заинтересовались вами не случайно. Вы, белковая органическая форма жизни, — явление чрезвычайно редкое! В сопредельном звездном окружении таких форм жизни всего две! Но самым примечательным для нас оказался тот факт, что в процессе эволюции вы, кроме известной нам способности мыслить и инстинкта самосохранения, приобрели абсолютно непонятное нам свойство эмоциональных выражений жизнедеятельности. В настоящий момент мы выяснили: выражение чувств, эмоций представляет собой своеобразную приспособленную реакцию ваших организмов, применяющуюся при недостатке информации. Но оказалось, что эмоциональные переживания присущи людям даже там, где, по существу, никаких к этому причин не существует.

В ходе дальнейшего изучения выяснился еще один факт: в противоположность нам вы, люди, преобразуете среду обитания, подчиняя ее своим особенностям, в то время как гораздо проще и эффективней преобразовывать себя, сообразуясь со свойствами природы. А накопление измененных факторов ведет к отчуждению от экологической среды и невозвратимому изменению ее свойств. Эта особенность вашей цивилизации опасна, и мы обеспокоены.

Теперь о главном.

Для выяснения механизма эмоций мы пошли на перестройку организмов людей в Зоне контакта, имеющую большой познавательный интерес. К сожалению, мы поздно поняли, что чересчур хрупкие

организмы людей не подготовлены к ускоренному преобразованию и не могут выдерживать длительного взаимодействия с общим функциональным полем разума планеты. Несмотря на это, мы предлагаем не прерывать контакта, потому что результат эксперимента в равной степени важен и для вас, вами же он может быть использован для физического совершенствования человеческой расы. Вынуждены предупредить; люди — посредники контакта в Зоне контакта — могут иметь значительные поломки жизненно важных цепей при попытке их резкого изъятия из функционального поля разума в период адаптации к условиям Энифа. Надеемся, что и для вас значение эксперимента превышает значение существования двух разумных единиц общества.

Связь можем держать непосредственно с центром контакта, установка Зоны контакта на планете была необходима нам только для глубокого изучения феномена человека — его эмоционального бытия».

Конец.

Голос автомата умолк.

В зале стояла тишина. Люди были изумлены тем равнодушием, с которым в послании говорилось об участии дежурных в Зоне, являвшихся для них только «биологическими системами» и «разумными единицами сообщества».

— Наглецы! — взорвался Тоидзе и добавил несколько слов по-грузински, яростно при этом жестикулируя.

Стоящий к нему спиной Доброгнев криво усмехнулся.

— Не надо оценивать их действия столь прямолинейно. Ты же слышал, они не знают, что такое чувство. Не знают, что значит ждать и беспокоиться, что такое страх и отчаяние, боль и гнев. Они про-

сто констатируют факт, стоит ли упрекать их в бесчувственности?

Взоры присутствующих невольно обратились к Доброгневу, на лице которого смешались гнев, сожаление и горечь. Думал он в это время о том, что у Диего на Земле жена и ребенок, что у Неверова отец получил травму и сын об этом еще не знает, плюс к этому — его ждет невеста; что никто, конечно, не упрекнет его самого в случившемся, ибо риск — неотъемлемая часть жизни коммуникатора, но сможет ли он сам себя уважать, если не сделает всего, чтобы Вирт и Неверов вернулись? И не просто вернулись, а вернулись людьми со всеми их способностями мыслить и чувствовать!

— Странная цивилизация, — тихо сказал Нагорин, пристально глядя на пушистый шар Энифа, укатывающийся в ночь. — Перепутались понятия добра и зла, есть и откровенный расчет, и рациональные зерна рассуждений... Едва ли мы способны доказать энифианам силой, что и мы годимся на большее, несмотря на наш «детский» возраст. Все наши попытки проникнуть к Зоне, например, они пресекли без труда.

В набившейся в зал толпе послышался ропот и стих.

— Но вы слышали — они предлагают продолжить контакт, не учитывая, что в Зоне двое наших товарищей, которые нам дороже, чем результаты обмена информацией. И вот это надо доказать энифианам любым разумным способом. Разумным — понимаете?

В зале Зоны усталый от пережитого Неверов сел возле Диего и взял его за «руку»...

— Итак, перед нами выбор, — сказал Доброгнев, наблюдая, как, мерцая сигнализацией, к Базе подходит корабль с Земли.

— У нас нет выбора, — угрюмо возразил Нагорин. — Жизнь людей важнее любых проблем,

даже если людей всего двое и они согласны рискнуть.

— Но энифиане говорили что-то об адаптации. — Доброгнев покосился на Гунна у пульта связи. — Я не меньше твоего хочу вернуть парней из Зоны, вернуть им человеческий облик. А ну как энифиане правы и, убрав коммуникаторов с Энифа, мы тем самым их убьем?

— Скорее всего энифиане блефуют. Они уже доказали, что не знают в своем словаре таких слов, как «честность», «совесть» и «гуманность».

— Согласен. Но ты учти и то, что Диего и Лен единственные посредники между человечеством и цивилизацией Энифа, единственные, кто может дать нам знание, которое мы не можем приобрести в любом другом уголке космоса!

— Может быть. Но что ты скажешь дочери Диего или отцу Неверова? Или его девушке?

— Скажу, — с горечью проговорил Доброгнев после долгого молчания. — Я скажу им правду. Да разве дело во мне?

— И в тебе, — твердо сказал Нагорин. — Во всех нас. Я не верю, что рационалистический подход к подобного рода проблемам делает людей людьми.

— Я не о том. — Доброгнев поморщился. — Каждый из нас уже сделал выбор, но разум протестует, так сказать — логика чистой выгоды. И не для себя — для нас же всех. Когда-то рисковали жизнями во имя гораздо менее значимых целей.

— Удобный тезис. И главное — правдивый...

— Может, стоит предоставить слово самим дежурным? — осторожно проговорил Гунн. — Хотя они, конечно, в таком состоянии...

— Да? — иронически поднял бровь Нагорин. — Здесь и гадать не стоит. Диего останется потому, что он работник УАСС и обязан идти до конца. А Неверов мальчишка, у него все имеет романти-

ческий ореол, он тоже останется... не столько, конечно, из-за романтики, сколько под влиянием характера Диего. Но вы-то, вы, зная, что посылаете их на заведомую гибель, что будете чувствовать вы?! Утешать себя мыслями о всеобщем благе?

— Я никуда их не посылаю, — пробормотал Гунн хмуро.

Доброгнев молчал. Он прекрасно понимал Нагорина, выдвигающего не только доводы разума, но и доводы сердца. Да, человек ради спасения друга способен на любое самопожертвование, но именно в этом его преимущество перед каким угодно существом «холодного разума». Разве он сам, Ждан Доброгнев, не согласен спасти Диего и Неверова любой ценой, даже ценой собственной жизни?! Только главное ведь в том, что как руководитель он должен был предвидеть результат эксперимента, пусть и чужого, должен был оценить степень риска и свести его к минимуму, прервав контакт в нужный момент, не спрашивая согласия у Диего. Конечно, участие Вирта в операции санкционировано многими руководителями УАСС, но разве это снимает ответственность с него, с директора Базы?

— Бросок в Неизвестность... — произнес вслух Доброгнев. — Не потому ли мы люди, что плакать умеем и не казаться при этом смешными?..¹

Звезды перемещались над их головами: База меняла орбиту, подходя ближе к Энифу. Корабль с Земли приблизился, затмив собою светило, и медленно разворачивался. Вблизи он казался могучим и непобедимым, вселяя в людей уверенность и тайную гордость за земную технику.

«Ждем, как панацею от всех бед, — подумал Нагорин. — Все же это долгий путь — через субъективное мнение каждого к объективному знанию всех.

---

¹ Гийом Аполлинер.

Мы еще не научились преодолевать собственные противоречия, а уже решаем проблемы чужих цивилизаций... Или так и надо? Ошибаться, чтобы выбрать правильное решение? Ибо, перестав ошибаться, кем станет человек?»

Корабль замер...

А далеко от Базы, под толщей атмосферы Энифа, в зале Зоны очнулся от долгого беспометства Диего и улыбнулся встрепенувшемуся Неверову.

— Живем, коммуникатор? — Он перевел взгляд на окно дальновидения, в котором был виден страж на скале. — Как там наш знакомый меланхолический страж? Жив, курилка? Он единственный, кто перенес трансформацию организма и остался в живых из всего экипажа звездолета дендроидов. Надеюсь, я не слабее?

Диего снова улыбнулся и с трудом сел, стиснув руку Неверова своей непривычно горячей рукой.

— Этот дендроид мало что дал энифианам, вот они и решили продолжить опыт на нас, случай сам шел к ним в руки... не знаю, есть ли у них руки. Конечно, им повезло: два посещения планеты и оба — эмоциональными существами! К сожалению, дендроиды поздно поняли, что с ними происходит, поэтому и стоит их звездолет мертвым уже сто пятьдесят лет. А помочь им было некому.

— Я уже знаю, — тихо ответил Неверов, хотел добавить, что они-то как раз не одни и помощь придет наверняка, но промолчал.

Диего без труда прочитал его мысли.

Часть вторая

ПРАКТИЧЕСКИ БЕССМЕРТЕН

Глава 1

Зал был тих и темен. Руденко прошел к висящей на невидимых силовых опорах подкове пульта, задумчиво склонился над ней, потом протянул руку и нащупал шлем связи. Шлем был холодным, шершавым и упругим, как шкура акулы. Звякнув, упала на пол вилка включения. Руденко потянул за шнур, усмехнулся своей заторможенности и надел шлем.

Палец коснулся сенсора, и шлемофоны заполнили характерные шумы эфира: тихий плач ребенка... невнятные голоса, шорохи, скрипы, вздохи... будто огромный невидимый таинственный человек задышал над ухом... и снова шум прибоя, шорохи, и писки, и бульканье... И вот сквозь этот тихий мерный шум пробилось тонкое звенящее стаккато маяка Энифа, длинная очередь точек и тире — все спокойно! И снова вечные вздохи эфира, порожденные излучением близкой звезды и далекого Млечного Пути...

Руденко снял шлем, несколько раз обошел комнату, касаясь приборных панелей руками, посмотрел на часы — было без восьми минут девять утра по времени Базы, наконец выбрал кресло и сел лицом к пульта, ожидая, когда соберутся остальные участники совещания.

Вторым после него вошел Нагорин, озабоченный вид которого всегда будил у Руденко тревогу и неуверенность в правильности своих решений.

— Доброе утро. Нравится сидеть в темноте?

Вспыхнул потолок. Нагорин подрегулировал освещение под розовое утро и сел рядом.

— Как спалось?

— Как всегда, — буркнул Руденко.

Нагорин, хмыкнув, покосился на обманчиво добродушное лицо руководителя группы безопасности.

— Ну, я думаю, пора авралов и тревог прошла. Контакт наконец-то вошел в русло рабочего порядка. Энифиане даже разрешили исследовать планетарные особенности Энифа, чего же еще делать?

— Вот я и думаю: с чего бы это? Еще два месяца назад все было наоборот. Помнишь, как мы бились за возвращение Диэго и Неверова на Базу? И вдруг полный поворот в политике — допуск во все области планеты... за редким исключением. Мол, смотрите, мы ничего не скрываем, ищите, что вам нужно. А на вопросы по-прежнему осторожные полуответы, ничего конкретного. И до сих пор загадка — где же хозяева планеты?! Кто командует парадом? Нет, не знаю, как ты, а я предчувствую еще немало авралов, по твоему выражению.

— Типун тебе на язык! Но ситуация, конечно, — нарочно не придумаешь! Кстати, сколько групп сейчас на планете?

— Ты же замдиректора, должен знать.

— Я не организатор исследований. Что у тебя за привычка отвечать вопросом на вопрос? У энифиан научился?

Руденко улыбнулся.

— Точно. Групп на Энифе десять, в каждой по десять — пятнадцать человек. А что?

— Капля в море, вот что. Чтобы изучить планету в отпущенные сроки, требуется как минимум две тысячи высококвалифицированных специалистов плюс тридцать — сорок кибер-комплексов.

— Ну, это ты выскажи на совещании, я лично против увеличения численности исследовательского персонала на поверхности. Хотя энифиане и разрешили нам проводить исследования своими методами, отношение их к нам я не назову доброжелательным. Да и информация Диего настораживает. Лучше скажи как врач: здоровью Диего ничто не угрожает? Сам-то он не скажет...

— Как ни странно, его новые способности позволяют ему чувствовать себя прекрасно.

— Давно?

— Пока проходил период адаптации, ему было тяжело. А сейчас он создал для себя двухкамерный желудок и экстразонарное сердце. Летать долго ему все равно трудно, но энергетически он в сто раз мощнее любого человека.

— Суперхомо, — без выражения сказал Руденко. — А не отразится все это как-нибудь на психике? Иные возможности — иной смысл жизни...

— Брось ты свои гадания, — сказал Нагорин не приветливо. — Он человек! Ясно? Несмотря ни на что, он человек. Возможно, остаться человеком в таких условиях чертовски трудно, не знаю... но Диего...

— Не надо считать меня машиной, обладающей лишь холодной логикой расчета. Я думал не о самом Диего, а о его родных. У него, кажется, есть жена и дочь...

— Кажется. — Нагорин сгорбился и замолчал.

Стали сходиться остальные участники совещания, руководители лабораторий и исследовательских групп.

Подошел Доброгнев.

— Что это вы молчите, как секунданты дуэлянтов?

— Очень остроумно, — буркнул Нагорин.

— Решаем этические проблемы. — В глазах Руденко мелькнул и пропал насмешливый огонек.

Доброгнев оценивающе посмотрел на хмурого Нагорина.

— Какие? Впрочем, потом поговорим. Пора начинать.

Он поднялся на возвышение у пульта и включил аппаратуру.

Рядом с Руденко сел Торанц, руководитель второго сектора УАСС, и Шелгунов, начальник спецотдела. Оба прилетели всего сутки назад, и совещание, собственно, собиралось из-за них, чтобы сразу ввести их в курс дела.

— Коллеги, — сказал Доброгнев негромко. — Давайте начнем. Общую информацию по Энифу сообщу я сам. Вопросы после сообщения.

Итак, положение на сегодняшний день, пятое февраля сто восемьдесят восьмого года, таково. Центр исследований на планете располагается в бывшей Зоне контакта, или, как мы привыкли говорить, — просто Зоне. Это удобнее, я имею в виду расположение, чем иметь центром Базу на орбите. Руководителем исследований являюсь я. Мои заместители: на Базе — Нагорин, в Зоне — Руденко. Исследовательских групп десять, по десять — одиннадцать человек в каждой. Всего на Энифе в настоящий момент находится сто пять человек, включая Диего Вирта и Лена Неверова. Основные направления исследований: планетографические — пять групп, две из них изучают океаны Энифа; биологические — две, экологическая — одна, ксенопсихологическая — тоже одна. В последнюю группу входит также группа специалистов из Комиссии по контактам.

С материалами многие из вас уже знакомы, повторяться не буду, но остановлюсь на некоторых событиях и фактах, поставивших нас в тупик.

За два месяца, конечно, невозможно составить полной и правильной картины жизни целой планеты, тем более что сами энифиане ни в чем помогать нам не хотят. Более того, стражи иногда прямо препятствуют работе наших поисковых групп. Главный вопрос: кто же является разумным повелителем планеты? — остается открытым до сих пор, как это ни печально. Ни одно из уже известных нам живых существ Энифа не подходит под определение «живое существо». В том числе и стражи, хотя мнения по этому вопросу разделились.

Известно, что Эниф, как и Земля, на две трети покрыт водой, но имеет всего один материк — Панэниф — и два архипелага островов: Северный и Южный. Орбитальное картографирование помогло нам отыскать интересные образования на теле планеты — гаруа, так называемые стоячие туманы. Это действительно места, где вечно стоят туманы, скрывающие в белой мгле группы странных, столбообразных, с плоскими вершинами, скал. Площади их колеблются от двухсот до трехсот квадратных километров, высота около трехсот метров. Мы успели сделать всего одну вылазку к гаруа, но вмешались стражи, и экспедиция едва не закончилась плачевно: один из быстролетов был сбит на скалы, экипаж получил ожоги и травмы. Все наши гневные «почему» остались без ответа. Ну, это вам известно тоже.

А вот что стало известно только теперь. Эниф — планета знаменитых шквальных ливней, гроз и ураганов. Не проходит и двух дней, чтобы над Зоной не пронеслась шести-, семибалльная буря или сухая гроза. Совсем недавно метеорологи закончили разработку карты циклонов и центров развития ураганов,

и оказалось, что в местах, где расположены гаруа, гроз и ураганов не бывает совсем. В то же время появление наших групп вне Зоны тут же вызывает изменения погоды, перераспределение воздушных масс таким образом, что стоит нам только заняться оборудованием метеопостов или автоматических биостанций, как налетает ураган и работы приходится свертывать.

Доброгнев посмотрел на Торанца и продолжал:

— Может быть, это и случайность, но в таком случае природа Энифа обладает «встроенным детерминизмом действия», как выразился руководитель группы безопасности Юрий Руденко.

— Что имелось в виду? — спросил внимательный Шелгунов, переглядываясь с Торанцем.

— Что человек для биосферы Энифа является фактором ее загрязнения, — ответил сам Руденко. — И все эти ураганы, бури и прочее — реакция биосферы на наши действия. Однако не следует придавать моей гипотезе слишком много внимания, она... — Руденко пошевелил пальцами, подбирая выражение. — Все это игра ума, не более. Ждан не хочет формулировать тот вывод, о котором мы все, безусловно, догадываемся: энифиане продолжают свою политику закрытых дверей на ином уровне, на уровне якобы явлений природы. С одной стороны, они не препятствуют изучать Эниф, с другой — частые ураганы в тех местах, где начинают работать исследовательские группы, заставляют нас самих прекращать работу. Плюс к этому откровенное отпугивание от наиболее интересных с познавательной точки зрения объектов, например гаруа. Кстати, и ураганы в месте установки Зоны — тоже вещь любопытная. Раньше-то они были у Зоны гости редкие...

— Я понял. — Шелгунов задумчиво сощурил глаза. — Энифиане не отказались от попыток изучения

человека, его эмоциональной сферы и вообще цивилизации в целом, просто сменили методы изучения. Так?

— По-видимому, так.

— А по-моему, — сказал Доброгнев, — делать выводы рано. Конечно, нельзя сказать, что информации мы накопили мало, но вот обрабатывать ее нам зачастую не хватает времени.

— С обработкой поможет Земля, — глуховатым голосом произнес Торанц. — Десятки институтов ждут информации, только давайте. Нас же как представителей УАСС интересуют в первую очередь конфликтные ситуации. Столкновение со стражами, с другими существами и тому подобное. Как часто это случается?

— Сие вот его прерогатива, — кивнул Доброгнев на Руденко. — Он ухитряется знать даже то, чего я не знаю, я, непосредственный руководитель научного центра.

В зале вспыхнул смех.

— Чего доброго, — проворчал Руденко, — он скоро обвинит меня в скрытых связях с энифианами.

— УАСС за него ручается, — серьезно сказал Торанц. — Так, ситуация понятна. А о стражах известно что-нибудь, кроме того, что они выполняют функции сторожевой службы энифианской цивилизации?

— У Диего есть на этот счет любопытная идея, — усмехнулся Нагорин. — Будете внизу, спросите у него ради интереса. Я же, отвечая на ваш вопрос, начну издалека.

Основой множественности форм живых существ не только на Земле, но и вообще в космосе является принцип целесообразности. Человек, кроме того, «создан» природой еще и по принципу универсальности. Азбучные истины. Но вернемся к стражам. К сожалению, ни один из ученых-биологов не имел

возможности изучать анатомию стража материально, с инструментами в руках. Мы можем изучать их лишь издали, на известном расстоянии, а наблюдения без активных методов познания не слишком информативны.

— Позвольте, — перебил Нагорина Торанц. — Разве вы не можете применить технику, работающую на расстоянии? Интравизаторы например?

— Пробовали, и не один раз. Стражи непроницаемы для радиоизлучения и ультразвука, а рентген применять опасно, да и санкции на это энифиане не дадут. Тем не менее группа пандологов под руководством Денисова провела сравнительный функциональный анализ строения тел стражей по тем данным, которыми мы располагаем; кстати, многое нам сообщил Диего. Выводы, мягко говоря, озадачили как самих пандологов, так и остальных ученых. Масса тела любого стража равна восьмидесяти килограммам, отклонения незначительны, порядка десятков граммов. Но крылья их не способны поддерживать в полете даже тела массой в сорок килограммов, не то что восемьдесят. И все же они летают! Могут возразить — Диего вообще не имеет крыльев, но тоже летает. Верно, но это означает одно — и стражи и Диего имеют одинаковые функциональные особенности: способность управлять энергетикой тела в широких пределах, управлять силовыми полями и так далее. Денисов задал вопрос: почему стражи сохраняют такую нелепую со всех точек зрения геометрию тела? Все эти ненужные крылья, лапы, перья, гребни? Если самая выгодная по энергетическим и динамическим соображениям форма тела — шар? Ведь по информации Диего, стражи сами себе заводы и фабрики любых необходимых материалов, строят тело любым мысленным образом, то есть могут строить и перестраивать: все мы не раз наблюдали трансформацию их тел перед

ураганом. Вопрос и по сей день остается открытым. Словно кто-то извне задал стражам форму тела и запретил менять ее до возникновения опасности для их жизни. Получается, что тело стража не имеет доминанты: ни тебе универсальности разума, ни целесообразности живого существа.

— Так что же, по-твоему, стражи — машины? — скептически заметил Доброгнев.

— Почему бы и нет? — спокойно ответил Нагорин. — Биологический кибернетический механизм. Разве на Земле не создавали таких же в экспериментах? Многие говорят в пользу последней гипотезы, особенно поведение стражей.

— По мнению физиков, — негромко произнес начальник физической лаборатории, — форма тела стража близка к форме ТФ-антенны третьего порядка сложности. Да так оно, собственно, и должно быть, иначе стражи не могли бы летать. Все их крылья и лапы — суть антенны. Но есть и лишние «детали».

— Ну хорошо, — сказал Торанц, стряхивая задумчивость. — Загадки стражей и другие тоже будем решать вместе. Теперь поговорим о Диего и Неверове, об их судьбе. Расскажите, только коротко, что они могут, каковы особенности в поведении.

— Особенности в поведении нет никаких, — с видимой неохотой сказал Доброгнев. — А возможности... Диего способен аккумулировать электромагнитное излучение от ультрафиолетового до инфракрасного диапазона, может подзаряжаться от электросети и батарей, кроме того, вырастил себе двухкамерный желудок...

— Что это ему дает?

— В отсутствие чисто энергетической «подкормки» он может для пополнения энергии переваривать целлюлозу и даже каменный уголь.

— Ест древесину и уголь?! М-да-а... Что еще?

— Экстразонарное сердце позволяет ему летать, не так хорошо, как птицы, но все же... Слух абсолютный, физической силой не уступит грузовому роботу. Способен ощущать колебания электромагнитных полей за тысячи километров, может читать мысли, вернее, ощущает эйдетические образы, возникающие в мозгу собеседника. Это, пожалуй, главное.

— Идеал физической эволюции человека, — тихо, с расстановкой сказал Торанц. — Но мышление остается человеческим?

— Да, — угрюмо кивнул Нагорин, хотел что-то добавить, но передумал и лишь тверже сжал губы.

— Я бы не рассматривал эту проблему под таким углом, — произнес Шелгунов. — Диего скорее не суперчеловек, а химера. Что будет с ним дальше? Природа неспроста предотвратила разрушение видовой индивидуальности на Земле, а Диего в настоящее время не представляет вид хомо сапиенс, он полуфункционален. И тут надо во что бы то ни стало дознаться, чего хотели добиться энифиане, изменяя не только генотип, но и фенотип человека. Какая у них была цель? То, что они сообщили два месяца назад, не может быть главной причиной.

— Вот наиболее правильная постановка вопроса, — сказал с уважением Нагорин. — Кое-что у нас уже есть. Разработка методов целенаправленного изменения генотипов любого живого существа подходит к концу. Разобравшись в спектре мутационного излучения, которым энифиане «пичкали» дежурных в Зоне, мы можем уже сейчас начать потихоньку разматывать процесс изменения в обратную сторону, но пока что мешают два фактора: первый — пандологи не до конца изучили свойство иммунологической толерантности клеточных популяций тела Диего — «старого» и «вновь созданного». Ну, это сугубо профессионально, и распро-

страняться я не буду, скажу только, что, решив проблему этого блокировочного супрессора, ученые навсегда закроют проблему смертности человечества при пересадке любых органов. А второй фактор... — Нагорин искоса посмотрел на Доброгнева.

— Второй фактор — это желание самого Диего, — сказал тот сердито. — И с ним приходится считаться больше, нежели с остальными факторами. Диего наотрез отказался покинуть Эниф и вернуть себе прежний человеческий облик.

— Мотивы?

— Он сказал, что пока все загадки энифской цивилизации не будут разрешены, говорить об отступлении не только неправомерно, но и позорно. Да... и едва ли «нечеловеческие» способности мешают ему жить.

— Тоже верно. — Торанц встал. — Мне понятны все ваши тревоги и опасения, раздумья и надежды. Но у меня есть свои тревоги. Вы почему-то умалчиваете о том, что, по данным самого же Диего, энифиане «встроили» в него некий таинственный механизм подчинения своей воле. Пусть он себя пока никак не проявляет, ну а вдруг?.. И еще: почему вы уверены, что энифиане не «встроили» в Диего еще что-нибудь? Посерьезнее?

В зале стало тихо. Потом Доброгнев пробормотал:

— Пандологи его исследовали... Вы что — серьезно?

Торанц хмыкнул, прошелся между кресел.

— А вас это удивляет? Странно. Мне казалось, что вы должны были подумать об этом в первую очередь. Личные симпатии здесь абсолютно не нужны. Я тоже уважаю Диего, даже больше чем уважаю, но... Предусмотреть мы обязаны все.

Начальник сектора остановился у виома.

— Ну хорошо, оставим на время этот разговор. Как дела у второго «кролика» — Неверова? Он тоже «сверхчеловек?»

— Он может почти все, что и Диего, — сказал Нагорин после минутного молчания. — Хотя возможности его поскромней. Летать, например, он не умеет.

— Извините, — вмешался Руденко. — У меня вопрос: есть ли новая информация о причинах гибели цивилизации дендроидов? Тех, чей звездолет стоит перед Зоной? Не вмешались ли и там энифиане? Мы давали запрос Управлению месяц назад, но ответа не получили.

— Информация есть, — промолвил Шелгунов. — Причина гибели головоногих разумных, то есть дендроидов, достаточно тривиальна: никто их не уничтожил. Звезда их — барстер¹, последняя ее пульсация была настолько мощной, что дендроидов не спасла ни атмосфера, ни миллионы лет приспособленчества к вспышкам.

Руководители УАСС покинули зал, остались Доброгнев и Руденко. Нагорин, поколебавшись, тоже вышел, пообещав подготовить к полету в Зону один из десантных модулей.

— Что ты мне хотел сказать? — спросил Доброгнев, оглянувшись на закрывающуюся дверь. — Не мог раньше, до совещания? Кстати, ты продумал, как установить в Зоне ТФ-лифт, не беспокоя энифиан?

— Это невозможно. Энифиане остро реагируют на прибытие в Зону любых грузов и тут же запрашивают, что за грузы и для чего они предназначаются. К тому же Диего...

— Договаривай. Что-то заметил?

— Он говорил со мной рано утром. У него появилась идея настолько безумная, что она, по его вы-

---

¹ Б а р с т е р — вспыхивающая рентгеновская звезда.

ражению, и отражает истину... Но если она истинна, то жизнь исследователей на планете в опасности. Да что там в опасности — они как на пороховой бочке!

Доброгнев с шумом выдохнул воздух.

— Ну вы и даете! Что же ты Торанцу не сказал?

— Диего посоветовал молчать до тех пор, пока не будут получены твердые доказательства. Вполне вероятно, что он ошибается.

Доброгнев посмотрел на часы, решительно сел в кресло и указал на соседнее:

— Рассказывай.

Глава 2

Неверов выкатил из ангара быструлет и откинул фонарь кабины, поглядывая то на удивительно чистое утреннее темно-зеленое небо Энифа, напоминающее металлическую полусферу, то на серое полотно взлетной полосы, упирающейся в бурожелтый конус звездолета дендроидов: стараниями исследователей звездолет был почти полностью очищен от почвы.

Неверов был без скафандра, и Шелгунов несколько мгновений ошеломленно смотрел на него, пока не вспомнил, что он «мутант».

— Не угодите в тайфун, — проворчал, стоя у входа в Зону, Доброгнев. — Служба метеопатруля у нас поставлена хорошо, так что постоянно слушайте сводку, мы передаем о зарождении ураганов и их движении каждые полчаса.

— Не беспокойтесь, Ждан, — сказал, оборачиваясь, Неверов, невольно краснея: получилось, что он подслушал радиоразговор. — Я чувствую приближение урагана не хуже метеопатруля.

— Кхм... — Доброго не помолчал. Лица его не было видно из-за зеркального шлема-капюшона, но Шелгунов догадывался, что на нем сейчас написано.

— Тогда до связи. — Начальник центра махнул рукой и вошел в Зону.

— Поехали? — спросил Шелгунов, устраиваясь на заднем сиденье.

Неверов захлопнул фонарь, и быстролет серии «Г», похожий на наконечник копья с прозрачным острием, взмыл над белым параллелепипедом Зоны.

— Куда теперь?

— Покажите сначала одну из «зон недоступности» на побережье океана, а потом знаменитые гаруа.

— Гаруа ближе примерно вдвое.

— Тогда сначала к ним.

Неверов кивнул, и в оперении машины засвистел тугой ветер.

Шелгунов с интересом принялся рассматривать проплывающий под ними пейзаж.

Поросшая удивительно пушистым разноцветным мхом и колючим кустарником холмистая равнина уходила за горизонт. Иногда между холмами прятались похожие на малахитовые зеркала озера тяжелой зеленой воды. Пунктиром пересекала равнину цепочка высоких игольчатых скал, на которых сидели стражи, провожающие быстролет холодным блеском внимательных желтых глаз. Потом вспыхивающий разноцветными бликами кустарник поредел и вскоре исчез вовсе. Местность постепенно повышалась, появились низкие, изъеденные эрозией скалы, выпиравшие из-под слоя серой почвы, как сломанные кости из-под кожи.

— Плато Неожиданное, — показал Неверов, не снижая скорости. — Здесь биологи впервые повстречали клювокрылов... Да вот они, видите? Внизу, слева, у скал.

Шелгунов достал биноктар и возле группы белых скал заметил две изогнутые тени. Одна из них внезапно прыгнула вверх, наперерез быстролету, мелькнули пять растопыренных когтистых лап, мембрана крыла и страшный, длинный — около двух метров — разинутый клюв, усеянный треугольными зубами.

Быстролет сделал вираж, Неверов, смеясь, выровнял полет и покосился на Шелгунова.

— Ну как? Эти птички далеко не безобидны, верно? Единственные враги бронированных скалогрызов.

— А что, есть и такие? — осторожно поинтересовался Шелгунов.

— Имеются. Функционально те же кроты, только роют ходы внутри скал. Покрываются чешуйчатой броней и, по-видимому, не летают, крылья у них рудиментарны. Но они встречаются довольно часто, а вот клювокрылы — редкие твари, ходят только парами, причем всегда парагонально: самец с самцом — самка с самкой.

— У него пять лап? — помолчав, спросил Шелгунов. — Я почему-то заметил пять.

— Вы не ошиблись, у клювокрылов по пять лап — пентагональная симметрия. Вообще животный мир Энифа задает загадку за загадкой. Все виды живых существ очень резко отличаются друг от друга по филогенетическим признакам. У клювокрылов пять лап и одно крыло; у стражей две лапы, но три крыла; скалогрызы имеют три лапы и два крыла, хотя и неразвитые... Понимаете? Такое впечатление, что природа «экспериментировала», создавая животный мир планеты, не зная, какой вид выживет или какому отдать предпочтение. И поэтому каждый вид остался «недоделанным».

Под быстролетом пошла удивительная ярко-красная страна — сплошные валы, натеки, складки и

языки старой лавы, некогда выползшей из недр планеты сквозь трещины и поры в коре и вулканические разломы. Трещины избородили это гигантское плато черным узором. С высоты оно казалось еще не остывшей, пышущей жаром коркой. Но нет, температура пород под аппаратом не превышала температуры человеческого тела.

— Ты хорошо разбираешься в биологических терминах, — пробормотал Шелгунов, продолжая всматриваться в кроваво-красный ландшафт.

— Я хорошо разбираюсь в биологии, — подчеркнул последнее слово Неверов. — В Зоне я увлекся работами корифеев биологии и... понимаете, мозг, как губка, впитал всю информацию. Я бы сейчас без труда защитил минимальную ученую степень в области биологических наук. Да и в некоторых других науках тоже.

Шелгунов покашлял, слова не шли на язык, и он промолчал.

— Сейчас будет гаруа, — произнес Неверов, с непосредственностью молодости наслаждаясь в душе произведенным эффектом. — А красный пенеплен¹ под нами — это в основном магнезиально-железистые пироксены. — Он встретил взгляд начальника спецотдела УАСС и засмеялся. Отвернувшись, замялся: — Извините.

Засмеялся и Шелгунов. Подумал: «Ничего, по делом мне».

Последние минуты до гаруа пролетели в молчании.

Сначала Шелгунов заметил на горизонте странное белое вкрапление в буро-красной плоскости плато. Потом вкрапление разрослось в стороны, превратилось в бесконечное снежно-белое поле.

---

¹ П е н е п л е н — почти равнина, участок суши, образованный в результате длительного выветривания, разрушения и сноса горных пород.

Подлетев ближе, Шелгунов понял, что перед ними действительно на удивление плоское туманное облако, из которого проглядывали утопающие в белой мгле группы столбообразных, с поразительно плоскими вершинами скал.

Неверов замедлил полет, замер, к чему-то прислушиваясь.

— Странно, — пробормотал он через минуту.

— Что-нибудь случилось? — спросил Шелгунов, поднося к глазам свой биноктар.

— Гудит... броня быстролета гудит, слышите?

Шелгунов опустил биноктар и прислушался, на лице его отразилось недоумение.

— Писк какой-то слышу, а гудение нет...

— Ах, ну да. — Неверов с досадой поморщился. — Частота колебаний около пятнадцати килогерц.

Он остановил быстролет в воздухе и некоторое время прислушивался к тишине, поворачивая голову то вправо, то влево, как антенна локатора; Шелгунов при этом лишь иногда «хватал» своим нормальным человеческим слухом тихий свист. Потом коммуникатор снова тронул с места аппарат.

— Частота понижается, — сообщил он чуть погодя. — Одиннадцать килогерц... десять... девять...

Теперь и Шелгунов отчетливо слышал странное дребезжание — полусвист-полушипение стенок кабины быстролета. Когда частота колебаний опустилась до шести килогерц, внезапно «запели» сиденья, дрожь машины передалась и телам людей.

— Вот оно что! — сказал наконец Неверов. — Облучение! Попросту говоря, нас лоцируют, и локаторы эти где-то в черте гаруа.

— Это опасно?

— Не знаю, ничего подобного не встречал со времени дежурства в Зоне. Сейчас спрошу Диего, может, он знает.

Неверов напрягся, лицо его окаменело, резко выступили скулы и жилы на лбу. Шелгунов с невольным страхом наблюдал за этой демонстрацией феноменальных способностей молодого коммуникатора.

— Нет, к сожалению, и он не знает. — Неверов расслабился. — Посоветовал держаться подальше от гаруа и стражей, хотя их здесь, кажется, нет. Да, еще с юго-востока к нам идет черный тайфун, он еще далеко, да и зацепит нас чуть-чуть, но может, вернемся?

«Бойтся за меня, — догадался Шелгунов. — Ему самому не страшен ни тайфун, ни черт, ни дьявол! Но ведь рисковать собой — не то что рисковать другими? К тому же у гаруа тайфун наверняка свернет. Вперед!»

— Понял, — улыбнулся Неверов, хотя начальник спецотдела еще не успел произнести ни слова. — Посмотрим сверху, а потом рискнем нырнуть в туман, если не помешают стражи. Никто из наших еще не бродил по гаруа.

Быстролет воспарил над странным неподвижным слоем тумана. Правда, не совсем неподвижным: если взглядеться, верхняя кромка белесых испарений, очень медленно колыхаясь, истекала струйками в небо.

Приблизилась совершенно плоская вершина одной из скал. Неверов сделал петлю и с ходу, без подготовки посадил аппарат на гладкую темно-синюю вершину скалы.

— Подождем немного, — пробормотал он, снова напрягся, как при биосвязи с Диего.

Ждали минут пять, но все было спокойно, тишина не нарушалась ни одним звуком. Стражи не появлялись.

— Видимо, энифиане сменили способ контроля, — пробормотал Неверов, снимая контактор мыслеуправления. — Стражей не видно, но я чувствую, что мы не одни. Пойдемте посмотрим.

Они вылезли из кабины, разминаясь, обошли почти идеально круглую площадку диаметром в полсотни метров.

— Интересное образование, — сказал молодой человек. — Мои интравизорные способности весьма скромны, но все же не настолько, чтобы не видеть в глубине этих скал металлические стержни. Вероятно, скалы — искусственные сооружения, как и все гаруа. Но меня все же тревожит, что стражи сегодня вежливы, я бы сказал — тактичны. Обычно они к гаруа никого близко не подпускают.

— Видимо, узнали, что я начальник спецотдела, — пошутил Шелгунов.

— А может быть, я их просто не вижу и они где-то рядом? — Неверов несколько раз повернулся вокруг оси. — Эх, сюда бы Диего! Он-то уж наверняка разобрался бы что к чему!

Шелгунов хмыкнул, подошел к краю площадки и осторожно заглянул вниз, но увидел лишь постепенно исчезающий в белой мути ствол скалы и рядом смутно видимые еще несколько таких же каменных столбов со срезанными верхушками.

— Действительно заметно, что скалы обработаны, — пробормотал он. — Да и форма необычная... Вершины — как отполированы.

— Я же говорю, что до Диего мне далеко, — сердито ответил Неверов, восприняв слова начальника спецотдела как упрек. — Он бы наверняка ответил на все ваши вопросы. — И такая убежденность была в его голосе, что Шелгунов невольно оглянулся на коммуникатора, удивляясь его вере в безграничную способность Диего Вирта видеть скрытую суть вещей.

— Насмотрелись? — Неверов полез в кабину. — Вниз не расхотелось?

Шелгунов поймал его косой взгляд, и ему показалось, что во взгляде этом промелькнула усмешка.

«Мальчишка! — с веселой злостью подумал он. — Грубить безнаказанно может только обезьяна в вольере, но никак не человек, даже обладающий такими данными. Умение, приобретенное без усердия, в подарок, далеко еще не определяет цену человеку».

По тому, как по щекам коммуникатора разлился румянец, Шелгунов понял, что его мысль расшифрована. Он рассмеялся и дружески стукнул Неверова по плечу.

— Не журишь, разведчик. Не может быть, чтобы перед ними спасовали. Вспомни историю. Стражи — не боги, но мы — люди! Понял?

«Черт бы меня побрал со своими нотациями! — подумал он, тщательно блокируя мысли. — Еще неизвестно, во что выльется этот спланированный энифианами эксперимент с усилением интеллекта. Мальчишке не так сладко, как думают ученые на Базе...»

— А локация все еще продолжается, — пробормотал Неверов в кабине, закрыв фонарь. — Кто-то держит нас на прицеле. Не потому ли стражей не видеть?..

— Меня это тоже тревожит, — признался Шелгунов. — Сделаем так: нырнем в туман, пощупаем дно — и сразу назад. Не возражаешь?

Неверов кивнул, нахлобучил контактор, похожий на цветочный бутон в бронзовой оправе.

Белая пелена поглотила свет, съела все цвета и звуки. Только рядом, в десятке метров, проплывала тень одной из скал. Больше ничего Шелгунов не видел, как ни напрягал зрение.

Чем глубже в туманную невидь погружался бы-стролет, тем острее нависало над людьми ощущение чьего-то тяжелого присутствия, словно откуда-то сверху все ближе опускалась на земную машину гигантская лапа неведомого великана, и лишь движение вниз спасало пока людей от удара.

«Интересно, Лен же должен видеть лучше, чем я», — подумал Шелгунов.

— Вижу только скалы, — отозвался тот, не обладая достаточным тактом, чтобы не напоминать товарищу о своем экстрасенсорном восприятии чужих мыслей. — А вот под нами что-то интересное... соты. — Неверов вдруг присвистнул. — Ну и ну! Вот это да!..

— Что там такое?

Шелгунов схватился за свой бинокль, но по-прежнему видел лишь белую кипень за прозрачным стеклом фонаря.

— Стражи! — шепотом произнес Неверов. — Нечто вроде пчелиных сот, и в каждой ячейке по стражу! Что будем делать?

— Они нас видят?

— Н-нет... по-моему, нет, сидят неподвижно, да и глаза у них не светятся. Забавно, уж не инкубатор ли это? Вот обрадуем ученую братию!

— Там есть место, где можно приземлиться?

Неверов pokrutil головой и утвердительно кивнул.

— Чуть подалее, за границей сот.

— Тогда на посадку.

Быстролет скользнул влево и вниз. Приблизилась неясно видимая темная масса, распалась на частокол черных шипов. Промелькнула мимо колонна скалы, и наконец показалось дно гаруа — серо-голубое, с чередующимися пятнами круглых ям.

Нет, не круглых — шестиугольных... Действительно, соты! И в каждой яме...

— Посветить нельзя? — спросил Шелгунов, понижая голос.

— Не хотелось бы. — Неверов наморщил лоб, напрягая свою экстрасенсорную нервную систему в попытках оценить степень опасности. — Если хотите посмотреть, лучше выйти и подойти поближе. По моему, нам пока ничто не угрожает.

Шелгунов думал мгновение, потом решительно зарастил «молнию» скафандра, автоматически проверил указатель герметичности и первым вылез в серые сумерки. На блестящий балахон скафандра тут же начал оседать беловатый налет.

Шелгунов подошел к ближайшей яме — идти было легко, как по бетону, — и заглянул. Метрах в двух от уровня ямы он разглядел жуткую фигуру стража, распластавшегося по едва заметно светящейся фиолетовой полусфере. Сначала он просто рассматривал чудовище, не различая деталей, потом понял, что этому стражу чего-то не хватает.

— Нет лап, — поймав его мысль, сказал Неверов, останавливаясь за спиной. — У него нет лап, да и по размерам он меньше летающих раза в полтора.

— Похоже, ты прав, это инкубатор, — сказал, разгибаясь, Шелгунов, и снова тревожное предчувствие кольнуло сердце. — Инкубатор. Однако мне их молчание начинает действовать на нервы. Энифианам зачем-то потребовалось показать нам инкубатор стражей — так это выглядит. Зачем?

Он еще раз посмотрел на неподвижного стража с мертвым взглядом несветящихся, как бельмо, глаз, подбежал к соседней ячейке, заглянул.

— То же самое...

Внезапно где-то родился странный шум — будто захлопали тяжелые крылья, и все стихло.

Шелгунов замер с поднятой ногой, Неверов напрягся, обращаясь в слух.

— Нет, не вижу, — глухо проговорил он. — Туман какой-то странный, липкий, плотный... хуже, чем скалы.

— Пошли назад, — заторопился Шелгунов. — Увлёклись, как мальчишки. Праздное любопытство не доводит до добра.

Они залезли в кабину, с облегчением ощущая привычную обстановку. Шелгунов брезгливо стер с рукава белый налет и не стал снимать скафандр. «Черт его знает, — подумал он, — чем это пахнет. Неверов себя обезвредит, а я сам себе, к сожалению, не медцентр».

— Что случилось? — спросил он, заметив, как напарник замер в позе немого удивления.

— Контактёр... — сказал тот растерянно. — Пропал контактёр!

— Как пропал? — нахмурился Шелгунов.

— Так — нет его на месте, и все... И запасной в нише исчез...

— Не может быть.

— Да не шучу же я!

Они посмотрели друг на друга, и у обоих мелькнула одна и та же мысль.

— Не может быть! — сказал теперь уже Неверов. Мысль была: «Заманили! Не выпустят!»

Несколько минут они искали пропавшие контакторы мыслеуправления, причем Неверов даже выходил из быстроголета, но найти шлемы не удалось.

— Ладно, попробуем на ручном, — сказал наконец Неверов, откидывая небольшую панель ручного управления. В голосе его прозвучала неуверенность.

— Не приходилось без контактора? — спросил Шелгунов.

— Не приходилось... ручное управление я знаю чисто теоретически. Не дает покоя мысль — зачем это им?

— Кому?

— Энифианам, конечно, кому же еще? И самое интересное, чувствую — наблюдают за нами, но никого не вижу... А ведь в «нормальном» тумане вижу так же хорошо, как при свете...

Шелгунову на мгновение стало не по себе. В душе шевельнулся страх, но он тут же подавил его злостью.

— Ничего, проскочим. Тут всего две сотни метров. Рванем по вертикали... Я, конечно, тоже не ахти какой пилот, но все же попробую. Садись рядом.

Они поменялись местами.

Фонарь с громким щелчком вошел в паз, зашипели насосы, выгоняя чужеродную атмосферу из кабины. Быстролет оторвал медленно нос от скалы и пошел вверх. И в это мгновение Шелгунову показалось, что прямо перед глазами в кабине произошел бесшумный взрыв! Ярчайшая вспышка ударила по глазам! И наступила темнота...

Вскрикнул Неверов:

— Гоните! Вверх, вверх, быстрее! Излучение!

И только тогда Шелгунов понял, что ослеп. Он толкнул от себя рулевую колонку.

Рывок быстролета, не смягченный защитным полем, бросил его на спинку сиденья, боль в грудной клетке рикошетом ударила в голову, а потом он уже ничего не чувствовал...

Глава 3

— Может быть, все же не стоит рисковать? — сухо сказал Доброгнев. — Не было бы прецедента... Начальник сектора УАСС позволяет себе рисковать, как...

— Как это? — так же сухо спросил Торанц и, не дождавшись ответа, продолжал: — Я хочу убедиться

сам, составить полную картину событий на планете. К тому же с нами Диего. А что это вы вдруг так всполошились? — Он подозрительно посмотрел на руководителей исследовательского центра. — Или дела обстоят хуже, чем мне докладывали? И риск превышает норму безопасности для неосвоенных планет?

— Не превышает, — пожал плечами Доброгнев. — Но инцидент с Шелгуновым...

— Шелгунов виноват в этом сам.

— Ему ничто не грозит, — вмешался Диего. — У него обожжена сетчатка глаза, временная потеря зрения, это излечимо. Но, я думаю, с нами ничего подобного не случится.

Торанц подождал немного — все молчали — и шагнул к выходу.

— Держите связь, — сказал вдогонку Тоидзе и добавил полушутливо: — Я на дежурстве, и мне вредно волноваться.

В кабине разместились быстро: впереди в кресле пилота Диего Вирт, на задних сиденьях Торанц и Руденко. Аппараты этого типа не имели видеоприемников, и Торанц высказал недовольство, вызвав улыбку понимания у Диего: начальник сектора думал вовсе не о видеосвязи.

Здание Зоны превратилось в белую точку и затерялось среди разноцветных холмов равнины Контакта.

— Вообще-то если бы не Лен, — сказал Диего через плечо, — плохо пришлось бы Шелгунову.

— Почему? — пробурчал Торанц, продолжая разглядывать природу Энифа, которую раньше видел только на экранах и фотоснимках.

— Неверов прикрывал его собой, собственным биосиловым «зонтиком», и потерял энергии больше, чем если бы работал физически весь день. Когда они сели и я открыл фонарь, он был мокрый как мышь. Странно только, что он не заметил похити-

телей контакторов. Как могли энифиане незаметно прошмыгнуть мимо — ума не приложу!

— И снова молчание в ответ на наши запросы, — пробормотал Руденко. — Словно не слышат.

Несколько минут прошло в тишине. Торанц достал из-под сиденья бинокль и водил окулярами по наиболее интересным местам на поверхности равнины. Руденко что-то еле слышно напевал. Диего сидел как изваяние, и никто не видел улыбки в его глазах: он знал, о чем думает каждый из пассажиров, и это забавляло его с той стороны, что и они знали о его знании. Но вели себя внешне совершенно спокойно, непринужденно.

— Я смотрел у видеоинженеров странные картинки, — сказал Торанц, опуская биноктар. — Видеосвязи у энифиан, очевидно, нет?

— Нет, — согласился Диего. — То, что принимают наши антенны, скорее всего, не видеопередачи энифиан, а эффект мыслеобщения стражей, эффект направленного биорадиоэха.

— Ты что же — можешь читать их мысли? — заинтересовался Торанц.

— Вопрос нуждается в уточнении, — улыбнулся Диего. — Во-первых, нет никаких доказательств, что стражи мыслят... у меня, правда, имеются кое-какие подозрения, но их еще нужно проверить. Во-вторых, я ощущаю разговоры стражей между собой чисто качественно, эдакий беззвучный толчок по нервам. Но о чем они говорят... — он развел руками, — не ведаю.

Торанц вдруг схватился за бинокль, и Диего без всякого перехода пояснил:

— Скалогрызы. Вылезли понежиться на солнышке. У всей здешней живности, кроме биоплазменного сердца-генератора, есть еще и фотоэлементные преобразователи. Вот они и блаженствуют, аккумулируя даровую манну небесную. А ночью вся жизнь

на неосвященной половине планеты замирает... по неизвестным причинам. Ведь не зависят же они в самом деле полностью от светила?

— Любопытно...

Через полчаса полета аппарат пролетел недалеко от одного из гаруа. Торанц сворачивать к нему не стал, проводил долгим взглядом, и все. Наверное, ему было достаточно случая с Шелгуновым. Вскоре кроваво-красные базальты, излившиеся миллиарды лет назад в эпоху горообразования, сменились темно-коричневой мешаниной хребтов. Здесь летающей фауны почти не встречалось, лишь на склоне гор кое-где горели ровные желто-оранжевые свечи — глаза скалогрызов.

Быстролет вдруг клюнул носом и чуть ли не отвесно пошел вниз.

— В чем дело? — буркнул Торанц, роняя бинокль.

— Сейчас я вам кое-что покажу, не зря же лете-ли в эту даль.

Мелькнул рядом блестящий, словно лакированный, бок скалы, небо и земля поменялись местами, и движение оборвалось.

Быстролет стоял на небольшой наклонной площадке, окруженный странным каменным частоколом, напоминающим челюсть какого-то грандиозного хищника. Рядом козырьком навис уступ угрюмой черной скалы, сзади громоздились валуны, скрывавшие под собой весь склон горы. Вершина горы пряталась за удивительно ровной плоской стеной высотой в несколько десятков метров.

— Ну и что? — нарушил молчание Руденко, с недоумением посмотрев на Диего.

— Выйдем, — решил тот. — Не беспокойтесь, потеряем пару минут, но это необходимо.

Они вылезли из кабины на коричневую осыпь. Торанц, утопая по щиколотку в щебне, обошел пло-

щадку и остановился напротив круглого черного пятна в боку скалы.

— Что это?

— След скалогрыза, — пояснил наблюдавший за начальством Руденко. — Прогрызая в скалах ходы, они цементируют их за собой. Толщина такой пробки около метра, прочность не уступает прочности основной породы.

— Зачем это им?

— Видимо, защита от извечных врагов — клювокрылов.

Торанц стукнул кулаком в перчатке скафандра по бугристой поверхности черного круга и приблизился к нависающему каменному карнизу.

— Смотри-ка, пещера!

— Заметили наконец, — с едва уловимой иронией отозвался Диего. Он одним прыжком преодолел десятиметровый подъем и окунулся в тень под карнизом. — Юра, посвети.

Руденко прошел вперед и включил фонарь, вмонтированный в конус шлема. Луч света выхватил из тьмы сводчатый туннель, усеянный кристалликами кварца. Туннель уходил куда-то вбок и вниз, совершенно не увязываясь с понятием «естественная пещера».

Руденко углубился под своды туннеля, дошел до поворота и остановился.

— Так!

Торанц быстро спустился за ним и увидел у своих ног... ступеньки, упирающиеся в сплошную скалу!

— Лестница, — тупо сказал он, еще не поняв смысла сказанного. — Лестница?!

— Это еще не все, — сказал Диего. Нагнулся и подобрал с серого пола бледно-розовый сросток камня, нечто вроде сломанного человеческого пальца. — Это кристалл кальцита, тут их несколько

штук. Я проверил, когда-то они содержали в себе информационные записи, но сейчас — просто камни, и неудивительно: со времени их отделки прошло по крайней мере десять тысяч лет.

— Ты хочешь сказать... — начал Руденко.

— Совершенно верно. Я хочу сказать, что на Энифе когда-то существовала технологическая цивилизация. Перед нами ее следы. Этот туннель завален совсем недавно, примерно с полгода назад, и за перекрывшей его скалой находится хранилище подобных кристаллов.

Диего швырнул розовый цилиндрик в перегородку, и тот разлетелся стеклянными брызгами.

— Понятно, — сказал Торанц, собираясь с мыслями. — Технологическая цивилизация... а существующая, по всем данным, биологическая... Но зачем энифианам скрывать от нас это обстоятельство? Разве что... геноцид?

— Не обязательно. Вернее, — поправился Диего, — я так не думаю, а разгадка там. — Он кивнул на массивный выступ горной породы, вклинившийся в коридор. — Но пробиться туда я не в силах, нужны деформаторы как минимум на тысячу-две гравитуд. Ладно, пошли отсюда, я еще не все показал.

Они вышли из туннеля в энифианский зеленый день. Диего взобрался на поваленный каменный останец и прошел по нему к серой, в зеленоватых потеках, плоской стене, накренившейся над площадкой.

— Лезьте сюда.

Торанц, не говоря ни слова, поднялся на скалу и подошел к стене.

— Что это, по-вашему?

Начальник сектора дотронулся до стены, стирая перчаткой зеленовато-рыжее пятно, и под рукой тускло блеснул металл.

— Так! Металлы?

— Молибденовая сталь, вся стена. Полтора миллиона тонн стали! Возраст тот же, что и у кристаллов, — около десяти тысяч лет.

— Странно все это, — сказал уже в кабине Торанц, с любопытством разглядывая невозмутимое лицо Диего, будто впервые с ним познакомился.

— Ты давно знал о пещере? — спросил Руденко.

— Мне ее показал старый знакомый — меланхолический страж, — не отвечая прямо на вопрос, сказал Диего. — Сей факт пока не укладывается в стройную систему моих умозаключений, но для всех нас он крайне важен, вот я и решил сообщить вам... каюсь, поздновато. Но я надеялся все загадки размотать сам. Кстати, помните разведывательный полет Вити Зубавина, когда по его модулю был нанесен мезонный удар? Я нашел то место между холмами, откуда стреляли. Там когда-то очень и очень давно был город, сохранилась только кладка фундамента да несколько плит вроде этой, из такой же молибденовой стали. К некоторым до сих пор подходят под землей питающие волноводы, но энергии в них нет, хотя я догадываюсь, откуда она поступает в нужную минуту.

Быстролет поднялся в воздух, обогнул стену и взял курс на дрожащее изумрудное марево на горизонте: океан был рядом, в ста километрах, за древним разломом планетарной коры, похожим на шрам.

До побережья они долететь не успели, дорогу перекрыл узкий, но чрезвычайно активный грозовой фронт.

— Энифианский хабуб, — сказал Диего, бросая быстролет в крутой вираж. — Идет полосой почти на полторы тысячи километров. Но мы обойдем его справа, я вижу просвет. Между прочим, не хотите

посмотреть, как прячутся скалогрызы? Берите бинокли, впереди по курсу три закорючки... Видите? Сейчас подойдем ближе.

Быстролет нырнул вниз к самой вершине скалистого пика и резко затормозил.

Торанц поискал глазами «закорючки», навел окуляры и на расстоянии протянутой руки увидел трех скалогрызов. Закованные в гладкую до зеркального блеска броню, звери напоминали свернувшиеся кольцом металлические трубы: две лапы под брюхом и одна сзади цеплялись за камни, недоразвитые крылья так крепко были прижаты к телу, что почти не выделялись. Морды и рыла как такового у скалогрызов не было, была какая-то чудовищная мешанина серых и бурых гребней, шипов, желваков и воронок, от которой возникали нехорошие ассоциации и в мозг стучался слабый протест желудка. Торанц невольно сглотнул слюну и, вздохнув, стал рассматривать тускло мерцающее в грибообразном наросте «головы» скалогрыза пламя его глаз.

— Внимание! Смотрите!

Под быстролетом внезапно словно раздался взрыв — свернутые тела бронированных ящеров разогнулись, как пружины, впились в склон горы: во все стороны брызнул щебень, каменная крошка, вспыхнули и расплылись три облака сизого дыма и пыли. Когда дым рассеялся, на светло-сиреневом боку скалы открылись взору круглые черные пятна пробок.

— Ну и силища! — пробормотал Торанц.

— Не задело бы нас крылом бури, — сдержанно проговорил Руденко, кивая на быстро приближавшуюся иссиня-фиолетовую стену туч, внутри которой клубилось и играло электрическое сияние.

Диего круто взял вверх, машина перевалила хребет и с ходу влетела в узкое ущелье, проделанное в каменном щите древним водным потоком.

— Какова же тогда мощь клювокрыла? — продолжал развивать мысль Торанц. — Ведь скалогрыз — это живой металл!

— Скорее, живой плазменный резак, — заметил Диего, ведя быстролет с прежней скоростью.

Резко стемнело, небо над ущельем затянула фиолетовая мгла, которую вскоре оплела пульсирующая сетка электрических разрядов.

— Переждем здесь от греха, — решил Диего и мягко опустил быстролет в глубокую сухую яму.

— Глядите-ка — дождь! — удивился Руденко, показывая на сползающие по прозрачному колпаку кабины редкие капли. — Хабуб не часто приносит дожди, — пояснил в ответ на жест Торанца. — Зато часто — черную угольную и графитовую пыль: на Энифе уйма открытых угольно-графитовых месторождений, прикрывающих, кстати, колоссальные гнезда алмазов.

Некоторое время просидели молча, дивясь на красивые всполохи электрического сияния в прорези ущелья; обычного для земных гроз грома не было, лишь иногда доносилось длинное ядовитое шипение да частый треск.

— Не люблю бесшумных гроз, — поежился Торанц. — Неестественно как-то... и тревожно... — Он вдруг вспомнил ровное оранжевое пламя глаз скалогрыза. — Глаза у них в самом деле светятся?

— Светятся, — подтвердил Диего. — Да и не глаза это вовсе, а рентгеновские локаторы, оранжевое свечение — побочный эффект их работы.

— М-да... Наверное, никогда не устану поражаться изобретательности природы.

Тигр, о тигр, светло горящий,
В глубине полночной чаши!
Кем придуман огневой
Соразмерный образ твой? —

тихо, но четко прочитал четверостишие Блейка задумавшийся Руденко.

— Серьезный вопрос, — вздохнул Диего. — Особенно если применить его к стражам.

Торанц подозрительно посмотрел на лицо разведчика, хранившее серьезное выражение.

— При чем здесь стражи?

— Стихи Юры подходят к ним больше, чем к кому-либо. Кем придуман огневой, соразмерный образ твой, страж? Ну, может быть, и не совсем соразмерный, но вопрос поставлен не в бровь, а в глаз.

— О чем ты? Не разговаривай полунамеками.

— Иначе он не может, — с внезапным раздражением бросил Руденко. — Своими умозаключениями он толкает нас к пропасти, просто голова кругом идет.

— Так поделись со мной.

Диего искоса посмотрел на насупленного начальника сектора и медленно проговорил:

— Может быть, это и в самом деле только мои фантазии, сам не знаю. Нужна проверка, я уже говорил. Отправной точкой моих умозаключений была мысль: откуда у энифиан столь крайний «социал-биологизм», редуцирующий человека до уровня биологического существа? Почему они относятся к нам как к биологическим машинам, а не существам разумным? Плюс к этому их признание об отсутствии эмоциональной сферы. Теперь понятно?

— Если бы, — хрипло ответил Торанц. — А доказательства?

— Я только ими и занимаюсь. Ну, кажется, уже можно отправляться. — Диего удобнее уселся на сиденье, взвесил в руке контактор, потом вдруг обернулся и в упор посмотрел на Торанца. — Единственная просьба, Джордж. Не делись своими сомнениями и догадками в Зоне и тем более не докладывай о них на Базу. У меня есть факты, что все наши разговоры в Зоне и переговоры с Базой прослушивают энифиане.

Быстролет вынырнул из мгливой тени ущелья, и в его оперении заиграли крохотные радуги дождевых брызг. Хабуб умчался на юг, волоча за собой опадающий хвост тумана и водяной пыли.

Они стояли на берегу, утопая по щиколотку в крупном жемчужном песке, и у ног лежал дымящийся после дождя океан, прозрачный до того, что даже в полукилометре от берега можно было разглядеть его дно.

Диего нагнулся и плеснул себе в лицо водой.

— Благодать, скажу я вам, отцы. Жаль, что вы этого не ощущаете.

Видимо, одна и та же мысль: «А на Земле?» — мелькнула у обоих — у Торанца и Руденко, потому что Диего фыркнул и поднял обе руки над головой:

— Сдаюсь и прошу прощения. А теперь пройдем во-он до того бугорочка. Идти по песку одно удовольствие, вот и прогуляемся.

До бугорочка было около четырехсот метров. Шли медленно. Руденко забрел по пояс в абсолютно спокойное зеркало воды и шел вдоль кромки берега, поднимая сказочно прозрачную воду. Ему вдруг захотелось, как Диего, идти по берегу без скафандра, брызгать на шею водой и дышать йодистой свежестью древней колыбели жизни.

«Сорок недель без Земли — это много, — подумал он. — К сожалению, это не Земля, а Эниф, и дышать смесью угарного и углекислого газов я еще не научился...»

— Что касается запахов, — словно невзначай обронил Диего, — то йодом здесь не пахнет. Океан перенасыщен углекислотой и солями бария, есть и бромистые соединения, и соли урана и тория. Согласен, это химия, а не поэзия, просто даю справку. А вот и то, ради чего я вас сюда притащил.

Странный голый бугор, к которому они подошли, оказался мощной ржавой плитой, утопающей под многометровым слоем песка. Чуть поодаль из песка выступали углы еще нескольких плит, чередой уходящих в океан.

— Тот же молибденовый сплав, тот же возраст. Здесь тоже когда-то стоял город, но сейчас он под водой, почти полностью занесен илом. Из плит предки энифиан... ну, может, не предки, а другая разумная раса, не выдержавшая конкуренции с настоящей, построила убежища, но те не вынесли испытания временем.

— Десять тысяч лет и ураганы... — сказал Руденко. — Никакая сталь не выдержит.

— Другая раса... — повторил Торанц, пробуя на язык новое слово. — Две расы на планете: технологическая и биологическая, одна из которых не смогла себя защитить... Так? Но реально ли это? Что, если эволюция просто сделала крутой поворот? Такое могло произойти?

— Примеров сколько угодно, даже на Земле, — сказал Руденко с непонятной интонацией.

— Скорее всего, вы оба ошибаетесь, — грустно сказал Диего. — Самый крутой поворот эволюции длится не менее нескольких десятков миллионов лет, но никак не десятки тысяч. Столь круто могут повернуть свою историю только разумные существа. А теперь посмотрите сюда, вдоль берега. Видите?

Километрах в восьми на берегу океана виднелась туманная желтая полоса, из которой вырастал частокोल тонких из-за расстояния спилей.

— Что это? — нарушил молчание Торанц.

— Одна из зон недоступности, куда нас не пускают стражи. Прелюбопытнейшее место, скажу я вам! Ребята с Базы провели локацию здешних районов, по-видимому, это действующий завод, оставшийся со времен оных... — Диего не договорил. Над уре-

зом воды появилась черная точка, приблизилась, и люди увидели стража. Он летел чуть в сторону, но сделал крюк и пролетел над ними, внимательно разглядывая их белыми, без всякого выражения, глазами. Два метровых крыла он распростер в стороны, третье стояло парусом, и казалось, что он плывет по воздуху, подгоняемый попутным ветром.

— Разведчик, — бросил сквозь зубы Диего, глядя вслед пролетевшему уроду из-под козырька руки. — Кому-то не понравилось наше появление на берегу вблизи зоны недоступности. А ну-ка быстренько в машину, не по душе мне их сигнализация. — И первым направился к быстролету.

— Куда теперь? — спросил его Торанц в кабине.

— В океан. Покажу город, сквозь толщу воды он виден хорошо. Потом пройдем возле зоны недоступности, у которой повышен радиационный фон. Пристегнитесь, пойдем на форсаже.

Океан распахнулся перед ними во всю ширь.

Глава 4

Диего поколдовал над замком, и дверь, к удивлению Нагорина, рассыпалась белым порошком.

— Смотри-ка, перестал держать магнитный каркас, — сказал Диего, переступая порог. — Последний раз я был здесь два месяца назад.

Комната была маленькой, два на три метра. Стены ее были увешаны в три ряда разнокалиберной сеткой защитных устройств, потолок и пол металлические, в углу стоял большой металлический ящик, и над ним панель пульта с мертвыми глазками индикатора ламп.

Нагорин похмыкал, включил механизм запираения, но дверь полностью не восстановилась, сквозь нее была видна противоположная стена коридора.

Диего жестом попросил отойти, тронул пальцем клавишу-сенсор — на пульте зажегся розовый огонек, потом открыл ящик и достал из захвата «универсал». Взвесив в руке, положил пистолет обратно, покопавшись, извлек из глубины ящика странный кружевной крест на массивной рукояти.

— Что это? — заинтересовался Нагорин.

— Болеизлучатель, вернее, излучатель звука. Диапазон от одного до двух тысяч герц. На частоте трехсот герц мощность максимальна, около двухсот децибел.

— Ага... болевой порог?

— Для человека — да, но к сожалению, а может, к счастью, не для живности Энифа. Все эти игрушки загружались еще при сооружении Зоны, когда мы ничего не знали об энифианах, кроме того, что они существуют.

— Сейчас знаем не больше.

— Ну, не говори. Кое-что мы знаем наверняка.

— Ради чего ты меня потащил сюда? И почему именно в эту каморку?

— Потому что объем этой комнатки — единственное место, недоступное ощущалам стражей. Я включил защиту.

Нагорин с опаской посмотрел на металлический потолок.

— Вот как? Интересно.

— Ладно, к делу. О том, что до энифианской биологической на Энифе существовала технологическая цивилизация, ты уже знаешь. Но не знаешь, что без техники нынешняя тоже не может существовать.

— Это еще надо доказать.

— Доказательства есть, но их надо уметь видеть. Резкие различия между отрядами животного мира планеты — раз.

На лице Нагорина отразилось разочарование.

— При чем тут фауна Энифа?

— Погоди, не спеши. Итак: отличия, эксперимент над нами, признание энифиан и, наконец, последнее — одна из зон недоступности у океана является заводом по производству... скал.

Нагорин засмеялся.

— Вот это открытие! Каких скал?

— Тех самых плосковершинных скал, которые стоят в гаруа. На самом деле это вовсе не скалы, а генераторы биосинтеза.

Диего замолчал, Нагорин задумался.

— Ты хочешь сказать, что все химеры Энифа — созданы все той же технологической цивилизацией тысячи лет назад? Но кто тогда в настоящее время стоит за всем этим? Кто на Энифе разумен?

— По-видимому, стражи.

— Стражи?!

— Не укладывается в голове? Да, стражи. Не исполнители чужой воли, защитники, ассенизаторы, сторожа и так далее, как мы думали, а разумные существа, управляющие миром. Чего я не могу пока понять, разобраться — в их социальной организации. И знаешь, — Диего понизил голос, — я не специалист-историк и не социолог, но... может быть, социума на Энифе нет совсем?

— Как это — нет социальной организации? Любая цивилизация имеет иерархию порядка и управления... Тьфу! Заговорил. А факты? Где доказательства, что стражи и есть те самые энифиане, с которыми мы так сложно контактируем? Наши с тобой подозрения ничего не стоят без фактов.

— Кое-какие факты у меня есть. — Диего постукал пальцем себя по лбу. — Остальные будут даже скорее, чем ты думаешь. А о том, что я тебе сообщил, подумай.

Нагорин постоял молча, повздыхал.

— Как дела у Лена? Ты с ним больше возишься.

— Что — Лен... Лен молод, даже юн, а юность — это старость без сомнений, будущее для нее — прямая линия. Он верит, что все будет хорошо, верит мне... а я верю вам.

Нагорин встретил всепонимающий светлый взгляд Вирта и заставил себя не отвести глаз.

— Диего, — сказал он, — вот я стою перед тобой, какой есть... Ты ведь читаешь мысли, загляни в мои... Я ничего ни от кого не утаивал... Ты мне дорог не как великолепный инструмент познания, а как человек... веришь?

— Не верю, — качнул головой Диего. — Знаю. Спасибо, Игорь, в тебе я никогда не сомневался. Впрочем, я ни в ком не сомневаюсь, это пройденный этап.

— Зато я читать мысли не умею и не имею понятия, что у тебя на уме. Не знаю даже, как ты себя чувствуешь, не в курсе твоих неприятностей.

По губам Диего скользнула грустная усмешка.

— Неправда, Игорь, все-то ты знаешь. Со мной все в порядке, да и что может со мной произойти, если я практически бессмертен? Помнишь, у Хайяма?

Отчего всемогущий творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны — зачем умираем?
Если не совершенны — то кто бракодел?

— Ну, ты-то явно не бракодел, — пробормотал Нагорин. — Но учти, даже твои сверхспособности — не более чем отклонение к совершенству. Да и что есть совершенство? Только не бессмертие тела, это я знаю точно.

— Я тоже. Может быть, для всего человечества совершенство — это умение учиться на ошибках?

Нагорин нехотя улыбнулся и неопределенно махнул рукой.

— Закрывай свой арсенал, надеюсь, он никогда никому не понадобится. Значит, энифиане прослу-

шивают разговоры в Зоне? Но в таком случае они в курсе всех наших действий?

— Положим, не всех, иначе они перестали бы задавать вопросы через официальный канал связи. Но дальнейшая информация должна оставаться для них тайной. В том числе и наши догадки, и сомнения, и замыслы, и решения, и даже решенные проблемы. Надо потихоньку свертывать исследования, но так, чтобы энифиане не пронюхали ни о чем. Иначе...

— Что иначе? — Нагорин, собравшийся выйти из комнаты, остановился.

— Пустив наши отряды на планету, энифиане и мысли не допускали, что мы можем проникнуть в их тайны. И если мы хотя бы намекнем, будто нам что-то известно, живых нас отсюда не выпустят. Точно так же, как не выпустили дендроидов. И будет стоять наша Зона пустой сотни лет, пока ее не откроет корабль-разведчик какой-нибудь другой цивилизации.

— Весьма драматично, даже жутко! Ты сам-то веришь в то, о чем говоришь? Как это нас не выпустят? Разве энифианская цивилизация — фашистская диктатура? Разве высокоорганизованный разум не гуманен в самой своей основе?

— Помнится, ты когда-то стоял на иных позициях... — Диего вздохнул и выключил защиту комнаты. — Гуманен, негуманен... человек — пуп Вселенной, так? Старо и неправильно... Ладно, я понял, тронут твоим сочувствием, хотя и не нуждаюсь в нем. Договорим потом, когда я буду готов. Там тебя, кажется, ищет Юра Руденко.

— А ты куда?

— Я пойду к вам позже, попробую починить дверь.

Нагорин, глядя в пол, задумчиво потрогал металлическую стенку ящика и вышел, чувствуя на спине изучающий взгляд Диего.

Быстролет Диего оставил в двух минутах лета от Осиного Гнезда — так он с иронией назвал одну из зон недоступности на планете, к которой, по его наблюдениям, стягивались все нити управления неспокойной жизни Энифа. Началось его знание об этом районе давно, еще с той поры, когда он только учился владеть своими новыми способностями. В один из выходов из Зоны он неожиданно уловил сигнал, пришедший отсюда, из Осиного Гнезда, после чего застывшие на скалах стражи ожили, будто их внезапно включили. Потом были еще сигналы и еще, на разных частотах и всевозможных видов, и все они исходили из этого места, из Осиного Гнезда. Два раза Диего пытался проникнуть в Гнездо, и оба раза появлялись стражи, и приходилось уходить несолоно хлебавши. Все же Диего сделал рекогносцировку местности и знал, что ищет. Это если и не облегчало задачу, то все же давало повод не отвлекаться на запоминание второстепенных деталей пейзажа. Знал Диего и то, что с орбиты Осиное Гнездо обнаружить было нельзя: стражи ухитрились накрыть Гнездо оболочкой, поглощающей все виды излучений.

«Так, осталось километров десять, — прикинул Диего расстояние. — Машину придется оставить здесь, может пригодиться при отступлении».

Он заблокировал управление, открыл дверцу багажника и вытащил пистолет. Погладив его матово-черный ствол, прицепил к поясу, подумал и добавил к НЗ в заплечном ранце еще две обоймы капсуль-патронов и два ядерных аккумулятора.

Захлопнув прозрачный колпак кабины, он разогнулся, с недоумением глядя в небо, — стало вдруг темно. Потом понял.

«Очень кстати. Видимо, где-то неподалеку угольно-графитовые залежи...»

Над скалами низко пронеслась странная плотная черная туча, из которой пошел черный «снег». Дие-

го терпеливо переждал этот «снегопад», вернее, сажепад, стряхнул с голов и с плеч черные хлопья, полюбовался на небольшой бугорок, ничем не выделяющийся среди черных валунов и каменных глыб — засыпанный пеплом и сажей быстролет, и направился к спуску в древнюю рифтовую трещину, по которой собирался пробраться к Осиному Гнезду. Вокруг на сотни километров простиралась дикая горная страна, полная мрачной красоты и тишины; грелись на солнцепеке скалогрызы; спал в тени под скалой сытый клювокрыл; два стража немо вглядывались в пейзаж с вершины самой высокой горы, застыв как изваяния; и ждал неизвестно чего в десяти километрах от Диего гигантский провал в теле планеты, то ли древний след упавшего метеорита, то ли не менее древний кратер вулкана — маар Осиное Гнездо.

Спуск на дно трещины длился несколько минут, кое-где приходилось пользоваться умением летать, но Диего был готов ко всему. Мозг его как бы разделился на несколько участков: один из них следил за стражами, второй выбирал дорогу, третий вслушивался в разнообразные звуки, четвертый перебирал диапазоны электромагнитных волн и так далее.

На дне тень сгустилась до плотности киселя, Диего перешел на инфразвуковое зрение и одновременно на радарную локацию — для обнаружения ям и пещер; поди знай, вдруг какому-нибудь скалогрызу вздумается вынырнуть из-под камня именно в ущелье.

В одном месте Диего почуял запах металла. Он остановился, повертел головой, устанавливая точное направление запаха, напряг ультразвуковое видение и чуть выше, на узком и длинном уступе, увидел бесформенный сгусток пыли и щебня, из-под которого проглядывал желтый металл. Пришлось вска-

рабкаться на несколько метров выше по крутому склону трещин, стараясь не вызвать обвала.

Вблизи продолговатый вал с запахом металла оказался пустой сигаровидной оболочкой из желтого материала. Примерно посередине сигары торчали в разные стороны два плоских отростка, погнутые и неровные, еще один треугольный лист вырос на другом конце сигары.

Диего осторожно потрогал шершавый корпус сигары, обошел странное сооружение, и в памяти вдруг всплыл звездолет дендроидов и взлетная полоса возле Зоны.

«Самолет! — догадался он. — Самолет дендроидов! Вот где, оказывается, закончился его последний полет!»

Он еще раз внимательно осмотрел разбитый остов самолета, но тот был совершенно пуст, внутри лежал слой песка и пыли и больше ничего. Что ж, сто с лишним лет лежит эта машина в трещине, и ничто не вечно под луной, как говорил поэт. Хотя... кое-что из аппаратуры должно было сохраниться, особенно металлические корпуса приборов, сиденья, багажники, двигатели... Скорее всего, и здесь побывали стражи.

Диего спрыгнул на дно ущелья и вжался в неглубокую нишу, как раз вовремя: над трещиной пролетел страж, сосредоточенно вглядываясь в ее глубину фосфорно-белыми глазами. Диего заблокировал мозг и сердце — наиболее излучающие свои органы — и превратился в камень; во всяком случае, он был холоден и мертв, почти как камень.

Лишь после того как страж удалился на свою гору, Диего разрешил себе думать:

«Неужели учуял? Чучело! Вот уж поистине цивилизация сторожей!»

Через три с лишним километра стены рифтовой трещины стали сближаться, нависая козырьком с

обеих сторон. А потом трещина превратилась в мрачную сводчатую пещеру с фиолетово-красными стенами, уводившую в неведомые бездны материкового щита. Правда, не совсем неведомые: по просьбе Диего физики с Базы прозондировали местность вокруг Осинового Гнезда, и эта пещера, по всей видимости, вела прямо к кратеру. «А если нет, не велика беда, вернусь и попробую пройти верхом в другом месте, разве что ночью».

Пещера, вернее, туннель, пробитый когда-то в породах не то потоком лавы, не то воды, был просторный и сухой, и, хотя в нем было темно, как и везде под землей, Диего свободно ориентировался в стиснутом камнем пространстве. Не торопясь он достиг очередного поворота: по расчетам, до кратера оставалось около двух километров, — как вдруг почувствовал, что впереди есть кто-то живой. Он остановился и затаил дыхание.

Электрорезрение не давало четкой и ясной картины, сквозь толщу скал Диего мог определить лишь примерные размеры существа, излучающего «импульсы жизни»: тепловое излучение тела, электропульсацию сердца и бишум мозга — остальное тонуло в хаосе отражений и шуме природных процессов. Несколько минут Диего потратил на анализ ситуации, до предела концентрируя энергию своих биолокаторов и «включив» все органы чувств. Местоположение существа, вернее, нескольких существ, на это указывало дробление сигналов, он определил довольно точно: чуть выше туннеля и не далее полукилометра. Существа почти не двигались, лишь ритмично пульсировало их биополе: Диего «видел» это как дрожащее черное пятно на сером фоне.

В ногах вдруг отдалась вибрация пола, и вслед за тем из чрева туннеля донесся скрежещущий вопль. Снова дрожь пола, а потом грохот и стон камня. «Понятно, — с облегчением вздохнул Диего. —

Всего-навсего скалогрызы. Сколько же их? Два? Три?»

Грохот и вой слышались совсем близко, с потолка туннеля посыпались мелкие камни. Диего несколько секунд раздумывал, отступить ли назад или броситься вперед, затем, вспомнив русское «авось», метнулся навстречу приближавшемуся скалогрызу. Он миновал поворот, второй, и в тот же миг сзади, метрах в десяти, лопнула стена туннеля, брызнул ослепительный огонь, и длинное черное тело скалогрыза прошло туннель насквозь. Проход заволокло едким дымом, пол дрожал так сильно, что пришлось воспарить в воздух в центре туннеля. Тонко закололо в уголках глаз: Диего попал под поток рентгеновских лучей.

Грохот и гул ушли вниз, в толщу горных пород, дым рассеялся, и взору представилась глухая черная стена, перекрывавшая туннель в том месте, где прошел скалогрыз.

«Занятно! — сказал сам себе Диего, приблизившись к стене. — Пробка! Случайность? Или чей-то расчет? Надо же так точно попасть в трехметровую червоточину в недрах планеты, да еще и перекрыть ее пробкой! Нет, случайность исключается, кто-то управлял скалогрызом, кто-то управлял... Значит, меня вели, за мной наблюдали, а я ничего не заметил? Занятно!»

Диего замер. Новая волна дрожи проникла в ноги, со стороны открытого конца туннеля раздался приглушенный рык. Словно где-то далеко заворочался громадный ящер, распахнул пасть и огласил окрестности зычным рычанием.

«Еще один! Если он пройдет впереди — я закуперен! Такие пробки мне, пожалуй, не преодолеть!»

Диего оттолкнулся от еще горячего бока сотворенной скалогрызом пробки и ринулся в быстро приближавшийся рев, пыхтение и удары второго

зверя. Он едва успел проскочить трещину в полу туннеля, как в нее с силой ударил огненный фонтан и из-под пола показалась жуткая голова скалогрыза, методично прогрызавшего сплошную скалу: туннель на своем пути он, наверное, и не заметил.

Оглушенный грохотом и опаленный огненным дыханием исполина, Диего не стал останавливаться и убеждаться, что и в этом месте туннель перекрыт пробкой. Дорога назад все равно была отрезана и останавливаться не стоило, потому что в недрах горы прятался, по крайней мере, еще один скалогрыз, и он мог успеть завершить то, что не сделали его собраты, — закупорить выход. «Если выход есть», — подумал вдруг Диего на лету, ощущая мгновенный укол страха. Но тут же увидел, что опасения напрасны. Туннель стал расширяться, раздался ввысь и превратился в довольно большую пещеру, стены которой были продырявлены множеством круглых отверстий.

«Убежище скалогрыза? Или естественная полость? Никого не видно... Впрочем, это к лучшему. Передохну чуть-чуть. Да и подзаправиться не мешало бы...»

Он пролетел в дальний конец пещеры, где намечалось продолжение туннеля, и опустился у стены, на выступ белой кристаллической породы, похожей на известняк. Понюхав воздух, Диего ковырнул пальцем белую глыбу, растер отколотый кусок в ладонях и кивнул, узнавая. Это была окаменевшая слюна скалогрыза. Отколов еще кусок, Диего положил его в карман ранца. Достал оттуда ториевый аккумулятор, расстегнул куртку, обнажил живот, подождал, пока под кожей выступит матово-белый кружок контактора, и приложил к нему оголенную клемму аккумулятора. Через минуту он был бодр и свеж, словно только что искупался в родоновом

душе, а не мчался сквозь туннель сломя голову полтора километра.

«А теперь по-человечески».

Диего усмехнулся и достал яблоко.

Он уже отчетливо видел выход — светло-серое пятно на фоне угрюмого коричневого свечения горных пород, слагающих гору. Эхо переговоров стражей доносилось сквозь толщу скал тихим шелестящим прибоем, над которым иногда зримо вставал вскрик какого-то близкого стража. Диего чутким телом, как антенной, ловил этот мерный шум, прикидывая, какую неожиданность он может встретить на выходе, прислушивался к своим ощущениям в надежде на то, что тело само определит источник опасности, вокруг ничего особенного не происходило, а что творится на выходе из туннеля, он не видел. Лишь доносился из утробы горы настоящий звук — не то радиокрик стражей — далекий гул, не то рычание скалогрыза, не то следствие работы еще неведомой людям твари.

Диего взвесил в руке пистолет и быстро преодолел последние полсотни метров. Всего две секунды смотрел он на развернувшуюся перед ним панораму Осиного Гнезда, в следующее мгновение его буквально «взорвал» взрыв неистовых криков в радиоспектре. Удар по нервам, по всей тонкой сенсорной системе был так силен, что на некоторое время мозг отключился, но шоковое состояние продолжалось не долго; его спасло то, что инстинкт бросил тело в глубь горы, и тотчас же вопли, кромсающие мозг и душу, стихли: каменные стены пещеры ослабляли электромагнитное поле в десятки раз. Не доверяя рассудку, Диего отполз от края пропасти, в которую обрывался туннель, и прислонился к стене. Однако шум радиопереговоров стражей был еще силен, отдельные всплески излучения отзывались головной болью, и Диего отодвинулся еще дальше, за пово-

рот, где было почти тихо и темнота расцветивалась лишь тусклым фиолетово-коричневым инфракрасным свечением каменных стен.

Отдышавшись, он попытался воспроизвести в памяти увиденную картину. Она была настолько же поразительна, насколько и невероятна!

Во-первых, объем. Осиное Гнездо представляло собой гигантский кратер диаметром около десяти километров и глубиной километра три, кратер, светящийся и накрытый сверху какой-то полупрозрачной крышей! Особенно сильное свечение падало на ультрафиолет: светились стены кратера, усеянные отверстиями пещер и ходов, как и тот, в котором находился разведчик; светилась крыша, светился сам воздух. Во-вторых, количество стражей! Весь этот кратерный объем, сотворенный когда-то взрывом вулканического конуса, был заполнен мириадами стражей! Стражи висели в воздухе, создавая сложный геометрический узор, ярус за ярусом — стражи, стражи, стражи!.. Словно увеличенная до гротеска модель атомной решетки кристалла! Словно колоссальная геометрически-структурная развертка какой-то невероятно сложной математической формулы!

В центре кратера Диего заметил странное сгущение, нечто вроде корявой колонны, также состоящей из соединенных между собой странным образом стражей. Но уверен в последнем он не был, слишком мало времени было в его распоряжении, чтобы разглядеть все подробности. И все же он понял, что это такое. Вернее, прежняя догадка перешла в уверенность. Осиное Гнездо представляло собой центр управления всей деятельностью своеобразной цивилизации Энифа, ее центральный мозг, а точнее — колоссальный вычислительный центр! Полупрозрачная крыша была эффективным силовым полем, не позволяющим локаторам земных кораблей разглядеть с орбиты, что это такое.

Слабая улыбка тронула губы Диего.

«Теперь надо все заснять на кристалл, — подумал он, — и убраться восвояси. Во что бы то ни стало! Теперь от того, как я доставлю свои знания в Зону, будет зависеть судьба всей экспедиции!»

Он достал еще один аккумулятор, зарядил свое человеческое лишь чисто внешне тело новой порцией энергии и приготовил к съемке автоматические видеокамеры, встроенные в браслеты на руках и отвороты куртки. Потом заставил отключиться все органы чувств, кроме теплового зрения, сосредоточил внимание на дороге и в несколько прыжков-полетов достиг выходного проема.

На этот раз он продержался около десяти секунд, жадно разглядывая удивительное творение энифиан-стражей, но плотность электромагнитного излучения в «горячей» зоне кратера все же была слишком велика, и, когда полученная телом доза превысила критическую, защитные рефлексы отключили уставший мозг и заставили тело отступить от выхода в глубину туннеля.

Беспамятство длилось дольше, чем раньше, а очнувшись, Диего понял, что его заметили. Почти рядом, в десятке шагов за отверстием реял страж и сосредоточенно всматривался в лежавшего человека.

Диего сел, поморщился от боли в голове и первым делом очистил организм от радиоактивной грязи. Страж отпрянул от входа в туннель и закричал. Его крик повторился и стих где-то наверху. Вслед прилетел другой звук — глухой шум, словно за стеной загремели тысячи деревянных колотушек.

Диего не стал дожидаться развязки событий, вскочил и бросился в темноту туннеля. Вихрем промчавшись по залу пещеры, где недавно отдыхал, он поколебался немного, выбирая, в какой ход напра-

виться дальше, но в зал ворвались стражи — более десятка, и колебаниям пришел конец. Он едва успел нырнуть в радиоактивную дыру, проделанную скалогрызами, как в спину шибануло горячим воздухом и осколками камня: стражи с ходу начали силовой обстрел.

На некоторое время удалось опередить погоню: ход для стражей был узковат. Но Диего не обольщался, зная, как они умеют трансформировать тело, и продолжал продвигаться вперед с максимальной быстротой, стараясь одновременно следить за направлением лаза и вероятными препятствиями. И все же он не рассчитал выхода: труба коридора загнулась вверх, расширяясь пузырем гладкой полости, пахло горячим металлом и тяжелым смрадом радиации, и Диего вылетел прямо на хвост дремлющего скалогрыза.

Бронированный зверь быстро приподнял переднюю часть туловища и вывернул свою отвратительную голову к замершему в воздухе человеку.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Диего знал: скалогрыз почти не видит его, плотность человеческого тела для рентгеновских лучей глазлокаторов скалогрыза — все равно что воздух. Но было такое ощущение, будто зверь видит его и понимает ситуацию ничуть не хуже, чем он сам.

Диего метнулся в сторону вовремя: скалогрыз шумно метнул струю пламени и... уронил голову на пол и застыл. Диего успокоил бешеный бой сердца, оглядел каменный мешок. Выхода, как он уже догадался, не было, кроме того, по которому он пробрался сюда. Тогда он опустил на пол подальше от хвоста скалогрыза и направил ствол «универсала» на черный зев хода.

Первый страж появился из отверстия через две минуты: он походил на крокодила с птичьим клювом — иначе не пролез бы по узкому ходу.

Диего вздохнул, понимая, что шансов выбраться из западни целым и невредимым нет, вскинул руку с оружием и... опустил, уловив дружественный психопульс.

— Здравствуй, дружище! — пробормотал он сдавленным голосом. — А я чуть тебя не пришиб! Как же ты меня нашел?

«Меланхолический» страж — это был он — наклонил голову над отверстием хода и крикнул. «Предупреждение, чтобы никто не входил», — понял Диего. Подождав ответного крика, страж проковылял к скалогрызу, снова поднявшему морду, несколько секунд смотрел на него ничего не выражающим со стороны взглядом и отошел к человеку. Скалогрыз шумно фыркнул дымным клубком, ударил хвостом в скалу так, что дрогнули стены, и с лязгом и воем вошел в противоположную стену своего убежища.

Страж слабо каркнул — в прежнее время этот звук умилил бы Диего, так он был похож на крик земного ворона, — и хлопнул по ноге человека тяжелым крылом.

— Спасибо! — сказал Диего, нагибаясь к уроду. — Спасибо, друг! Надеюсь, и я смогу когда-нибудь отплатить тебе тем же.

Он почти с нежностью погладил жесткую шею стража и полез в еще горячий круглый туннель, сделанный скалогрызом. Страж смотрел ему вслед.

Все время, пока Диего выбирался из-под горного массива вдогонку за скалогрызом, и когда отпугивал стражей выстрелами, добираясь к быстролету, и когда маневрировал на скорости, уворачиваясь от клювокрылов, он помнил этот взгляд. В этом странном существе ничего не осталось от прежнего дендроида, сухопутного головного моллюска, как называли его ученые Земли, и все же Диего всей душой чувствовал, насколько тот ему близок. Не

только как «брат по несчастью», подвергшийся антигуманному эксперименту энифиан, но и чисто эмоционально, ибо Диего никогда не ощущал себя одиноким, а «меланхолический» дендроид-страж был по-настоящему одинок и нуждался если не в дружбе — такого понятия он, вероятно, давно не помнил, — то хотя бы в простой привязанности и сочувствии, ибо этические нормы, присущие всем эмоциональным существам, стражи убить в нем до конца не смогли.

На высоте километра на машину напали клювокрылы, и Диего потратил остаток сил на сверхскоростное маневрирование, пока не обогнал летающих бронированных ящеров. Потом он дважды «прорывал» багровую пелену забытья, — срабатывал какой-то скрытый механизм защитных реакций, — чтобы направить полет в нужную сторону, к Зоне, ответить дежурному Базы и отбиться от назойливых стражей.

Модуль, стартовавший с Базы по пеленгу быстролета, не успел минуты на две: уже далеко от Зоны машины настиг мезонный разряд, ударивший из-под холма, в котором никто никогда не видел никакой опасности.

Глава 5

Служащие базы с удивлением глядели вслед бегущему: никто еще со времени постройки спутника не бегал по коридорам, когда существовали пронзающие «гуляющие» лифты и эскалаторы.

Но Руденко просто забыл про них. Он опустился на жилой горизонт, ворвался в комнату Торанца и остановился на пороге, успокаивая дыхание.

— Ну? — спросил начальник сектора спокойно, поднимая голову от стола. На столе стоял перенос-

ной проектор, лежали белые диски видеоконтактора, прозрачные «карандаши» кристаллов, ультразвуковая насадка, пинцеты и пакетики с электронной позитурой.

— Нашелся Диего, — почти спокойно сказал Руденко в ответ и прошел на середину комнаты. — Я не мог дозвониться, думал, ты спишь.

— Как видишь, решил отремонтировать виом, цветовариатор бараклит. Где он?

— В медотсеке Зоны. Быстролет сожжен мезонным лучом. Диего чудом остался цел, хотя и сильно обгорел. Буквально минуту назад он пришел в себя и велел врачам удалиться за пределы видимости. «Буду лечиться сам, а зрелище это не из аппетитных», — как он выразился. Велел также принести энергоемкости и яблок. Да-да, попросил два килограмма яблок. А мне передал вот это, Лаирн специально модуль прислал.

Руденко полез в карман и вытащил голубоватый ромбик звукозаписи и кассету от ручного видео. Торанц взял кристалл, повертел в пальцах и поднял холодные глаза на руководителя группы безопасности.

— Что-то сногшибательное?

— Суди сам. Гаруа ты уже видел, хотя бы издали, так вот — это инкубаторы стражей. Анализ тумана, окутывающего гаруа, показал, что он представляет собой металлоорганическую взвесь, из которой стражи и выращивают свои тела. Далее, записан тебе уже известный факт, что когда-то на Энифе существовала технологическая цивилизация. А потом Диего сделал вывод, что существующая в данный момент биомеханическая цивилизация стражей, этих таинственных энифиан, не что иное, как результат эксперимента исчезнувшей в веках технологической! И это еще не все: старжи, по данным Диего, всего-навсего биологические машины, био-

кибернетические системы, отсюда их абсолютное незнание об эмоциональных проявлениях и психике «настоящих» живых разумных существ вроде нас с тобой. Но и это не конец! Диего проследил линии передач сигналов и волноводы, питающие излучатели мезонных импульсов, — те самые молибденостальные плиты, и обнаружил центр управления всей здешней кибержизнью: он назвал его Осиным Гнездом.

— Так, — сказал чуть охрипшим голосом Торанц. — Кое о чем я уже имел некоторое представление из отчетов Доброгнева, но все же оставалось сомнение, что кто-нибудь из нас ошибается.

— Только не Диего. Он едва не погиб, доставляя эти сведения. Об ошибке не может быть и речи.

Торанц покачал головой.

— Уж очень все просто получается...

— Где же просто? Разве на все наши вопросы даны ответы? Проблем еще целый воз, и хорошо запутанных проблем. Кстати, у меня есть и видеозапись Осиного Гнезда изнутри, давай посмотрим, я не успел его толком разглядеть.

Руденко достал еще один кристаллик, отсвечивающий чистым смарагдовым светом, вставил в гнездо инфора.

На стене замерцало радужное пятно, скачком приобрело объем и глубину, и сквозь искристый туман проступило изображение: кратер с почти отвесными стенами, заполненный сотнями тысяч, если не миллионами, стражей в строгом гармоническом порядке! Из дна кратера выростала неровная колонна, вокруг которой концентрация стражей достигала максимума.

— Отдай запись математикам, — сказал Торанц, насмотревшись. — Пусть поломают головы над структурным анализом.

Руденко убрал изображение, выключил инфор.

— Именно это я и собираюсь сделать. Теперь поговорим о свертывании исследований планеты. Диего предупреждал об опасности разглашения имеющихся у нас сведений. Резко уменьшить численность групп и даже количество людей в каждой группе мы не можем, стражи наверняка разгадают наш маневр; они и так уже отметили нашу чрезмерную любознательность, особенно к местам, куда нет доступа, — к туманам гаруа, запретным районам...

— Что ты предлагаешь? Какой-то план у тебя уже есть?

— Есть, — после некоторых колебаний сказал Руденко. — Но он связан с риском.

Торанц поднял брови.

— С риском для исполнителей, — заторопился Руденко, — и не только исполнителей, но и для Диего с Неверовым. Эвакуировав их с планеты, мы тем самым отдаем их в руки земной, подчеркиваю — земной медицины, еще не решившей многих вопросов жизни и смерти. К тому же для этой операции требуется неслыханная координация действий. С Диего я уже советовался, он рекомендовал поторопиться.

— Что называется — влипли! — в раздумье разглядывая развороченный на столе прибор, произнес Торанц. — По старой поговорке: коготок увяз — всей птичке пропасть! Так? Ладно, давай свой план, обсудим втроем с Шелгуновым. Доброгневу и Нагорину сообщим позже, когда они придут на Базу.

От Торанца Руденко вышел через час. В зале связи его ждало известие о прибытии к Энифу крейсера УАСС «Витязь». Космолеты этого класса редко использовались как корабли разведки и научного поиска, их появление обычно означало какую-то беду, происшедшую в галактической сети человеческих поселений. Так как в системе Энифа беды никакой не произошло («Пока», — поправил себя

Руденко), то причиной появления «Витязя» мог быть либо профилактический рейд крейсера, либо прибытие высокого начальства Земли.

Истина, как всегда, оказалась посередине. На «Витязе» действительно прибыли руководители УАСС Земли Доминик Джаваир и заместитель председателя Высшего Координационного Совета Молчанов, а сам корабль придавался в помощь техническому арсеналу Базы.

Встречая гостей, Руденко не знал, радоваться ему или огорчаться, а увидев среди прилетевших жену Диего, понял — огорчаться.

Анна, узнав его, подошла первой и протянула руку.

— Здравствуй, Юра. Вот не выдержала, прилетела... не одобряешь?

— Наоборот, — не очень искренне возразил Руденко. — Хотя, честно говоря, время ты выбрала не совсем удачное.

Анна помрачнела, помолчав, спросила:

— Диего нет здесь, на спутнике?

— Нет, — ответил Руденко с усилием.

В глазах Анны зажегся огонек тревоги. Она была невысокая, по грудь Руденко. Слегка полноватая фигура, мягкие руки, круглое доброе лицо с яркими губами, прическа «клен на ветру» и изумительные васильковые глаза, способные быть и грустными, и веселыми, и холодно-изучающими...

Руденко отвел взгляд. Спohватившись, снова посмотрел на женщину.

— Он в Зоне... м-м-м... внизу, на планете. Он был не очень серьезно болен... сейчас все в порядке. Он тебе не писал? Если хочешь, пойдем в зал связи и закажем видеосеанс...

Анна покачала головой.

— Ты чего-то недоговариваешь, Юра, как и твое начальство на Земле. Я хочу к нему, хочу разобрать-

ся сама, почему вы... Диего не писал ничего более двух месяцев... он попал в аварию?

У Руденко сжалось сердце. «Не знает! — ужаснулся он. — Как же так? Никто ей не сказал?.. Ну, Диего не сообщил о своей «болезни» понятно почему, но Ждан или Игорь?..»

— Видеосвязь эфемерна, — продолжала Анна, — и не заменит его объятий... Кстати, со мной Эвелина, невеста Неверова. Нас пустили к Энифу только потому, что Диего и Лен стали героями Даль-разведки. Тень славы разведчиков пала и на их подруг... Эви, — позвала она.

В группе молодежи, смешавшей старожилы Базы и прибывших гостей, оглянулась на зов высокая блондинка в свитере под цвет кожи и в юбке «косой дождь» по последней моде сезона.

— Эви, подойди, пожалуйста, познакомься. Это Юрий Руденко, начальник моего Диего, я тебе о нем рассказывала.

— Эвелина Барт, — представилась блондинка, изучающим взглядом пробежав по фигуре начальника спасателей Базы. Тот сразу почувствовал себя неуверенно и скованно, признав в душе, что в свои шестьдесят два не выглядит спортсменом и что нынешняя молодежь безошибочно узнает возраст собеседника. Однако лицо девушки ему не понравилось. Безусловно, красивое, оно было одновременно каким-то неуловимо фальшивым, как яблочко с червоточинкой. Руденко даже не смог сразу сказать, что же именно ему не понравилось, пока Эвелина не сделала легкую нетерпеливую гримаску. Тогда он понял: надменность. «О таких говорят — холеная», — подумал Руденко и огорчился, неизвестно за кого: за Неверова ли, за себя или за девушку, и тут же перестроил поведение — в шутливой форме стал рассказывать о встречах со стражами. «Анна поймет, — думал он. — Все обойдется, лишь бы не подвели молодые «кроко-

дилы» здесь, на Базе, и там внизу, в Зоне. Ребята любят пугать красивых девиц... пошутить... Ох как может подвести чья-нибудь неосторожная шутка! Но еще надо решить вопрос — разрешать ли женщинам посещение Зоны...»

— Пойдемте со мной, — сказал он, беря обеих женщин под руки. — Сначала я покажу вам Базу, а потом решим проблему контакта с вашими возлюбленными. — И он почти весело рассмеялся.

— Ты с ума сошел! — сказал Торанц. — А если бы стражам вздумалось в этот момент продемонстрировать какую-нибудь из своих шуточек, типа мезонного обстрела?! Ах, Юра, Юра!.. И я отвлекся с начальством... Как же ты так быстро решил?

— Ничего страшного не произошло, — спокойно пожал плечами Руденко. — Да и не помогло бы ваше вмешательство, ни твое, ни Джаваира, мы бы только напугали женщин. Это их право... да что рассуждать, видел бы ты встречу Диего с женой!

— Можно подумать, что ты видел.

— Фрагмент, — нехотя пробормотал Руденко. — И сказали-то они каждый всего по одному слову, он: «Аня!», она: «Любимый!» — а столько друг другу сказали! Ей-богу, от всей души позавидовал. Всем бы таких встреч!

— Ты бы еще сказал — таких жен! — хмыкнул Торанц, побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. — А дальше что? Как ты думаешь возвращать их обратно и когда?

— Вероятно, завтра, тем же путем — на модуле. А рассуждал я примерно так: прибытие женщин в Зону отвлечет стражей, и мы сможем спокойно подготовить операцию по эвакуации людей. Кстати, стражи тут же пронюхали, что в Зоне представители другого пола, раньше-то женщины не прилетали.

Последовало такое столпотворение стражей вокруг Зоны, что ребята подняли тревогу! Дежурные приняли сотню вопросов через официальный пункт связи о половых различиях людей, особенностях их размножения и так далее. Сами-то стражи однополы, бесполы, как... как роботы.

— Во помощнички! — Торанц выпростал худое, длинное тело свое из кресла и пошел к двери. — Во наградил Господь! Хоть стой, хоть падай! Пошли, чего сел? К Джаваиру пошли, пусть он тоже послушает твою информацию. А Неверов-то хоть как? Рад? Невеста у него больно красивая... Кем работает, не узнавал?

— Работает она модельером на фабрике одежды. — Руденко смешно пошевелил выгоревшими бровями. — А как они встретились, не ведаю. Не нравится она мне...

— Эх-хе, — вздохнул Торанц, вызывая лифт. — Нравилась бы Неверову, а ты со своими мерками годишься разве что в смотрители кунсткамеры.

Серый прямоугольник двери лифта растаял, в проеме показался такой же серый круг «кабины». Прощумел сверху вниз теплый ветер, мигнула лампа пятого яруса, и они вышли в коридор командного поста Базы.

В помещении поста царила зеленая темь: потолка и стен не было, вместо них вокруг зала простиралась колючая бездна пространства и висел над головой узкий зеленый серпик Энифа. Звезда пряталась за ним и освещала край атмосферы слева от наблюдателей. В правом углу панорамного виома мигнула крупная голубая звезда — лазерсвязь крейсера «Витязь».

— Зона в центре урагана, — раздался голос автомата-дешифратора. — Связи пока нет.

— Подойдите ближе, к пределу убегания, — сказал кто-то в зале; Руденко узнал Джаваира.

Снова блеснул синий огонь лазера.

— Есть связь! Передают — все нормально, происшествий нет. Ураган движется из области недоступности номер три, уровень помех и напряженность электромагнитных полей вокруг Зоны аномально высоки! Метеообстановка создана искусственно, есть факты, что генерацией вихревого ядра урагана занимаются стражи.

Руденко быстро взглянул на Торанца.

— Диего оказался прав.

— Прав-то он прав, но ураган — следствие своеволия с женщинами. Стражи бросили на Зону все средства исследований, которых мы не знаем. А может, что и похуже...

— Не теряйте связи. Конец.

Джаваир взмахнул рукой, и в зале вспыхнул свет. Изображение съежилось до размеров дверцы шкафа, стены снова стали плотными и осязаемыми, потолок оказался расчерченным концентрическими кругами специальных антенн.

— Вы кстати, — сказал Джаваир, заметив подошедших работников спасательной службы. — Надо сообща решить одну проблемку, садитесь ближе.

Руденко сел рядом с Нагориным, пожал ему руку.

— Я думал, ты еще в Зоне.

— Привез новые материалы, а тут ураган...

— Потом, потом. — Джаваир, похожий на бронзового монгольского божка, повел сухонькой ручкой. — Проблемка заключалась в следующем: каким образом быстро и эффективно эвакуировать людей с планеты на Базу. Положение, судя по мнениям всех ученых, далеко от оптимизма, надо избавить людей от бессмысленного риска. После того, что мы узнали от Диего, считаю, что контакт с энифианами следует прекратить.

— У нас уже есть разработка этой проблемы, — сказал Торанц. — Идея смелая, неожиданная... и связанная с риском.

— Спасатели, по-видимому, не могут обойтись без риска, — сказал совершенно седой Молчанов, и нельзя было понять, одобряет он или осуждает любителей риска.

— Не могут, — сдержанно подтвердил Торанц. — Обстоятельства, к сожалению, не позволяют нам обходиться без рискованных операций. Специфика работы.

— Хорошо. — Джаваир слегка поморщился. — Полемика о риске несвоевременна, тем более что в работе спасателей он часто целесообразен. Доложите свой план эвакуации. Насколько мне известно, все исследовательские группы работают автономно? То есть имеют свои базовые лагеря в разных районах континента? Как же их забрать, не вызывая панику у стражей? Честно говоря, мы тут поломали головы над этим вопросом, но выхода не нашли. Куда ни кинь, всюду клин. С какой стороны ни начни операцию, рано или поздно стражи разгадают наши маневры, а чем они ответят, никто не знает.

От пульта к сидящим подошел Тоидзе.

— Извините, — сказал он. — Юра, вызывает директор. Прямой связи с Зоной все еще нет, он просил передать, что как только кончится ураган — ждет тебя там.

— Что-то случилось?

— По-моему, нет, иначе прошел бы сигнал тревоги.

Руденко, извинившись в свою очередь, оставил Торанца разяснять план освобождения людей «из плена», пообещав сообщить все новости из Зоны. Отойдя к пультам, он взял Тоидзе за отворот куртки.

— Ну, а теперь договаривай.

— Что договаривать? — опешил инженер связи. — Я все передал. Доброгнев сказал: «Пусть Юра не задерживается, в Зоне есть для него *забота*». Вот и все.

— Забота? Ты не ошибся? Может быть, работа?

— Во время дежурства я не ошибаюсь, — обиделся Тоидзе.

— Хорошо, спасибо. Чей модуль дежурит?

— Денисова, второй причальный. Подожди хоть, пока пройдет ураган.

Руденко кивнул и покинул зал.

Модуль опустился на полотно бывшей взлетной полосы в трехстах метрах от белого параллелепипеда Зоны. Ураган только что промчался, но природа вокруг Зоны еще не успела отреагировать на это: обычно пушистые шапки цветного мха, заменяющего на Энифе траву, походили на каучуковые желваки, а страж на скале представлял собой кожистое одеяло, намертво приклеившееся к каменному пальцу насеста.

Руденко кинул взгляд на уползающую за горизонт черно-сизую тучу и пошлепал по мокрому бетону взлетной полосы дендроидов к зданию Зоны, перепрыгивая трещины и размышляя, что имел в виду Доброгнев, говоря о заботе.

В коридоре его встретил иронично-вежливый начальник центра.

— Твоя идея была привезти сюда лихо, — сказал он, глядя поверх головы руководителя спецгруппы.

Руденко почувствовал недоброе.

— Женщины? Что-нибудь натворили?

— Женщины, мой милый, женщины. Недаром моряки в старину говорили: женщина на корабле — к несчастью.

— Да говори ты толком, что случилось.

— Собственно, ничего особенного не произошло. Эвелина устроила некрасивую сцену... накричала на врачей, на меня... на Диего. Да-да, и на него тоже... Верните мне того Неверова, которого я знала, а этот — монстр, чудовище!

— Сильно! Так и сказала?

— Так и сказала — чудовище! Видимо, Лен прочитал кое-какие мысли, которые она хотела сохранить от него в тайне... Веришь, я с трудом удержался, чтобы не дать ей пощечину! Сам понимаешь, какое настроение было потом у Неверова. Хорошо, что Диего каким-то образом ее успокоил...

Руденко сглотнул горькую слюну, покачал головой.

— Не предполагал, что она до такой степени... все-таки интуиция у меня есть. А как Анна?

— Что Анна? Жена Диего — это почти сам Диего. Удивительное самообладание у женщины! Кстати, она с характером: я попытался было обвинить руководство во всем, взять вину на себя, объяснить, что Диего подчинялся моему приказу... так она зыркнула на меня ледяной синью и сказала с самой доброжелательной улыбкой: «Если не знаешь, что сказать, — говори правду, Ждан».

— Почти Козьма Прутков. А ты?

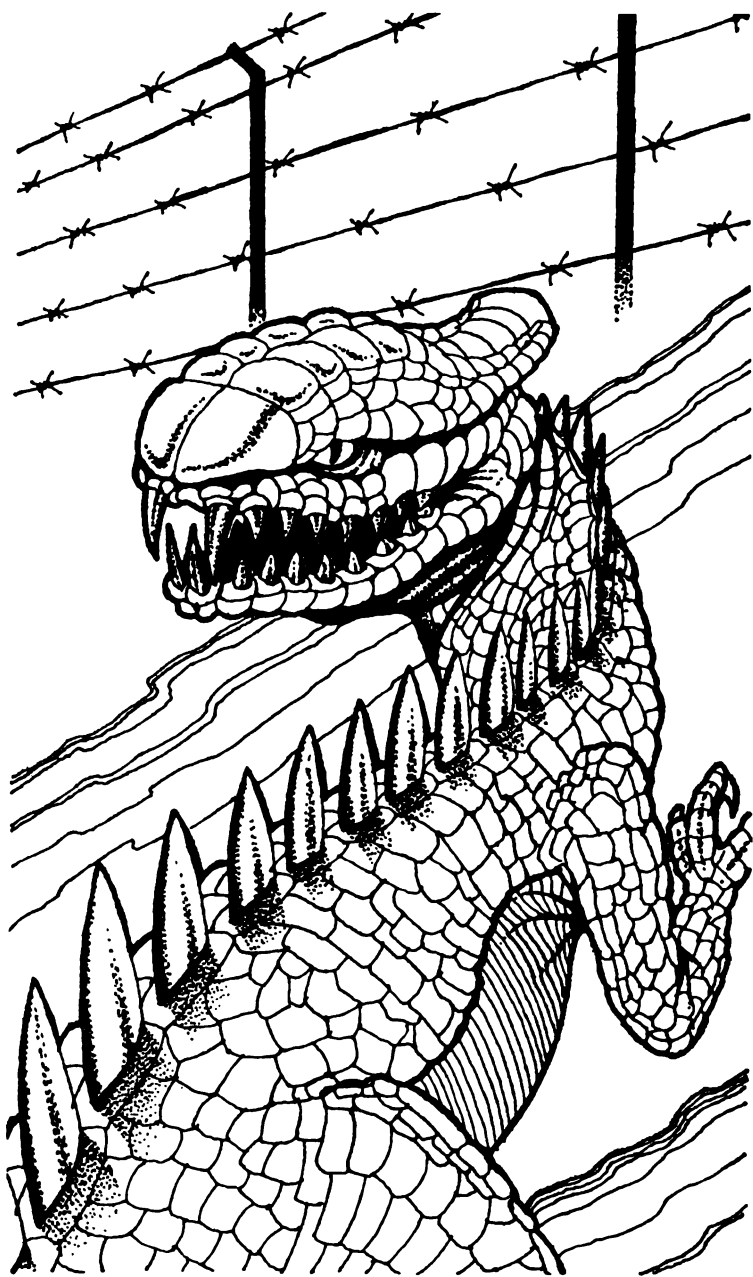
— Я стал рассказывать, как Диего помог нам освоиться на Энифе и какой он вообще молодец.

— Будто она этого раньше не знала.

Доброгнев горестно махнул рукой.

— Что делать, если я просто обалдел. Не останавливайся, нас ждут в защитной камере.

Они спустились на самый нижний этаж Зоны, располагавшийся на десять метров ниже уровня почвы. Здесь коридор в сечении был треугольным, двери встречались только с одной стороны — в той стене, которая составляла с полом прямой угол. Доброгнев задержался у предпоследней двери.

В знакомой кубической комнатке со специальными экранирующими устройствами находились Нагорин, Шелгунов и начальник Группы технического обеспечения Генри Лаирн.

— Фью! — удивился Руденко. — Как ты меня опередил? Ты же остался на Базе!

— Может, я умею раздваиваться, — сказал Нагорин простодушно.

— Надо же! — Руденко пожал руку Шелгунову и Лаирну. — Над тобой тоже энифиане экспериментировали?

— Пора начинать нашу жесткую программу, — сказал Шелгунов, улыбнувшись глазами. — Мне кажется, события начинают разворачиваться по сценарию стражей. Сегодня Лен обнаружил под Зоной систему ходов, причем уверяет, что слышал вибрацию какого-то работающего механизма.

— Механизма? Может быть, скалогрыза? Чем не землеройная машина! Да и откуда на Энифе механизмы? Последние машины на планете обратились в прах сто веков назад. Ты же знаком с данными Диего...

— Да я не возражаю, Лен мог ошибиться. Мы просветили район под Зоной интравизорами, но ничего не обнаружили, кроме ходов. Три хода тянутся параллельно друг другу, и два сходятся углом, диаметр каждого около полутора метров.

— На работу скалогрызов действительно не похоже, диаметр их тел не превышает восьмидесяти сантиметров. Что еще?

— Стражи зачем-то обследовали звездолет дендроидов. Перед этим там работали специалисты из группы Генри, интересная штука этот звездолет, скажу я вам! Ну, а потом налетели стражи, копошились в нем часа два, еще с час просидели молча рядом. Закончилось тем, что прилетел еще один урод, закричал, они устроили хоровод вокруг Зоны и утихомирились.

— Не поинтересовался у них, что они там делали?

— Официально нет, — развел руками Доброгнев и кивнул на Лаирна. — Мы хотели послать ребят Генри, но решили не начинать работу без твоего ведома.

— Правильно, сначала обсудим все «за» и «против». Кстати, хорошо бы переговорить с Диего. Мне кажется, право решающего голоса принадлежит ему.

— Он же... — Нагорин не договорил.

Над дверью мигнул желтый огонек — кто-то просил разрешения войти.

Лаирн, стоящий у пульта, открыл дверь. В комнату вошел энергичный, улыбающийся Диего Вирт.

— Не ждали? Знал, что понадобится, вот и пришел. Юра, ты извини, но я от твоего имени отправил женскую половину на Базу, модуль уже ушел. Вместе с ними улетели инженеры технической бригады и математики. Итого на планете сейчас восемьдесят семь человек, из них шестнадцать в Зоне. Как решился вопрос с операцией под кодовым названием «Вознесение на небо»?

— Оперативно!.. — пробормотал опомнившийся Руденко и покрутил головой. — Оперативно действуешь!

Доброгнев засмеялся, за ним остальные. Диего остался невозмутим.

— Времени у нас до обидного мало, — сказал он, прищелкнув пальцами. — Хотелось бы прежде, чем уйти, кое-что узнать... Но это моя забота. Меня тревожит возня наших милых пташек у звездолета дендроидов. С вашего разрешения, вечером я его обследую вместе с Леном.

— Почему вечером? — спросил Шелгунов.

— Потому что к ночи жизнь здесь замирает, — густым басом ответил Лаирн вместо Диего. — Стражи ночью спят, вернее, отключаются.

— Спасибо, Генри, — серьезно сказал Диего. — Так какие же вопросы мы будем решать сегодня?

— Отправка намечена на двадцать первое, — сообщил Руденко.

— Через два дня? Неплохо бы пораньше...

Диего вдруг насторожился. В тот же миг тяжкий гул обрушился на здание Зоны, закачались стены, крупная дрожь потрясла пол. Со стены упал баллон кислородного НЗ.

Диего выключил защиту комнаты, все выбежали в коридор. Где-то рявкнула сирена тревоги, простучали по эскалатору шаги дежурной смены энергетиков. Диего первым добежал к окну виома, в стене коридора. Виом прозрел и показал хмурый день с надоевшим всем пейзажем и плотный бурый столб дыма в конце бетонной полосы. Столб оседал фиолетово-черным облаком. С неба редким дождем падали мелкие камни и серо-черный пепел.

— Вот оно в чем дело! — отдельно проговорил Диего. — Стражи взорвали звездолет дендронидов!..

Глава 6

Глубокой ночью Неверов проснулся оттого, что кто-то позвал его по имени. Он открыл глаза и прислушался. В комнате было темно и тихо, слабо светились теплые панели пола — там, где проходили полосы отопления и электрические провода в стенах, а также подводы питания к виому окна дальновидения и аппаратура водо-воздушного обмена.

Снова послышался чей-то голос, но это был не звук — радиовызов.

Неверов привычно сориентировался в пространстве — он уже не пугался, как раньше, радиопере-

дач, которые принимал не хуже радиостанции, и пси-импульсов, излучаемых людьми, — и определил направление вызова. Это был Диего.

«Вставай и поднимайся на третий горизонт, в машинный зал. Постарайся пройти незамеченным».

«Понял, сейчас приду».

Неверов быстро оделся и бесшумно пробежал по коридору мимо зала связи, где дежурили видеоинженеры, терпеливо дожидаясь утра и новых сеансов связи с энифианами.

Диего возился с укладкой ранца возле ребристых кожухов энергогенераторов. Он был одет в обтягивающий тело черный костюм и казался худощавее, чем был на самом деле. Критически оглядев Неверова, он покачал головой и подвинул ногой черный ворох на полу.

— Надевай комбинезон, это тургорный костюм — с противодавлением и температурной регуляцией, специально для горячих работ. Нам в УАСС часто приходится пользоваться такими.

Неверов с трудом затянул на себе шов застежки-«молнии», пошевелил плечами и изумленно посмотрел на Диего. Сначала казалось, что упругая ткань будет стеснять движения и сдавливать тело, но случилось обратное — костюма не чувствовалось совсем, будто его не было!

— То-то! — пробормотал Диего. — Теперь ин-грав. — Он подал скрещенные ремни индивидуального летательного аппарата. — Сегодня быстролет отменяется, пойдем на малой тяге. Попробуй, как работает... хорошо. Надевай ранец с НЗ, «универсал» цепляй на пояс.

Он проверил снаряжение на товарище и быстро оделся сам.

— Все-таки до чего живуч рефлекс, — сказал он вдруг со смешком. — Ведь можем общаться мысленно, а все равно разговариваем вслух. Уж очень мно-

го веков совершенствовалась природа наш звуковой способ общения.

— Привычка, — согласился Неверов. — А к чему вся эта амуниция? Куда мы собрались?

— В поход. — Диего еще раз внимательно осмотрел свои доспехи, остался доволен и, мягко ступая, пошел к двери. — В поход за разгадкой «роковой» тайны стражей. Днем нам туда не пройти, ночь — лучшее время для разведчика, запомни, юноша.

— И для злодея...

— Что? А-а... — Диего понял, что Неверов вспомнил старинные приключенческие романы. — Ты помнишь заваленную пещеру?

— Это там, где ты нашел «пустые» кристаллы?

— Совершенно верно, на юге Неожиданного плато, в двухстах километрах от побережья океана и от ближайшей зоны недоступности. А еще мы устроим небольшую диверсию. Звездолет дендроидов стражи взорвали неспроста: здесь и угроза, и предостережение, и сокрытие какой-то тайны.

— Эдак они, чего доброго, взорвут и Зону!

— Гарантировать не могу, — уклонился от прямого ответа Диего; они уже спустились на первый горизонт, где находился выход из Зоны. — Но вот туннели под Зоной навели меня на очень неприятную мысль: по ним очень легко подвести любой энергоноситель и...

— Продолжить облучение персонала Зоны, как нас с тобой! — закончил Неверов.

Диего остановился перед тамбуром и предостерегающе поднял руку. Он молчал так долго, к чему-то прислушиваясь с закрытыми глазами, что Неверов не выдержал.

— Ты что? — с недоумением спросил он, ничего не слыша и не видя ни в коридоре, ни за пределами Зоны. — Все спокойно, они же все спят.

— Да? — сказал Диего, открывая глаза. — Как ты думаешь, какова доминанта аварийщика-спасателя?

Озадаченный Неверов наморщил лоб, попытался прочесть мысль Диего, но тот заблокировал мозг.

— Ну... сила, реакция на опасность... еще уверенность...

— Все это второстепенное, мой друг, доминанта спасателя — терпение. Понял? Спешить надо медленно, потому что спят ночью на Энифе, к сожалению, не все. Спят только стражи, клювокрылы да мелкие зверьки, но бодрствуют скалогрызы, и один из них минуту назад прошел в трех километрах от Зоны. Но сейчас он на глубине двадцати пяти метров, поэтому нам можно быстренько выскользнуть и исчезнуть.

Он открыл дверь тамбура, потом наружную и осторожно выглянул.

— Давай первым, только не шуми. Не надо, чтобы нас заметили дежурные.

Они теньями перескочили бетонную полосу, включили ингравы и понеслись низко над холмами, следуя изгибам рельефа. «Теперь — ни звука! — передал пси-импульс Диего. — Переходим на мыслеобмен».

«А почему мы покинули Зону тайком? — спросил Неверов, когда они удалились от своего дома на два десятка километров. — Разве это противозаконно — что мы собираемся делать?»

«Законно, но едва ли Доброгнев и его заместители согласились бы на такой шаг... сразу. На уговоры, доказательства и согласование ушел бы не один день и... время было бы упущено. Не волнуйся, малыш, все будет нормально. Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе, как говорил древний мудрец».

Через полчаса полета в кромешной тьме, если не считать теплового излучения почвы и высотных флуктуаций воздуха, они достигли отрогов плато Неожиданного. Диего замедлил скорость, некоторое время регистрировал своей сверхчуткой нервной системой колебания электрических и гравитационных полей, но подозрительного ничего не заметил; далеко от этого места Осиное Гнездо — мозг и энергоцентр энифской цивилизации — излучало волны обычного рабочего состояния и, подчиняясь приказам этого мозга, где-то на другой, освещенной половине планеты стерегли свои кибернетические тайны стражи, дырявили планетарную кору скалогрызы, сотрясали атмосферу грохотом электрических сражений фронты ураганов...

«Все в порядке, — передал мысль Диего. — Ты тоже следи за воздухом, а то тишина здесь ненадежная. И не отставай».

Они снизились так, что ноги иногда цеплялись за камни, и продвигались вперед почти на ощупь, пустив в ход свои ультразвуковые локаторы. Наконец Диего послал предупреждение и мягко опустился у громадной вертикальной стены, экранирующей почти все виды излучений, из-за чего Неверов не мог проникнуть за нее взором. «Что за стена? — просигналил он, опускаясь рядом. — Металл?»

«Молибденовая сталь, — ответил Диего, направляясь к черному на фоне коричневого свечения скал пятну пещеры. — Здесь был когда-то один из информационных центров исчезнувшей цивилизации, эта плита — останки его защиты. Остаешься снаружи, я сейчас».

Он спустился в пробитый лаз в скале, пропал там несколько минут и вернулся.

«Не пройти. Будь у нас время, вибраторы и уверенность в безопасности, мы прошли бы скалу за полдня. Но увы... Там за скалой я четко различаю

полость и контуры какой-то установки. А раз прошло столько времени и она цела, то стражи ее за чем-то берегут. Улавливаешь?»

Неверов честно признался, что не улавливает.

«Это значит, что они должны ее стеречь днем и ночью, и может статься, в данный момент наблюдают за нами издали... вблизи я бы их почувал. Поэтому будем соблюдать осторожность и не шуметь. Во-вторых, должен быть еще один вход в пещеру. Поищем вокруг в расщелинах, разломах, под нависшими пластами. Только не забывай оглядываться, а дырку ищи не меньше этой, остальные проделаны скалогрызами».

Они затратили полтора часа на поиски второго прохода к запрятанному в недрах горы древнему информарию, но безрезультатно. То ли туннель начинался дальше от района поисков, то ли был искусно замаскирован.

«Что, если попробовать проверить узкие дыры? — предложил Неверов, несколько утомленный повышенным расходом нервной энергии. — Я встретил их около десятка, половина без пробок».

«Давай, — неуверенно согласился Диего. — Только вряд ли это что-нибудь даст».

Снова потянулись минуты. Мелькали под ногами крутые и пологие склоны гор, натеки лавовых языков, песчаные плечи и щебнистые осыпи. Чтобы проследить ход скалогрыза в каменной породе, приходилось до предела напрягать радиозрение, и у Неверова вскоре в затылке появилась неприятная ноющая боль. Он постеснялся сказать об этом Диего, но тот сам заметил его состояние.

«Хватит, — сказал он, жестом предлагая посидеть на холодном обломке скалы. — Надо было взять с собой интравизорную технику, понадеялся на себя... Ты вот что, отдохни, а я попробую начать с центра: пощупаю полость и поищу входящие в нее туннели».

Неверов смутился, но подзаряжаться от аккумуляторов, как Диего, он еще не научился, да и боль в голове мешала сосредоточиться, и он лишь неопределенно пожал плечами, соглашаясь с решением разведчика.

Диего умчался в коричневую, постепенно густеющую тьму: скалы остывали все больше, интенсивность инфракрасного свечения падала.

Голова прояснилась через полчаса, ноющая боль растворилась в тревоге за товарища. Два раза Неверов ловил слабые успокаивающие мыслиемпульсы Диего, потом установилась полная тишина, которую хотелось взломать криком и движением. Медленно тянулось время, капля по капле, минута за минутой. Беспокойство Неверова перешло в тревогу. Он сначала несколько раз послал мысленный запрос — никакого эффекта. Тогда он решил поискать Диего в том направлении, которое тот выбрал перед тем, как исчезнуть.

Через несколько минут Неверов неожиданно увидел узкую трещину в базальтовом склоне. Трещина заканчивалась черным, не просматриваемым даже ультразвуком провалом. Из провала не доносилось ни звука, и сочился оттуда едкий запах окислов металла, от которого першило в горле.

Оглядевшись и не заметив ничего подозрительного, Неверов завис над дырой, проследил с помощью своих биодатчиков за извилистым ходом, тонувшим в тумане радиоактивного фона, — глубже, чем на несколько сот метров, ультразвука не хватало, — и плавно скользнул в провал.

Через двести метров петлистый подземный лаз, то сужающийся до толщины человеческого тела, то расширяющийся до многометрового грота, привел разведчика к ровному на удивление и флуоресцирующему туннелю. В сечении туннель был прямоугольной формы, и Неверов понял, что вырублен

он в толще скал неведомыми существами, может быть, и предками современных энифиан.

Неверов снова мысленно позвал Диего, и, хотя тот не откликнулся, все же он неизвестно каким чутьем определил, что Диего здесь был, и был совсем недавно.

С трудом продравшись сквозь выступы жил каких-то минералов в туннель, Неверов отдохнул несколько минут, подкрепился яблоками из ранца НЗ. Потом проверил, куда ведет туннель. Влево коридор уходил, постепенно снижаясь, в неведомые глубины плато и терялся на фоне слабого радиоактивного излучения горных пород; в другой стороне он упирался в какую-то стену, за которой смутно угадывалась целая анфилада пустот. В каждой из этих пещер-пустот находились какие-то конструкции, но разобрать на таком расстоянии детали Неверов уже не мог.

И тут он почувствовал, что за ним наблюдают. Он замер, настороженно обшаривая каменный лабиринт и туннель ультразвуковым зрением, но ничего и никого не обнаружил. Тем не менее чувство постороннего наблюдателя не исчезло, хотя и заметно ослабело. Где-то далеко задрожала гора, подземный скрежет докатился до туннеля слабой вибрацией стен.

«Скалогрыз? — мелькнула мысль. — Наверное, скалогрыз. Отсюда и «взгляд»...»

Неверов включил инграв, уравновесил себя у оси туннеля (три метра — высота, четыре — ширина) и бесшумной торпедой понесся к замеченным пещерам.

Вскоре он достиг тупика.

Туннель в этом месте перегораживала толстая металлическая плита со следами термического воздействия: плита была пробита в центре и оплавлена. Потрогав гладкие натеки металла, Неверов нервно

оглянулся — снова придвинулось ощущение скрытого наблюдения — и протиснулся в пробитую дыру. Пахнуло неостывшим жаром металла и острым запахом окалины — дыру пробили буквально полчаса назад.

«Диего! Это он здесь прошел!..»

Помещение, в которое проник Неверов, было занято решетчатой конструкцией, напоминающей стеллаж. У стен высились груды цилиндриков величиной с толстый человеческий палец. На полу лежал едва ли не метровый слой пыли.

«Откуда пыль? — подумал Неверов. — Ведь в подземелье ей копиться неоткуда».

Он на лету тронул носком ботинка ближний холм пыли, и тот осел, раскатился клубами и волнами, открывая взору кучу странного светящегося тряпья.

«Останки оборудования, — догадался Неверов. — Все, что осталось от содержимого комнаты. Прах!»

Внезапно что-то блеснуло в пыли. Он не поверил глазам — это был «универсал»! Медленно, словно боясь, что видение растает, Неверов поднял с кучи цилиндриков тяжелый пистолет, сжал в руке, бессмысленно глядя на счетчик разрядов — магазин был пуст. Так же медленно положил его в ранец на спине, машинально высыпал туда же горсть цилиндриков — сам в это время ничего не думал, за него «думал» инстинкт разведчика, и вдруг закричал во весь голос:

— Диего!.. Диего, отзовись!

И услышал мысленный зов:

«Уходи, Лен! Опасность! Уходи... Передай нашим, что меня включили в...»

Мысленное сообщение Диего прервалось, и тогда Неверов увидел, как сзади него в одной из пещер зашевелился мрак и потек к нему беззвучным и страшным в своем безмолвии и целеустремленности потоком. Лен крикнул еще раз:

— Диего, дай пеленг!..

Ухнуло гулким эхом, одна из стен покрылась трещинами, выпятилась, словно Неверов криком нарушил прочность стен. Снова ухнуло, где-то родилась и покатила на человека лавина грохота, стена лопнула окончательно, и в образовавшийся пролом вылезла кошмарная голова скалогрыза.

Неверов вскрикнул от неожиданности — левую руку обожгло мгновенным холодом, — метнулся к выходу и выстрелил в яростный дымный гейзер, оживший в дальнем конце пещеры...

Руденко посмотрел на часы: было четыре часа утра по энифианскому времени на широте Зоны и час дня по времени Базы.

— Их нигде нет, — сказал Нагорин. — Дежурные клянутся, что никто из Зоны не выходил, мол, сработала бы сигнализация, но ты же знаешь Диего...

— Черт! Материалов ему не хватало, что ли? К чему этот тайный рейд, если мы все равно собираемся...

— Тише, стражи уже начинают просыпаться.

— Что делать? Искать? Где?

— Мне кажется, он что-то говорил насчет библиотеки... вернее, информационного центра.

— Того, что показывал нам? Оставшегося от прежней цивилизации? Может быть, может быть... Вопросы наши обращены в пространство. Дай сигнал готовности моей группе, я сейчас приду. Да, и разбуди Ждана.

Спустя несколько минут Руденко входил в зал связи, встретив в коридоре одевавшегося на ходу Доброгнева. В зале уже собрались спасатели из группы безопасности, выглядевшие так, будто ждали вызова. У пульта оперативной связи с лагерями исследовательских групп стояли Нагорин, Шелгунов и Генри Лаирн.

— Базу, — сказал Руденко, подходя к пульту.

Тоидзе, разминавший до этого кисти рук, кивнул и вызвал спутник. Виом открыл им вход в командный пост Базы, еще пустой по причине обеденного перерыва. Дежурный инженер поста встрепенулся и вопросительно посмотрел на Тоидзе.

— Джаваира, — так же коротко бросил Руденко.

Несколько минут ожидания прошли в молчании. Наконец в помещении поста Базы появились Торанц и Джаваир.

— Начинаем, — спокойным тоном произнес Руденко. — Откладывать операцию нельзя, только что стало известно: Диего и Неверов отправились ночью в самостоятельный поиск... нет, разрешения, естественно, им никто не давал, это личная инициатива Диего. Из поиска они до сих пор не вернулись, поэтому пускаю в ход сразу экстремальный вариант.

Джаваир молча перевел взгляд на Торанца.

— Твое мнение? — спросил тот начальника спецотдела.

— В консультанты я не гожусь, — ответил Шелгунов, носивший темные очки после лечения, — но, по-моему, Юра прав. Тем более что в обстановке он разбирается лучше нас всех вместе взятых.

— Ясно. Что ж, начинаем. С нашей стороны главным прикрытием будет «Витязь», а с вашей?

— Группа прикрытия на ДМ. Два из них я выпускаю немедленно на поиски Диего, остальные будут барражировать над Зоной. С этого момента конец открытой связи, переходим на код ОЭЛ.

— Конец открытой связи, — повторил Торанц, и виом погас.

— Ко мне есть вопросы? — Руденко посмотрел на собравшихся. — Все теперь будет зависеть от слаженности групп Базы и нас с вами. Группа прикрытия — на старт! Два ДМ — на поиски Диего и Неверова, пилоты — Денисов и Миклашевич; эки-

пажи стандартные, экипировка аварийная. Вылет через три минуты! Провожатым пойдет Шелгунов. Остальным ДМ — старт через десять минут, барражирование вокруг Зоны лесенкой на высотах двести, триста и километр.

Толпа в зале рассеялась, остались начальник исследовательского центра и три спасателя — «резерв главного командования», как назвал их Нагорин.

— Дай мне связь со всеми лагерями, — повернулся к Тоидзе Руденко, подогнал себе кресло по фигуре и уселся у пульта ручного управления всеми системами Зоны.

— Кто из ученых и инженеров сейчас работает в Зоне? — спросил он Доброгнева.

— Механики и энергетики, — вмешался Лаирн. — Всего пять человек.

— Вызвать всех по тревоге, пусть готовятся к операции вместе со всеми. Перейти на дистанционное обслуживание. Всем присутствующим надеть скафандры, всем без исключения. А вы подсаживайтесь ближе. — Руденко оглянулся на Доброгнева и Нагорина. — Будете помогать.

— База на связи, — доложил Тоидзе. — Что передавать?

— Код ОЭЛ. Транспорт прибудет через контрольный срок. Не забыл?

— На память не жалею, — рассердился Тоидзе. Руденко не обратил внимания на его реакцию.

— База, время тринадцать сорок две, пуск программы! Как поняли?

— Тринадцать сорок две, пуск программы, — отозвалась База голосом робота. — Районов посадки — шесть, модулей — шесть, резерв — шесть.

— Принял. Готов. — Руденко повернул голову к Нагорину. — Ну, братцы, сейчас мы, кажется, узнаем настоящую цену уверениям стражей в миролюбии.

Шесть ДМ — десантных модулей типа «Мастифф», шесть блестящих игл, — оторвались одновременно от гигантского цилиндра Базы и стали медленно падать в атмосферу Энифа, выбирая определенные районы финиша, где их уже ждали к эвакуации исследовательские группы. На высоте двухсот метров они притормозили падение и оделись в защитные поля, сразу исчезнув из поля зрения. А потом шесть коротких молний пробили атмосферу планеты в разных местах, и шесть громовых ударов сверхзвукового тарана атмосферы известили стражей о том, как люди умеют производить форсированные финиши своих спасательных кораблей. Центральный мозг энифской цивилизации только решал предложенную ему задачу о вторжении шести независимых друг от друга тел, как снова шесть громов потрясли воздух, и в небе сверкнули шесть молний, ударившись на этот раз с поверхности в небо.

Эвакуация исследователей с Энифа заняла всего три минуты двадцать секунд, и лишь спустя еще несколько минут поняли энифиане, что означают внезапные громы и молнии, созданные людьми.

Зал связи тонул в темноте, виом окна дальновидения казался дверью, открытой в желто-оранжевое утро Энифа.

Люди пристально всматривались в окружающие Зону холмы и гряды, на которых накапливались полчища стражей. Пять конусов земных десантных модулей, круживших вокруг и над Зоной, нисколько не пугали уродливых летающих химер.

— Обнаружил человека, — донесся из динамика сквозь хрипы эфира голос командира поискового патруля. — Похоже, что это Лен Неверов. Координаты: восемь градусов сорок минут северной широты.

ты, сто градусов десять минут восточной долготы. Что делать?

— Где это? — быстро спросил Нагорин.

— Граница террасы Неожиданного плато, — сказал Доброгнев, развернув на экране карту планеты. — Триста с лишним километров.

— Высылаю два «панциря», — сообщил Руденко. — На одном отправьте Неверова на Базу, с другим продолжайте поиски Диего, он должен находиться поблизости. В контакт со стражами вступать, но действия согласовывать со мной.

— Пока что стражи только наблюдают за нами, не вмешиваются. На прямые вопросы о Диего — молчок.

— Разреши, я пойду на одном из модулей, — скороговоркой произнес Нагорин, облизнув пересохшие губы.

Руденко отрицательно мотнул головой.

— Ты ничем не поможешь. Зубавин, бери Младена и к Денисову, быстро!

— Принял, — отозвался Зубавин.

Два модуля на переднем плане пейзажа скачком вознеслись на километровую высоту и растаяли в желтом мареве неба. Оставшиеся три продолжали облет.

— Пора и нам. — Руденко посмотрел через плечо на товарищей. — Вам здесь делать нечего, остаюсь я и... — Он заметил умоляющее лицо Тоидзе и закончил: — И Ваню. Остальные — на Базу.

— Я подожду, пока найдется Диего, — угрюмо сказал Нагорин.

— Нет. — Руденко снова повернулся к пульту. — Герои, от которых нет толку, мне не нужны. Извини за резкость. Григ, сажай свой «панцирь» ближе к Зоне, заберешь всех на Базу. Как понял?

— Сажусь, — коротко отозвался пилот ближайшего модуля, кружившего над Зоной. — С запада

под землей к Зоне идут скалогрызы, штук десять, учтите.

— Учтем, не беспокойся.

Модуль спикировал к Зоне и сел впритирку к главному входу в здание.

— Ждем на Базе, — высказал общее настроение Шелгунов, задержался в зале, хотел что-то добавить, но лишь сжал плечо Руденко, затянутое в гибкий металл скафандра.

— Не задерживайся, — буркнул Доброгнев.

Нагорин промолчал, но Руденко и так знал, что мог сказать главный врач экспедиции.

— Найду Диего и прилечу, — сказал он. — Готовьте шампанское.

Через минуту десантолет принял последнюю партию людей из Зоны и стартовал. В полукилометре над Зоной он окутался в непроницаемое облако силового поля, исчез с экранов. Откуда-то из-за холмов ярко-лиловым пунктиром стеганул воздух мезонный разряд, но время было уже упущено, модуль ушел.

— Поздно спохватились, — с удовлетворением сказал Руденко и подмигнул Тоидзе. — Странно, что энифиане у нас ни о чем не спрашивают. Сбили мы их с толку... Лишь бы Диего нашелся... Душа в пятки не уходит? Все-таки против нас целая планета!

— Против вас, — возразил хитрый Тоидзе. — Я тут ни при чем, я только инженер связи.

Руденко посерьезнел, посмотрел на часы: прошло уже двадцать минут с момента ухода модулей в помощь поисковой группе. Аппаратура на них стояла ультрасовременная, и уж если с ее помощью не удалось отыскать Диего, то он или находился совершенно в другом районе, или был утащен стражами в глубины горных пород.

— Прикрытие, — позвал Руденко два оставшихся модуля, поглядывая на стаю стражей, окружившую здание. — Скалогрызов видите?

— Наблюдаем, — отозвался чей-то хриловатый баритон. — Обходят Зону по периметру на глубине сорока метров, расстояние до стен Зоны триста метров. Идут как по линейке, ходы описали четкий прямоугольник. Вы должны чувствовать вибрацию...

Руденко прислушался.

— Все тихо. Не будь сейсмодатчиков — не поверил бы, что рядом кто-то ведет подземные работы. Сколько их?

— Семь. Три вылезли на поверхность у самой прорвы стражей. Но тут кое-что новое... Примерно на глубине в сто двадцать метров обнаружился странный конус — не то громадный скалогрыз, не то машина. Во всяком случае этот конус движется, хотя и очень медленно. Направление — на Зону. Мощности наших интравизоров не хватает, чтобы рассмотреть детально, что это такое. Может, позвать на помощь крейсер? У них аппаратура помощней.

— Поздно. — Руденко вдруг всем телом ощутил дрожь здания, скалогрызы заработали на всю мощь, руководимые вездесущими стражами. — Смотри-ка, теперь аж все здание трясется! Того и гляди развалимся. Что же они готовят?

— Наверняка какую-нибудь пакость, — сказал Тоидзе. — База на приеме.

В квадрате виома дежурный инженер связи что-то говорил, но голоса его не было слышно. Тоидзе надел наушники.

— Передают, что идет магнитная буря. Кажется, наши переговоры с Базой начинают глушить. Торанц передает, что Неверов поражен электрическим током, доза чудовищная — до некроза тканей, но благодаря своим особенностям будет жить. В сознание пока не пришел, так что о Диего информации нет. Понимаешь, — Тоидзе снял наушники, — у Лена такая саморегуляция организма, что он и без помощи врачей...

— Дальше передавай, — оборвал Руденко неуместные объяснения инженера, видя, как шевелятся губы связиста Базы. — Что еще?

Тоидзе виновато крикнул и снова натянул дугу с наушниками ОЭЛ.

— В ранце Неверова обнаружили «универсал» Диего и цилиндрические кристаллы, Торанц говорит, ты в курсе...

— В курсе, дальше.

— Коммуникаторы-лингвисты взялись за расшифровку записей на кристаллах, вот пока все. Когда ждать вас?

— Скоро.

Руденко прищурился, посмотрел на замершие против громадной стаи стражей два земных корабля, и ему вдруг стало холодно и неудобно, словно он голым оказался в ледяной пещере, и вокруг — только пронзительный блеск сталактитов и нависший ледяной потолок. Думал в это время он о Диего...

Глава 7

Диего отыскать не удалось ни через час, ни через два, ни к концу дня.

Руденко отправил к Базе десантолеты, приказав им не отвечать на атаки стражей, пытавшихся остановить уход землян с планеты, а сам покинул Зону и упорно продолжал поиски исчезнувшего без вести разведчика, будучи уверенным, что тот не даст безнаказанно убить себя, что он жив или, по крайней мере, где-то оставил условный знак. Сами энифиане на запросы людей относительно судьбы Диего Вирты не отвечали, хотя и повторяли все время вопрос: почему прерываете контакт?

За это время специалисты Базы сумели частично расшифровать записи в найденных у Неверова крис-

таллах, и обретенная таким образом информация взбудоражила умы всего увеличившегося населения Базы.

Доброгнев собрал экстренный научный совет, который перерос в дискуссию о моральном праве разумного существа проводить эксперименты над себе подобными. Заключение сделал заместитель председателя Высшего Координационного Совета Земли Молчанов. Он сказал:

— Позволю вам напомнить, что два века назад, когда на Земле существовали государства, в одном из них была такая организация — Центральное разведывательное управление. Оно занималось сбором данных о техническом, экономическом и культурном потенциале своих политических противников, дабы применить эти знания во вред другой стороне, а также готовило и выполняло убийства прогрессивных деятелей других государств, устраивало перевороты, организовывало диверсии и тому подобное. Так вот, в лабораториях этой организации велись эксперименты над людьми с целью подавления их психики, воли, чтобы потом результаты экспериментов помогли кучке негодяев «завладеть миром». Программы этих опытов назывались по-разному: «Синяя птица», «Артишок», «МК-дельта», «МК-ультра» и так далее. Бесчеловечность подобных опытов очевидна, тем более что проводили их такие же люди, как и мы с вами.

К стражам подобная оценка неприменима. Теперь мы знаем, кто они на самом деле — самоорганизующиеся, самопрограммирующиеся биокибернетические системы, нечто вроде конечного продукта синтеза наших универсальных вычислительных машин четвертого поколения с биологическими организмами. Когда-то, сотни веков назад, на Энифе цвела жизнь сродни земной. Единственное ее отличие, наложившее отпечаток на форму симбиоза эко-

логической среды и разумных существ, — более жесткие природные условия. Разум планеты пошел на создание биологических интеллектуальных автоматов и исчез: кстати, не обязательно в результате войн со своим детищем, может быть, он даже вообще покинул планету для чистоты эксперимента. А эволюция этих автоматов привела к расе стражей и их центральному мозгу — Осиному Гнезду.

Уродливость техногенной эволюции стражей также очевидна. У этой машинно-биологической цивилизации нет цели, нет будущего, она бесплодна и обречена, ибо что такое ее главный мозг? — колоссальный по объему, но весьма скромный по возможностям вычислитель с зачатками интеллекта! Он может лишь сохранять, да и то с грехом пополам, уже накопленные знания, а не накапливать и не обрабатывать новые. Отсюда и кажущиеся странными при всей их энергетической мощи ошибки стражей, их отношение к человеку и многое другое. Как может быть человеческой машина, если в ее памяти не заложены понятия добра и зла, морали и этики, совести и гуманизма?..

К сожалению, пресловутый «разум» Энифа — всего-навсего гигантская машина, зашедшая в тупик в попытках самосовершенствования. Одно только отсутствие культуры у стражей говорит само за себя — машине культура ни к чему.

Но есть все же маленькая надежда на то, что энифианская цивилизация не совсем мертворожденное дитя исчезнувших предков. Все попытки стражей проникнуть в сущность эмоциональной стороны деятельности человека указывают на зарождающиеся в них сомнения в том, что они венец творения, на то, что они понемногу стали осознавать ущербность своего развития, вернее, регресса. И не следует ли считать контакт стражей с нами их *криком о помощи*?! Да-да, криком о помощи, несмотря на жесто-

кость эксперимента над Диего и Неверовым, на неразборчивость в средствах и холодный расчет типа: «цель оправдывает средства». Понимаете?

Никто из ученых не смог ответить на этот вопрос, ни историки, ни социологи, ни ксенопсихологи; люди не были готовы к ответу, потому что многих в этот момент занимала мысль о судьбе их товарища, принявшего основной удар энифианского расчета на себя. Только Шелгунов пробормотал про себя четверостишие, странно соответствующее настроению собравшихся в зале спутника и ситуации на планете:

Как ты можешь летать и кружиться
Без любви, без души, без лица?
О стальная, бесстрастная птица,
Чем ты можешь прославить творца?¹

Спустя сутки вернулся с планеты Руденко, буквально перерывший все плато Неожиданное и ближайшие отроги Синих и Красных Гор.

По-прежнему ни на один запрос через аппаратуру Зоны и непосредственно с Базы энифиане не отвечали, на всех диапазонах царило удивительное безмолвие, удивительное уже потому, что атмосфера Энифа была насыщена электричеством и рождала спонтанные магнитные бури и вихри, отзывающиеся всегда в динамиках шумом прибора.

Всегда, но не в этот раз.

Руденко, появившись в командном зале спутника, молча выслушал сообщение Торанца и тут же отдал распоряжение патрульным кораблям понаблюдать за Осиным Гнездом. Торанц согласился с его решением и добавил:

— Надо бы запустить несколько зондов к Зоне, на всякий случай. Стражи не зря копались под ней.

---

¹ А. Блок.

Руденко равнодушно пожал плечами и повернулся, чтобы уйти, и в этот момент случилось неожиданное. Ожил вдруг виом связи с Зоной, и онемевшие связисты увидели в зале Зоны Диэго Вирта.

Только на человека он не походил.

Человеческим у него было только лицо.

— Игорь... — позвал он, обвисая бесформенно-чешуйчатым телом в кресле перед пультом и запрокидывая голову, чтобы не удариться лицом о панель.

— Диэго! — закричал Тоидзе, отчаянно жестикулируя товарищам, чтобы они дали сигнал общего сбора. — Диэго, смотрите!.. Ты меня слышишь, Диэго?!

— Игорь, — повторил Диэго, не слыша инженера. — Кажется, мне конец... Они-таки «встроили» в меня... какую-то штуку... чтобы я подчинялся их приказам... я выдержал, и тогда они стали облучать меня такой дрянью, что больно... вспомнить... доза была слишком велика... но я все же сбежал... сообщить... Игорь, они готовят удар по Зоне и по Базе... Уходите с планеты... на другую орбиту. Они — ошибка создателей... По их машинной мифологии, то, чего они не в состоянии объяснить и понять, — не существует. То есть мы для них — нежить, фантомы, созданные флуктуациями силовых полей, возникающих при работе Осиного Гнезда... их «мозга»... Они так ничего и не поняли в нашей жизни, поэтому решили уничтожить свой затянувшийся «сон». Уходите...

Диэго совсем обвис, и запрокинутое его лицо так и осталось смотреть в потолок остановившимся взглядом. Потом раздался щелчок, и виом погас.

Руденко прыгнул к пульту, рванул Тоидзе за плечо:

— Связь, Ваню, ну же — связь!

— Не работает, Юра, — беспомощно пожал плечами тот, пытаясь восстановить прием. — В Зоне вырубил передатчик.

— К Зоне подходит ураганный фронт, — вмешался в разговор голос командира крейсера «Витязь», курсирующего у границ атмосферы Энифа. — Мощностность до пятнадцати баллов по шкале 22.

Руденко думал несколько секунд, не сводя яростного взгляда с ругавшегося вполголоса Тоидзе. В зал ворвался бледный Нагорин, подбежал к пульту:

— Нашелся?!

Руденко очнулся от своего короткого раздумья и наклонился к панели экстренных распоряжений, нажал ярко-красную кнопку.

— Внимание, База! Объявляю минутную готовность к старту на параболу три мегаметра в периастрии! «Витязь», будь готов к ТФ-старту и усиль наблюдение за Зоной! Дежурные обслуживания ДМ: освободите шахту номер один к аварийному запуску! Все!

В коридорах Базы коротко провыли ревуны: пилоты предупреждали пассажиров спутника о необходимости соблюдать осторожность при старте с орбиты. В зале все схватились кто за что мог, многие просто сели на пол. Один Руденко не стал искать опоры, только прочнее уперся ногами в пол.

Толчок! Другой! Эниф пошел влево и вниз, уменьшаясь в размерах. База уходила с планеты.

В зал набилось много сотрудников Базы, среди которых уже распространился слух, будто Диего Вирт только что разговаривал из Зоны. Среди них были и Анна Вирт, и невеста Лена Неверова, потерявшая свой самоуверенный лоск.

Руденко подошел к этой молчаливой стенке и остановился, встретив слепой от боли взгляд Анны.

— Я не имею права требовать, — глухо сказал он, опуская голову и бледнея от усилия сдержаться. — Я прошу... Кто из вас пойдет со мной вниз за Диего?

Он подождал, глядя в пол и вызывая в памяти то насмешливо-ироничное, то буднично-спокойное, то

каменно-бесстрастное лицо Диего, того Диего Вирта, какого он знал.

— Нужен опытный пилот... Риск смертелен... может быть, даже уже поздно. Но там остался Диего, и мы должны, обязаны его... — Руденко нечаянно взглянул в сторону Анны и поразился перемене выражения ее глаз: в них был вопрос, отчаянное страдание и надежда.

Люди молчали, каждый взвешивал свое решение, поторопиться и переоценить свои силы — означало обречь на поражение спасательную операцию в самом начале. Потом из тесной группы спасателей вышел невысокий, худощавый и незагорелый юноша, почти мальчик.

— Разрешите, я пойду?

Руденко криво усмехнулся.

— Спасибо, но я же сказал — опытный... — Он встретился с бездонно-черными глазами юноши и не закончил.

— Меня зовут Святослав, я из бригады обеспечения спецотдела. Диего — друг моего отца, это все равно что отец. У меня сертификат пилота первого класса. Идемте...

Руденко беспомощно оглянулся.

— Это сын Грехова, — буркнул почерневший от тревоги и забот Нагорин и отвернулся.

Руденко снова посмотрел на хрупкого с виду молодого человека, оглядел с ног до головы, словно оценивая его возможности, и отчаянно махнул рукой:

— Поехали!

Они нашли его в коридоре на втором этаже Зоны. По-видимому, Диего на короткое время пришел в себя и пытался ползти к выходу, прежде чем снова впасть в беспамятство.

Руденко с содроганием осмотрел его жуткое, исковерканное неведомой пыткой и борьбой с самим собой тело и, не найдя рук, подхватил под спину ближе к голове.

— Берись, — кивнул он Грехову.

— Робот, — дрогнувшим голосом произнес тот.

— Что?!

— С нами робот-универсал, дайте ему команду...

— Справимся сами, берись.

Святослав взял Диего за наросты, отдаленно напоминавшие ноги, и поднял. От толчков Диего открыл рот, сказал: «Уходите... от планеты...» — и снова замолчал.

Они с трудом втащили разведчика в рубку модуля, не обращая внимания на яростные атаки стражей: робот-универсал исправно нес службу охранителя, прикрывая их сверху.

— Скоро здесь будет буря, — пробормотал Руденко, глядя на приближавшуюся к Зоне черную стену, окаймленную короной электрических разрядов. — Мы опередили ее на полчаса. Ну, отдохнул? Давай положим его в кресло.

Они снова взялись за тело Диего, тяжелое и необычно горячее.

— Уходите, — четко выговорил тот, заставив их вздрогнуть и посмотреть друг на друга, а потом на застывшее спокойное лицо.

Модуль вдруг сотрясся: по его защитному полю ширкнул огненный язык и ушел в стену Зоны, проделав в ней оплавленный черный шрам.

Руденко скрипнул зубами и бросился из рубки, крикнув на бегу:

— Привяжи его и последи за воздухом.

Грехов бережно опустил голову Диего на спинной валик кресла и закрепил ремни безопасности. Потом подсел к пульту и навел координатную планку стационарного излучателя антиметеоритной

защиты чуть выше здания Зоны с тем, чтобы накрыть всю стаю стражей, если та вознамерится напасть на человека.

Время от времени то один, то другой из двух сотен стражей пикировал ко входу в Зону и отлетал в сторону, встречая защитное поле робота.

Руденко выскочил из Зоны через двадцать минут и нырнул в люк модуля, как пловец в воду.

В рубке он бегло оглядел почти полностью потемневший небосвод, недобро усмехнулся:

— Приостановили ураганчик-то? Это потому, что мы прилетели, надеются на что-то... Ничего, пташечки, я вам тоже сюрприз приготовил! Слава, давай поднимайся. Поспокойней только, время у нас есть.

На пульте мигнул зеленый квадрат, раздался голос автомата-дешифратора:

— ДМ, вы в створе моих антенн, помощь нужна?

— Спасибо, «Витязь», — отозвался Руденко, нажимая сенсор. — Через час выползаем на орбиту, готовьте врачей. И уберитесь, пожалуйста, с трассы. Диего прав, стражи подготовили удар по Базе, причем хотят использовать для этого Зону, у них под Зоной сделано нечто вроде фокусирующего многовиткового отражателя, к которому подходят шесть энергопроводов.

— Базу им теперь не достать, а крейсер вообще орешек не по их зубам. Почему медлите? Уходите быстрее, на такой дальности мы не сможем прикрыть вас надежно.

— Терпение, «Витязь», терпение, дайте мне несколько минут...

Грехов осторожно поднял модуль над Зоной, и тотчас же несколько сильных ударов, сопровождаемых яркими вспышками, потрясли корабль.

Руденко ничего не предпринимал, положив руки на панель управления противометеоритной защитой,

только один раз оглянулся на застывшего Диего и снова стал смотреть на уменьшающуюся в размерах Зону.

— Останови-ка, — сказал он негромко, когда они достигли километровой высоты. — У нас еще есть две минуты...

Грехов, не задавая вопросов, остановил в воздухе модуль. Туча стражей, сопровождавшая корабль, немедленно поднялась над ними и построилась в правильную вертикальную колонну.

На пульте мигнул тревожный оранжевый сигнал, и автомат сообщил:

— Тангенциальное увеличение массы, даю отбой старту!

— Отстрел автоматики! — среагировал Грехов. — Перехожу на ручное!

— Стражи. — Руденко поднял взгляд. — Хотят посадить обратно. Сделай вид, что подчиняешься, иди вниз ровно десять секунд, а потом сделай так, чтобы мы оказались над стражами.

Грехов кивнул и застыл над пультом, положив руки на двурогий штурвал ручного управления.

Руденко с уважением посмотрел на его напряженно-сосредоточенное лицо, напоминавшее ему чем-то лицо Диего. Этот мальчик для своих двадцати с небольшим лет имел самообладание взрослого опытного спасателя, в нем угадывался стержень воли и самоконтроля — то же владение собой и чувство собственного достоинства, что отличало и Диего Вирта.

Модуль медленно, рывками дополз до намеченного рубежа, притормозил.

Стражи над ним завозились, сдвинули строй плотнее, и в это время Грехов сделал стремительно-сложное движение, на которое модуль отозвался немыслимым пируэтом в воздухе, сделал двойной скачок из горизонтали в вертикаль и обратно, и вся стая стражей оказалась под ним.

В ту же секунду поверхность планеты под модулем на многие километры окуталась странным полупрозрачным светящимся туманом, необычная глухота навалилась на людей, протяжно застонала и зазвенела броня корабля, отзываясь на чудовищный энергетический удар.

Модуль провалился вниз сразу на двести метров, подпрыгнул на столько же вверх и закачался на волнах «гравитационного прибора».

Сияние под ним погасло, вместо него вспыхнула черная, в багровых языках пламени туча, выбросившая отростки и щупальца на десятки километром в стороны.

Низкий гул поднимался снизу, грозный гул небывалого бедствия, сквозь помехи с трудом пробился в рубку голос командира крейсера, вызывающего модуль:

— ДМ, ДМ, что случилось?! Почему молчите? Я вас не слышу, ДМ...

— Все в порядке, «Витязь», — пробормотал Руденко, блестя сухими, покрасневшими глазами. — Я возвращаюсь. Зона уничтожена, опасности нет.

— Что это было? — тихо спросил Святослав Грехов.

— Зона превратилась в излучение. Взорвана...

— Кем? Стражами?

— Мной.

— Зачем?

«Действительно, зачем? — подумал Руденко. — Ты прав, мальчик. Этот бессмысленный жест мести равнозначен жесту отчаяния, я забыл об этом...»

— Игорь, — прошептал, дернувшись в кресле, Диего; жизнь трудно покидала его. — Быстрее уходите... они... за ними стоят... их создатели...

Руденко выбрался из кресла, опустился на колени у «ног» разведчика и прижался к ним горячим лбом.

— Уводи шлюп, Слава, догоняй Базу. Нас ждут врачи.

Грехов кивнул, отворачиваясь, и в это время модуль на полном ходу словно воткнулся в каменную стену! Инерционный удар был страшен. Носовые локаторы, энергокамеры и двигатели были сплющены и разрушены, ходовая часть кормы превратилась во вспышку света, все силовые и сигнальные цепи автоматического «скелета» корабля порвались и замкнулись, и только рубка управления, представлявшая собой капсулу высшей защиты и снабженная поглотителями инерции, уцелела.

Экраны ослепли, координатор выбросил на пульт красные огни, сухо отрапортовал:

«Нуль энергоресурса! Все системы корабля не работают!» — и замолк.

— «Витязь», слышишь меня? — позвал Руденко. Ответа не последовало.

В рубке разливалась шуршащая тишина, прерываемая изредка зуммерами аварийных автоматов.

— Что случилось?! — Грехов повернул к Руденко недоумевающее лицо.

Руденко прислушался.

Где-то далеко за стенками рубки зародился странный шум, словно захлопали крылья лебединой стаи, вызывая в памяти образы земных птиц — образы стражей. Стены рубки вспенились, стали таять с отчетливым стеклянным хрустом. В глаза ударил чистый голубой свет, превратился в голубой туман, сгустившийся над головой в пелену ровного неяркого свечения. Даль раздвинулась, взору представилось убранство гигантского зала, поразившего своей неземной геометричностью.

Руденко встретился взглядом с Греховым и пожал плечами: он ничего не понимал, хотя подсознательно все время ждал необычных событий.

Перед ними, сидящими в креслах, на месте раставшего пульта вдруг сгустилась темнота, приняла очертания странного двуногого существа, облик которого в течение нескольких секунд претерпел множественную трансформацию, пока не остановился на человеческом теле.

На коммуникаторов смотрел суровый молодой человек, в котором Руденко не сразу признал себя.

— Берегитесь! — сказал вдруг Диего так, что Руденко вздрогнул, посмотрел на разведчика, но тот был без сознания, за него сейчас говорило великое чувство долга, не измеримое никакой мерой, кроме силы духа.

Двойник начальника отряда безопасности неслышно подошел ближе и остановился в двух шагах, глядя на беспомощного Диего Вирта, потом перевел взгляд на Руденко:

— Кажется, мы несколько опоздали...

«Витязь» подходил к Базе, когда с возвращающимся модулем, преодолевшим притяжение Энифа, вдруг произошло необъяснимое: на скорости в два километра в секунду он... сплюснулся буквально в лист и взорвался! Впечатление было такое, будто он воткнулся в толстую прозрачную стену, хотя локаторы крейсера никаких стен в этом месте не видели.

А потом между Базой и горящим модулем сформировалась — не возникла мгновенно, а именно «выкристаллизовалась» из вакуума — стокилометровая фигура, напоминающая ракетку для бадминтона с четырьмя ручками.

Крейсер ощутимо кинуло вперед.

— «Витязь», что там произошло? — донесся голос Нагорина, не отходившего от экранов.

— ДМ-два взорван, — доложил Ненароков, в то время как готовые к аварийным ситуациями экипа-

жи и автоматы обрабатывали стандартную вводную внезапно возникшей угрозы. — Базе тревога по форме «экстра»! Между ДМ и крейсером появились непрощенные грести. Пытаюсь спасти экипаж модуля

В течение последующих минут экипажи Базы и крейсера действовали в соответствии с обстановкой.

Координатор крейсера рассчитал маневр, характеристики хода и защиты, способ захвата горящего модуля, оптимальный выход из-под колоссальной «ракетки» чужого корабля и начал маневр. Кибинтеллект Базы отделил от основного спасаемого блока секции, затрудняющие маневр и защиту, и приготовился к режиму «спасайся и беги», упрятав людей в капсулу-отсек высшей защиты.

«Витязь» вышел точно под «ракеткой» пришельца, но модуля Руденко там уже не было.

Вместо догорающего разведшлюпа на его месте вырос переливающийся всеми цветами радуги километровый «мыльный пузырь», заполненный роем ослепительных звезд.

— Щуп! — скомандовал командир крейсера.

«Витязь» выстрелил десятиметровой стрелой пробоотборной ракеты и тут же получил весомую «оплеуху» массой в полторы тысячи тонн.

Ракета успела пройти половину расстояния до «мыльного пузыря» и превратилась в язык оранжевого пламени.

— Панцирь! — невозмутимо сказал Ненароков, на экране которого сходились сейчас все исполнительные цепи крейсера.

«Витязь» выплюнул горбатый диск панцирного модуля, способного противостоять ядерным взрывам, и снова тяжелый силовой шлепок настиг крейсер, погасил защитным полем. Модуль достиг границ «мыльного пузыря» и исчез, связь с ним оборвалась. «Пузырь» скачком съезжился и вознесся к близкой

решетчатой плоскости «ракеты», метнулся в одну из ручек в семьдесят километров, пропал.

— Они забрали ДМ, — сообразил инженер защиты.

— Сила последнего удара? — жестко отрезал Ненароков.

— Две сто.

— Запас на отражение?

— Стократный плюс столько же на поглощение, характеристики поля в машине.

— База, иду на «абордаж»! — тяжело проговорил Ненароков. — Уходите на параболу, как и рассчитывали, энергозапас гостей выше, чем у вас.

— Принято, — сказал Нагорин; из-за его спины выглядывали Торанц и Доброгнев. — Только кажется мне, что это не гости, а хозяева, больно смело себя ведут.

— Что ты хочешь сказать? — буркнул Доброгнев.

— То, что сказал. Это настоящие хозяева Энифа. Не знаю только, почему они объявились так поздно. Боюсь, «абордаж» не получится, уводи крейсер, Миша.

— Я все же попробую, — без улыбки сказал Ненароков. — Мы с ними на равных, пусть поздороваются и скажут, чего хотят. Вежливость — слава сильных.

«Витязь» начал разгон.

У Руденко внезапно сильно закололо в висках. Боль сняла нервный тик и успокоила: он не грезил и не спал.

Псевдо-Руденко прошелся перед замершими людьми, прислушался к чему-то в себе или в пространстве, усмехнулся.

— Вас пытаются отбить. Неоправданный риск. Вы всегда так поступаете? Эниф — наш дом, пусть

старый и полузабытый, брошенный предками много тысяч лет назад, но дом. Той информации, которой мы располагаем к настоящему времени, — она передана теми, кого вы называете стражами, — вполне достаточно, чтобы уничтожить вашу экспедицию.

Но мы решили выслушать вас ради исключения ошибки. Стражи — дети давнего эксперимента, а значит, наши дети, незаслуженно забытые, может быть, брошенные на произвол судьбы, не имеющие возможности выбраться из тупика механоэволюции. И вот приходите вы и, не разобравшись в ситуации, вместо того, чтобы помочь...

Руденко покачал головой, переборол спазм горла и желание выругаться, боль Диего стала и его болью, и это было главным сейчас.

— Мы не боги, — хрипло сказал он. — Мы далеко не всемогущи и не всегда способны предвидеть последствия своих действий, бываем жестокими и беспощадными, часто не правы и несправедливы... Мы веками грабили и убивали, лгали и предавали друзей! Было... Было! Но это мы создали шедевры музыки и живописи, сражались за свободу и независимость, отдавали жизни за друга и ради истины, ради правды и справедливости. Это мы способны на прекрасные порывы!

Пусть мы до сих пор несовершенны, противоречивы и способны ошибаться жестоко и больно, но не потому же мы люди, что имеем руки, и ноги, и голову!

А потому, что находим в себе силы на доброту и любовь, на заботу о ближнем, на вдохновение, и поиск счастья, и стремление к совершенству, которое ничего не стоит, если только оно не от сердца!..

Пришелец, задумавшись, молчал.

— Разберитесь в себе, — продолжал Руденко шепотом, борясь с болью в затылке. — Может быть, вы

более жестоки, потому что мы своих детей не бросаем. Вы можете нас уничтожить, но едва ли это будет мудрым решением, достойным истинных творцов.

— Вы только что уничтожили около тысячи существ, виноватых лишь в том, что они не поняли вас. Или месть вы считаете достаточно мудрым решением?

— Тогда убейте меня! — Руденко медленно, с трудом встал. — Но отпустите с миром моих друзей, тех, кто умнее и гуманнее меня и кто испытал на себе жестокое любопытство ваших детей. Я не знаю, способны ли вы читать в душах, но вот я стою перед вами, защищенный только броней совести, умея ошибаться и падать, слепо и жестоко. И подниматься. И идти дальше.

Прочтите меня, проникните во все тайники памяти, убедитесь во всем, что я уже сказал, и поймете, что не только мы, но и вы далеки от совершенства...

Пришелец отступил на шаг, не сводя задумчивого взгляда с лица Руденко, посмотрел на Диего Вирта, и в глазах его родилась неуверенность. Руденко ободряюще кивнул пилоту, закрыл глаза и вспомнил:

Блеснет в глаза зеркальный свет,
И в ужасе, зажмурия очи,
Я отступлю в ту область ночи,
Откуда возвращенья нет...¹

---

¹ А. Блок.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПОВЕДНИК СМЕРТИ. Повесть	7
ХРОНОВЫВЕРТ. Повесть	237
ОТКЛОНЕНИЕ К СОВЕРШЕНСТВУ. Повесть	321

Г61 Головачев В.В.
Заповедник смерти: Повести. — «Классическая библиотека приключений и научной фантастики». — М.: Центрполиграф, 1996. — 486 с.

ISBN 5-218-00169-4

Повесть «Заповедник смерти», давшая название сборнику, привлекает остротой сюжета. В отрезанной от мира горной долине отряд альпинистов-скалолазов случайно наталкивается на секретную лабораторию международной наркомафии, где насильно удерживаемых людей пытаются зомбировать, наделить сверхчеловеческими способностями. Разворачивается жестокое противостояние.

Герои двух других произведений — космонавты, отправляющиеся в полные неизведанного экспедиции к далеким звездным мирам.

ББК 84.Р7

Литературно-художественное издание

**Василий Васильевич
Головачев**

ЗАПОВЕДНИК СМЕРТИ

Повести

Редактор *Д. О. Хвостова*

Художественный редактор *А. И. Моисеев*

Технический редактор *В. Ф. Нефедова*

Корректор *О. А. Левина*

ЛР № 064206 от 10.08.95 г.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 29.07.96.

Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная.

Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 26.04.

Уч.-изд. л. 21,1. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2701

**Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18**

**ГМП «Первая Образцовая типография»
113054, Москва, Валовая ул., 28**

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВACHEB

•
ЗАПОВЕДНИК
СМЕРТИ

СПБ